

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2023

№ 83

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Аизикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Uglyumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Донскова Ю.В., Курилова А.Д. Семантико-когнитивная репрезентация концепта «болезнь» в современном российском медиапространстве (на примере COVID-19)	5
Казакевич О.А., Старикова Г.Н. Китай и китайцы в русских посольских отчетах XVII века	21
Каменева В.А., Картавцева А.П., Коломиец С.В., Морозова И.С. Образ родины в языковом сознании шорцев Кузбасса школьного возраста (на примере ассоциативных полей «Родина» и «Горная Шория»)	51
Мищенко О.В. К этимологии рус. <i>пёрка</i> ‘сверло’	67
Остапчук О.А. Идиолектальное и узуальное в ситуации контакта: польско-украинский литературный билингвизм в середине XIX в.	84
Самохин И.С., Огуречникова Н.Л. Номинация людей, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, в современном русском языке	100
Тубалова И.В., Наземцева М.А. Дискурсообразующий статус концепта <i>свобода</i> в тексте правового документа	120

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дмитриева М.И. Образы сиенцев и флорентийцев в зеркале городской литературы XIV века	144
Долгорукова Н.М., Любавина А.А. Жё-парти Тибо Шампанского и Адама де ла Аля: от любовной метафорики к метафорике экономической	162
Жданов С.С. Пространство Германии в травелоге Н.И. Гречи «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году»	178
Нургали К.Р., Сиряченко В.В. Рецепция творчества А.П. Чехова в Казахстане	204

ЖУРНАЛИСТИКА

Долгова Ю.И., Федорова В.С. Контент-стратегии российских универсальных телеканалов в условиях перехода на цифровое телевидение	234
Салихова Е.А. Игровой контент в медиапотреблении «учащейся молодежи»: результаты опроса	257

РЕЦЕНЗИИ

Мишанкина Н.А. Рецензия на книгу: Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: в 2 т.: монография / под науч. ред. Н.Д. Голева, отв. ред. Л.Г. Ким. Кемерово, 2021	279
Рац И.М. Новый подход к изучению послереволюционного творчества И.А. Бунина. Рецензия на книгу: Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода: [монография] / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Литфакт, 2019. 340 с.: ил. (Академический Бунин; вып. 2)	290

CONTENTS

LINGUISTICS

Donskova Yu.V., Kurilova A.D. Semantic-cognitive representation of the concept “disease” in the modern Russian media space (on the example of COVID-19)	5
Kazakevich O.A., Starikova G.N. China and the Chinese in Russian embassy reports of the 17th century	21
Kameneva V.A., Kartavtseva A.P., Kolomiets S.V., Morozova I.S. The image of the motherland in the language consciousness of school-age Shorians of Kuzbass (on the example of the associative fields “Homeland” and “Mountain Shoria”)	51
Mishchenko O.V. On the etymology of the Russian <i>pyorka</i> ‘drill bit’	67
Ostapchuk O.A. Idiolectal variation and usage in the contact situation: Polish-Ukrainian literary bilingualism in the mid-19th century	84
Samokhin I.S., Ogurechnikova N.L. Nominating people with serious health conditions in contemporary Russian	100
Tubalova I.V., Nazemtseva M.A. The discourse-forming status of the concept <i>freedom</i> in legal document text	120

LITERATURE STUDIES

Dmitrieva M.I. Images of the Sienese and the Florentines in the mirror of urban literature of the 14th century	144
Dolgorukova N.M., Lyubavina A.A. The jeux-partis of Theobald IV of Champagne and Adam de la Halle: From love metaphor to economic metaphor	162
Zhdanov S.S. German space in Nikolay Gretsch’s travelogue “Journey to France, Germany and Switzerland in 1817”	178
Nurgali K.R., Siryachenko V.V. Reception of Anton Chekhov’s oeuvre in Kazakhstan	204

JOURNALISM

Dolgova Yu.I., Fedorova V.S. Content strategies of Russian general-interest channels in the transition to digital television	234
Salikhova E.A. Game content in the media consumption by studying youth: Survey results	257

REVIEWS

Mishankina N.A. Book review: Golev, N.D. (ed.) (2021) <i>Sotsial’nye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz</i> [Social networks: Complex linguistic analysis]. Kemerovo: Kemerovo State University.....	279
Rácz I.M. A new approach to the study of the post-revolutionary art of Ivan Bunin	290

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/19986645/83/1

Семантико-когнитивная репрезентация концепта «болезнь» в современном российском медиапространстве (на примере COVID-19)

Юлия Викторовна Донскова¹, Анна Дмитриевна Курилова²

^{1, 2} Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
(Сеченовский университет), Москва, Россия
¹ mehetabel@mail.ru
² akurilova@mail.ru

Аннотация. Делается попытка определить особенности концептуальной репрезентации болезни COVID-19 в российской медиасреде, выделить ассоциативные, тематические и смысловые ряды, которые складываются вокруг данного понятия в отечественном медиапространстве. Рассматривается феномен всплеска лингвокреативности в связи с пандемией, проявившийся в создании неологизмов и окказионализмов, трансформации фразеологизмов и других видах языковой игры. Отмечена динамика языкового отражения пандемии COVID-19 в общественном сознании.

Ключевые слова: ковид, болезнь, концепт, семантико-когнитивная репрезентация, семантический ореол, ассоциативное поле, медиасреда, лингвокреативность

Для цитирования: Донскова Ю.В., Курилова А.Д. Семантико-когнитивная репрезентация концепта «болезнь» в современном российском медиапространстве (на примере COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 5–20. doi: 10.17223/19986645/83/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/1

Semantic-cognitive representation of the concept “disease” in the modern Russian media space (on the example of COVID-19)

Yuliia V. Donskova¹, Anna D. Kurilova²

^{1, 2} I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation
¹ mehetabel@mail.ru
² akurilova@mail.ru

Abstract. The article deals with a representation of the semantic halo of the disease COVID-19 in the Russian media environment. The semantic halo is defined as a

circle of additional meanings, associations and images generated by public consciousness and complementing the basic lexical meaning of the word. The article aims to highlight the associative, thematic and semantic series that form around this concept in the Russian media space, to trace the formation of the semantic halo of the coronavirus pandemic. The method of semantic and psycholinguistic analysis of articles in Internet publications, online versions of printed publications, Telegram channels and other forms of media was used in the study. The choice of sources is due to the desire for the widest possible coverage of the Russian media space in order to obtain a more complete picture of the semiotics of the disease. The authors trace the dynamics of the linguistic reflection of the COVID-19 pandemic in the public mind. They consider the phenomenon of a growth in linguocreativity in connection with the pandemic, manifested in the creation of neologisms and occasionalisms, metaphorization, transformation of phraseological units and other types of language game. They note the expansion of the semantic halo of COVID-19 as a result of nominative processes, which include the creation of new vocabulary and the rethinking of special professional vocabulary. The authors state that neologisms with ironic connotations are used as a compensatory psychological mechanism to demonstrate a dismissive attitude towards danger. As a result of the study, the authors infer that the negative semantic halo of the concept "COVID-19" intersects with the lexico-semantic fields "war", "crime", "death". The following components of the semantic halo of COVID-19 were identified: "fatal disease" (semantic associations with AIDS), "isolation" (semantic associations with the affected area or prison area), "physical disability" (strong associations with impaired sense of smell). The authors also revealed a tendency to supplement the negative spectrum of the semantic halo of the disease with positive elements ("development of remote forms of employment", "formation of a new reality on a global scale"). Prospects for further research in this area are associated with monitoring linguistic responses to the development of the pandemic, identifying new elements of the semantic halo of the disease, and learning the dynamics of its formation.

Keywords: COVID-19, disease, concept, semantic-cognitive representation, semantic halo, associative field, media environment, linguistic creativity

For citation: Donskova, Yu.V. & Kurilova, A.D. (2023) Semantic-cognitive representation of the concept "disease" in the modern Russian media space (on the example of COVID-19). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/1

Введение

Болезнь всегда была объектом исследования самых разных областей знания: от медицины до гуманитарных наук. Их объединяет семиотика, поскольку болезнь имеет семиотический код не только в сугубо медицинском (признаки и симптоматика болезни), но и в филологическом смысле. В настоящем исследовании мы сосредоточимся на ассоциативных, тематических и смысловых рядах, которые складываются вокруг определенной болезни в современном медиапространстве, формируя некий семантический ореол из ассоциативных полей. Под ассоциативным полем мы понимаем круг дополнительных значений, оттеняющих основное лексическое значение слова, ассоциативные и образные ряды, пересечения со смежными смысловыми полями. Цель исследования – определение когнитивных признаков и ассоциативных полей, специфических для репрезентации COVID-19 и дополняющих базовый концепт «болезнь».

Известно, что комплекс представлений о здоровье отражает универсальные ценностные ориентации, присущие человеку. Здоровье осознается как основное условие благополучного существования личности и общества, одна из важнейших общечеловеческих ценностей. Болезнь входит в бинарную оппозицию «здоровье / болезнь» как понятие, противоположное здоровью. Существует также семантическая связь понятия болезни с бинарными оппозициями живое / мертвое, жизнь / смерть, радость / горе, хорошее / плохое, счастье / несчастье, так как наличие или отсутствие болезни получает эмоционально-оценочную окраску и соотносится с позитивным или негативным членом данных оппозиций.

В мировой культуре можно выделить несколько болезней, восприятие которых в общественном и культурном сознании связано с ярко выраженными ассоциативными полями: проказа (лепра), чума, холера, туберкулез (чахотка), рак, ВИЧ-СПИД. Последний называли чумой XX в. В XXI в. к этим заболеваниям добавился коронавирус (ковид), распространение которого сопровождается небывалым всплеском языкового и визуального креатива. Беспредентные перемены в обществе, вызванные пандемией коронавирусной инфекции, не могли не отразиться на сфере речевой коммуникации.

В настоящей статье рассматриваются дискурсивные и когнитивные особенности репрезентации болезни COVID-19 в российской медиасреде. Материал был отобран методом сплошной выборки из интернет-изданий и онлайн-версий печатных изданий РБК, «Коммерсантъ», «Известия», «Российская газета», «Вести.Ру», «Московский комсомолец», Gazeta.ru, RT и др. К исследованию привлекались также контент различных форм медиапространства (социальная реклама в городской среде) и материалы из Telegram-канала «Безвольные каменщики» (автор – Ирина Якутенко, биолог и научный журналист). Выбор источников продиктован стремлением максимально широкого охвата российского медиапространства для получения более полного представления о формировании семиотики болезни в общественном сознании.

Методология

В исследовании применялись методы когнитивно-семантического анализа, концептуального анализа. Особое внимание уделялось не смысловому ядру концепта «болезнь», а ассоциативным полям, образующим периферию концепта и специфическим для репрезентации COVID-19.

Анализ проблемы

Актуальность изучения лингвистических аспектов концептуализации COVID-19 в медиадискурсе подтверждается растущим интересом к этой теме в научном сообществе. Проводятся научные конференции, среди которых – чтения ИЛИ РАН «Неологизмы 2020 г.: язык коронавирусной эпохи», прошедшие в декабре 2020 г., публикуются статьи, посвященные связанным с пандемией номинативным и когнитивным процессам в русском языке. Важным итогом

коллективной работы лексикографов стал «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», выпущенный ИЛИ РАН в 2021 г. В словаре представлено около 3 500 слов, появившихся или актуализированных в период эпидемии. Как отмечено редакционной коллегией в предисловии к словарю, «...такой языковой карнавал, такой лингвистический “пир”, который происходил на страницах СМИ и Интернета во время “чумы XXI века”, как лингвопсихологическая реакция на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 и особенно – на карантин и самоизоляцию, обусловленные ею, безусловно, заслужил самостоятельного, целенаправленного и обобщенного анализа» [1. С. 4].

Исследованию неоднократно подвергалось освещение новой эпидемии в средствах массовой информации, в частности в сетевых медиа. Так, В.И. Карасик выделил различные виды реакций СМИ на новую угрозу человечеству в самом начале эпидемии: «...распространение информации о положении дел, эмоциональный отклик на новости, попытки найти рациональные или иррациональные объяснения случившемуся, советы и рекомендации, сведение информации к комическому абсурду и откровенный троллинг интернет-сообщества ради сомнительного самоутверждения» [2. С. 31].

Важность лингвистического анализа публикаций в сетевых медиа на темы, связанные с пандемией, осознается во всем мире. Так, социальные сети были признаны основным источником информации о пандемии. В результате психолингвистического анализа сетевого контента были выделены личностные характеристики участников дискурса, рассмотрены их ментальные и эмоциональные реакции на COVID-19 [3]. Изучение публикаций в медиаресурсах позволило сделать вывод об «инфодемической опасности», угрожающей обществу, и указать на необходимость более активного внедрения авторитетной медицинской информации в сетевое пространство [4–6]. Помимо этого, актуальным аспектом анализа стало изучение блогов и форумов социальных групп, еще до пандемии испытывавших психологические проблемы [7]. Так как в обществе в целом пандемия вызвала усиление тревожности, подавленности, депрессивных состояний, внимание к наиболее уязвимым в психологическом отношении группам населения, например к страдающим расстройством пищевого поведения, безусловно, необходимо. Лингвистический анализ высказываний, комментариев на специализированных ресурсах может применяться для мониторинга психологического состояния пациентов.

Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных языковому отражению пандемии в медиаресурсах, пока можно говорить только о самом начале исследования темы концептуализации COVID-19. Семантика «ковида» как болезни, изменяющей мир, постоянно обогащается новыми смысловыми оттенками, пересекается с другими смысловыми полями, вызывает новые ассоциации.

Ассоциативное поле «ВИЧ / СПИД»

Концептуальными составляющими освещения темы коронавируса в российской медиасреде являются следующие элементы: неясное происхож-

дение заболевания, опасность для человека, отсутствие единых и четко объясненных методов лечения, некая табуированность информации о количестве заболевших (реальная или мнимая), а также в ряде случаев невозможность открытого заявления о болезни по причине негативной реакции со стороны. Возникновение новой болезни, быстро получившей глобальное распространение, актуализировало апокалиптические настроения, в целом характерные для сознания людей, живущих в переломные исторические эпохи.

Подобное восприятие болезни коррелирует с восприятием эпидемий чумы в прошлом. Тайна распространения инфекции, неизвестные механизмы заражения и развития болезни придавали понятию чумы мистические коннотации. Чума воспринималась как Божья кара, а здоровье осознавалось как счастье и награда. Так, Сьюзен Сонтаг в книге «Болезнь как метафора» сообщает со ссылкой на английского историка Кейта Томаса, что во время чумы в Англии на рубеже XVI–XVII вв. неуязвимость для болезни связывалась с состоянием счастья, а неприятие инфекционных болезней происходило из их неясной природы [8. С. 56].

Особенности представления коронавируса в медиапространстве имеют много общего с информационным освещением темы профилактики и борьбы со СПИДом / ВИЧ. О концептуальной составляющей СПИДа С. Сонтаг писала следующее: «Все предыдущие инфекционные эпидемии были равны числу случаев, представленных в табличной форме. Нынешняя эпидемия не сводится к этим данным. Она охватывает куда больше людей, пребывающих в добром здравии (на первый взгляд совершенно здоровых, хотя и обреченных), которые инфицированы вирусом. Новые подсчеты проводятся постоянно, и слышится требования обнародовать имена инфицированных и навесить на них ярлыки. Современное биомедицинское тестирование позволяет создать новый класс пожизненных изгоев – будущих больных» [8. С. 118].

Вывод о том, что СПИД можно рассматривать как когнитивную референцию COVID-19, исходит из ряда элементов. Заслуживают внимания заголовочные комплексы публикаций, в которых происходит прямое сравнение ВИЧ / СПИДа и коронавируса: «У коронавируса обнаружили сходство с ВИЧ» (сайт краевого государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» министерства здравоохранения Хабаровского края); «У ВИЧ и COVID-19 много общего» (сайт государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Волгоградский областной Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями»), «Коронавирус-мутант оказался похож на ВИЧ» (Вести.ru. 23 января 2021 г.); «Глава Центра имени Гамалеи сравнил COVID-19 и ВИЧ-инфекцию» (сайт «Авторадио». 29 марта 2021 г.); «“Как при СПИД”. Названы жуткие последствия заражения коронавирусом» (РИА. 25 ноября 2020 г.); «Ученые нашли у коронавируса необычное свойство, роднящее его с ВИЧ» (Петербургский дневник. 19 декабря 2020 г.); «ВИЧ и коронавирус – не соперники и не друзья» (Независимая газета. 30 ноября 2020 г.).

Также установка на соотнесение ВИЧ / СПИДа и коронавируса задается путем совместного упоминания заболеваний в заголовочных комплексах: «“Спутник V” защитил людей с ВИЧ-инфекцией от ковида» (портал N+1. 28 марта 2022); «“Спутник” стал первой в мире коронавирусной вакциной, доказательно защищающей ВИЧ-инфицированных» (сайт Naked Science. 29 марта 2022 г.); «У вернувшегося с отдыха итальянца обнаружили ковид, ВИЧ и оспу обезьян одновременно» (BFM.ru. 24 августа 2022 г.); «Почти половина людей с ВИЧ и симптомами COVID-19 не обращались к медикам» (РБК. 27 ноября 2020 г.); «Новосибирские медики заявили, что ВИЧ-инфицированные легче переносят COVID-19» (ТАСС. 30 ноября 2020 г.); «Минздрав исследует эффективность прививки от COVID-19 для пациентов с ВИЧ» (РБК. 25 февраля 2021 г.), «У части испытавших австралийскую вакцину от COVID-19 тест на ВИЧ оказался положительным» (ТАСС. 11 декабря 2020 г.). «“Думала, что заболела COVID-19. Оказалось, все намного страшнее. У меня – ВИЧ”. История жительницы Нягани» (Ugra-news.ru. 16 декабря 2020 г.); «Путь к ВИЧ: ученые спорят о побочных эффектах вакцин от COVID-19» (Газета.ru. 23 октября 2020 г.).

В 2007 г. при активном внимании медиа к СПИДу / ВИЧ в России возникла социальная кампания «Стоп СПИД. Касается каждого». В этом же году французская организация Act Up Paris запустила кампанию «Вас не касается СПИД?». Предъявление статистики по коронавирусу и агитационные материалы относительно его опасности в России сопровождались социальной рекламой на баннерах, выполненных в красно-белой гамме (подобное цветовое решение имеют материалы, касающиеся СПИДа: красная ленточка на белом фоне). Статистика заболеваемости по возрастам в этой рекламе сопровождалась слоганом «Думаешь, тебя не коснется?».

До сегодняшнего дня люди, болеющие СПИДом, часто являются объектом нападок и преследований; подобное испытывали на себе и больные коронавирусом. В СМИ неоднократно сообщалось о различных формах негативного, если не сказать агрессивного, отношения к больным коронавирусной инфекцией. Об этом свидетельствуют заголовочные комплексы публикаций: «Замечательный сосед: кто травит больных COVID-2019 в российской глубинке» (Известия. 14 апреля 2020 г.); «Участились случаи агрессивного отношения к заразившимся коронавирусом» (сайт Общественной палаты Российской Федерации. 1 апреля 2020 г.); «Люди боятся: как соседи запугивают заразившихся COVID-19» (Газета.ru. 31 марта 2020 г.).

Во избежание стигматизации больных, сохранения их психического и социального благополучия ВОЗ в марте 2020 г. выпустила документ, в котором призвала население проявлять сочувствие к зараженным новой инфекцией [9]. В частности, было рекомендовано не использовать такие выражения, как «жертвы COVID-19», «ковидные семьи», предпочитая им более мягкие номинации: «выздоровляющие от COVID-19», «получающие лечение от COVID-19».

Ассоциативное поле «Зона»

Ставшее устойчивым выражение «красная зона» вызывает шлейф ассоциаций с зоной отчуждения (например, в Чернобыле), санитарной зоной, лагерной (тюремной) зоной. Определение «красный» в данном случае относится с понятием «опасный», «запретный». Высокая частотность употребления этого выражения по отношению к пандемии COVID-19 проявляется, например, в том, что количество результатов по поиску «красная зона ковид» в Google превышает 168 миллионов. В медиапространстве словосочетание «красная зона» чаще всего входит в семантическое поле войны (см. заголовки новостных публикаций в Интернете: «“Для нас это война” – врач о трех месяцах в красной зоне» (РБК. 28 ноября 2020 г.), «“Красная зона”: брянские врачи героически сражаются с пандемией коронавируса» (Вести.Ру. 28 октября 2020 г.), «“Красная зона” в Красноярске: битва за каждого. С переменным успехом» (ТРК7.Ру. 7 декабря 2020 г.). Очевидная ассоциация «красной зоны» с военными действиями в некоторых публикациях отвергается для того, чтобы привлечь внимание к другим аспектам, уйти от ставшего стереотипным представления: «В коридорах Мариинской больницы не рвутся снаряды. И субтильная медсестра в кирзовых сапожищах не волочет раненого, захлебываясь злыми слезами. Он вообще не похож на кино – этот основной рубеж обороны от COVID-19» (Фонтанка.Ру. 29 мая 2020 г.).

Семантика смерти, угрозы для жизни реализуется в сравнении «красной зоны» с «адом на земле» (ЯмалPro, 5 ноября 2020 г.). Такие выражения, как «усиление карантинных мер», «ужесточение карантина», «введение ограничений», привносят в смысловое поле «красной зоны» семантику ограничения свободы, вызывая ассоциации с лагерной зоной. Отметим, что словосочетание «красная зона» ранее употреблялось, например, по отношению к мордовским колониям строгого режима (Коммерсантъ. Власть. 26 сентября 2000 г.).

Ассоциативное поле «Запах»

Поскольку одним из клинических признаков ковида является потеря обоняния, в медиасреде заметно возросло количество заголовков с лексемами:

– «запах»: «Почему при COVID-19 люди теряют вкус и запах?» (Кубанские новости. 31 августа 2021 г.); «Минздрав: процесс восстановления запахов после ковида может занять до полугода» (Татарстан 24. 16 сентября 2021 г.);

– «обоняние»: «После коронавируса я уже год живу с измененным обонянием – все ли нормально с мозгом? Разбираемся с пермским неврологом» (Сайт 54.ru. Пермь онлайн. 24 июня 2022 г.); «Искаженное обоняние сохранилось в течение полутора лет у половины переболевших ковидом» (портал N+1. 24 января 2022 г.); «Врач рассказала, что поможет восстано-

вить обоняние после COVID-19» (РИА Новости. 19 мая 2022 г.); «Потерю обоняния при ковиде объяснили повреждением поддерживающих клеток» (портал N+1. 10 ноября 2021 г.); «Потеря обоняния при COVID-19 связана с поражением нейронов» (Российская газета. Специальный проект. 14 августа 2021 г.); «Иммунолог Викулов рассказал, кто поможет восстановить обоняние после COVID-19» (Russia Today. 12 августа 2021 г.); «Инфекционист назвала способы вернуть обоняние после коронавируса» (Известия. 31 августа 2021 г.); «Эксперты назвали процент людей, которые испытывают проблемы с обонянием еще до COVID-19» (Профиль. 26 сентября 2021 г.); «Почему обоняние теряют пациенты с легкой формой COVID-19» (Российская газета. 22 декабря 2020 г.); «Иммунолог: вакцина от коронавируса может вернуть обоняние переболевшим COVID-19» (Говорит Москва. 25 мая 2021 г.);

– «нюх»: «Корица и чеснок: как вернуть нюх и вкус после коронавируса» (Газета.ru. 25 января 2021 г.); «Нюх потеряли. Как живут люди, которые перестали различать запахи из-за COVID-19» (Фокус. 13 марта 2021 г.). Примечательно, что лексема «нюх» характеризует преимущественно обоняние животных [10. С. 660].

В российском медиапространстве также происходит распространение медицинских терминов, связанных с обонятельной сферой:

– аносмия («Пахнет генетикой: Шесть новых способов лечения ковидной аносмии» (Life.ru. 25 августа 2022 г.); «Загубить на носу: ковидную аносмию связали с болезнью Паркинсона» (Известия. 17 июня 2021 г.); ««Доктор, я совсем нюх потерял!» Что делать, если у вас появилась аносмия» (Newsprom.ru. 26 февраля 2021 г.));

– паросмия («Паросмия: как коронавирус влияет на обоняние и что с этим делать» (РБК Trends. 10 марта 2022 г.); «Паросмия вынуждает к действиям» (Коммерсантъ. 22 января 2022 г.); «После ковида пришла паросмия» (Вести.ru. 7 марта 2021 г.); «Паросмия и фантосмия после перенесенного COVID-19: как жить без вкусов и запахов?» (Россия – ГТРК «Нижний Новгород». 7 апреля 2021 г.); «Паросмия, вакцинация в ЕС и угроза мошенничества» (ТАСС. 27 декабря 2020 г.); «Выявлен новый симптом коронавируса – паросмия» (Псковское агентство информации. 27 декабря 2020 г.));

– гипосмия («Назван средний инкубационный период коронавируса и найден его новый необычный симптом – аносмия или гипосмия» (Newsru.com. 22 марта 2020 г.));

– фантосмия («Фантосмия – новый симптом COVID-19?» (Rumedo.ru. 12 июля 2021 г.); «Паросмия и фантосмия после перенесенного COVID-19: как жить без вкусов и запахов?» (Россия – ГТРК «Нижний Новгород». 7 апреля 2021 г.)).

До пандемии употребление лексем данной семантики было значительно более редким. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) фиксирует два примера с лексемой «аносмия» (1969, 1997) в основном корпусе, примеров с лексемами «паросмия» и «гипосмия» не обнаружено. Google Trends показывают резкий всплеск интереса в поисковых запросах к слову

«аносмия» с марта 2020 г. по июль 2021 г. с пиком в октябре 2020 г., резкий всплеск интереса к слову «паросмия» с сентября 2020 г. по сентябрь 2021 г. с пиком в марте–апреле 2021 г. при нулевом интересе с октября 2016 г. по сентябрь 2020 г., очередную волну интереса к слову «гипосмия» с августа 2020 г. по август 2021 г. с пиком в январе 2021 г.

Антиэстетичный ольфакторный пейзаж, разворачивающийся в публикациях СМИ, реализуется в двух формах.

1. Эксплицитная форма, когда номинация построена по принципу «глагол (пахнет) + существительное (чем? как что?)»: «В Интернете можно найти массу вариантов искажения запахов: цветы пахнут рыбой, курица пахнет сероводородом, яйца пахнут трехдневным мусорным ведром. Так же при паросмии человеку может казаться, что запах есть, а на самом деле его нет («Паросмия: как коронавирус влияет на обоняние и что с этим делать». РБК Trends. 10 марта 2022 г.); «Не могу пить кофе – стал пахнуть грязными носками», «от свежего мяса теперь запах, как от тухлых яиц», «из моей жизни исчезли любимые ароматы, вся еда стала безвкусной» – таких жалоб в соцсетях по-прежнему море» («Почему после ковида кофе пахнет старыми тряпками, а свежее мясо – тухлыми яйцами». Комсомольская правда. 19 мая 2022 г.); «Духи пахнут канализацией. Как ковид влияет на нервную систему» (Аргументы и факты. Тюмень. 9 февраля 2021 г.); «Проблемы с обонянием были у многих, только вот искажения происходили у каждого по-своему: у кого-то лук пах как тухлятина, у кого-то свежий воздух – бензином» (Сайт 54.ru. Пермь онлайн. 24 июня 2022 г.).

2. Имплицитная форма, когда нет указания на конкретный запах, запах обозначается как неприятный, странный: «Нюх пропал у меня всего на четыре дня. Ужасное время, когда мне казалось, что все, что я ем – подошва. Затем я не чувствовала отдельные запахи периодически. В декабре не смогла учゅять запах ароматного подсолнечного масла, например. При этом я не была простывшая, нос дышал свободно. На первый взгляд, сейчас нюх восстановился. Но, как мне кажется, не в полном объеме» («“Запахи стали ощущаться как что-то пыльное и затхлое”: истории тех, у кого после коронавируса не восстановилось обоняние». Peterburg2. 7 сентября 2021 г.); «Я заболела в конце апреля. Началось со слабости и небольшой температуры, потом пропали обоняние и вкус. Ни соленое, ни сладкое, ни мясо – абсолютно ничего не чувствовала. А потом я начала задыхаться. Это было очень страшно, как в фильме ужасов – как будто тебя оставили в замкнутом пространстве, не хватает воздуха, и хочется сбежать» («“Свежие огурцы отдают запахом бензина”. Переболевшие COVID – о своем самочувствии». ТАСС. 10 июня 2020 г.).

Ольфакторный пейзаж больных или переболевших ковидом антиэстетичен и агрессивен: обонятельная картина восприятия мира искажается, запах становится знаком инобытия, из сферы телесного выводится в сторону психического. Социальная дистанция / самоизоляция при ковиде становится как физической, так и обонятельной: качественное и количествен-

ное изменение обоняния изолирует человека от привычного мира, делает его уязвимым.

Подобная антиэстетизация запаха при болезни происходит не впервые. Все определения, входящие в описания запахов, входят в бинарные оппозиции: плохой–хороший, приятный–неприятный, больной–здоровый, добро– зло. Описания запахов подчеркнуто акцентируются, приводя иногда к описаниям по типу «ольфакторного шока» (термин Н. Зыховской) [11. С. 108].

В ассоциативном поле «Запах» ковид выходит за пределы гиперполя «болезнь» и входит в поле «напитки» и поле «профессия». Это связано с появлением новой профессии «ковид-сомелье», «кавист по консультации клиентов с паросмиеей». Разумеется, на такую вакансию обратили внимание как массовые («Новая реальность: московская винотека ищет кависта с искаженным после ковида обонянием – паросмиеей». Москвич Mag. 9 сентября 2021 г.), так и специализированные издания («SimpleWine ищет специалиста по продаже вина с искаженным обонянием и вкусом после COVID-19». Портал New retail. 30 августа 2021 г.; «В Москве появилась вакансия “ковид-сомелье”». BFM.ru. 30 августа 2021 г.).

Расширение семантического поля «болезнь» в результате номинативных процессов

Как отмечено О.А. Глущенко, «пандемия 2020 г., будучи крупнейшим общественным потрясением нового столетия, привела к всплеску номинативных процессов в поле повседневного бытия языка» [12]. Пандемия породила много неологизмов, а уже существовавшие в языке слова приобрели новый, актуальный смысл. Например, слово «корона» теперь гораздо чаще употребляется не в своем основном значении.

Многие специальные медицинские термины «детерминологизируются, переходя в активный словарь носителей русского языка и постепенно теряя стилистические коннотации» [13. С. 24]. К ним относятся такие слова, как «коронавирус», «сатурация», «аносмия» ранее редко употреблявшиеся вне медицинского дискурса.

Среди неологизмов прежде всего следует назвать слово «ковид» и производные от него: «ковидный», «ковид-паспорт», «ковид-диссидент». Резко усилилась частотность употребления слов «самоизоляция», «карантин», «социальная дистанция», «онлайн», «санитайзер». Среди главных слов 2020 года, выбранных Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, оказались «самоизоляция», «коронавирус», «ковид», «карантин», «удаленка». По данным социологического исследования ВЦИОМ, 61% опрошенных назвали словом года «коронавирус» (Российская газета. 22 декабря 2020 г.). Английским словом 2020 года словарь Collins English Dictionary провозгласил «локдаун». По данным BBC News, употребление этого слова в СМИ и Интернете возросло с четырех тысяч в 2019 г. до четверти миллиона в 2020 г. В России слово «локдаун» не получило заметного распространения. Явление, которое оно обозначает, называлось «всеобщим режимом нерабочих дней».

Отметим примеры характерного для разговорной речи сокращения широкоупотребительных слов. Так, популярными стали слова «удаленка», «дистанционка», «дистант», представляющие собой сокращенные формы выражений «удаленная работа», «дистанционное обучение».

Для характеристики процессов и явлений, связанных с пандемией, в медиадискурсе часто используются антропоморфные метафоры. Антропоморфный характер приобретают понятия «ковид», «вирус», «штамм». Например, в публикациях Telegram-канала «Безвольные каменщики», в котором молекулярный биолог И. Якутенко популяризирует научную информацию о пандемии, формируется антропоморфная модель вируса: «вирус активно начал приспосабливаться к нарастающему иммунитету» (14 января 2021 г.), «вирусы миллионы лет оттачивали этот навык» (26 января 2021 г.), «вирус, который сломал планету» (5 февраля 2021 г.), «вакциненный вирус... – это дефектный вирус, который ученые сделали инвалидом намеренно, чтобы доставлять нужные им компоненты в клетку и “активировать” их он мог, но больше ни на какие осмыслиенные действия был бы неспособен» (2 февраля 2021 г.). С живым организмом ассоциируется и понятие «штамм»: «штамм расползся по миру» (8 февраля 2021 г.), «штаммы, убегающие от иммунитета» (8 февраля 2021 г.).

Появилось большое количество примеров языковой игры с лексемами, входящими в ЛСП «ковид». Филолог Михаил Осадчий в интервью газете «Известия» привел такие примеры, как «карантикулы» (карантинные каникулы) и «изумляться» (общаться по Zoom) (Известия. 16 декабря 2020 г.). Слово «карантикулы» является окказионализмом, образованным путем слияния основ, а слово «изумляться» представляет собой пример сленгового переосмысливания значения существующего слова, основанного на каламбуре. Языковая игра, иронически трансформирующая слово «оруженосец», породила окказионализм «наруженосец» (человек, не закрывающий нос при ношении маски). Е. Мелихова в «Российской газете» упоминает такой окказионализм, как «ковидиот» (Российская газета. 1 мая 2020 г.). Это слово, образованное слиянием основ, возникло в английском сленге и закрепилось в двух противоположных значениях. В словаре сленга Urban Dictionary приведены следующие толкования этого слова: 1) Someone who ignores the warnings regarding public health or safety. 2) A person who hoards goods, denying them from their neighbors [14] («1) Тот, кто игнорирует предупреждения, касающиеся здоровья и безопасности общества. 2) Человек, скрупающий товары, лишая их своих соседей»). В российских медиаисточниках слово также фигурирует в разных значениях, обозначая человека, не верящего в пандемию, и, наоборот, человека, склонного к чрезмерной панике. Интересный пример образованного суффиксальным способом окказионализма находим в заголовке публикации, посвященной итогам «коронавирусного» года – «Ковидизм в отдельно взятой стране» (Коммерсантъ. 6 марта 2021 г.). Слово вызывает ассоциации с общественным строем или идеологической системой (по аналогии с такими словами, как социализм, материализм). Семантическое поле «ковид» включает в себя, таким образом, представление о новом укладе жизни в условиях пандемии.

Еще одним проявлением словотворчества в данной сфере является трансформация фразеологизмов, например: «Евросонг накрылся ковидным тазом» (А. Гаспарян. Московский комсомолец. 9 марта 2021 г.). Фразеологизм «накрыться медным тазом» имеет значение: «Погибнуть, провалиться (о проектах, планах и т.п.)» [15. С. 666]. Замена компонента указывает на причину провала и подчеркивает негативную семантику слова «ковидный».

Как подчеркивает Е.С. Громенко, «несмотря на невероятное количество новаций, большинство таких реакционных лексем единичны и часто являются продуктом необходимой для снятия коллективного напряжения сублимации, использующей механизм языковой игры, или встраиваются в образные структуры, служащие для познания новых реалий посредством метафоры» [16. С. 45–46]. Примером снятия напряжения путем языковой игры служат слова с ироничной коннотацией, такие, например, как «ковидла», «ковидище», используемые для демонстрации пренебрежительного отношения к болезни.

Негативные факторы современной «цифровой» цивилизации (мгновенное распространение любой информации, информационный шум) порождают конспирологические теории о некоем мировом заговоре, результатом которых становится отрицание существования болезни и необходимости эпидемиологических ограничений. На лексическом уровне это выражается в таких окказионализмах, как «барановирус», «антикоронавирусник», «безмасочник» и т.д.

Многие окказионализмы, возникшие в начале пандемии, уже вышли из употребления (например, такие как «макароновирус», «гречкохайп», описывающие ситуацию нехватки товаров и ажиотажного спроса). Вместе с тем язык постоянно пополняется новыми образованиями, отражающими изменения в обществе.

Позитивный вектор развития семантического поля болезни COVID-19

В последнее время семантический ореол понятия «ковид» перестал быть резко негативным. С чем это связано? В разных странах проводилась активная информационная кампания с целью предупредить население о серьезной опасности новой болезни. Были распространены слоганы, которые сводились к тому, что необходимо оставаться дома и тем самым помочь врачам. Проводилисьотовыставки, на которых показывали портреты врачей с последствиями долгого ношения средств индивидуальной защиты. Однако это далеко не всегда убеждало тех, кого стали называть «ковид-диссидентами». На наш взгляд, отчасти это объясняется концепцией ‘compassion fatigue’ («усталость сострадать»), разработанной в статье Г. Камерона, Д. Кругмана и К. Кинник. Исследователи сформулировали основные черты средств массовой коммуникации, способствующие усталости сострадать, в том числе и на примере СПИДа: «(1) акцент на сенсационном, (2) преобладание “плохих новостей”, (3) неспособность представить контекст социальных проблем и (4) представление проблем, но не их

решений (мобилизующей информации)» [17]. Сейчас мы видим, что мас-сированная информационная кампания относительно опасности коронавируса с указанием на большое количество больных этой инфекцией привела в довольно большой аудитории к обратному эффекту. Ограничительные меры, поток негативной и пугающей информации вызвали у многих эмоциональное выгорание, следствием которого стали реакция отрицания, не-желание видеть опасность, недоверие к официальной позиции.

С началом второго года пандемии в популярных СМИ заметной стала тенденция позитивной репрезентации создавшейся ситуации. Появляются статьи с оптимистичными заголовками, например: «Плюсы пандемии, о которых многие даже не задумывались» (Комсомольская правда. Еженедельник. 24 февраля – 3 марта 2021 г.). Отмечаются глобальные перемены, происходящие в обществе и осознаваемые как следствие пандемии. Делается акцент не на трагических потерях, а на формировании новой реальности. Например, в публикации агентства экономической информации «Прайм» говорится о «глобальной трансформации, сравнимой с великим переселением народов», о «глобальном перевороте в работе компаний». Служащие, работающие удаленно, сравниваются с «цифровыми кочевниками», так как имеют возможность выполнять свою работу в любом месте земного шара, где имеется Интернет (Прайм. 9 марта 2021 г.). Во всем мире отмечается значительный рост дистанционного взаимодействия, в том числе и в сфере медицинского обслуживания. Так, необходимость социального дистанцирования способствовала развитию телемедицины и удаленных медицинских консультаций на платформах Zoom, FaceTime, WeChat, WhatsApp [18]. Семантика COVID-19 перестает быть исключительно негативной, формируются ассоциативные связи пандемии с прогрессом, развитием технологий.

Заключение

Таким образом, основу лексико-семантического поля «ковид» в публикациях СМИ, наряду со словами, непосредственно обозначающими болезнь, составляют существительные «инфекция», «трагедия», «страдание», «травля», «агрессия», «угроза», «изоляция», «карантин», «страх», «фронт», «оскорбление», глаголы «заражать», «запугивать», «травить», прилагательные «опасный», «агрессивный». Они придают негативную ассоциативную окраску понятию «ковид», пересекающемуся с лексико-семантическими полями «преступление», «смерть». Семантический оттенок преступления придают данному ЛСП слова, ассоциативно связанные с правонарушениями и криминальным миром: «зона», «травить», «оскорбление», «угроза». Семантика смерти актуализируется при употреблении таких слов, как «жертва», «трагедия», «погибшие».

Семантико-когнитивная репрезентация концепта COVID-19 включает широкий спектр значений, к главным из которых, на наш взгляд, относятся семы «опасность», «ограничение», «изоляция», «страдание». Выражение «красная зона» привносит в ЛСП болезни семантику ограничений, лише-

ния свободы. Семантика ограничения, потери одного из чувств (обоняния) проявляется и в ольфакторных ассоциациях. В периферийную зону концепта COVID-19 входят также значения глобальных изменений, нового порядка жизни. В последнее время наблюдается тенденция поиска позитивных моментов пандемии. Актуальность темы для самых широких масс населения обусловила связанный с ней всплеск лингвокреативности – появление неологизмов и окказионализмов, трансформацию фразеологизмов и другие виды языковой игры.

Список источников

1. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
2. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34.
3. Nurbakova D., Ermakova L., Ovchinnikova I. Understanding the Personality of Contributors to Information Cascades in Social Media in Response to the COVID-19 Pandemic // 2020 International Conference on Data Mining Workshops (17–20 Nov. 2020, Sorrento, Italy). URL: <https://www.academia.edu/44434423> (accessed: 22.09.2021).
4. Zarocostas J. How to fight an infodemic // Lancet. 2020. Vol. 395, is. 10225. Art. 676.
5. Biancovilli P., Makszin L., Jurberg C. Misinformation on social networks during the novel coronavirus pandemic: a qualiquantitative case study of Brazil // BMC Public Health. 2021. № 21. Art. 1200.
6. Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention // Psychological Science. 2020. Vol. 31, № 7. P. 770–780.
7. Feldhege J., Moessner M., Wolf M., Bauer S. Change in Language Style and Topics in an Online Eating Disorder Community at the Beginning of the COVID-19 Pandemic: Observational Study // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23 (7). URL: <https://www.jmir.org/2021/7/e28346> (accessed: 26.09.2021).
8. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 176 с.
9. Mental health and psychosocial considerations during the COVID-19 outbreak // World Health Organisation. 2020. March 18. URL: <https://www.who.int> (accessed: 25.09.2021).
10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
11. Зыховская Н.Л. Ольфакторные сюжеты: запах как временная смерть // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1 (2). С. 106–109.
12. Глущенко О.А. Ковид-номинация как лингвистическая самозащита русского человека в период пандемии (COVID-Nomination as a Linguistic Self-Defense of the Russian Person during the Pandemic) // SSRN. 2021. January, 24. URL: <https://ssrn.com/abstract=3772160> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3772160> (accessed: 26.03.2021).
13. Алевизаки О.Р., Касперова Л.Т., Славкин В.В. Неологизмы в качественной прессе 2020 года // Новые слова и словари новых слов 2020 : сб. науч. ст. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 22–27.
14. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (accessed: 26.03.2021).
15. Курилова А.Д. Новый фразеологический словарь русского языка. М. : Русский язык – Медиа ; Дрофа, 2009. 777 с.
16. Громенко Е.С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов 2020 : сб. науч. ст. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 45–62.
17. Камерон Г., Кругман Д., Кинник К. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы : хрестоматия. Казань : Изд-во КГУ, 2000. С. 187–217.

18. Barayev E., Shental O., Yaari D., Zlochower E., Shemesh I., Shapiro M., Glassberg E., Magnezi R. WhatsApp Tele-Medicine – usage patterns and physicians views on the platform // Israel Journal of Health Policy Research. 2021. Vol. 10. Art. 34. URL: <https://doi.org/10.1186/s13584-021-00468-8> (accessed: 26.09.2021).

References

1. Priemysheva, M.N. (ed.) (2021) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS.
2. Karasik, V.I. (2020) Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Estimates, Positions]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (80). pp. 25–34.
3. Nurbakova, D., Ermakova, L. & Ovchinnikova, I. (2020) [Understanding the Personality of Contributors to Information Cascades in Social Media in Response to the COVID-19 Pandemic]. *Proceedings of the 2020 International Conference on Data Mining Workshops*. Sorrento, Italy. 17–20 November 2020. [Online] Available from: <https://www.academia.edu/44434423> (Accessed: 22.09.2021).
4. Zarocostas, J. (2020) How to fight an infodemic. *Lancet*. 10225 (395).
5. Biancovilli, P., Makszin, L. & Jurberg, C. (2021) Misinformation on social networks during the novel coronavirus pandemic: a qualiquantitative case study of Brazil. *BMC Public Health*. 21 (1). 1200.
6. Pennycook, G. et al. (2020) Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention. *Psychological Science*. 7 (31). pp. 770–780.
7. Feldhege, J. et al. (2021) Change in Language Style and Topics in an Online Eating Disorder Community at the Beginning of the COVID-19 Pandemic: Observational Study. *Journal of Medical Internet Research*. 7 (23). [Online] Available from: <https://www.jmir.org/2021/7/e28346> (Accessed: 26.09.2021).
8. Sontag, S. (2016) *Bolezn' kak metafora* [Illness as Metaphor]. Moscow: Ad Marginem Press.
9. World Health Organisation. (2020) Mental health and psychosocial considerations during the COVID-19 outbreak. *World Health Organisation*. 18 March. [Online] Available from: <https://www.who.int> (Accessed: 25.09.2021).
10. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
11. Zakhovskaya, N.L. (2013) Ol'faktornye syuzhety: zapakh kak vremennaya smert' [Olfactory plots: smell as temporary death]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1 (2). pp. 106–109.
12. Glushchenko, O.A. (2021) *Kovid-nominatsiya kak lingvisticheskaya samozashchita russkogo cheloveka v period pandemii* [COVID-Nomination as a Linguistic Self-Defense of the Russian Person during the Pandemic]. SSRN. 24 January. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3772160> (Accessed: 26.03.2021). doi: 10.2139/ssrn.3772160
13. Alevizaki, O.R., Kasperova, L.T. & Slavkin, V.V. (2020) Neologizmy v kachestvennoy presse 2020 goda [Neologisms in the quality press of 2020]. In: Kozlovskaya, N.V. (ed.) *Novye slova i slovari novykh slov 2020* [New Words and Dictionaries of New Words 2020]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 22–27.
14. *Urban Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com> (Accessed: 26.03.2021).
15. Kurilova, A.D. (2009) *Novyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [New Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk – Media; Drofa.

16. Gromenko, E.S. (2020) “Koronnnyy” potentsial russkogo yazyka nachala 2020-kh godov [The “crown” potential of the Russian language in the early 2020s]. In: Kozlovskaya, N.V. (ed.) *Novye slova i slovari novykh slov 2020* [New Words and Dictionaries of New Words 2020]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 45–62.
17. Kameron, G., Krugman, D. & Kinnik, K. (2000) “Ustalost’ sostradat’”: kommunikatsiya i chuvstvo opustoshennosti v otnoshenii sotsial’nykh problem [Compassion Fatigue: Communication and Devastation in Relation to Social Issues]. In: Yasaveev, I.G. (ed.) *Sredstva massovoy kommunikatsii i sotsial’nye problemy* [Media and Social Issues]. Kazan: Kazan State University. pp. 187–217.
18. Barayev, E. et al. (2021) WhatsApp Tele-Medicine – usage patterns and physicians views on the platform. *Israel Journal of Health Policy Research*. 10.34. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1186/s13584-021-00468-8> (Accessed: 26.09.2021).

Информация об авторах:

Донскова Ю.В. – канд. филол. наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет) (Москва, Россия). E-mail: mehetabel@mail.ru

Курилова А.Д. – канд. филол. наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет) (Москва, Россия). E-mail: akurilova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Donskova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: mehetabel@mail.ru

A.D. Kurilova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: akurilova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.10.2021;
одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 07.06.2023.

*The article was submitted 06.10.2021;
approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 81-112; 801.8
doi: 10.17223/19986645/83/2

Китай и китайцы в русских посольских отчетах XVII века

Ольга Анатольевна Казакевич¹, Галина Николаевна Старикова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия

¹ o_slugina@mail.ru

² gstarikova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается презентация Китая XVII в. и его населения в официальных отчетах русских посланников в эту страну – аспекты маркирования фрагментов антропосферы иноземной реальности, языковые средства ее номинации. Ходом исследования выявляется индивидуальное начало в описании чужеземья, определяемое жизненным опытом, социальным статусом авторов текстов (конный казак И. Петлин; сын боярский, чиновник Ф.И. Байков; боярин, опытный дипломат Н.Г. Спафарий), разным уровнем их знаний о Китае.

Ключевые слова: номинация, старорусский язык, чужеземная реальность, средневековый Китай, посольские отчеты / статейные списки, антропосфера, языковая личность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-312-90028 «Чужеземная реальность в восприятии русского средневекового человека».

Для цитирования: Казакевич О.А., Старикова Г.Н. Китай и китайцы в русских посольских отчетах XVII века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 21–50. doi: 10.17223/19986645/83/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/2

China and the Chinese in Russian embassy reports of the 17th century

Olga A. Kazakevich¹, Galina N. Starikova²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

¹ o_slugina@mail.ru

² gstarikova@yandex.ru

Abstract. The article explores the problems of the nomination of the foreign world by the Russian people of the 17th century. Three reports on trips to China were used as a source: by the Tomsk Cossack Ivan Petlin (1618–1619), by the official of

the Tobolsk administration Fyodor Baykov (1657–1658), and by the experienced diplomat and scientist Nikolai Spathari-Milescu (1675–1676), describing the path and the actual course of the embassy, as well as the Bulletin of China in 1669, created under the leadership of Petr Godunov. The indicated time frames reflect the dynamics of the initial acquaintance of the Russian world with the new country, the gradual accumulation and further deepening of knowledge about it. Created by people of different social status, different levels of education and knowledge about China, the reports demonstrate both different ways of presenting information, and envoys' biased attention to areas of life of a foreign state that were significant to each of them due to their professional activities, which is especially significant for our analysis. The object of study is limited to an anthropological sphere, with a structure that distinguishes a number of segments, all representing ethnically significant features: territories and their ethnic groups; language and writing; beliefs; general lifestyle; social composition; main activities; structure of public administration; appearance, clothing; character traits (mindset); national traditions, rituals, court etiquette; country's history and legends. The most illustrative of them were descriptions of the structure of Chinese society and occupations of its representatives (*boyars, melkie lyudi, torgovye, kutufts*). The source reflects the fact of formation, competition of forms of choronyms (*Kitayskaya zemlya, Kitai, Kitay*), ethnonyms (*kitayskie lyudi, kitayane, kitaytsy*), primary exploration of Chinese names (*Kanbalyk/Kambalyk, Pezhin* about Beijing), other exoticisms (*bogdokhan / bugdykhan, mandaryni*), a regular correlation of foreign cultural facts with known elements of one's own world (*laby po ikh vere, a porusskiy popy; kitayskiy boyarin askanama*). A distinct personality in the representation of China and the Chinese was expressed through envoys' selective attention to certain areas of the new world, details of its marking, methods and means of nomination. Thus, Petlin pays particular attention to the military sphere and weapons of the Chinese (*lyudi ne voinskie, boy u nikh ognyanoy*), Baykov to characteristics and numbers of ethnic groups, the appearance of foreigners (*mungal'tsov <...> net de i desyatoy doli, kitaytsev de mnogoe mnozhestvo, platye nosyat korotko*), Spathari-Milescu to public administration, court etiquette (*verkhovnaya duma, kolai chestnee srodnikov*). From testimonial to testimonial, there is a decreasing interest in the obvious external exoticism of the appearance of a foreign culture's representative and an increasing attention to more abstract characteristics, such as language, character, traditions and rituals. At the same time, an emotional representation of a foreign land (*chudo neizuchennoe, strakh izyemel*) typical for Petlin and Baikov's direct indications of the lack of knowledge and information (*neznamo chto*) are replaced by detailed, multidimensional representations of the described realities in Spathari-Milescu's report (*astrologiyskiy prikaz, vassal relations between nations and ethnoses*).

Keywords: nomination, Old Russian language, foreign reality, medieval China, embassy reports, anthropological sphere, language personality

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90028: Alien Reality in the Perception of Russian Medieval Man.

For citation: Kazakevich, O.A. & Starikova, G.N. (2023) China and the Chinese in Russian embassy reports of the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 21–50. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/2

Введение в проблему

Проблемы номинации как присвоения имен различным предметам и явлениям составляют одно из безусловно интересных и значимых направлений в лингвистических исследованиях, предполагающих анализ связи языка, мышления и номинируемых реалий. Помимо разработки собственно терминологии нейминга, для работ, выполненных в русле номинатики (науки о номинативных средствах языка) [1. С. 45], в число первостепенных задач входит выявление актуальных для номинаторов сегментов реальной и идеальной действительности, подлежащих языковому маркированию, и их сущностных характеристик, а также определение способов и средств, при помощи которых осуществляется именование. Особое место в обширном списке научных трудов подобной направленности занимают работы, посвященные проблемам презентации явлений чужой культуры средствами русского языка [2–4] или же русскокультурных – средствами других языков [5].

К государствам, привлекающим неизменное внимание исследователей, относится Китай: несмотря на то что первые, часто недостоверные, сведения о нем начали появляться в Европе еще в конце XII в., а стабильный интерес европейцев к стране проявился уже с середины XVI в., с открытием морского пути вокруг Африки [6. С. 10], КНР и сегодня продолжает оставаться экзотическим государством с особым путем развития и специфическими культурными традициями. Неудивительно, что презентация Китая как чужого мира в последние годы не раз становилась объектом исследования в работах различной гуманитарной направленности. В настоящее время эта тема решается в рамках исторических [7–11], искусствоведческих [12–13], литературоведческих исследований [14–18]. Отдельно выделяются работы лингвистической направленности: ряд отечественных и зарубежных исследований, посвященных образу Китая различных периодов в разножанровых текстах, так или иначе связанных с литературой путешествий: очерках, записках и письмах путешественников, а также в беллетристическом жанре, называемом трактологом [19–27]. Наибольшее исследовательское внимание в этих работах было уделено преимущественно русским текстам XIX столетия [11, 14, 17, 20, 22, 26] и европейским – XX в. [8, 12, 16, 19, 23, 24].

Не менее актуальным видится включение в круг научных интересов языковедов памятников XVII в. – времени первых российских посольств в эту страну [28, 29]. К началу данного периода Китай был окружен разного рода мифами и нереалистичными представлениями, в том числе о его местоположении [30. С. 3–4, 13], что притягивало к нему внимание всего мира. Неоднократные обращения глав европейских государств к русскому двору разрешить сухопутный проход в Китай через территорию России побудило ее правительство обратить взоры на эту страну, что послужило причиной для отправки первой русской разведывательной экспедиции на Восток под началом томского казака И. Петлина (1618–1619). Впослед-

ствии, на протяжении XVII в., Российское государство предприняло новые попытки установления прочных добрососедских отношений с Китаем, важнейшими из которых стали посольства Ф.И. Байкова (1657–1658) и Н.Г. Спафария (1675–1676).

Их отчеты, представленные разножанровыми документами (статейными списками, росписями, расспросными речами и пр.), описывающими путь в иноземье и собственно ход посольства, существенным образом расширили представления того времени о Китае и его жителях. Они также легли в основу особых памятников делового письма с компилятивным содержанием – так называемых *дорожников*, уточняющих маршруты движения в открытые земли, и *ведомостей*, отражающих сведения о новой стране [31]. Необходимость передачи подобного рода информации в посольских отчетах была продиктована задачами дипломатических миссий, сформулированными в наказах руководителям экспедиций¹, а также, вероятно, обусловлена вполне понятным человеческим интересом к чужой стране, ее людям и культуре, т.е. ко всему новому и необычному. В презентации иноземья в обязательном порядке должны были отразиться как представления русских людей позднего Средневековья о мире, так и номинативный потенциал языка его носителей этой эпохи, что определило наш интерес к означененному материалу.

Материал и методология исследования

Данное исследование выполнено на основе четырех разновременных источников: *Росписи Китайскому государству* И. Петлина в трех вариантах текста 1619 г. (далее – П1, П2, П3) [33. С. 79–90, 92–95], *Статейных списков* Ф.И. Байкова в двух вариантах 1657–1658 гг. (далее – Б1, Б2) [30. С. 113–145] и Н.Г. Спафария 1675–1676 гг. (далее – С) [33. С. 346–458], а также *Ведомости* П.И. Годунова 1669 г. (далее – В) [34], в содержании которой угадываются следы отчетов И. Петлина и Ф.И. Байкова [31. С. 48]. Означенные временные рамки отражают динамику начала знакомства русского мира с новой страной, постепенное накопление и углубление знаний о ней. Созданные людьми разного социального положения, с разным уровнем образования и информации о Китае, отчеты демонстрируют и разные способы представления информации, и, что важно для нашего анализа, пристрастное внимание посланников к особо значимым для каждого из них в силу профессиональной деятельности сферам жизни чужого государства.

Цель настоящей статьи – выявление в посольских документах параметров описания Китая и его жителей, составляющее часть общего исследования представления чужеземной реальности средствами русского языка в деловых жанрах литературы путешествий XVII в. Объектом внимания

¹ В частности, в наказе Н.Г. Спафарию ставились вопросы для поисков ответов на них в ходе миссии: *И каковы в Китаях люди и города, и какой у них бой, и богдахан и все Китайское государство какие веры* [32. Л. 128].

предстают случаи актуализации в текстах информации об иноземье и его отдельных реалиях, а единицей анализа выступают языковые репрезентанты этого денотативного мира: отдельные слова, различные номинативно-описательные конструкции – от словосочетаний до цельных по содержанию и структуре сложных синтаксических образований типа сверхфразовых единств. Составленная на основе заявленных источников рабочая картотека исследования включает 1 310 случаев представления элементов незнакомого русскому человеку мира, из которых 293 выявлены в отчетах И. Петлина, 304 – Ф.И. Байкова, 562 – Н.Г. Спафария, 151 – в Ведомости П.И. Годунова. Четвертая часть из них репрезентирует антропосферу. При их цитировании сохраняются принятые в историческом источниковедении правила публикации, способствующие оптимизированному восприятию смыслового содержания текстов – с введением заглавных букв, разделением слов, постановкой простейших знаков препинания.

Ходом предварительного исследования признано продуктивным распределение номинируемых иноземных реалий по трем основным номинативным сферам, достаточно традиционно выделяемым исследователями: натурафактной, антропологической и артефактной. Данное разделение во многом носит условный характер, поскольку некоторые объекты именования могут быть отнесены одновременно к двум или даже трем сферам, как, например, одежда, являющаяся одновременно частью внешнего вида и результатом деятельности человека, или такие натурпродукты питания, как рис, просо и пр. Свои коррективы в подсчеты вносило и употребление в единой описательной конструкции объектов различных сфер номинации.

Материал настоящего исследования ограничен антропосферой, при этом сужение предмета анализа позволило ввести задачу определения личностного начала в «плотности» и специфике маркирования элементов этой сферы в текстах разных авторов. Представление данной номинативной сферы и структурирующих ее сегментов обосновано существующими традициями восприятия обыденным сознанием народов (наций) как совокупности граждан определенного государства с отдельной территорией, общей историей и культурой, единым языком, характеризующихся особыми чертами внешности, менталитета, традициями ритуально-поведенческого характера и др. Предложенный подход к материалу позволил выявить восемь базовых сегментов антропосферы: территорию, население, язык, верования, социально-деятельностный сегмент, внешний вид, менталитет и обычаи, – анализ которых дает возможность наиболее полно охарактеризовать жителя Китая XVII в. Наиболее крупные сегменты, такие как язык, социально-деятельностный сегмент, обычаи и др., могут быть структурированы несколькими тематическими группами, объединяющими определенные элементы действительности.

Логичным видится начать описание с топографии, поскольку именно территория прежде всего характеризует любой этнос, а ее именование – кратоним – служит обычно базой для этнонима. На выбор такого порядка представления иноземцев повлияли и экстралингвистические факторы:

уровень знаний о Китае того времени не позволял русским посланникам однозначно соотнести земли и населяющие их народы с конкретной страной или государством, что породило в документах смешение названий как территорий, так и этносов. Китайское государство в разное время занимало различные области, существовало в разных границах и находилось под властью императоров разных национальностей: так, в начале XVII в., во время миссии И. Петлина, императором был представитель китайской династии, однако к моменту посольства Ф.И. Байкова в стране произошел переворот – к власти пришли маньчжуры, захватившие в том числе и часть монгольских земель, что еще больше затруднило разделение разных народов, объединенных теперь в одно государство [30. С. 6–7]. Указанное обстоятельство обусловило расширение заявленного темой объекта исследования за счет названий сопредельных с Китаем территорий и населявших их народов.

Результаты исследования

В привлеченных к анализу памятниках иноземные **территории** номинируются по двум моделям – атрибутивной со словами *земля*, *землица*, *государство* (*Мугальская земля*, *Лабинская земля* или *землица*, *Лабинское государство*, *Мугальская земля* *Лобинская*, *Широму(л)гальская земля* или *землица*, *Бухарская земля*, *Кирбицкая земля*, *Ортуское государство*, *Тангутское государство*), что свойственно прежде всего И. Петлину, отчасти – Ф.И. Байкову, и субстантивной в форме множественного числа, омонимичной названию народа этой территории: *Бухары*, *Киргизы*, *Кирбицы* (И. Петлин), *Мугалы*, *Калмыки* (Ф.И. Байков), *Мунгалы*, *Калмаки* (Н.Г. Спафарий), – определение при которой уточняет этническую характеристику (*Желтые мугалы*, *Черные мугалы*, *Черные Калмаки* – И. Петлин). Аналогично именуются в источниках Китай (*Ему ж, в Китаях будучи, всякими мерами проводывать, чтоб изыскать ис Китайского государства водяной путь* [32. Л. 112]) и отдельные его территории: *Большой Китай* (И. Петлин), *Старые Китай*, *Ревенные Китай* (Ф.И. Байков), а также *Китайский крым* или *крем* (И. Петлин) – о Великой китайской стене и местности вдоль нее. Материал отразил и изменения границ государства (*а владеет де теми Старыми Китайми прежнего китайского царя Дайбы сын... А наше де Китайское царство перед Старыми Китайми нет и четвертой доли* – Б1: С. 133), и восприятие его как неединого: *И прежде сего жил он в нижних полуденных китайских государствах* (С: Л. 120 об.); *лучшие были страны китайские и богатые, те изменили недавно, чють не половина царства* (С: Л. 180 об.)

Как следует из примеров, кратоним в форме *Китай* встречается уже в росписи И. Петлина (*а идет серебро ис Китаю* – П1: Л. 10), однако у Ф.И. Байкова он не используется вовсе и вновь появляется только в тексте отчета Н.Г. Спафария. Этот оним обычно выступает в форме множественного числа: *...до рек, которые текут ис Китай* (С: Л. 95), – в частности, только так он представлен в наказе последнему: *в Китай, ис Китай, в Китаях* [32]. Чаще всего страна именуется как *Китайское государство*,

Китайская область, Китайская земля, Китайское царство – у И. Петлина и Ф.И. Байкова, в списке Н.Г. Спафария к этому перечню добавляется *Китайское ханство*, а в *Ведомости – держава: десятью леты всее Китайской державы не объехать* (В: Л. 720). Кроме того, в первом варианте *Росписи* И. Петлина встречается также субстантив *Китайское: Да им же в Китайском сказывали...* (П1: Л. 22). Если вспомнить «Хожение за три моря» Афанасия Никитина 1466–1472 гг., где он передал услышанное *Хатай*, восходящее к названию кочевого народа тунгусского или монгольского происхождения, как *Кытай* для обозначения северной части страны, именуя при этом его южную часть (или весь Китай?) *Чин(ы) / Чим и Мачин* [33. С. 228], то вкупе с нашими материалами данные факты свидетельствуют о наличии достаточно длительного периода становления кратонима *Китай* и производного от него этнонима *китаец*, существующих в данный момент в русском языке.

С древнейших времен **население** Китая и близлежащих земель не было этнически однородным, а границы расселения тех или иных народностей строго не определялись и в целом были размыты. Так, в источниках сообщается об общем языке у калмаков и мунгалов: *А или <...> до первого мугальского Тайчина-тайши 8 дней. А язык у них калмацкой* (Б2: Л. 107); *А у мунгальских людей язык с калмыками один* (Б1: С. 120). В то же время мунгалы и калмыки не только проживают на китайских землях, но и являются подданными императора: *Живут мунгальские тайши кочевые, которые отложилися от своих мунгальцов и служат китайскому царю* (Б1: С. 124); *А калмыцкие тайши присылают послов своих, а пишутца китайскими и называютца меж себя друзья* (В: Л. 718); *Город мунгальской каменной, а называют тот город по-китайски Табинчин, а город китайской* (С: Л. 100); *А в том китайском городе Кококотане живут тюбейцы, язык у них мунгальской* (Б1: С. 122).

Жители Китая в основном именуются *китайскими людьми* (И. Петлин, Н.Г. Спафарий), у последнего еще и без родового существительного (*Отселе начинается дорога тележная, которыми едут китайские* – С: Л. 38). Обозначение *китайцы* (Ф.И. Байков, Н.Г. Спафарий) появляется, скорее всего, только к середине XVII столетия – ко времени посольства Ф.И. Байкова¹, причем в отчете Н.Г. Спафария в цитируемых словах *езуита* выявляется более узкая его этническая семантика (*природные китайцы* – В: Л. 716), противопоставленная более широкому значению ‘подданные китайского боярхана’, выраженному словом *богдойцы*: *они богдойцов не любят, а китайцев любят для того, что им при китайцах жить было лучше* (В: Л. 234). Его закреплению в языке предшествовал период конкуренции с формой *китаяне* – например, с одинаковой частотностью оба этнонима представлены в царском наказе: *...чтоб того шолку вывозили китайцы в Российское*

¹ В Словаре русского языка XI–XVII вв. слово отсутствует – см.: [36. Вып. 7], хотя концом XVI в. датируется иллюстративный материал к лексемам *китайка*, XVII в. – китая ‘хлопчатобумажная ткань’ и их дериваты *китайный* и *китайчатый* [36. Вып. 7. С. 142].

государство; и про русские товары китаяном торговым людем рассказывать [32. Л. 112, 126]. В целом же подобные названия соответствуют моделям именования других этнических групп, встречающихся в отчетах: бухары, калмаки, мугальские люди, саяны, люди брацкие (И. Петлин), бухарцы, калмыки и калмыцкие люди, мугальцы и мунгальцы, ясачные татары или татаровя (Ф.И. Байков); мунгалы, баргуты, баргуцкие, таргучины, немцы галанские, бодгойские татары – о маньчжурцах (Н.Г. Спафарий).

К числу ведущих характеристик любой этнической группы относится **язык**, выделенный нами в отдельный сегмент антропосферы и включающий в себя обозначения **языка, речи и письменности**. Общей оценки **языка** в посольских отчетах нет, однако встречаются указания на названия языков (китайский, мунгальский, бодгойский, никанский, калмыцкий и др.), возможно сопоставление их лексических средств. Но если И. Петлин и Ф.И. Байков иноязычные слова и выражения соотносят только с русскими, то у Н.Г. Спафария лингвистические справки обычно пространнее: *По-китайски словет та река Леонхо, се есть река страны Леоатунга, а мунгалы не могут того говорити и именуют Лохан* (С: Л. 97 об.); *Царствующий город Пежин, где стольной китайской бугдыханов город, которой по-татарски и по-калмыцки и по-русски именуется Канбалык, се есть ханов город* (С: Л. 90); *А великая стена именуетца по-китайски Джаси, а по-калмыцки и по-мугальски Калган* (С: Л. 104).

Общее представление русских о **речи** китайцев, характеризующейся тональным ударением и наличием горланных звуков, передает частое употребление глагола *кричать* по отношению к китайцам: *кричат по своему языку неведомо что* (Б2: Л. 115); *заргучей в то время учел кричать и говорить дворяном московским* (С: Л. 254 об.); *музыка играла умильно и человек тот кричал* (С: Л. 168), часто в сочетании с наречием *зычно*, первым значением которого является ‘*звонко*’ [36. Вып. 6. С. 72]: *стал человек тотчас кричать зычно по-китайски незнамо что <...> почал тот же человек кричать зычно* (С: Л. 165). Неосвоенность и непривычность для русского уха китайской речи выражается в текстах в варьировании иноязычной лексики: *асканама / асканяма / осканяма / асканьяма* (С: Л. 91, 92 об., 100) – то же, что боярин ‘*вельможа, знатный и богатый сановник*’ [36. Вып. 1. С. 309] (определяется по контексту), особенно имен собственных, ср.: *Черектин* (П1: Л. 6) и *Черехтун* (П2: Л. 364 об.), *Долон-Карагай* (Б1: С. 116) и *Доло-Карагай / Далан-Каргай* (Б2: Л. 72 об.), *Дархан-лама / Тархан-лаба* (С: Л. 93) и др. При этом за антропоним могло приниматься название должности, что отмечают комментаторы посольских отчетов¹.

Экзотичная **письменная** китайская **культура**, неразрывно связанная с языком, также привлекла внимание русских послов. В *Ведомости* встречаются следующие сведения: *А книги у них есть и знают четыре грамоты, а веру-*

¹ В частности, И. Петлин упоминает воеводу князя Бимбли и князя Фучака (П2: Л. 368), при этом Бимби соответствует китайскому *бинбай* ‘военный инспектор в окружном городе’, а фучан – китайскому *фуцзян* ‘полковник’ [30. С. 60].

ют и держатца одной грамоты (В: Л. 717 об.). Ее публикатор П.Е. Скачков уточняет, что лексему *грамота* в данном случае следует понимать в значении ‘письменность, письмо, азбука’ [36. Вып. 4. С. 119], подразумевая китайский, маньчжурский, монгольский и тибетский языки [35. С. 211]. Упоминание четырех разных видов письменности служит дополнительным подтверждением этнической неоднородности жителей Китая.

На особенности письма указывал еще И. Петлин: *А грамота у них есть, по своему пишут против себя в одну строку* (П3: Л. 356). Нетипичным для русских посланников показалось и размещение иероглифики на интерьерных или архитектурных объектах: *а по стенам выпи[саны] неведомо какие б[уквы]* (С: Л. 107), – часто без указания на те или иные особенности китайского письма: *писано золотом китайским письмом* (С: Л. 163 об.); *высечены слова по их китайскому языку и золочены золотом* (Б2: Л. 124). Н.Г. Спафарий, в соответствии с заданием, пытался найти грамматику китайского языка для последующего изучения, однако его попытки не увенчались успехом: *И посланник езуиту говорил, чтоб он сыскать грамматику китайскую. И он говорил, что де сыскать китайскую грамоту здесь невозможно, для того что у них грамматики нет и еще не сделана* (С: Л. 232 об.).

Важнейший показатель народа – система **верований**, о значимости которых свидетельствует неоднократно повторяемый вопрос в наказе посланнику: *И китайской хан и все китайцы какую веру веруют?* [32. Л. 113]. Томский казак информирует: *а знать, что идолопоклонство* (П3: Л. 356). Ф.И. Байков отвечает на вопрос так: *А вера у китайцев: молятся болваном* (Б2: 129). *Идолослужителями* (со слов иезуита) обозначает их и Н.Г. Спафарий (С: Л. 233). Религия столь непохожа на христианство, что посланники в отчетах постоянно обращали свое внимание на религиозную сторону жизни китайского общества – описанием храмов, монастырей, *мольбниц болванов*, кумирниц, разного рода божеств и храмовых служб. У И. Петлина есть такой комментарий по поводу веры: *А говорят так, ваша де вера одна с нашею была, а ваши де старцы черные, а наши де белые; а того де мы не ведаем, как наша вера от ваше отскочила* (П3: Л. 366). В более поздней по времени создания *Ведомости* сообщается о недавней смене вероисповедания у китайцев: *А принял калмыцкую веру прежней китайской царь, отец настоящего нынешнего царя, тому болии 20 лет* (В: Л. 724), причиной чего называется насланный на китайскую землю Далай-ламой непрекращающийся дождь. Храмы в этом памятнике названы *мечатями*, свадебный обряд – *мусулманским звичаем*, хотя детей после рождения *по мусулмански не обрезывают* (В: Л. 718). При этом отмечается, что *у них болваны повелись с образца индейских вер* (В: Л. 724). Столь эклектичный набор характеристик религии в *Ведомости* говорит, скорее всего, о компилиативном характере данного жанра, построенном на материале разнородных и разновременных источников, а также о понимании слова *мусульманский* (*мусурманский, бусурманский*) как ‘иноверческий, нехристианский’ [36. Вып. 1. С. 79]. Ср. у Ф.И. Байкова: *А бусурманья веруют свою бусурманскую веру* (Б1: С. 139).

К этнически значимым признакам относятся общий образ жизни народа, его социальный состав, основные виды занятий его представителей, что выделено нами в единый **социально-деятельностный сегмент** антропосферы в силу взаимосвязанности и взаимообусловленности этих характеристик. Так, *кочевными* в отчетах называются только калмаки и мугальские люди: *в тех местах кочуют мунгальцы* (Б1: С. 121); *В горах улусы калмацкие многие кочевые Аблая-тайши* (Б2: Л. 73 об.). Китайцы – оседлый народ¹, но замечания типа *многие люди, китайцы и мунгальцы, и пашну пашут* (С: Л. 35 об.) или *и приехали к первым китайским жицым людем* (С: Л. 99) (после многодневного описания пути по Китаю и встреч с его населением) свидетельствуют и о многонациональном составе Китайского государства, и о слабой дифференциации русскими людьми его населения, а также о возможных различиях в образе жизни одного народа. Ср.: *Многие мунгальские юрты кочевали и иные просо жали и молотили* (С: Л. 274); *А по другую сторону Черных мугалов жывут Желтые мугалы, и до моря, городовые и кочевые* (П1: Л. 12); *стоят 2 города каменные, да деревни брацкие земли жылыя, а на низ пошли улусы кочевые брацкие ж* (П1: Л. 23) – о каком-то из народов Приамурья.

Социальную структуру китайского общества составляют представители **административной и военной власти** (правители, чиновники, военные), **духовенство, торговые люди, ремесленники, земледельцы и маргиналы**. Так, верховный представитель **государственной власти** – император – именуется у И. Петлина как *китайский царь и князь*, у Ф.И. Байкова помимо наименования *китайский царь* встречаются также *богдыхан, царь богда и царь богда мугальского рода / царь китайского рода*, в *Ведомости – царь богдохон или богдохан*²; в статейном списке Н.Г. Спафария это *китайский бугдыхан, китайский хан, бугдыхан / богдыхан / хан*, а в общении с китайскими чиновниками посланник титуует его *государь их богдыхан, бугдыханово или ханово величество*³, что дает ему основание для обозначения Китая как *страны бугдыханова величества* (С: Л. 169 об.). Самотитлование императора демонстрирует его представление о государстве как центре мира (*Срединном государстве*) и исключительно значимом месте в нем себя – его правителя: *Хоанкти се есть миродержец или земледержец* (С: Л. 190 об.). Камнем преткновения в ходе выполнения российским посланником порученной миссии при дворе богдыхана стало требование принимающей сто-

¹ Н.Г. Спафарий указывает на оседлый образ жизни следующим образом: *село сидячее, юрты сидячие* (С: Л. 99 об.–100), И. Петлин оседлое население называет *городовым или жицым* (см. контексты выше).

² В *Ведомости* этот титул воспринимается именем: *А ково на Китайское государство царем обирают, и прозоветца то ему имя – Богдохон; а прежние имяна, как до царства, отставливают* (В: Л. 716).

³ В полученном им наказе неоднократно повторяется задание *уведать подлинно про ханово именование и титло, как он сам себя описует*, а при отсутствии информации обращаться к нему как *велеможнейший богдехан, города Камбалаыка и всего Китайского государства владетель* [32. Л. 83].

роны представить русский двор как просителя милости последней, а подарки русского царя – как дань китайскому. В результате долгих переговоров Н.Г. Спафарий все же добился короткой встречи с правителем, где в этикетной формуле «повитанья» прозвучало равенство сторон: *Великой самодержцец всего Китайского государства хан спрашивает – великий государь, всея России самодержцец, белой царь, в добром ли здравье?* (Л. 218 об.).

Структура государственного управления Китая в источниках представлена частично только у Н.Г. Спафария, единственного из посланников, допущенного ко двору. Так, в его отчете упоминается Государственный совет – дума: *та дума словет дума ханская* (С: Л. 173); *и ныне думают в верховой думе дати отповедь и против царского величества грамоты и статей* (С: Л. 176 об.); *всю ночь думали в ханской верховой думе* (С: Л. 268). Ф.И. Байков называет два приказа, с людьми которого он имел контакт: *Навстречу выслано от царя против посла царевых близких людей 2 человека, один седит в Мугальском приказе, а другой седит в Китайском приказе* (Б2: Л. 115). В списке Спафария – Мунгальской (Большой Мунгальской), Посольской, а также Верховой приказ, которым может обозначаться или Дума, или Государственная канцелярия [34. С. 562]. Особый интерес ученого человека вызвал *Астрологийский приказ*¹: *У китайского хана есть один приказ великой, и в том приказе учатся астрологию, се есть звездословие, потому что они пишут календари и минуты и разделяют по всему Китайскому государству, и затемнению солнца и луны смотрят же, и пушки лют и иные розные дела вымышляют* (С: Л. 121). Объяснение новой для языка этого периода лексемы *астрология (астрологий?)* (учение о расположении и движении небесных светил) [36. Вып. 1. С. 56] посредством русского слова *звездословие*, известного с глубокой древности, но остающегося книжным для XVII столетия [36. Вып. 5. С. 348], потребовало от посланника развернутого перечня выполняемых астрологами видов деятельности.

Хановы сродники (С: Л. 207 об.), советники и особо приближенные служащие приказов (*приказные, служильые люди*), придворные составляют разряд *близких*² (*близких*) хановых (*шаховых, боярхановых, царевых*) людей: *Прислал царь своих приказных близких людей к послу* (Б2: 118); *пристал к тебе своих близких людей, которые сидят в Посольском приказе и ведают приезды посольские всех посторонних государей* (С: Л. 124); *А на двор опричь близких людей никово не пускают* (В: Л. 717). Они же и другие люди в силу своего высокого социального положения (*бояре*³ – *уваны, ваны; боярские дети*⁴, *мандарыни, начальные люди*) именуются

¹ *Также приходил и товарыщ алихахавин, которой с ним служит в одном приказе астрологийском* (С: Л. 178 об.).

² Близкий – ‘приближенный, доверенное лицо’ [36. Вып. 1. С. 239].

³ Боярин – ‘высший служебный чин, а также лицо, пожалованное этим чином’ [36. Вып. 1. С. 308].

⁴ Представители низшего разряда служилых «по отечеству», т.е. по происхождению, людей [36. Вып. 1. С. 310].

честными людьми, т.е. достойными чествования – особых знаков почитания: *А навстречу высланы от царя, сказывают, честные люди* (Б1: 126); *приезжали многие честные люди мандарыны* (С: Л. 175 об.). Честным людям противопоставлены простые, рядовые, мелкие, челядь, плохие (низкого происхождения), дворовые: *А говорят те речи простые мелкие люди* (С: Л. 212); *А в царстве, как приехали, плохие люди, слезши с коней, честь воздавали* (С: Л. 105 об.); *А дворовых людей¹ у всяких людей живет по силе, хто чем может владеть* (В: Л. 718 об.).

Данные качественные характеристики (близость, честность), поддающиеся градации, позволяют Н.Г. Спафарию на их основе выстраивать социальную иерархию китайского общества: *А при хане был в первых боярех почен иной езут Адам Шал* (С: Л. 120 об.); *велел своим первым ближним людем в приказе* (С: Л. 134 об.); *приежжал к ним от хана самой ближней человек в молодых летех* (С: Л. 128); *будет встречю большой бодыханов ван* (С: Л. 105 об.); *велел принять ближним своим и честнейшим людем* (С: Л. 135 об.); *только те 2 ближние примут, которые у бодыхана ближние зело, и бутто 2 плеча в теле, а бодыхан голова* (С: Л. 129).

Служебная иерархия определяется чином, что характеризует людей по должности и званию: *неведомо какова чину человек... и всяких чинов служильые люди* (Б2: 124); *на той площади сидят мандарыны, а сидят всякой по чину своем* (С: Л. 163); *собрались все чиновные люди к хану* (С: Л. 216 об.); *а около ханова места и по всей полате сидели чиновные люди человек с 300 с перьями павлинными* (С: Л. 218). Вторые люди в государстве, занимающие верхнюю чиновную ступень, – *колаи*: *Первые наши бояре – колаи* (С: Л. 124); *И колаи помошники хану* (С: Л. 173). Посланник, добивавшийся вручения верительных грамот если не хану, то хотя бы его ближайшим родственникам, узнает, что *только честнее колаи, нежели братья* (С: Л. 137). В ответ на его замечание *Хановы братья и сыновья есть кровь ханская, также и наследники ханства они же поступает разъяснение: У них честнее колай нежели они, для того, что колай владеет всем царством, а братья хановы живут себе особно* (С: Л. 149). Более того: *А тот брат ево большой – начальник в ханской думе, только для ради чести, а что хочет тот колай, которой принел великого государя грамоты, то и делает* (С: Л. 154 об.). И среди них есть ранжирование по значимости: *первой колай, которой есть правитель всему Китайскому государству* (С: Л. 153); *А асканьяма после того пошол в верховой приказ к ближнему колаю* (С: Л. 172 об.).

Следующую чиновничью ступеньку занимают главы приказов (или их отделов, заместители глав?): *Приехали к посланнику боярин первой, которой сидит в Посольском приказе, алихамба да с ним асканьяма* (Л. 120 об.); *а ведает про то про все в Мунгальском приказе алихамба* (С: Л. 206 об.); *выходил по подарки алихамба да ближней ханов человек* (С: Л. 154); *приехал асканьяма, а с ним приехали ис приказу начальные люди, ис которого при-*

¹ Так же могут обозначаться и придворные: *И жалованья царского бояром и дворовым людем по тысячи лан* (В: Л. 718).

казу докладывают про послов (С: Л. 156). *А чин ево по-китайски алихахава* (С: Л. 121) – о главе Астрологийского приказа.

Чиновных людей обозначают также и другие наименования: *И посланник спрашивал у езуита, какие они люди? И он сказал, что де нынешней хан пожаловал их в мандарыни*¹ (С: Л. 165 об.); *И в Мунгальской приказ посыпал подъячего о выпуске бить челом заргучеем, и заргучеи пошли докладывать алихамбе* (С: Л. 192); *А провождатых дано из Канбалыка вместо детей боярских 2 человека; одному имя яргучей, а другому имя чиндама* (Б1: С. 132). Мелкие канцелярские служащие, делопроизводители чаще именуются привычной русскому слуху лексикой: *посольской дьяк* сказал: *у нас де чин таков* (П2: Л. 369 об.); *последние люди – дьяки* (С: Л. 124); *дьяки дневальные* (С: Л. 248); *Посольского приказу подъячие* (С: Л. 171). Есть в отчетах упоминания и о других придворных должностях: *сокольники* и *карлы* (П2: Л. 369), *батожники* (П1: Л. 17), *гонец* (Б1: 143), *спальник* (С: 155 об.), *стольник* (С: Л. 188), *скопцы* (С: Л. 168).

В обобщение следует отметить, что при обозначении сословной, чиновничьей иерархии в отчетах используется две тактики: первая предполагает называние людей по аналогии с русскими подобными системами и, соответственно, известными лексическими средствами русского языка (*ханово величество, бояре, дети боярские, начальные люди, карлы, подъячие*), а вторая включает использование иноязычной лексики, нередко толкуемой в силу ее экзотичности: *китайской подъячей бичечи*² (П1: Л. 22); *бояря, а по их языку уваны* (Б2: Л. 124); *ван* именуется *великий боярин* (С: Л. 91 об.); *а на левой стороне стоял тайша <...> и называют ево ваном* (С: Л. 96). Освоение данной лексики, выраженное в свободном употреблении этих слов после их представления, отмечается только у Н.Г. Спафария: *да вместе же ехал боярин асканама* (С: Л. 90 об.); *И у того Тархана-лабы лежал товарыщ асканямин* (С: Л. 93); *Сего числа асканяма послал заргучея в царство для извещения* (С: Л. 110); *Тут же кочует один ван, который тем всем улусом владеет* (С: Л. 97) и др.

Большой интерес российского двора вызывала *военная мощь* иноземного соседа: *Сколь сильно Китайское государство ратными людьми и казною, и каким строем те ратные люди, и сколько конных и сколько пеших, и каковы те ратные люди в бою, и какие у них бои, и с кем у них война, и за какие причины меж их чинитца война, и кто кому бывает силен?* [32. Л. 127]. Наиболее информативен в данном отношении отчет томского казака: будучи представителем военного сословия, И. Петлин живо интересовался этой стороной жизни государства. Например, он отмечает численность китайской армии: *людей в Китайском государстве <...> воинских множество* (П2: Л. 370 об.), – и упоминает о военных конфликтах с монголами: *воюются они с мугалы з жэлтыми* (П2: Л. 380). При этом служи-

¹ Китайские государственные чиновники [36. Вып. 9. С. 26].

² Как указывают публикаторы *Росписи*, заимствованное в китайский язык монгольское слово *бичечи* обозначает ‘писарь’ [30. С. 62].

вый человек сравнивает воинские качества обоих народов: несмотря на лучшую оснащенность оружием китайцев – *бой у них огненной <...> у мугал бой лучной* (П2: Л. 380), – монголы оказываются более воинственными: *Взяли у них муальские люди, пришел оманом, 2 города* (П1: Л. 22). Это дает ему основание сделать вывод, что китайцы – *люди не воинские и к бою ропливые* (П1: Л. 21, 22).

В более поздних текстах, относящихся ко времени смены правивших династий, информации на эту тему немного, и она иная. В частности, Ф.И. Байков сообщает о войне маньчжуротов и китайцев: *А ныне де у царя богды с сыном старого царя Дайбы бои бывают почасту* (Б2: Л. 180). В *Ведомости* читаем: *А огненного ружья у них мало и за-нет. А бой у конных и у пеших людей лучной* (В: Л. 719). При этом Н.Г. Спафарий отмечает у молодого императора увлечение науками и отсутствие интереса к боевым действиям – *а к воинским делам он несклонен* (С: Л. 267).

При номинации военных посланники использовали обозначенные выше две тактики, хотя явное предпочтение отдается первой. Так, во всех отчетах встречается *воевода* ‘лицо, представляющее высшую, чаще военную, власть на местах’ [36. Вып. 2. С. 261]: *их воевода встретил, честно и нарядно и людно* (П3: Л. 357 об.); *воеводы носят по 4 человека и по шты* (Б2: Л. 115); *И в том приказе посланника встретил старой воевода, а с ним многие честные люди* (С: Л. 45). Верный принципу социальной иерархии, Н.Г. Спафарий подчеркивает ранжирование и здесь: *наунской меньшей воевода* (С: Л. 231). Хотя *голова* толкуется как ‘должностное лицо, начальник’ [36. Вып. 4. С. 63], *казак*, описывающий охрану крепостных ворот, определенно имеет в виду воинскую должность: *у ворот стоят у всяких головы* (П3: Л. 357). Еще одна должность *начальных людей – сотник* ‘предводитель отряда в сто и более воинов’ [36. Вып. 26. С. 241]: *а с ним 2 человека приказные люди – жсанги, а по нашему сотники* (Б2: Л. 133); *встретили нас внезапно в лесу 6 человек таргачинских китайских сотников* (С: Л. 38 об.).

Широкая семантика номинемы *служильые люди* и ее вариантов *служильые люди, служильые* ‘лица, выполняющие определенные обязанности в пользу государства; несущие службу (в том числе военную)’ [36. Вып. 25. С. 131] позволяет предположить ее применение по отношению как к рядовому составу войска, так и к служащим вообще. Ср.: *с ними служильых людей 30 человек* (Б2: Л. 133); *на караулах стоят служильые люди с луками и с палками великими* (С: Л. 108); *6 человек таргачинских китайских сотников, да с ними 60 человек их служильых людей* (С: 38 об.) – *всяких чинов служильые люди* (Б2: Л. 124); *обнищал гораздо, что иногда и служильым нечим платить – о императоре* (С: Л. 180 об.). Для наименования первых И. Петлин использует слово *стрельцы* ‘воины особого постоянного войска’ [36. Вып. 28. С. 155]: *А у ворот стоят у всяких <...> стрельцы* (П3: Л. 357). Прилагательное *рядовой, конные / пешие люди* встречаются только в *Росписи* и *Ведомости*: *А конным людем рядовым дают по десяти лан на месяц. А пешим по пяти лан на месяц* (В: Л. 718). По их функции (стоять

караулы, или сторожи), наблюдаемой посланниками, они названы *караульщиками*: *А на воеводском дворе караульщики стоят с протазаны и с алебарды* (П2: Л. 368).

Характеризуя *духовное сословие*, посланники чаще всего называют его представителей *лаба / лоба / лама: лоба по тому, что у нас старцы, а у них то лоба* (П1: Л. 10); *и живут в том дворе лабы по их вере, а по-русски попы* (Б2: 115); *ламы по их вере, а по нашему попы* (Б1: С. 126); *их китайские лабы* (С: Л. 106 об.). Как видно из иллюстраций, в восприятии И. Петлина это монахи, называемые им еще *чернецы, старцы (белые)*, а у Ф.И. Байкова – священники, Н.Г. Спафарий же их может называть *старцами и жерцами* (жрецами). Верховное лицо (*начальник вере* – В: Л. 724) в духовной иерархии именуется тоже по-разному: *Кутуфта у них – то по нашему патриарх, а у них кутуфта <...> а по их вере цари кутуфтам поклоняютца* (П1: Л. 10); *А налеве того села живет мунгальской Дархан-лама, а в том селе ево лабин монастырь великой... и почитают ево с великою честию и поклоняютца ему до земли по 6 поклонов бутто богу*¹ (С: Л. 93); *Да иные ламы и монжи под ним Далай Ламою в Калмыцкой земле есть, послушины ему* (В: Л. 725). Последний пример являет еще одно наименование монахов – *монжи*.

Значительное количество людей *торгового сословия* в стране отмечал еще И. Петлин: *А люди в Китайском государстве не воинские: большой их промысл торги сильные* (П1: Л. 21); *люди торговые, а воинских не столько* (П3: Л. 359 об.). В торговле участвовали и духовные лица: *А от рубежа с тем товаром ездят из Ортуского государства, кутуфты и лобы* (П1: Л. 22). Даже с устранием титульного этноса из органов власти со сменой правления в Китае торговля осталась за ним: *На приказех ни у каких дел китайцов нет, кроме черные работы людей да торговых промыслов* (Б2: Л. 128). Неудивительно, что торговые ряды, лавки, предметы торговли многократно описываются во всех отчетах: *А ряд в том городе велик: лавки каменные, деланы по-русски з заметы, а позадь лавок поделаны дворы. Торгуют серебром, ланами, в вес* (Б2: Л. 109) и др. Варианты наименования сословия представлены только у Н.Г. Спафария: *чтоб бугдыханово величество поволил торговым людем притить к посланнику на подворье торговать вольно* (С: Л. 173); *торговые будут к вам приходить на двор* (С: Л. 143). У него же встречается название отдельного торговца: *та лавка купчины богатого* (С: Л. 223).

Ремесленное сословие, включая лекарей, людей искусства, почти не отражено в памятниках, и указание на них носит чаще косвенный характер: *а делает те полаты в крепком месте меж гор каменных, а мастера к нему присланы ис Китайского царства* (Б2: Л. 107); *слышали, что у вас есть мастера добрые к мостовому делу, а что к полатам мастеров мно-*

¹ Ему же принадлежит в другом источнике такое высказывание: *Кутухта лама словет для того, что он над всеми жерцами начальник, что у нас митрополит* (цит. по: [36. Вып. 4. С. 149]).

го (С: Л. 216); *2 человека вырезаны ис камени, и сказал асканяма, что то дело китайское* (С: Л. 99 об.). Н.Г. Спафарий еще упоминает художников, которые писали его *персону*, и врача: *А буде дадут персону, и тогда мочно подарить близких людей и живописцев* (С: Л. 210 об.); *человек разумной и дохтур, и лекарства у него много* (С: Л. 93 об.), а в *Ведомости отмечены лекари при мыльнях* (В: Л. 720), *харчевники* (В: Л. 721).

Та же тактика в описании **земледельцев** – людей сельскохозяйственного труда: *А орют плугом, сохи, так же, что у тобольских тотар; а бороны уски, а долги* (П1: Л. 10); *от тех мунгальцов до китайских пашен ходу день, где бывали прежния их пашни* (Б1: С.121), *пашни у них по-русски* (Б1: С. 123); *И везде место деланое, пашни, сады* (С: Л. 106); *Место хлебородное. А пашенных мест столь много, что ни сенных покосов и скота выпускать негде* (С: Л. 109 об.); *А хлеб яровой около города Камбалаика пашут и снимают одинова летом, а в дальних городех по дважды* (В: Л. 216). При этом *пашенными* в источниках названы только бухарцы: *избы у пашенных бухарцов глиняные* (Б1: С. 117).

Из социальных слоев осталось упомянуть о **деклассированных элементах**, для наименования которых томский казак в разных вариантах своего рассказа о поездке находит различные лексические средства: *ярыжных и поблядушок по кабакам много* (П1: Л. 14); *а ярыжек и женок блядок много* (П2: Л. 367 об.); *на кабакех де есть голыши и бляди* (П3: Л. 359). Из маргиналов он также называет *татей*, а Н.Г. Спафарий – *воров и мошенников*.

Следующий сегмент антропосферы представлен описанием **внешнего вида** жителей страны. Собственно **внешность**, несмотря на характерные и непривычные этнические черты лица, описывается посланниками как приятная и не отталкивающая: *А люди в Китайском муской пол и женской чист* (П1: Л. 22). Похожим образом И. Петлиным описаны и мугальцы: *А люди в Мугальской земле мужской пол нечисты, а женской пол добре чист* (П2: Л. 365 об.). Заметив необычные для русского человека внешние черты, он отмечает их – например, его поразило отсутствие усов и бороды у религиозных служителей: *А только в Мугальской земле 2 котухты, один в 20 лет, а другой в 30 лет, нет ни уса ни бороды <...> бороды и усы щиплют и бриют* (П2: Л. 366). В расспросных речах казак укажет на желтоватый цвет кожи азиатов: *А люди де добре торопливы и мухомуроваты и не чисты в лице* (П3: Л. 361 об.). Много о внешности китайцев писал и Ф.И. Байков – в частности, он называл их *дородными* (Б2: С. 137), сообщал: *А мужеск пол волосов на головах не держат, только наверх головы оставливают хохлы, а заплетают в косы с мугальского перевода* (Б2: Л. 129). Особенno он выделяет китаянок: *женск пол – ноги полные; <...> а волосы плетут в косы и обвивают около головы, а иные повязывают платами черными* (Б1: С. 138); *А у женского полу ноги малы, что ребяччи. А сказывают про то, что де их нарошно замаривают* (Б2: Л. 128). Н.Г. Спафарий же описал внешность только императора (*человек молод и на лицо щедроват, а сказывают подлинно, что ему 23 года* – С: Л. 167 об.);

А возрастом человек средней и шадровит лицом гораздо и черневат, усы малые черные, 23 лет – С: Л. 220) и его старшего брата (а на лицо он одутловат, а ростом будет лет в 30 – С: Л. 168 об.). В этих описаниях в соответствии с лексической системой старорусского языка *возраст* и *рост* замещают значения друг друга, характеризующие современный язык.

Следующим параметром, относящимся к внешнему виду, является *одежда*. Она описывается как добродетельная, качественная (а платье носят по своей вере хорошо – П2: Л. 365 об.), очень красивая (Люди в городе ходят нарядно: в отласном и в бархатном и в камчатом – П3: Л. 359), яркая и расшитая необычными узорами (на платье <...> деланы все змеи – Б2: Л. 125). Посланниками замечено, что рисунки на одежде и ее цвет характеризуют социальное положение людей: и платье, которое на нем [асканияме], то и чин назначен, потому что на грудях золотой жаравль вышил тканым золотом, а назади на спине такой же вышил (С: Л. 137); любят мужской и женский пол честные люди цветы черные, а иные рядовые люди – вишневой; а торговым людем тем образцом платье носить не вольно (В: Л. 718); платья на нем было: подысподом кафтан лазоревой, а верхнее было, как и на боярех, черной з золотом (С: Л. 219 об.). Они обращали внимание и на крой одежды: рукава у платья широки, что у летников (П3: Л. 359); а ожерелья у кафтанов у мужчин и у женщин большие по плечам (П2: Л. 365 об.); платье носят долго по земли и ног не видеть (Б1: С. 138); А платья носят на немецкую стать, суконные, добрые, рукава носят широки (В: Л. 718). Также в отчетах нашли отражение описание головных уборов китайцев: на головах носят зимою шапки низенькие черные, что старские, а наверху у тех шапок кисти шелковые красные велики; а летом шляпки маленькие же, плетены из камыша, а кисти такие же, что на шляпках (Б1: С. 138 – 139); и шапка тем же подобием, только на переди было зерно жемчужное великое, величинаю с орех небольшой (С: Л. 219 об.–220).

Менталитет восточного соседа (склад ума, набор культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, проявляющийся в том числе в поведении, традициях этноса) представлен непосредственно описанием *черт характера* и опосредованно – через изложение *истории* страны и *легенд*, записанных со слов китайцев. Так, к положительным *чертам характера* народа следует отнести миролюбие, неконфликтность: люди китайские к воинскому делу робливы¹ (П2: Л. 370 об.); зело послушны (С: Л. 95), – а также вежливость, гостеприимство, открытость: люди ласковы и советны, и в домех у них нескрытно, и входы в дома их свободно (В: Л. 718); и люди самые учтивые (С: Л. 110). Н.Г. Спафарий отмечал также увлечение науками: Китайцы не любят иное на свете так, что астрологическое учение, что минуты писати и календари и затмение солнца и луны и иные такие многие дела (С: Л. 179). Об императоре он писал: и ныне все

¹ В более раннем примере это качество китайцев обозначено им через другое прилагательное: А люди де добре торопливы (П3: Л. 361 об.). См.: торопливый ‘робкий, нерешительный’ [36. Вып. 30. С. 65].

во учении труждаются (С: Л. 267), ко всякому доброму делу склонен (С: Л. 144).

Двойственными выглядят оценки они лехче потеряют царство свое, нежели покинут обычай свой (С: Л. 181 об.), люд гордой <...> они люди гордые и упрямые (С: Л. 147 об.), так как посланник и китайские чиновники споровались многое время по вопросам этикета. Однозначно негативными выглядят отмеченные Н.Г. Спафарием такие качества, как лукавство, хитрость и склонность к воровству и мошенничеству: *И нет таких воров, что китайцы <...> и мошенников зело много* (С: Л. 231 об.); *А все продают лукавством и не стыдятся и что стоит лана, а они просят сто, да и во всяких торгех таких лукавых людей иных на свете нет* (С: Л. 225); *челядь боярская воровали и крали много ж* (С: Л. 231), а также тяготение к хвастовству и преувеличениям: *А знатно, что он хвастает* (С: Л. 210); *от той стены, китайцы хвалиются, что когда строили, на горах камения не осталось, а на степях песок, а в реках воды, а в лесах древа* (С: Л. 103) – о строительстве Великой китайской стены. При этом иные отрицательные отзывы в его отчете принадлежат миссионеру-иезуиту: *А они люди варвары, честь воздавати не умеют, потому что своего хана именуют земляным богом и миродержцем* (С: Л. 181 об.). Крайне любопытным представляется именование китайцев *татарами*, свидетельствующее о наличии у последнего существительного значения ‘нехристианин, басурманин’ – надо полагать, с разного рода отрицательными коннотациями: ...учали хлопать плетьями трижды по трижды. *И посланник у езуита спрашивал: для чего так плетьями хлопают? И он сказал, что де изстари у них, татаров, тот обычай, и никто не знает для чего они так хлопают* (С: Л. 165)¹. В *Ведомости* отмечаются также судебное волокитство и взяточничество: *судят волокитно и с поманкой, и посулами перемагаютца* (В: Л. 723 об.).

Представления о китайском народе, понимание им мира и своего места в нем отражают приведенные в отчетах фрагменты *истории* Китая², но особенно – *легенды* и мифы страны. В их числе – сказания о насланном наводнении, заставившем переменить веру: *И он Далай Лама напустил дождь, и было того дождю шесть недель беспрестани, день и ночь; И едва было Китайского царства не потоплено водю* (В: Л. 724), о рождении Далай-ламы: *А как месяц млад, так и он Далай млад. А как месяц вперекре, и он в то время в Середоличь (всередович), а как месяц в полне и он в то время стар: он же умирает, и опять он же родитца* (В: Л. 724 об.), – вызвавшее у русских сомнения в истинности этого факта: *А иные про то говорят, что ложь* (В: Л. 724 об.). Способность к воскреп-

¹ Возможно также предположить, что маньчжурцев (монголов) говорящий воспринимает как представителей татарского этноса.

² *А природою они [богдыханы] настоящее их китайских царей – дюрчитово [маньчжурского] роду, что кочуют возле Сибири, в Даурской земле <...> А природных китайцев из царствующего своего града царь выводит в иные, в далные города, а в их место населяет природными своими даурцами* (В: Л. 716).

сению одного из китайских патриархов оспаривается уже в рассказе И. Петлина: *А то солгано, что кутухта умер да в земле лежал 5 лет, да опять ожил, и то враки Ивана Петрова: человек де умрет и как де опять оживет?* (П2: Л. 366).

Последним из выделенных нами сегментов являются номинации различных **обычаев** китайского народа, в него вошли обозначения **ритуалов** и **традиций**, формирующих поведение представителей того или иного этноса, а также **этикета** как своего рода неосознаваемого ритуала. Описания различных **ритуалов**, таких как родильные, свадебные и погребальные, весьма информативны и полнее всего представлены в Ведомости. Например: *А как детей родить, и попов в дома призывают, и имена им дают, и над ними поют <...> А кто де у них в Китаях умрет, и тем людем делают гробы дощаные, и великие и высоки, и красят всякими красками. А жена де и дети и род того умершего в то время наряжатца в белое платье и провожают до мечетей, а с ними идет поп и говорит неведомо что, и похороня того умершаго, род в том белом платье ходят до шти недель* (В: Л. 719). Во всех источниках уделено место религиозным обрядам и поведению молящихся в храмах: *Как затрубят в трубы, да станут бить в бубенцы, да припадут на коленцы, да руками сплеснут, да разхватят руки, да ударятца о середу, да на середе л[е]жат с полчаса* (П1: Л.8); *и сядут около ево [Далай-ламы] вокруг и чтут, всяк в свою, книги, а иные в бубны и в трубы трубят, и в ладоши бьют, и в чаши медные бречат, и в волынки играют* (В: Л. 724 об.) и др.

В описании **традиций** народа акцент делается прежде всего на их своеобразии и непохожести на элементы русской культуры. Так, в памятниках представлены сбор денег на строительство храма (*ход[я]т* 3 человека по рядом; 2 человека *постукивают палочками в колоколец в деревяной, а третей человек образ носит за плечьми, да также в колоколец постукивает, а образ велик и широк* – П1: Л. 18), обычай носить зонты над начальными людьми (*перед воеводами носят солнишники бумажные, желтые, велики, на стегах, несет один человек* – Б1: С. 126), ритуал закрытия и открытия городских ворот (*А как солнышко за лес сядет, и караульщики ис трех пищалей выстрелят трежды зуино, да станут бить по литаврам, бьют часа ночи три, да перестанут бить, да опять выстрелят трожды на утряной зоре, а города не отпирают часов до шти дни* – П1: Л. 14), манера сопровождения и приветствия китайских чиновников (*А перед асканямою <...> были 2 бунчюка крашены из волосов конских небольшие. И те бунчюки везли во всю дорогу перед ним. И те бунчюки знак чести ево* – С: Л. 105 об.) и многие другие.

Особого внимания заслуживает описание **придворного этикета**, существенно отличающегося от бытовавшего на Руси этого периода и вызвавшего разногласия у китайских чиновников и русских послов. И. Петлин сообщил о нем немногое словами китайцев: *А у нас де в Китайском государстве чин таков: без поминков перед царя нашею Тайбуна не ходят* (П1: Л. 20). Для Ф.И. Байкова, прибывшего с государевыми любительными

поминками, эта информация уже не была новостью, но он отказался передать цареву грамоту приказным людям и кланялся, *припадши на колени, в шапке* (Б2: Л. 116), боясь уронить достоинство своего государя, из-за чего его посольство потерпело неудачу. В свое оправдание он передает слова приказных: *А царевых очей никогда де сами не видают* (Б2: Л. 25). На встрече с императором долго настаивал и Н.Г. Спафарий: *ни в котором царстве тово не ведетца, чтоб грамоту великого государя отдать ближним людем* (С: Л. 108). Опытному дипломату в ходе длительных переговоров удалось достичь компромисса, передав верительную грамоту вторым людям государства в близком присутствии правителя от места передачи, после чего он попал на прием к китайскому правителью, не нанеся урона чести русского царя.

Соответственно, особенности китайского придворного этикета наиболее полно отражены в его отчете. Посланник отмечает, в каком порядке проходят и рассаживаются в присутственных местах чиновники, кому и как кланяются, в каком приказе решаются те или иные вопросы и др. Профессионализм дипломата проявился в детальном изложении последовательности и продолжительности ритуальных этикетных действий, что могло послужить в будущем учебным пособием по китайскому придворному церемониалу: *И опять кричал: поклоните главы свои до земли! И поклонились потихоньку до земли, подпираясь обеими руками на землю, и опять потихоньку подымали главы з земли, бутто у нас женской пол кланяется. И опять кричал: поклонитесь! И опять поклонились. И в третей опять кричал, и поклонились. И опять кричал: восстаните! И они встали и стояли немногого на ногах <...> И то учинили на трех стульях, трижды пали на колени и девятью поклонились головами до земли, и те 9 поклонов держали с четверть часа* (С: Л. 165 об.).

Особенности придворной жизни, помимо отчета Н.Г. Спафария, отмечены еще в *Ведомости*, где упоминаются, например, многоженство (*А царицы держат по две и по три, а наложници держат и помногу против турецкого звука –* В: Л. 717) и содержание при императорском дворе евнухов (*А при царе и царицах живут волохи. А волошат их во младенчестве: истирают ядра руками, а не вырезывают* – В: Л. 717).

Все названные выше сегменты антропосферы отмечены в каждом из исследованных источников, что свидетельствует о сформированности у русского человека концепции представления другого этноса как общности, занимающей отдельную территорию и говорящую на одном языке, имеющую свою социальную структуру, особую систему верований, характерную внешность и ритуально-поведенческие стереотипы. Тем не менее проведенный анализ выявил специфические черты презентации иноземья и иноземного населения у разных авторов, выразившиеся в более пристрастном внимании к той или иной сфере чужого мира, выделении в них элементов разного рода, их маркировании различными способами и языковыми средствами. Информацию первого рода отражает следующая таблица, представляющая наиболее репрезентативные аспекты описания антропо-

посферы и их долю (в %) в общем числе случаев актуализации в текстах информации о чужеземье и его отдельных реалиях.

Ведущие сегменты антропосферы и их доли, %

Параметры описания	И. Петлин	Ф.И. Байков	Н.Г. Спафарий
Социальное положение, деятельность	43	40	37
Менталитет	25	14	25
Внешность	24	21	9
Язык	3	18	15

Несмотря на близость чисел первого параметра, он выявлен в памятниках элементами разного содержания, что обусловлено социальными различиями и характеристиками их авторов. Так, казак И. Петлин как представитель простого народа и носитель наивного сознания наибольшее внимание уделяет понятному для него миру своего, военного, сословия и маргинальным слоям городского населения, а также духовенству – в силу его экзотичности по сравнению с православным: *а постригаютца маленъки, лет в 10, а плоду женсково не знают от матери <...> а ходят без штанов, а мясо едят по вся дни* (П1: Л. 10). Ф.И. Байков, будучи администратором, тоже интересуется воинскими людьми (*А ездят и пеши ходят мугальцы все с селемами и с саадаками, а китайцы ходят и ездят просто без ружья –* Б2: Л. 128), но более – градостроением и его мастерами, так как он участвовал в строительстве острога в Валуйках, а накануне отправки в Китай руководил возведением городовых укреплений в Мангазее [37. С. 267]: *Аблай-тайша делает город, а про то подлинно неведомо – каменной ли или деревянной, а лесу навожено много; лес сосновой тонок, как у нас на Руси в городех, около городов оплоты ставят <...> а мастера к нему присланы из Китайского царства* (Б1: С. 119). Именно ему принадлежит разноспектная характеристика народа в целом – его этнического состава, благосостояния, численности: *живут де тамо все китайцы, а мугальцов нет ни единого человека* (Б2: Л. 123); *людишка добре худы, а житье их самое нужное* (Б1: С. 120). Помимо упомянутых выше коренных народов он отмечает длительно проживающих в Китае европейцев: *А в Китайском царстве многих земель люди немцы: француские, ливонские, испанские, итальянские <...> а живут из давных лет* (Б1: С. 139), – указывает на их миссионерскую деятельность: *И китайцов в свою веру приводят многих* (Б2: Л. 131). Дипломат Н.Г. Спафарий описывает структуру государственного управления, чиновничью иерархию, характер вассальных отношений между народностями: *А до высокие стены китайские надо всеми мунгальскими людьми владеют по их родословию 42 вана и тайши, а научные воеводы владеют таргачинами и над теми, которые живут по реке Гану и по реке Науну, и надо всеми даурами и жучарами, и собольными промыслы они же владеют, и ходят они зимою на Амур и на Зию-реку и с нашими промышляют соболи вместе, а бугдыхану дают на всякой год по соболю доброму* (С: Л. 91 об.).

Интерес к внешности китайцев (телосложению, прическам, одежде) постепенно угасает от памятника к памятнику. При этом внимание И. Петли-

на сосредоточено в основном на облике и одежде духовных лиц: *а манаты на них камчатые, камки розные цветы, а боры у манатей – что у них старцов, а клубуки у них желтые* (П1: Л. 10), – чего нельзя сказать о Ф.И. Байкове, который проявляет интерес ко всем увиденным слоям общества, в том числе женщинам: *А мужеск пол платье носят долгое с пугвицами, а застегают под пазухою <...> А платье носят мужеск пол и женеск смирное, а цветного платья, кроме царева двора и уванов, не носят* (Б2: С. 137). Как уже отмечалось, Н.Г. Спафария в этом аспекте заинтересовалась только властная верхушка: *А платья носит он [езуит алихахава] богдойское ж, только бороды не бриют* (С: Л. 121).

Сфера языка в отчете И. Петлина лишь слабо затронута: *А говорят так: ок! ок!* (П1: Л. 19), – но представительна у Ф.И. Байкова и Н.Г. Спафария. Если первый соотносит иностранные слова только с русским языком и со жалеет об отсутствии в составе посольства лиц, знающих языки¹, то второй часто дает более пространные лингвистические справки и настаивает на дублировании перевода на латинском, известном ему: *был челом посланник колаю, чтоб он сказал те ж речи по-китайски езуиту, а езуит бы по-латыни для лутчего выразумления сказал посланнику* (С: Л. 259 об.). Для него же характерно пристрастное внимание к состоянию науки в стране – именно Н.Г. Спафарий стремился найти грамматику для изучения китайского языка и первым обратил внимание на увлечение китайцев астрологией. Все сказанное свидетельствует о широкой эрудиции, высоком уровне образования, начитанности посланника (известно, что он перед поездкой знакомился с отчетами предыдущих посольств). В целом же от памятника к памятнику наблюдаются снижение интереса к очевидной внешней экзотичности различных параметров описания человека чужой культуры и рост внимания к более абстрактным характеристикам, таким как язык, характер, традиции и этикет.

Одновременно источники различаются способами и языковыми средствами обозначения иноземного мира. С наибольшей очевидностью разница проявляется при сопоставлении материалов отчетов И. Петлина и Н.Г. Спафария – лиц, максимально противопоставленных по социальному положению, образованию, сферам интересов, жизненному опыту. Так, все увиденное в чужеземье вызывало у казака неподдельное удивление и восторг, он не отмечает негативных качеств иноземцев. Его *Роспись* в форме коротких путевых заметок отличается частым выражением чувств по поводу наблюдаемого: *неизреченное чудо* (П1: Л. 8), *ино манне уподоб[и]ся* (П1: Л. 16), *велик страх человека изымет и неизреченное диво* (П2: Л. 365 об.). Лаконичность петлинских описаний в определенной степени компенсируется подобной эмоциональностью и оценочными определениями: *людей з 2000 человек, все в нарядном платье* (П3: Л. 357 об.); *А людей добре*

¹ *А которые руские люди с теми немцами и видались, и руские люди не знают немецкого языка, а немцы не знают русского языка. А спрашивали они: кто б умел по-латыни? И с послом таких людей не было* (Б2: Л. 132).

множеством много (П3: Л. 358). Он практически не употребляет экзотизмы, заменяя их близкими по значению русскими словами: *а у чернечов их маната, что руские ж, збором, а клобуки желтые* (П3: Л. 355 об.). Отчет Н.Г. Спафария, напротив, представляет собой значительный по объему труд с предельно детальным описанием страны пребывания – со сложными конструкциями, свободным употреблением иноязычных слов, что характеризовало формирующийся дипломатический язык того времени. Например, назвав религию *идолопоклонством*, предмет поклонения буддистов И. Петлин именует исключительно *болванами* (*Во храмех деланы болваны прелестью, как есть человек, и вызолочены. А иные болваны зделаны на зверях, а иные писаны на бумагах и kleены на досках и ставлены по стенам* – П3: Л. 355 об.), тогда как Н.Г. Спафарий при их именовании пользуется синонимами, отдавая предпочтение первому (*сидит высокой идол, подобие царское <...> на стороне стоят 2 великие болвана <...> и в ней <кумирнице> идолов много ж* – С: Л. 111–112). Или: первый лишь отмечает *А питье заморское всякое – мед и вино, а пиво руское* (П3: Л. 358 об.), второй же указывает названия спиртных напитков (*тарасун*), сравнивает их с *романеей* (С: Л. 105) или *ренским* (рейнским) вином (С: Л. 221 об.), дает им оценку, сообщает о технологии изготовления и виноделах (*езутах*).

Иначе говоря, безыскусность восприятия и реакций на все новое и необычное воплощается в простоте языкового выражения (*а блуда женского не знают от матери* – П2: Л. 366; *а за татьбу у них вешают татей, а [за] розбой на кол сажают и головы секут, [за] prop[и]сь руки секут* – П1: Л. 14 об.), а его сложность и особая глубина постижения вопроса и его представления требует пространного изложения, с установлением причинно-следственной связи передаваемой информации: *<...> у всех государей и монархов есть такой обычай, что послы не токмо словесно говорят, что им приказано, но и на письме дают те же речи для ради верности, и ближние люди также дают отповедь на письме ж, и я готов здесь и на письме дать те же речи, что говорю от страны царского величества, потому что не от себя говорю, но по указу великого государя* (С: Л. 131); как *солнце на стене ударит сиянием своим и опять те же сияния назад возвращаются, так чаел, и от страны бугдыханова величества взаим потому ж любовь будет ж* (С: Л. 140).

Выводы

Статейные списки предоставляют богатый языковой материал для изучения темы восприятия и именования реалий чужеземного мира русским человеком XVII в., интерес к которому нельзя объяснить лишь предписаниями царского наказа, поскольку тяга к новому, неизвестному составляет естественное человеческое качество. Об этом свидетельствуют и проанализированные отчеты о поездках в Китай, и созданная на основе расспросов многих путешествующих лиц Ведомость, где выделено более тысячи случаев актуализации внимания к различным сторонам бытия иноземья: ее

населению, природе, результатам человеческой деятельности. О значимости материалов наших источников говорит их включение в иллюстративные части статей Словаря русского языка XI–XVII вв. на многие лексемы (зучно, кумирница, мудрость, отскочить, тайша и др.), причем для большинства слов они стали единственными (батожник, ван, колай, кутуфта (кутухта), лаба (лоба), лабинский (лобинский), лама, мандарин, монжса, поблядушка, тарасун и др.) или первыми по времени фиксации (богдыхан (бугдыхан), заргучей). Данные лексемы могут пополнить его словарь новыми единицами (алихамба, алихахава, аскан(ъ)яма, идолопоклонство, китаянин, сбираться на конь ‘готовиться к походу, войне’) или их формальными (маната – есть манатья, манатейка, манатейца, манатье ‘мантия, монашеское облачение’ [36. Вып. 9. С. 25–26]) и / или семантическими вариантами (мухомуроватый ‘желтоватый, с оспинами? пятнами’ – есть мухортый, мухоморый, мухортенъкий ‘с желтоватыми или белесыми подпалинами у морды, ног и в паху лошади’ [36. Вып. 9. С. 317]). Эти данные подтверждают лингвистическую ценность памятников и указывают на большие перспективы их разработки в обозначенном аспекте, обусловленные богатством и разнообразием отраженных в источниках фактов.

Анализ доказал перспективность источников в изучении антропосферы чужеземья, представленной в них более чем тремястами примерами, что составляет 25–27% от числа контекстов во всех исследованных памятниках независимо от их объема. И хотя описание человека восточной культуры и его отличительных особенностей не входило в задачи ни одного из посольств, значительная доля микротекстов, посвященных созданию образа иноземца, свидетельствует о важнейшем месте человека в общем представлении о чужой стране. Выявленные аспекты номинации (государство, структура его управления и социальные слои, язык, верования, внешность, характер, традиции) соответствуют сложившимся издавна представлениям об этнических общностях. Обращение к разновременным источникам показало, с одной стороны, постепенность накопления информации о восточном соседе, с другой – отсутствие преемственности в рамках этого процесса, поскольку от памятника к памятнику значительно отличались не только цели посольства, уровень кругозора и осведомленности авторов, но и социально-политическая обстановка, как внешняя, так и внутренняя, существовавшая в конкретный период XVII в. в обеих странах.

Индивидуальность посланников, их ценностная парадигма и личные интересы нашли отражение в восприятии и презентации различных реалий, незнакомых до момента поездки. Избирательное внимание к отдельным сферам нового мира, подробности его маркирования, способы и средства номинации позволили посланникам проявить свой характер: И. Петлина можно считать типичным представителем казачьего сословия, обладающего однако живым умом, эмоциональностью и непосредственным, наивным восприятием новых реалий; Ф.И. Байков в тексте предстает опытным руководителем и строителем, ответственно подходящим к любой возложенной на него миссии, отличающимся внимательностью к деталям и серьез-

ностью; статейный список Н.Г. Спафария выдает в нем искушенного и проницательного дипломата, обладающего большим опытом, развитым интеллектом, получившего блестящее образование и не лишенного воображения и дара к художественному слову.

Содержание посольских документов XVII в. позволяет создать исчерпывающую картину того, что есть Китай и его жители с точки зрения средневекового русского человека. В жанрах посольской деловой письменности нашли отражение и идеи о том, что чужое – не значит плохое, оно лишь другое и потому заслуживает изучения и уважения. В проанализированных источниках нет того презрительного отношения к китайцам и к их родине, которое встречается в западноевропейских трудах о Китае этого периода [35. С. 209]. Именование людей *погаными* в отчете Ф.И. Байкова обусловлено исключительно неприятием китайской кухни: *едят всякой гад, лягушини и черепахи и собак едят, и в рядах собачья мяса вореное про- дают* (Б2: Л. 129). О китайцах и китайской культуре говорится достаточно уважительно. Полное формирование определенного этнокультурного стереотипа было еще впереди, но образ миролюбивого, учтивого, трудолюбивого, мастеровитого, при этом не лишенного хитрости китайца, во многом экзотичного и не до конца понятного, начинает складываться уже с конца старорусского периода – времени первых активных контактов двух государств.

Список источников

1. Мигурина Н.И. Типы номинации для обозначения статусов лица в современном русском языке. Кишинев : Штиинца, 1980. 90 с.
2. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
3. Фененко Н.А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.
4. Федорова Н.В., Карпова А.В., Стихарёва Ю.А. Бытовые реалии в английском языке и их передача на русский язык (на примере художественного произведения) // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 225–240. doi: 10.7256/2454-0749.2019.6.31187
5. Мартынова Н.А. Именование инокультурных реалий (передача имен русскокультурных реалий в англоязычном дискурсе) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2004. 23 с.
6. Цисельская Е.С. Формирование и трансформация образа Китая в Европе (середина XIII – конец XVIII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.
7. Саркисова Г.И. Некоторые аспекты жизни Цинской империи в восприятии членов VII русской православной миссии в Пекине (1781–1794 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20, № 20. С. 343–362.
8. Петрова А.А. Китай на рубеже XIX–XX веков глазами испанского дипломата // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2016. № 16-1. С. 97–110.
9. Возчиков Д.В. Кисть и фарфор: представления о Китае и дальневосточной морской торговле английского купца второй половины XVI века // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 1. С. 151–161.
10. Кричевский Б.В. Овладение русскими средневековыми посольствами дипломатическим этикетом в странах Восточной Азии // Университетский научный журнал. 2018. № 40. С. 77–87.

11. *Благодер Ю.Г.* Записки князя К.А. Вяземского о путешествии по Китаю в 1894–1895 годах как исторический источник (по страницам журнала «Русское обозрение») // Научный диалог. 2019. № 3. С. 231–245.
12. *Wue R.* China in the World: On Photography, Montages, and the Magic Lantern // History of Photography. 2017. Vol. 41, is. 2. P. 171–187.
13. *Арутюнян Ю.И.* Интерпретация Дальнего Востока в Европейской печатной графике XVII века // Месмахеровские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию воссоздания Ленинградского художественно-промышленного училища. СПб., 2020. С. 161–167.
14. *Богодерова А.А.* Маньчжурия в русских травелогах рубежа XIX–XX веков // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2016. С. 127–150.
15. *Mironesko A.M., de Deu J.R.M.N.* China and the Far East in Benjamin de Tudela's story (12th century). Realities and fantasies // Quaderns de filologia-estudis literaris. 2018. Vol. 23. P. 143–156.
16. *Terian A.* Cultural triangulation in Romanian travelogues to China under Communism // World Literature Studies. 2019. № 11 (2). P. 16–30.
17. *Моисеева Е.Н.* Восток в произведениях русско-французской путешественницы, княгини Лидии Пашковой: раздвигая границы ориенталистского дискурса // Гуманистические и юридические исследования. 2019. № 1. С. 136–142.
18. *Моисеева Е.Н.* Путешествие Эрнеста фон Гессе-Вартега в Китай: повседневная жизнь европейца на дальнем Востоке // История и историческая память. 2019. № 18. С. 37–48.
19. *Шастина М.В.* Эволюция образа Китая в западноевропейской культуре // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию факультета иностранных языков Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета. Елабуга, 2015. С. 258–262.
20. *Ши С.* Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX – начала XX века // Филология. 2016. № 4 (46). С. 280–287.
21. *Ши С.* Образ китайской культуры в путевых очерках, опубликованных в СССР в 1920–1930-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 113–122.
22. *Паликова Т.В.* Восприятие «востока» в эпистолярном наследии путешественников в Китай и Монголию в XIX – начала XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 2. С. 68–76.
23. *Kato D.* Two women travellers across a contested landscape: Emily Georgiana Kemp and Yosano Akiko in Northeast China // Studies in Travel Writing. 2018. Vol. 22, is. 2. P. 142–161.
24. *Liu X.* Reversing the view of ‘political pilgrims’: re-examining Italian travelogues about China in the 1950s // Journal of Modern Italian Studies. 2018. Vol. 23, is. 3. P. 256–273.
25. *Choi J.Y.* A ‘Most Interesting Subject for the Investigation of the Philosopher’: Conjectural History in John Barrow’s Travels in China // Journal for Eighteenth-Century. 2019. № 42 (3). P. 303–320.
26. *Гао Ж., Лю Яи, Позднякова А.А.* Размышления о государственном имидже Китая в книге очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Преподаватель XXI век. 2019. № 3. С. 275–288.
27. *Merezhinska G.* The image of the other in the modern prose about China: strategies of the dialogue of the cultures // The European Journal of Literature and Linguistics. 2019. Is. 4. P. 56–63.

28. Старикова Г.Н. Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 51–65. doi: 10.17223/19986645/33/5
29. Старикова Г.Н. Отчет И. Петлина о поездке в Китай как лингвистический источник // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 71–85. doi: 10.17223/19986645/34/7
30. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М. : Наука, 1966. 160 с.
31. Казакевич О.А. Компилиативные жанры деловой словесности на основе литературы путешествий XVII в. // Казанская наука. 2021. № 5. С. 46–49.
32. Наказная память, данная из Посольского приказа Н.Г. Спафарию о посольстве в Цинскую империю. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/XVII/1600-1620/Rus_kit1/181-200/182.php (дата обращения: 20.09.2022).
33. Жожене за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. 2-е изд., доп. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 282 с.
34. Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / под ред. В.С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 611 с.
35. Скачков П.Е. Ведомость о Китайской земле // Страны и народы Востока: география, этнография, история. М. : Изд-во вост. лит., 1961. Вып. II. С. 206–219.
36. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука–Азбуковник–Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30.
37. Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Мангазея: отчет последнего воеводы // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 253–269.

References

1. Migirina, N.I. (1980) *Tipy nominatsii dlya oboznacheniya statusov litsa v sovremenном russkom yazyke* [Types of Nomination to Designate the Status of a Person in Modern Russian]. Kishinev: Shtiintsa.
2. Kretov, A.A. & Fenenko, N.A. (2013) Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of realia]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 7–13.
3. Fenenko, N.A. (2009) Dve strategii perevoda realiy [Two strategies for translating realities]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 121–128.
4. Fedorova, N.V., Karpova, A.V. & Stikhareva, Yu.A. (2019) Bytovye realii v angliyskom yazyke i ikh peredacha na russkiy yazyk (na primere khudozhestvennogo proizvedeniya) [Everyday realities in English and their translation into Russian (on the example of a work of art)]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 6. pp. 225–240. doi: 10.7256/2454-0749.2019.6.31187
5. Martynova, N.A. (2004) *Imenovanie inokul'turnykh realiy (peredacha imen russkokul'turnykh realiy v angloyazychnom diskurse)* [Naming other cultural realia (translation of the names of Russian cultural realia in the English discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
6. Tsisel'skaya, E.S. (2009) *Formirovanie i transformatsiya obraza Kitaya v Evrope (seredina XIII – konets XVIII vv.)* [Formation and transformation of the image of China in Europe (mid-13th – late 18th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
7. Sarkisova, G.I. (2015) Nekotorye aspekty zhizni Tsinskoj imperii v vospriyatiu chlenov VII russkoj pravoslavnoj missii v Pekine (1781–1794 gg.) [Some Aspects of the Life of the Qing Empire as Perceived by the Members of the 7th Russian Orthodox Mission in Beijing (1781–1794)]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istorija i sovremennost'*. 20 (20). pp. 343–362.

8. Petrova, A.A. (2016) Kitay na rubezhe XIX–XX vekov glazami ispanskogo diplomata [China at the turn of the 19th–20th centuries through the eyes of a Spanish diplomat]. *Trudy kafedry Istorii novogo i noveyshego vremeni*. 16–1. pp. 97–110.
9. Vozchikov, D.V. (2017) Kist’ i farfor: predstavleniya o Kitae i dal’nevostochnoy morskoy torgovle angliyskogo kuptsa vtoroy poloviny XVI veka [Brush and porcelain: ideas about China and the Far Eastern maritime trade of an English merchant in the second half of the 16th century]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 1 (47). pp. 151–161.
10. Krichevskiy, B.V. (2018) Ovladenie russkimi srednevekovymi posol’stvami diplomaticeskim etiketom v stranakh Vostochnoy Azii [Russian medieval embassies mastering diplomatic etiquette in the countries of East Asia]. *Universitetiskiy nauchnyy zhurnal (filologicheskie i istoricheskie nauki, arkheologiya i iskusstvovedenie)*. 40. pp. 77–87.
11. Blagoder, Yu.G. (2019) Zapiski knyazya K.A. Vyazemskogo o puteshestvii po Kitayu v 1894–1895 godakh kak istoricheskiy istochnik (po stranitsam zhurnala “Russkoye obozreniye”) [Notes of Prince K.A. Vyazemsky about his travels in China in 1894–1895 as a historical source (on the pages of the Russkoe Obozreniye magazine)]. *Nauchnyy dialog*. 3. pp. 231–245.
12. Wue, R. (2017) China in the World: On Photography, Montages, and the Magic Lantern. *History of Photography*. 41 (2). pp. 171–187.
13. Arutyunyan, Yu.I. (2020) [Interpretation of the Far East in European printed graphics of the 17th century]. *Mesmacherovskiye chteniya* [Mesmacher Readings]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 75th anniversary of the reconstruction of the Leningrad School of Industrial Art. pp. 161–167. (In Russian).
14. Bogoderova, A.A. (2016) Man’chzhuriya v russkikh travelogakh rubezha XIX–XX vekov [Manchuria in Russian travelogues at the turn of the 19th–20th centuries]. In: Pecherskaya, T.I. & Konstantinova, N.V. (eds) *Russkiy travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives]. Novosibirsk: NSPU. pp. 127–150.
15. Mironesko, A.M. (2018) China and the Far East in Benjamin de Tudela’s story (12th century). Realities and fantasies. *Quaderns de filologia-estudis literaris*. 23. pp. 143–156.
16. Terian, A. (2019) Cultural triangulation in Romanian travelogues to China under Communism. *World Literature Studies*. 11 (2). pp. 16–30.
17. Moiseeva, Ye.N. (2019) Vostok v proizvedeniakh russko-frantsuzskoy puteshestvennitsy, knyagini Lidii Pashkovoy: razdvigaya granitsy oryentalistskogo diskursa [The Orient in the Works of the Russian-French Traveler, Princess Lidia Pashkova: Pushing the Boundaries of Orientalist Discourse]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 1. pp. 136–142.
18. Moiseeva, Ye.N. (2019) Puteshestviye Ernesta fon Gesse-Vartega v Kitay: povsednevnyaya zhizn’ yevropeytsa na dal’ nem Vostoke [Ernest von Hesse-Wartegg’s Journey to China: Everyday Life of a European in the Far East]. *Istoriya i istoricheskaya pamiat’*. 18. pp. 37–48.
19. Shastina, M.V. (2015) [The evolution of the image of China in Western European culture]. *Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki* [Modern problems of philology and methods of teaching languages: Issues of theory and practice]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Foreign Languages of the EI K(P)FU. pp. 258–262. (In Russian).
20. Shi, S. (2016) Obraztsy Kitaya i kitaytsev v proizvedeniakh russkikh puteshestvennikov XIX – nachala XX veka [Samples of China and the Chinese in the works of Russian travelers of the 19th – early 20th centuries]. *Filologiya*. 4 (46). pp. 280–287.
21. Shi, S. (2017) Obrazets eksportnoy kul’tury v putevyykh ocherkakh, opublikovannykh v SSSR v 1920–1930-ye. [An example of export culture in travel essays published in the USSR in the 1920s–1930s.]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seria 2: Gumanitarnyye nauki*. 19:4 (169). pp. 113–122.

22. Palikova, T.V. (2018) Vospriyatiye “vostoka” v epistolyarnom nasledii yedet v Kitay i Mongoliyu v XIX – nachala XX v. [The perception of the “East” in the epistolary heritage travels to China and Mongolia in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii.* 2. pp. 68–76.
23. Kato, D. (2018) Two women travellers across a contested landscape: Emily Georgiana Kemp and Yosano Akiko in Northeast China. *Studies in Travel Writing.* 22 (2). pp. 142–161.
24. Liu, X. (2018) Reversing the view of ‘political pilgrims’: re-examining Italian travelogues about China in the 1950s. *Journal of Modern Italian Studies.* 23 (3). pp. 256–273.
25. Choi, J.Y. (2019) A ‘Most Interesting Subject for the Investigation of the Philosopher’: Conjectural History in John Barrow’s Travels in China. *Journal for Eighteenth Century.* 42 (3). pp. 303–320.
26. Gao, Zh. (2019) Razmyshleniya o gosudarstvennom imidzhe Kitaya v knige ocherkov I.A. Goncharova “Fregat “Pallada”” [Reflections on the state image of China in I.A. Goncharov’s Frigate Pallada]. *Prepodavatel’ XXI vek.* 3. pp. 275–288.
27. Merezhinska, G. (2019) The image of the other in the modern prose about China: strategies of the dialogue of the cultures. *The European Journal of Literature and Linguistics.* 4. pp. 56–63.
28. Starikova, G.N. (2015) Emissaries’ accounts of XVII c.: variety of genres, linguistic richness of content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 1 (33). pp. 51–65. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/33/
29. Starikova, G.N. (2015) Ivan Petlin’s report about his trip to China as a linguistic source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 2 (34). pp. 71–85. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/34/7
30. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1966) *Pervye russkie diplomaty v Kitae (“Rospis” I. Petlina i stateyny spisok F.I. Baykova)* [The first Russian diplomats in China (“Depiction” by I. Petlin and article list by F.I. Baykov)]. Moscow: Nauka Publ.
31. Kazakevich, O.A. (2021) Compilation genres of business writing based on the travel literature in the XVII century. *Kazanskaya nauka.* 5. pp. 46–49. (In Russian)
32. Biblioteka drevnikh rukopisey [Library of Ancient Manuscripts]. (n.d.) *Nakaznaya pamyat’, dannaya iz Posol’skogo prikaza N. G. Spafariyu o posol’stve v Tsinskuyu imperiyu* [Instruction from the Ambassadorial Order to N. G. Spafariy about the embassy to the Qing Empire]. [Online] Available from: https://drevlit.ru/docs/kitay/XVII/1600-1620/Rus_kit1/181-200/182.php (Accessed: 20.09.2022).
33. Nikitin, A. (1958) *Khoshdenie za tri morya Afanasiya Nikitina. 1466–1472* [Afanasy Nikitin’s voyage beyond three seas, 1466–1472]. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
34. Myasnikov, V.S. (ed.) (1969) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century: Materials and documents]. Vol. 1: 1608–1683. Moscow: Nauka.
35. Skachkov, P.Ye. (1961) *Vedomost’ o Kitayskoy zemle* [Statement of the Chinese land]. In: *Strany i narody Vostoka: geografiya, etnografiya, istoriya* [Countries and peoples of the East: geography, ethnography, history]. Vol. II. Moscow: Izd-vo vostochnoy lit-ry. pp. 206–219.
36. Krys’ko, V.B. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka – Azbukovnik – Nestor-Istoria.
37. Vershinin, Ye.V. & Vizgalov, G.P. (2020) Mangazeya: otchet poslednego voyevody [Mangazeya: report of the last governor]. *Quaestio Rossica.* 8 (1). pp. 253–269.

Информация об авторах:

Казакевич О.А. – старший преподаватель кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); старший

преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии, Сибирский государственный медицинский университет (Томск, Россия). E-mail: o_slugina@mail.ru
Старикова Г.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

О.А. Kazakevich, senior lecturer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o_slugina@mail.ru

G.N. Starikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2022;
одобрена после рецензирования 01.12.2022; принятая к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 11.10.2022;
approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 81'23
doi: 10.17223/19986645/83/3

Образ родины в языковом сознании шорцев Кузбасса школьного возраста (на примере ассоциативных полей «Родина» и «Горная Шория»)

**Вероника Александровна Каменева¹,
Антонина Павловна Картавцева²,
Светлана Вячеславовна Коломиец³,
Ирина Станиславовна Морозова⁴**

^{1, 3, 4} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

² Филиал Кузбасского государственного технического университета
им. Т.Ф. Горбачева, Прокопьевск, Россия

¹ *russia_science@mail.ru*

² *apk-1954@mail.ru*

³ *kolomsvetlana@yandex.ru*

⁴ *ishmorozova@yandex.ru*

Аннотация. Приводятся результаты исследования языкового сознания шорцев, высвечивающие актуальную проблему современности – национальное самосознание представителей малочисленных народов в условиях глобализации и стирания национальных идентичностей. На материале 814 ассоциатов смоделированы и соотнесены ассоциативные поля «Родина» и «Горная Шория», представленные в языковом сознании шорцев Кузбасса. В психолингвистическом эксперименте приняли участие 100 человек младшего и среднего школьного возраста.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, этническая идентичность, национальное самосознание, национальное сознание, этническое мировоззрение, Родина, Горная Шория, ассоциативное поле

Для цитирования: Каменева В.А., Картавцева А.П., Коломиец С.В., Морозова И.С. Образ родины в языковом сознании шорцев Кузбасса школьного возраста (на примере ассоциативных полей «Родина» и «Горная Шория») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 51–66. doi: 10.17223/19986645/83/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/3

The image of the motherland in the language consciousness of school-age Shorians of Kuzbass (on the example of the associative fields “Homeland” and “Mountain Shoria”)

**Veronika A. Kameneva¹, Antonina P. Kartavtseva²,
Svetlana V. Kolomiets³, Irina S. Morozova⁴**

^{1, 3, 4} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

² Branch of the T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,
Prokopyevsk, Russian Federation

¹ *russia_science@mail.ru*

² *apk-1954@mail.ru*

³ *kolomsvetlana@yandex.ru*

⁴ *ishmorozova@yandex.ru*

Abstract. The study of the national self-consciousness of representatives of indigenous minorities is relevant due to globalization processes accompanied by blurring of national identities. The study of the national identity of indigenous minorities in multi-ethnic states such as Russia is important as it helps to identify and correct the preservation of their ethnic identities, preserve the cultural diversity of the country. The article presents the results of a study of associative images of the Rodina [Homeland] and Gornaya Shoria [Mountain Shoria] in Shorians' linguistic consciousness. A psycholinguistic experiment was conducted to do the research. One hundred people participated in the experiment. The survey was conducted at boarding school No. 19 and the orphanage school Rodnik in Tashtagol District of Kemerovo Oblast. All the respondents are bilingual Shorian children. They are taught in Russian, and the Shorian language is a curriculum subject for children from the city and villages of Tashtagol District. The respondents are Shorian children of primary and secondary school aged 7 to 16. The respondents were asked to write down, within 1–3 minutes, the four words that came to their minds in response to the word “Rodina” and the phrase “Gornaya Shoria”. To ensure that each subsequent word-association was not related to the previous response, but was triggered by the original stimulus, the participants were offered to arrange their reactions in the form of a vertical list. This resulted in 397 reactions to the stimulus word “Rodina” and 417 reactions to the phrase “Gornaya Shoria”. The data were collected in January–February 2022. The result of the psycholinguistic experiment with the stimuli “Rodina” and “Gornaya Shoria” showed that the national self-identification of young Shorians of Kuzbass has a clearly formed state-citizen identity. The participants of the experiment associate the homeland with the country, citizens of which they are: the homeland is Kemerovo Oblast, Kuzbass is the region where they were born, and the homeland is the city, village or settlement where they were born and live. The data obtained correlate with the data provided by ethnographers and local historians. They claim that in the Shor national consciousness homeland is both the place, home where their family lives and the family, the clan itself. This suggests that the younger generation of Shorians also has this correlation in their linguistic consciousness. The image of Gornaya Shoria in the linguistic consciousness of school-age Shorians, on the one hand, includes a clear idea of the territorial and landscape features of the region. For young Shorians it is taiga, forest, mountains. On the other hand, for the respondents Gornaya Shoria is the territory of their ancestors, their people, their family, it is their home and their small

motherland. This, in turn, correlates with the data of ethnographers and local historians that national and local-territorial levels of national consciousness in the ethnic self-consciousness of the Shorians should be distinguished.

Keywords: psycholinguistic experiment, ethnic identity, national identity, national consciousness, ethnic worldview, homeland, Gornaya Shoria, associative field

For citation: Kameneva, V.A., Kartavtseva, A.P., Kolomiets, S.V. & Morozova, I.S. (2023) The image of the motherland in the language consciousness of school-age Shorians of Kuzbass (on the example of the associative fields "Homeland" and "Mountain Shoria"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 83. pp. 51–66. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/3

Введение

Вопросы этнической идентичности и национального сознания все чаще поднимаются исследователями с позиций психолингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии и способствуют развитию компаративистики и междисциплинарных исследований. Такой интегрированный подход к изучению мировоззренческих особенностей этноса позволяет получать новые научные результаты, высвечивая новые аспекты данного научного объекта в актуальном ключе. Как показал обзор научной литературы, исследования вопросов этнической идентичности и национального сознания и самосознания шорцев – малого коренного народа России – до настоящего времени в основном проводились этнографами, краеведами и культурологами, а исследования шорского языкового сознания с психолингвистических позиций на данный момент носят разрозненный и фрагментарный характер. При этом отметим, что именно сравнение и соотнесение накопленных этнографами и краеведами данных о шорском народе с данными психолингвистических экспериментов позволяют получить новые знания об определенных аспектах их национального самосознания, поэтому актуальны и значимы.

Под этнической идентичностью понимается осознанная принадлежность личности к определенной этнической общности [1], «результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенного этноса на основе отождествления с ним и дифференции от других этносов» [2. С. 103]. В данном исследовании учитывается, что «этническая идентичность может быть позитивной и негативной» [3. С. 75]. «Национальная идентичность определяется через отношение человека к определенной группе людей, которая связана общностью экономической жизни, языка, нравов, искусства, мифов, религии, культуры, характера, психологического склада и территории» [4. С. 41]. В структуре этнической идентичности можно выделить национальное (общественное) и индивидуальное национальное сознание, также обозначаемое как национальное самосознание.

Согласно данным, полученным этнографами и краеведами, национальное самосознание шорцев имеет четырехчастную структуру, включающую

«национальный, групповой, локально-территориальный и общетюркский» уровни [5. С. 78]. Национальный уровень самосознания четко прослеживается в самоидентификации представителей своего народа этнонимом *шорцы*, несмотря на, как правило, негативное отношение к нему из-за его «искусственности» [5. С. 78]. Известно, что термин *шорцы* в середине XIX в. предложил академик В.В. Радлов «для обозначения тюркоязычных родов, проживавших в верховьях реки Томь, в научных целях. Название одного из родов Шор было перенесено исследователем на родственные по языку и культуре роды кузнецких татар для простоты классификации их представителей. Ученый объединил под этим обобщенным названием группы кузнецких татар и выделил их из родственных по языку и культуре телеутов, кумандинцев, челканцев, абаканских татар» [6. С. 95]. Это, как отмечают исследователи, не могло не вызвать недовольство других родов [6, 7]. Как указывает Л.С. Борина, негативное отношение к данному аллоэтнониму фиксируется и в настоящем. Шорцы не считают его благозвучным и часто обозначают свою национальную принадлежность словами *шорочка*, *шорианка* при номинации женщин и словосочетанием *русский шорец* – мужчин [5. С. 79].

Групповой и локально-территориальный уровни национального самосознания шорцев проявляются в делении представителей своего этноса в зависимости от места проживания вниз и вверх по течению рек Мярассу и Кондома на «низовских» (северных) и «верховских» (южных) шорцев, а также по местам современного проживания – на осинниковских, новокузнецких и таштагольских. Это, по мнению некоторых историографов, указывает на незавершенность процесса этнической консолидации этноса [5. С. 79].

Считается, что к «настоящим» шорцам относятся охотники, проживающие в деревнях и селах [5. С. 79]. Как пишет В.М. Кимеев, «сельские жители продолжают сохранять свое традиционное хозяйство и родовые культуры» [8. С. 77]. В своих трудах исследователь подтверждает, что «только микролокальные сельские группы шорцев таежных поселков продолжают отчасти сохранять традиционные формы природопользования и элементы до-шаманистских культов» [9. С. 97]. Оберегание семейно-родовых культов служит сохранению этнической идентичности и национального сознания. Как отмечает П.Д. Гарелик, «родовые культы – наиболее древний пласт духовной культуры шорцев. Среди родовых верований шорцев этнографы выделяют веру в духов гор, рек, огня, промысловые и родовые культы. Особо почитаемыми были духи – покровители дома, они олицетворяли предков по женской линии или родоначальниц, покровительниц очага, семейного благополучия и детей, к таковым относится дух, покровительствующий детям, –“Умай”, прародительницы рода – “орекеннеры”. Данные духи имели материальное воплощение – обереги» [10. С. 246].

Общетюркский уровень этнической идентификации шорцев проявляется в наименовании представителей своего народа квазиэтнонимом *тадар* [5. С. 79].

Исследования этнической идентичности и национального самосознания шорцев с лингвокультурологических позиций сконцентрированы на изуче-

нии литературы (с обращением к мифам и легендам шорского народа), анализе богатых фольклорных традиций [11], обрядовой культуры народа [12, 13], культовых символов [14] и т.д. Как известно, «традиционные верования, культы, религия представляют собой один из центральных компонентов духовной культуры» народа [15. С. 923] и, следовательно, значимы для понимания его этнического сознания. Как пишет О.Д. Крылева, «у шорцев богатый фольклор: сказки, охотничьи рассказы и легенды, предания (пурунгу чоок, ербек), песни, поговорки, пословицы (улгер сое, кен сое), загадки (тапкак), героические поэмы (кай, ныбак) – особый вид шорской песни, исполнение эпических сказаний сказителями-кайчи под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента – кай-комуса» [16. С. 104]. Значимым для понимания национального сознания шорцев представляется шорский героический эпос [17–22].

Существенную роль в понимании этнической идентичности и национального сознания народа играют исследования изобразительного искусства. Как указывает Т.И. Кимеева, «изобразительное искусство может считаться особым проявлением народной культуры, будучи сформировано на основе древних мифологических представлений и верований» [23. С. 315]. «Изобразительное искусство шорцев представлено целым рядом рисунков, нанесенных на шаманские бубны и костяные детали орудий охоты. Среди них многочисленные антропоморфные и зооморфные изображения, рисунки светил, почитаемых деревьев и предметов шаманского культа» [23. С. 315]. По данным исследователя, в изобразительном искусстве шорцев имели широкое распространение анимистические образы – символические изображения мифических существ, связанных с силами природы и способных оказывать влияние на человека. В традиционном мировоззрении шорцев основное место занимал анимизм, вследствие чего сформировался целый ряд духов-тёсей, чьи изображения наносились на культовые предметы, преимущественно шаманские бубны [23. С. 315–316].

Лингвокультурологи, исследовавшие этническую идентичность и национальное сознание шорцев, установили, что в литературе шорского народа ключевыми темами являются единение человека с природой и истоки своего этноса. Как пишет Е.Н. Чайковская, «с завидным постоянством шорская литература обращается к характерным для этого небольшого народа сюжетам – человек как часть природы и далекое прошлое, ставшее почти легендой [24. С. 76].

Постановка вопроса

Актуальность изучения изменений в языковом сознании различных народов обусловлена экстралингвистическими процессами современности. Значимой может считаться культурно-национальная интеграция народностей в многонациональных государствах, с одной стороны, способствующая сплочению государства, с другой – приводящая к определенному стиранию национальной идентичности. Массовое переселение огромного ко-

личества людей с исторической родины по политическим или экономическим причинам в современном мире, а также культурная, экономическая и политическая глобализация, по нашему мнению, вносят свои корректизы в национальное сознание народов, влияя на разрыв национальной самоидентификации народа с его территориально-пространственной принадлежностью даже у некочевых народов. В данном исследовании ставится задача подтвердить или опровергнуть редукцию территориальной принадлежности молодых шорцев Кузбасса в национальной самоидентификации на основе данных направленного ассоциативного эксперимента со словами-стимулами «Родина» и «Горная Шория». Данные слова-стимулы были выбраны, исходя из национально-культурной значимости пространственно-территориального аспекта для шорцев, исторически проживавших в Горной Шории, захватывающей южные территории Кемеровской области, а также территории Алтая и Саян.

Значимость обращения к концептуализации этнически значимой территории в национальном сознании обусловлена рядом факторов. Например, невозможно не согласиться с мнением ученых о том, что «факторы возникновения мировоззрения этноса напрямую связаны с особенностями его этногенеза. Сама проблема появления того или иного народа и осознание этого в его мировоззрении – сложная, противоречивая, как правило, уходящая в глубокую древность. К факторам, которые предопределяют модель мировоззрения этноса, относят: пространственные, временные и структурные» [25. С. 123]. Следовательно, исследование концептуализации пространственных, в том числе и природно-ландшафтных, особенностей этнически значимой территории на определенных временных отрезках позволяет получить данные о наличии, редукции или исчезновении из национальной самоидентификации пространственных коррелятов этноса. Об актуальности такой постановки вопроса говорит и то, что «вследствие разности исходных природно-ландшафтных условий возникновения этноса по-разному расставляются и акценты в некоторых мировоззренческих положениях» [25. С. 123]. Соответственно, в языковом сознании этносов, не ведущих кочевой образ жизни, должна наблюдаться тесная взаимосвязь между природно-ландшафтными особенностями их мест проживания и образом родной земли. Как указывают Л.С. Борина и Л.И. Шерстова, родина, родная земля, чаще всего «ассоциируется с конкретным местом проживания» [6. С. 95, 26. С. 104].

Актуальность данного утверждения для шорцев, проживающих на территории Кемеровской области – Кузбасса, проверена на материале психолингвистического направленного ассоциативного эксперимента со словами-стимулами «Родина» и «Горная Шория». Обращение к психолингвистическому подходу для достижения поставленной цели актуально и соответствует современным направлениям изучения национально-этнической самоидентификации народов.

Методология исследования

Данные были собраны в январе–феврале 2022 г. В психолингвистическом эксперименте приняли участие 100 человек 7–16 лет, основной контингент – шорцы младшего и среднего школьного возраста. Эксперимент проводился в школе-интернате № 19 и в детском доме – школе «Родник» Таштагольского района Кемеровской области. Все респонденты – билингвы, представители шорской национальности. Обучение в этих школах ведется на русском языке, шорский язык преподается дополнительно, обучаются в данных учебных заведениях дети как из города, так и из поселков Таштагольского района.

Испытуемым предлагалось в письменной форме записать в течение 1–3 минут четыре пришедших на ум слова, которые вызывает у них слово *Родина* и словосочетание *Горная Шория*. Чтобы каждое последующее слово-ассоциация не связывалось с предыдущим словом-реакцией, а было задано изначальным стимулом, в форме, которая была предложена участникам эксперимента, реакции было предложено вписывать в виде вертикального списка. В результате было получено 397 реакций на слово-стимул «Родина» и 417 реакций на слово-стимул «Горная Шория».

Исследование и результаты

Ассоциативное поле «Родина» в языковом сознании шорцев школьного возраста

В ходе свободного ассоциативного эксперимента было зафиксировано 397 реакций респондентов на слово-стимул «Родина». Многие реакции выражены синонимичными существительными к слову-стимулу (например, *Отечество, родной край*) или отражают клише, зафиксированные в русской языковой картине мира (например, *Родина-мать*). Среди реакций присутствуют предложения, включающие описание и раскрывающие значение слова-стимула в сознании респондентов. В данных предложениях-реакциях Родина воспринимается как место, где: *родился* (5), *я проживаю* (2), *буду жить* (1), *все друзья* (1), *всегда красиво* (1), *живет моя семья* (1), *когда находишься с родными людьми* (1), *родной дом* (1), *ты родился и вырос* (1). Также среди реакций была зафиксирована фраза с эмоционально-оценочной лексемой – *Я люблю Родину* (1).

Свободный ассоциативный эксперимент показал, что частотными ассоциатами на слово-стимул «Родина» являются: *мама / мать* (56), *Россия / Российская Федерация* (40), *семья* (30), *дом* (29), *Кузбасс / Кемеровская область* (21). Данные вербальные ассоциации можно отнести к ядру понятия *Родина*, находящегося в языковом сознании респондентов. Примечательно, что для нескольких участников эксперимента слово-стимул «Родина» вызывает ассоциации не только с *мамой*, но и с *папой* (4). Это подтверждает данные этнографов и краеведов о том, что для шорцев Родина – их семья, род.

В периферию данного понятия вошли реакции, выраженные лексемами: *страна* (16), *Отечество* (10), *Отчизна* (7), *родной край* (5), *держава* (2); топонимами: *Таштагол* (18), *Горная Шория* (15), *Шерегеш* (8), *Усть-Анзас* (4), *Новокузнецк* (2), *Базанга* (1), *Килинск* (1), *Темиртау* (1), *Чугунаш* (1). К дальней периферии относятся ассоциаты, отражающие природно-ландшафтные реалии территории, на которой проживают респонденты: *горы* (6), *реки* (4), *леса* (3), *озера* (2). Среди ассоциатов присутствовали лексемы с эмоциональным компонентом: *родной* (край, дом) (7), *хороший* (настроение, люди) (4), *дружба* (3), *красивый* (дома, природа, реки) (3), *любовь* (3), *слава* (3).

Основу для именования семантических зон к слову-стимулу «Родина» составляют базовые местоимения «кто», «что», «какой», «где», т.е. ассоциирующиеся с ним лицо, предмет, признак и место. Были зафиксированы следующие репрезентирующие человека или группу людей лексемы, ассоциирующиеся со словом-стимулом «Родина»: *мама* (39), *мать* (17), *nana* (4), *друзья* (2), *люди* (2), *патриот* (2), *брать* (1), *отряд солдат* (1), *родители* (1), *сестра* (1). В основном респонденты соотносят Родину с членами своей семьи. Лексемы *патриот* и *отряд солдат* свидетельствуют о понимании необходимости защищать свою Родину.

В семантическое поле, номинирующее объекты и предметы окружающей действительности, вошли понятия: *семья* (30), *дом* (29), *страна* (16), *родина* (8), *горы* (6), *природа* (5), *родной край* (5), *дружба* (3), *любовь* (3), *река* (3), *слава* (3), *школа* (3), *воздух* (2), *деревня* (2), *держава* (2), *земля* (2), *озера* (2), *тайга* (2), *воля* (1), *город* (1), *колба* (1), *крепость* (1), *мир* (1), *настроение* (1), *планета* (1), *родной дом* (1), *родные земли* (1).

Ассоциативное поле с общей семой местоположения включает топонимы, номинирующие страну, область, города и поселки, а также лексемы действия со значением «проживать на данной территории»: *Россия / Российская Федерация* (40), *Кузбасс / Кемеровская область* (21), *Таштагол* (18), *Горная Шория* (15), *Шерегеш* (8), *Усть-Анзас* (4), *Новокузнецк* (2), *Базанга* (1), *Килинск* (1), *Темиртау* (1), *Чугунаш* (1), где: *родился* (5), *я проживаю* (2), *буду жить* (1), *все друзья* (1), *всегда красиво* (1), *живет моя семья* (1), *ты родился и вырос* (1).

Семантическое поле, представляющее признак предмета, включает лексемы *родной* (7) и *красивый* (6). Анализ семантических зон позволяет говорить о том, что семантическим ядром понятия *родина*, закрепленного в языковом сознании респондентов, являются семья / близкие люди и дом, на периферии находятся представления о Родине как стране и месте проживания, которое воспринимается как родное и красивое – с красивыми горами, реками и лесами.

Как показал анализ, для респондентов в возрасте 7–12 лет Родина ассоциируется с семьей и малой родиной, респонденты подросткового возраста 13–16 лет, помимо ассоциаций Родины с родственниками, воспринимают ее как отдельную федеративную единицу и / или государство. Полученные данные позволяют считать, что у респондентов в возрасте 13–16 лет поня-

тие *родина* имеет более сложную структуру, включающую не только признаки рода, семьи, места рождения и проживания, но и признак политической формы организации общества на территории их проживания.

Таким образом, у опрошенных детей шорской национальности в возрасте 13–16 лет четко сформирована государственно-гражданская идентичность, для них Родина – в первую очередь страна, гражданами которой они являются. Для детей шорской национальности в возрасте 7–12 лет Родина – прежде всего семья, род, Кемеровская область, Кузбасс – регион, в котором они родились, город, деревня или поселок, где они родились и проживают. Выявленное расхождение в понятийных полях обусловлено как разной степенью когнитивной зрелости исследуемых групп, так и различиями в уровне знаний и информированности.

Ассоциативное поле «Горная Шория» в языковом сознании шорцев школьного возраста

На словосочетание-стимул «Горная Шория» от респондентов было получено 417 ассоциаций, выраженных топонимами, абстрактными и нарицательными существительными, атрибутивными прилагательными. Результаты ассоциативного эксперимента позволяют выделить следующие реакции на словосочетание-стимул «Горная Шория» в качестве ядерных: *тайга* (40), *Таштагол* (32), *горы* (28), *животные / звери* (*рыба, таймень, хариус, медведь*) (26), *Кузбасс* (24), *лес* (24). Иными словами, в данную группу ассоциатов входят лексемы, иллюстрирующие особенности природы и ландшафта, а также флору и фауну местности, где родились и проживают респонденты.

К ближней периферии относятся вербальные реакции, свидетельствующие о том, что для части респондентов Горная Шория является их родиной, домом: *дом* (18), *наша земля* (7). В дальнюю периферию вошли вербальные реакции, отражающие ценности респондентов. В первую очередь в нее входят лексемы, репрезентирующие этнос и отношение респондентов к своему этносу: *шорцы* (6), *местное население* (2), *шорианки* (1), *я горжусь своей национальностью* (1); лексемы, свидетельствующие о культурно-семейных ценностях: *культура* (2), *предки* (2), *родственники* (2), *традиции* (2), *красивые шорские наряды* (1). В данной группе ассоциатов зафиксированы лексемы, отражающие ценностное отношение к месту своего проживания со стороны респондентов: *чистый воздух* (7), *красивые леса* (4), *свежий воздух* (4), *чистые реки* (4), *красивая природа* (2), *красивые поля* (2), *парки* (2), *цветы* (2), *у нас очень чистый поселок* (1).

В семантическую зону, означающую лицо, ассоциируемое со словом-стимулом «Горная Шория», входят этнонимы и лексические единицы, репрезентирующие родственников и местное население: *шорцы* (6), *люди* (2), *местное население* (2), *предки* (2), *родственники* (2), *мать* (1), *народы* (1), *шорианки* (1). В группу слов-реакций, определяющих предмет, были включены следующие лексические единицы: *тайга* (40), *горы* (28), *лес* (24),

дом (18), Родина (13), воздух (7), наша земля (7), рыбы (5), лыжи (4), горнолыжный курорт (3), деревня (3), животные (2), зелёная гора (2), культура (2), парки (2), поля (2), природа (2), семья (2), традиции (2), цветы (2), горки (1), горячий шоколад (1), земля (1), избушки (1), отдых (1), религия (1), Родина-мать (1), святой источник (1), спорт (1), спуски (1), стены (1), соревнования (1), туризм (1). Данные вербальные ассоциации лежат в основе сформированного понятия о Горной Шории среди участников эксперимента. В семантическую зону, отображающую место, были включены ассоциаты: Таштагол (32), Кузбасс (24), Усть-Анзас (9), Шерегеш (9), Шория (3), где живут шорцы (1), где жили наши предки (1), где я живу (1), где я учусь (1), Ключевой (1), Сибирь (1). Дополнительными признаками, раскрывающими образ Горной Шории, послужили лексемы: наши (7), горнолыжный (2), зеленый (2), чистый (1). Семантические зоны понятия Горная Шория позволяют прийти к выводу, что респонденты воспринимают ее как землю, которая принадлежит шорцам и / или где они проживают. В основе понятия лежит представление о природно-ландшафтных характеристиках (тайга, лес, горы).

Описанные результаты позволяют подтвердить данные этнографов и краеведов: для шорцев земля их предков важна, значение имеет гармоничное существование человека с природой, ценится бережное отношение к тайге, горам, лесам, полям и обитающим там птицам, зверям и рыбам. Это ценностное отношение к родному краю, как ясно свидетельствуют данные проведенного психолингвистического эксперимента, закреплено и в языковом сознании шорцев школьного возраста. Для них Горная Шория – родина их этноса, значимое для всех шорцев место.

Отметим, что не было выявлено расхождений в ассоциативных полях у респондентов в группах 7–12 и 13–16 лет. Это может быть объяснено схожим багажом знаний у респондентов обеих возрастных групп о Горной Шории как о родном крае, его истории, истории своего этноса, полученным как в учебном заведении, так и в семье. Отсутствие отличий в ассоциативных полях также может быть объяснено схожестью эмпирического опыта, сформированного у респондентов в результате проживания в Горной Шории.

Компаративный анализ данных ассоциативных полей «Родина» и «Горная Шория» в языковом сознании шорцев школьного возраста

Сравнение результатов психолингвистического эксперимента, представленных по семантическим зонам лица, предмета, места и признака, позволяет яснее репрезентировать отличия в представлениях молодых шорцев о Родине и Горной Шории (таблица). Родина для молодых шорцев прежде всего ассоциируется с родителями, матерью и отцом, родными людьми, а Горная Шория – с представителями своего народа, предками.

**Сводная таблица ассоциатов на слова-стимулы «Родина»
и «Горная Шория» по семантическим зонам**

Родина	Горная Шория
лицо (кто?)	
мама (39), мать (17), папа (4), друзья (2), люди (2), патриот (2), брат (1), отряд солдат (1), родители (1), сестра (1)	шорцы (6), люди (2), местное население (2), предки (2), родственники (2), мать (1), народы (1), шорианки (1)
предмет (что?)	
семья (30), дом (29), страна (16), родина (8), горы (6), природа (5), родной край (5), дружба (3), любовь (3), река (3), слава (3), школа (3), воздух (2), деревня (2), держава (2), земля (2), озера (2), тайга (2), воля (1), город (1), колба (1), крепость (1), мир (1), настроение (1), планета (1), родные земли (1)	тайга (40), горы (28), лес (24), Родина (13), дом (8), воздух (7), наша земля (7), рыбы (5), лыжи (4), горнолыжный курорт (3), деревня (3), животные (2), зеленая гора (2), культура (2), парки (2), поля (2), природа (2), семья (2), традиции (2), цветы (2), горки (1), горячий шоколад (1), земля (1), избушки (1), отдых (1), религия (1), Родина-мать (1), святой источник (1), соревнования (1), спорт (1), спуски (1), степи (1), туризм (1)
место (где?)	
Россия / Российская Федерация (40), Кузбасс / Кемеровская область (21), Таштагол (18), Горная Шория (15), Шерегеш (8), где родился (5), Усть-Анзас (4), где я проживаю (2), Новокузнецк (2), Базанга (1), где буду жить (1), где все друзья (1), где всегда красиво (1), где живет моя семья (1), где родной дом (1), где ты родился и вопрос (1), Килинск (1), Темиртау (1), Чугунаш (1)	Таштагол (32), Кузбасс (24), Усть-Анзас (9), Шерегеш (9), Шория (3), где живут шорцы (1), где жили наши предки (1), где я живу (1), где я учусь (1), Ключевой (1), Сибирь (1)
признак (какой?)	
родной (7), красивый (6)	наш (7), горнолыжный (2), зеленый (2), чистый (1)

Для молодых шорцев Родина – это семья как социальный институт, регулирующий отношения малых групп, члены которых проживают вместе и связаны определенной общностью быта. Это подтверждают доминирующие ассоциаты на слово-стимул «Родина»: *семья* (30), *дом* (29). Тогда как Горная Шория в большей степени ассоциируется с природой: *тайга* (40), *горы* (28), *лес* (24),

По месту Родина ассоциируется с территорией Российской Федерации в общем и территорией области, города, деревни и поселка, на которой они родились, в частности. Образ Горной Шории в языковом сознании шорцев школьного возраста, с одной стороны, включает четкое представление о территориально-ландшафтных особенностях Горной Шории, с другой – это территория предков, их народа, их рода, это их дом и малая родина, что, в свою очередь, соотносится с данными этнографов и краеведов о том, что в этническом самосознании шорцев следует выделять национальный и локально-территориальный уровни национального самосознания.

Заключение

Результаты свободного ассоциативного эксперимента и анализа центральных и периферийных полей ассоциатов на слова-стимулы «Родина» и «Горная Шория» показали, что для респондентов обеих возрастных групп базовыми ценностями являются семья, малая родина (об этом свидетельствуют многочисленные топонимы в вербальных реакциях), бережное отношение к тайге, горам, лесам, полям и обитающим там птицам, зверям и рыбам. Соответственно, можно сделать вывод о национально-культурной значимости пространственно-территориального аспекта для шорцев школьного возраста.

Для респондентов в возрасте 7–12 лет Родина включает признаки рода, семьи, места рождения и проживания, у респондентов в возрасте 13–16 лет понятие *родина* имеет более сложную структуру и включает дополнительные признаки политической формы организации общества на территории их проживания. Выявленное расхождение в структуре исследуемого понятия обусловлено как разной степенью когнитивной зрелости исследуемых групп, так и различиями в уровне знаний и информированности.

Для шорцев младшего и среднего школьного возраста Горная Шория – родина их этноса, значимое для всех шорцев место. Отсутствие расхождений в ассоциативных полях может быть объяснено равным объемом знаний у респондентов обеих возрастных групп о Горной Шории как о родном kraе, его истории, истории своего этноса, который был получен ими в школе и в семье. Отсутствие отличий в ассоциативных полях также может быть объяснено схожестью эмпирического опыта, сформированного у респондентов в результате проживания в Горной Шории.

Актуальным и теоретически значимым представляется дальнейшее исследование национального самосознания шорцев всех возрастных групп.

Список источников

1. Шнер Г.Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. М. : Ин-т практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. С. 261–372.
2. Шергалиева М.Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 100–105.
3. Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп Республики Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69–83. doi: 10.17805/zpu.2017.3.6
4. Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н., Анисимков А.А. Культурные факторы в формировании национальной идентичности уральской и российской молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4, № 2. С. 38–54. doi: 10.21684/2411-7897-2018-4-2-38-54
5. Борина Л.С. Этническое самосознание шорцев на современном этапе // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7-1. С. 78–79.
6. Борина Л.С. Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 94–97.

7. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 1999. 432 с.
8. Кимеев В.М. Современные шорцы: два народа – две культуры // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история / под ред. Т.К. Щегловой и др. Павлодар : ПГПИ ; Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 77–80.
9. Кимеев В.М. Этнокультурный ренессанс и мифотворчество в современной обрядности народов притомья // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5. С. 96–99. doi: 10.17223/19988613/43/20
10. Гарелик П.Д. Подходы к актуализации родовых культов шорцев в средовых музеях // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 3. С. 245–248.
11. Майнагашева Н.С. Функциональность фольклорно-мифологических мотивов и образов в творчестве Л. Арбачаковой и Г. Косточакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1. С. 30–38.
12. Глушкова П.В., Кимеева Т.И. Роль подлинных объектов нематериального культурного наследия и неотрадиций в формировании этнокультурной идентичности // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1. С. 67–71.
13. Кимеева Т.И., Глушкова П.В. Актуализация календарной обрядности в музеях Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-3. С. 78–86.
14. Кимеев В.М. Культовые символы современных шорцев // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий : материалы VII Междунар науч. конф., посвященной Году хакасского языка и юбилейным датам со дня рождения основоположников хакасского языкоznания: 100-летию Д.Ф. Патачаковой и 90-летию М.И. Боргоякова. Абакан : Бригантина, 2020. С. 116–119.
15. Цуканова О.А. Культурно-историческая динамика шорских традиционных верований и культов // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 8. С. 919–924.
16. Крылева О.Д. Шорцы: фольклор, этнография. Обзор изданий из фондов Кемеровской областной научной библиотеки им. В.Д. Федорова // Труды ГПНТБ СО РАН. 2014. № 6. С. 103–110.
17. Арбачакова Л.Н. Образ стрелы в шорских героических сказаниях // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 69–74.
18. Арбачакова Л.Н., Октябрьская И.В. Образ пира в шорском героическом эпосе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 327–329.
19. Майнагашева Н.С. Отражение национального образа мира в эпосе хакасов и шорцев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. 2017. № 4. С. 17–28. doi: 10.25587/SVFU.2017.4.8693
20. Функ Д.А. Шорский героический эпос. Т. 3. Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан. Кемерово : Примула, 2012. 280 с.
21. Функ Д.А. Очерк современного состояния эпической традиции у шорцев (частные материалы и общетеоретические проблемы) // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 91–108.
22. Функ Д.А. О чём поет сказитель? Опыт расшифровки поющиhsся частей эпических сказаний тюрков южной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 162–183. doi: 10.17223/2312461X/32/8
23. Кимеева Т.И. Анимистические образы на культовых предметах шорцев // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2016. С. 315–320.
24. Чайковская Е.Н. «Народ с гулким именем – шорцы»: мифо-эпическая модель прошлого в шорской поэзии XX–XXI вв. // Литература и культура Дальнего Востока,

Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации / отв. ред. А.А. Новикова. Владивосток : ДВФУ, 2021. С. 76–82.

25. Зыкин А.В. К вопросу о факторах, формирующих мировоззрение этноса (на примере шорцев) // Успехи современной науки. 2017. Т. 9, № 4. С. 123–127.

26. Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 102–108.

References

1. Shpet, G.G. (1996) *Vvedeniye v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to ethnic psychology]. In: *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [Psychology of social life]. Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: MODEK. pp. 261–372.
2. Shergalieva, M.T. (2014) K metodologii problemy identichnostey: sotsial'naya, lichnaya, etnicheskaya i grazhdanskaya [On the methodology of the problem of identification: social, personal, ethnic and civil]. *Sistema tsennostey sovremennoego obshchestva*. 33. pp. 100–105.
3. Madyukova, S.A., Persidskaya, O.A., & Popkov, Yu.V. (2017) *Obshchenatsional'naya i etnicheskaya identichnost' molodezhi etnicheskikh grupp respublik Sibiri v srovnitel'noy perspektive* [Nationwide and ethnic identity of young people of ethnic groups living in Siberia republics in a comparative perspective]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. 3. pp. 69–83. doi: 10.17805/zpu.2017.3.6
4. Narkhov, D.Yu., Narkhova, E.N., & Anisimkov, A.A. (2018) Cultural factors in formation of national identity of the Ural and Russian youth. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*. 4(2). pp. 38–54. (In Russian). doi: 10.21684/2411-7897-2018-4-2-38-54
5. Borina, L.S. (2012) Etnicheskoye samosoznaniye shorsov na sovremennom etape [Ethnic self-consciousness of the Shors during the election campaign]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 7-1. pp. 78–79.
6. Borina, L.S. (2007) Etnonim “shortsy”: k voprosu o konstruirovaniyu etnicheskikh granits [Ethnonym “the Shor”: about constructing of ethnic borders]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 304. pp. 94–97.
7. Sherstova, L.I. (1999) *Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoy Sibiri v XVII–XIX vv.* [Ethnopolitical history of the Turks of Southern Siberia in the 17th–19th centuries]. Tomsk: TPU.
8. Kimeev, V.M. (2016) Sovremennyye shortsy: dva naroda – dve kul'tury [Modern Shor: two peoples – two cultures]. In: Shcheglova, T.K., Demin, M.A., Tolpeko, I.V., Smagulov, T.N., Abeuova, E.K. (eds.) *Polevyye issledovaniya v Priirtysh'ye, Verkhnem Priob'ye i na Altaye 2015 g.: etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in the Irtysh, Upper Ob and Altai 2015: ethnography, oral history]. Pavlodar: PSPI; Barnaul: AltSPU. pp. 77–80.
9. Kimeev, V.M. (2016) Ethno-cultural renaissance and myth-making in modern rituals of the peoples of the Tomsk region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University journal of History*. 5. pp. 96–99. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/43/20
10. Garelik, P.D. (2017) Podkhody k aktualizatsii rodovoykh kul'tov shortsev v sredovykh muzeyakh [Approaches to the actualization of tribal cults of the Shors in the environment museums]. *Uchenyye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. 3. pp. 245–248.
11. Mainagasheva, N.S. (2018) Funktsional'nost' fol'klorno-mifologicheskikh motivov i obrazov v tvorchestve L. Arbachakovoy i G. Kostochakova [Functionality of folklore-mythological motives and images in the creativity of L. Arbachakova and G. Kostochakov]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3-1. pp. 30–38.

12. Glushkova, P.V., & Kimeeva, T.I. (2019) Rol' podlinnykh ob'yektor nematerial'nogo kul'turnogo naslediya i neotraditsiy v formirovaniy etnokul'turnoy identichnosti [A role of original items of intangible cultural heritage and neo-traditions in construction of an ethnic and cultural identity]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*. 1. pp. 67–71.
13. Kimeeva, T.I., & Glushkova, P.V. (2014) Aktualizatsiya kalendarnoy obryadnosti v muzeyakh Kemerovskoy oblasti [Mainstreaming calendar rites in museums of Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3-3. pp. 78–86.
14. Kimeev, V.M. (2020) [Religious symbols of the modern Shors]. *Narody i kul'tury Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii* [Peoples and cultures of the Sayano-Altai and adjacent observations]. Proceedings of the VII International Conference dedicated to the Year of the Khakass language and anniversaries since the birth of the founders of the Khakass language: the 100th anniversary of D.F. Patachakova and the 90th anniversary of M.I. Borgoyakov. Abakan: Brigantina. pp. 116–119. (In Russian).
15. Tsukanova, O.A. (2020) Kul'turno-istoricheskaya dinamika shorskikh traditsionnykh verovanii i kul'tov [Cultural and historical dynamics of Shor traditional beliefs and cults]. *Missiya konfessiy*. 9(8). pp. 919–924.
16. Kryleva, O.D. (2014) Shortsy: fol'klor, etnografiya. Obzor izdaniy iz fondov Kemerovskoy oblastnoy nauchnoy biblioteki im. V. D. Fedorova [Shors: folklore, ethnography. Review of publications from the funds of the Kemerovo Regional Scientific Library named after V. D. Fedorova]. *Trudy GPNTB SO RAN*. 6. pp. 103–110.
17. Arbachakova, L.N. (2015) Obraz strelы v shorskikh geroicheskikh skazaniyakh [The image of an arrow in the Shor heroic epics]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 69–74.
18. Arbachakova, L.N., & Oktyabrskaya, I.V. (2014) Obraz pira v shorskom geroicheskem epose [The image of the feast in the Shor heroic epic]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 20. pp. 327–329.
19. Mainagasheva, N.S. (2017) Otrazheniye natsional'nogo obraza mira v epose khakasov i shortsev [Reflection of the traditional image of the world in the Khakass and Shor epic]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Eposovedeniye*. 4. pp. 17–28. doi: 10.25587/SVFU.2017.4.8693
20. Funk, D.A. (2012) *Shorskiy geroicheskiy epos. T. 3. Sybazyn-Olak. Vysporennaya Altyn-Torgu. Kara-Khan* [The Shor heroic epic. Vol. 3. Sybazyn-Olak. Disputed Altyn-Torgu. Kara Khan]. Kemerovo: Primula.
21. Funk, D.A. (2013) Ocherk sovremenennogo sostoyaniya epicheskoy traditsii u shortsev (chastnyye materialy i obshcheteoreticheskiye problemy) [A survey of the present state of epic tradition among the Shors (particular materials and general problems)]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2. pp. 91–108.
22. Funk, D.A. (2021) What does storyteller sing about? Experience of decoding the singing parts of epic tales of the Southern Siberian Turks. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*. 2. pp. 162–183. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/32/8
23. Kimeeva, T.I. (2016) Animisticheskiye obrazy na kul'tovykh predmetakh shortsev [Animistic images on cult objects of the Shors]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologicheskoye naslediye Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya)* [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 315–320.
24. Chaikovskaya, E.N. (2021) “Narod s gulkim imenem – shortsy”: mifо-epicheskaya model' proshlogo v shorskoy poezii XX–XXI vv. [“The people with a booming name – the Shors”: a mytho-epic model of the past in the Shor poetry of the 20th–21st centuries]. In: Novikova, A.A. (ed.) *Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i Vostochnogo zarubezh'ya. Problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Literature and culture of the Far East, Siberia and Eastern foreign countries. Problems of intercultural communication]. Vladivostok: FEFU. pp. 76–82.

25. Zykin, A.V. (2017) K voprosu o faktorakh, formiruyushchikh mirovozzreniye etnosa (na primere shorsov) [On the issue of cases that form the worldview of the ethnus (on the distribution of the Shors)]. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 9 (4). pp. 123–127.

26. Sherstova, L.I. (2000) Vliyaniye gosudarstvennoy politiki na etnicheskiye protsessy v Yuzhnoy Sibiri v pervoy polovine XIX v. [State policy and its influence on the ethnic processes in South Siberia in the first half of the 19th century]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 4. pp. 102–108.

Информация об авторах:

Каменева В.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия). E-mail: russia_science@mail.ru

Картавцева А.П. – канд. пед. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева в г. Прокопьевске (Прокопьевск, Россия). E-mail: apk-1954@mail.ru

Коломиц С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия). E-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

Морозова И.С. – д-р психол. наук, заведующий кафедрой акмеологии и психологии развития, директор Института образования, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия). E-mail: ishmorozova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Kameneva, Dr. Sci. (Philology), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: russia_science@mail.ru

A.P. Kartavtseva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Branch of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Prokopyevsk, Russian Federation). E-mail: apk-1954@mail.ru

S.V. Kolomiets, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

I.S. Morozova, Dr. Sci. (Psychology), head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology, director of the Institute of Education, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ishmorozova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 07.06.2023.

The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 07.06.2023.

Научная статья
УДК 81-112
doi: 10.17223/19986645/83/4

К этимологии рус. *пёрка* ‘сверло’

Ольга Валерьевна Мищенко¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, olgamishchenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена этимологии русского столярного и плотницкого термина *пёрка* ‘сверло’. Анализируются имеющиеся версии происхождения слова: в связи с рус. *перо* (В.И. Даль), в связи с рус. *переть* (М. Фасмер), в связи с нем. *napper, nepper* ‘сверло’ (С.А. Мышников), – обсуждаются их преимущества и недостатки. Рассматривается возможность альтернативной этимологии, возводящей рус. *пёрка* к прибалтийско-финскому источнику – предполагаемому деривату гнезда *riöör-* с базовой семантикой вращения. Приводятся аргументы в пользу высказанной версии.

Ключевые слова: русский язык, этимология, финно-угорские языки, тюркские языки, языковые контакты

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Для цитирования: Мищенко О.В. К этимологии рус. *пёрка* ‘сверло’ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 67–83. doi: 10.17223/19986645/83/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/4

On the etymology of the Russian *pyorka* ‘drill bit’

Olga V. Mishchenko¹

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, olgamishchenko@yandex.ru

Abstract. The article considers the etymology of the Russian carpentry term *pyorka* ‘drill bit’. Existing versions of the word’s origin are analyzed: in connection with the Russian *pero* (by Vladimir Dal), in connection with the Russian *peret’* (by Max Vasmer), in connection with German *napper, nepper* ‘drill bit’ (by Sergei Myznikov). The advantages of the stated versions are discussed, as well as their disadvantages: Dal’s version is semantically impeccable, but has difficulties associated with the logic of the word-formation process; Vasmer’s version is devoid of the

latter, but in turn leaves doubts about the character of motivation; Myznikov's version – with its probability in general – leaves phonetic and structural issues. The author of the article proposes an alternative etymology. It ascribes the Russian *pyorka* to the Baltic-Finnish source – the supposed derivative of the *piüör-* word family with the basic semantics of rotation. The arguments in favor of the stated version are given, primarily of a linguo-geographical and typological nature. In terms of linguogeography, the area of fixation of the lexeme by dialect sources is mainly associated with the Russian dialects of the North-West. In typological terms, in addition to the “popularity” of the ‘turn’ > ‘drill’ model, presented, for example, in Russian and Turkic languages, attention is also drawn to the possibility of a similar development of the meanings of the derivatives of the Baltic-Finnish (*piüör-*) and Turkic (*bur(a)-*) word families with rotation semantics. In particular, for both word families, one can assume the relevance of the semantics of ‘drill bit’, ‘cylindrical birch bark container’, ‘tube (tube-shaped object)’. In this connection the Russian language has lexemes which, due to the revealed semantic relations, can be interpreted as Baltic-Finnish and Turkic borrowings that are ascribed to the corresponding word families: *pyorka* ‘drill bit’, *porochka* ‘cylindrical birch bark container’, *pyorko* ‘spinning wheel pin’ (< Baltic-Finnish languages); *burav* ‘drill bit’, *buravok* ‘cylindrical birch bark container’ and, probably, *burak* ‘cylindrical birch bark container; a kind of paper tube, etc.’ (< Turkic languages), despite the absence in some cases of direct (or indisputable) correspondences in the alleged foreign-language word families. As a result, the etymological analysis of a single lexeme “works” on the method of group reconstruction and vice versa.

Keywords: Russian language, etymology, Finno-Ugric languages, Turkic languages, language contacts

Acknowledgments: The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Mishchenko, O.V. (2023) On the etymology of the Russian *pyorka* ‘drill bit’. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 67–83. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/4

В русском языке известен профессиональный – столярный и плотницкий – термин *нёрка*. «Словарь русского языка» формулирует значение этого слова следующим образом: ‘сверло, вставляемое в коловорот’ [1. Т. III. С. 110]. Вероятно, имеется в виду обычный ручной коловорот с «коленом».

Также по ряду причин (наличие фонетических, морфологических, словообразовательных особенностей, нюансов лексического значения и др.) это слово – в том или ином варианте – попало в записи диалектной речи. Обнаруживается оно в источниках, связанных с русскими говорами Северо-Запада. Его фиксации относятся к Карелии, Новгородской и Архангельской областям и к западу Вологодской¹: терск., карельск. *нёрка*, *нёрок*¹

¹ Круг имеющихся диалектных данных, к сожалению, очень ограничен, поэтому мы позволим себе привести их полностью, включая все более или менее показательные контексты, чтобы представить материал и последующий его анализ максимально эксплицитно.

‘род сверла’, ср.: «Это коловорот, а его сверло пёркой называется», «Пёркой сверлишь», «Пёрком отверстия вертят, пёрки требуются разные» [2. Вып. 4. С. 479]; новг. *пёрка* ‘дрель’: «Если бы пёркой да коловоротом, дак быстрай» [3. С. 811]; арх. *пёроочка* ‘сверло для работ по дереву’ (Шенк) [4. Вып. 26. С. 287]; *пёрка* ‘острый конец коловорота’ (Он): «Перку сначала поставишь, она вертится», *пёрка* ‘сверло; разновидность сверла’ (Вин, В-Т): «У мужса много пёрок было, все разного размера», «Напарья² – большое сверло, а тут пёркой сверлят и вицы из вереса продёргивают» [7]; олон. ‘сверло, буравчик’ (Петр) [8. С. 80]; влг. *пёрка* ‘тонкое долотце у коловорота для сверления дыр’ (Влгд) [9. С. 357], ‘винт-сверло на коловороте’ (Баб) [7].

Кроме того, слово фиксируется в словаре Даля – без географических помет. Видимо, имеется в виду, что это широко известный термин. Даль объясняет, что любое сверло может называться словом *перо*, однако если сверло тонкое и в форме трубочки, дудки, то используется обозначение *перко*, *пёроочка*, *пёрка*, *пёрко*, *пёрышко*. Вместе с тем далее автор указывает, что этими же словами (*пёрка*, *перышко* и т.д.) может называться не только трубчатое сверло, но и любой вид сверла вообще. (Имеется в виду, что помимо трубчатых сверл бывают сверла и другой формы, например винтообразные, расширяющиеся внизу наподобие лопаточки, с улиткой на конце и пр.) Ср.: «Перо напарья – самое сверло, вставной резец; если оно дудкою, то *перко* или *пёроочка*» [5. Т. III. С. 101]; и далее: «*пёрка* ‘тонкое долотичко трубочкой, полутрубкой (видимо, в виде желоба. – О.М.), для сверленья дыр; вообще сверла разного вида, вставляемые в напары, коловороты, дрели и пр.’; также *пёрко*, *пёрышко*» [5. Т. III. С. 102].

Если соотнести друг с другом все приведенные выше данные, то получается следующая картина. Во-первых, есть два варианта понимания, сверло какого типа обозначается словом *пёрка*:

1) *пёрка* – это сверло в виде трубки или полутрубки (желобком). Как уже говорилось, такое понимание представлено у Даля. Подобный вид сверла является технологически наиболее простым, а значит, и наиболее древним. Остальные типы сверл (винтообразные, с улиткой, с расширением на конце и пр.) появились позже и по отношению к трубчатому они представляют собой более технологичные варианты³.

¹ В этом конкретном случае, скорей всего, неверно восстановлена начальная форма: должно быть *пёрко*, т.е. средний, а не мужской род. Ср. формы в контексте и приведенный далее материал. (Особо отметим, что в третьем по счету контексте, по-видимому, объединены формы среднего (*пёрком*) и женского (*пёрки*) рода.)

² *Напарья*, *напарье* или *напарей*, наряду с *буравом*, *буравчиком*, – это вид ручного сверла. Оба они – бурав и напарей – представляют собой металлический стержень – сверло, в своей верхней части загнутый петлей. В эту петлю вставляется небольшая деревянная колодочка, играющая роль ручки при вращении сверла. Отличие между ними обычно состоит в размере: напарей больше; кроме того, они могут различаться и формой сверла. По-видимому, на разных территориях характер различий может варьироваться. См., напр.: [5. Т. I. С. 142; Т. II. С. 447; 6. Т. V. С. 4–5].

³ Об усложнении технологии см., например, [6. Т. XXXI^Δ. С. 694].

2) *пёрка* – это сверло вообще, сверло любого вида, что также особо подчеркивается у Даля.

В приведенном выше диалектном материале в основном нет указаний на дифференцирующие особенности пёрки как вида сверла, за исключением зафиксированной в [7] дефиниции ‘винт-сверло на коловороте’. Все это в целом вполне согласуется с трактовкой Даля или, во всяком случае, не противоречит ей.

Во-вторых, следует отметить, что Даль и диалектные источники «корректируют» представленную в [1] информацию, указывая, что *пёрка* – это не только сверло ручного коловорота с коленом, но сверло любого инструмента: напарья, бурава, буравчика, – предназначенного для проделывания отверстий (но, видимо, только ручным способом). Более того, по диалектному материалу видно, что *пёркой* может называться не только (и, возможно, не столько) само сверло как составная часть такого инструмента, но и весь инструмент в целом: ср. приведенные выше дефиниции для лексемы *пёрка* у Куликовского [8] (‘буравчик’) и в [3] (‘дрель’, видимо, ручная). Ср. также контекст из [7], где *пёрка* противопоставляется *напарье*: «*Напарья – большое сверло, а тут пёркой сверлят...*». Такое противопоставление, скорее всего, предполагает взгляд на *пёрку* именно как на инструмент в целом. Вообще говоря, когда мы имеем дело с ручным сверлом, наверное, в принципе сложно провести четкую границу между собственно рабочей частью инструмента (металлическим стержнем) и всем инструментом целиком, поскольку «первойчной», базовой, центральной частью инструмента в ручном сверле выступает именно металлический стержень. Ведь превращение стержня в цельный инструмент состоит в том, что к стержню прикрепляется ручка, в результате чего «просто сверло» становится «сверлом с ручкой», в отличие, скажем, от электродрели, где сверло вставляется в более массивную часть и осмысляется как необходимый, но все же дополняющий «базовую» часть элемент. На характерную для ручного сверла синcretичность восприятия рабочей части инструмента и всего инструмента в целом указывает и само это выражение – *ручное сверло*. (Данные выводы важны для дальнейшего этимологического анализа.)

В словаре Брокгауза–Ефрана, который отражает не диалектную, а профессиональную и уже более современную в технологическом отношении специфику бытования этого термина, *пёрка* выступает как синоним сверла вообще. При этом, скорее, имеется в виду именно сам стержень, который может вставляться в дрели разного типа. (Т.е. тут дефиниция сближается с представленной в [1].) Указывается, что бывают различные виды пёрок, среди которых есть и пёрка в виде трубки [6. Т. XXIX. С. 100–102; Т. XXXI^Δ. С. 694].

Завершая представление материала, отметим еще одно обстоятельство: судя по различным техническим сайтам, в настоящее время слово *пёрка* иногда используется в качестве разговорного сленгового (связанного с профессиональной столярной сферой) аналога для номенклатурного выражения *перьевое (перовое) сверло*. Это особый вид сверла, рабочая часть которого имеет расширение в виде лопатки (с острым шипом по центру и двумя

резцами по краям); сверло такого типа предназначено для высверливания отверстий большого диаметра. Слово *пёрка* в этом в значении, скорее всего, представляет собой позднее, вторичное образование, что и станет понятно из дальнейшего изложения.

Итак, *пёрка* – это сверло, в том числе ручное сверло типа буравчика или напарья.

Рассмотрим имеющиеся этимологические версии. Насколько нам известно, существует три варианта этимологической интерпретации этого слова – В.И. Даля, М. Фасмера и С.А. Мызникова.

Версия Даля. В своем словаре Даль помещает лексему *пёрка* – наряду с остальными сходными обозначениями сверла (*перо*, *пёрышко*, *пёрко* и пр.) – в статью на слово *перо* (птичье перо) и тем самым предлагает этимологическое решение. Попытаемся его осмыслить.

В семантическом отношении это решение безупречно. Если проанализировать семантические дериваты рус. *перо* ‘птичье перо’, обнаруживается три основных вектора развития вторичных значений:

1) на базе представлений о форме пера с акцентом на его расширяющейся части, ‘опахале’. Такое видение лежит в основе дериватов типа *перо* ‘широкая, плоская часть, лопасть у различных приспособлений и инструментов (весла, лопаты и т. д.)’, ‘часть прядки, к которой прикрепляется пряжа’, ‘расширенная часть рукоятки косы’, *перья* ‘колосья, метелки овса’ и т.п. [4. Вып. 26. С. 286–287];

2) на базе представлений о форме пера, но с акцентом на его длинном, узком стержне. Так, словом *перо* называют разного рода палки, планки, стержни (они могут характеризоваться также наличием лопасти или какого-то ее подобия, но, видимо, это необязательно), ср.: *перо* ‘стержень, срединное ребро лопасти’ [5. Т. III. С. 101], ‘длинное боковое весло на плоскодонном судне’, ‘железная планка плуга, к которой привинчивается лемех’, ‘приспособление для битья шерсти – палочка, которой натягивают струну’, ‘отдельное сочленение стебля злаковых растений’, *перья* ‘крестовина мотовила для пряжи’ и т.п. [4. Вып. 26. С. 286–287];

3) еще одно направление семантического развития связано с обозначением предметов с острым, колющим, режущим краем, ср.: *перья* ‘продолговатые и заостренные листья травянистого растения’ [3. С. 811], *перо* ‘стреловидный лист лука, чеснока’ [1. Т. III. С. 111], ‘выпущенный наружу кончик платка, косынки, повязанных особым образом’, ‘железный наконечник стрелы’, ‘конец лапы якоря’, ‘режущая часть лезвия какого-либо орудия’, ‘нож плуга, сохи’ [4. Вып. 26. С. 286], ‘железко копья’ [5. Т. III. С. 101], жарг. *перо* ‘нож’ [10. С. 430]. Добавим, что для ряда дериватов третьей группы характерно сочетание представлений об острым и колющим крае с представлениями о длинной, вытянутой форме (т.е. с той семантикой, которая была отмечена выше для второй группы). Какова логика появления семантики острого, колющего? Скорее всего, развитие таких значений имеет комплексную основу. Вероятно, оно связано с представлениями о том, что ‘опахало’ пера может сужаться в своей верхней части, вплоть до образования острого кон-

чика; точно так же к вершине сужается и сам стержень пера. По-видимому, в каких-то случаях имеет значение и факт очень тонких боковых краев «опахала», схожих с заточенными лезвиями¹. Не исключено, что определенную роль в развитии обсуждаемой семантики сыграли также знания и опыт, связанные с очинкой перьев при использовании их в качестве орудия письма: как известно, в результате этой процедуры у стержня пера образуется очень острый кончик.

В свете всего сказанного вполне мотивированным выглядит отмеченное у Даля и уже приводившееся выше *перо* (не *пёрка*) ‘самое сверло, вставной резец’² [5. Т. III, С. 101], *перо* ‘режущая часть сверла для обработки дерева’ [4. Вып. 26. С. 287], поскольку сверло как раз и представляет собой металлический стержень (т. е. предмет вытянутой формы) с заостренным – так или иначе – концом. С этой семантической линией связано и рус. *перити* ‘снабжать резцом (сверло)’ [11. Вып. 14. С. 307].

Что же касается интересующей нас лексемы *пёрка* (не *перо*) ‘сверло’, которую Даль считает дериватом рус. *перо*, то при всей безупречности семантической стороны такого решения все же остается не совсем ясной логика словообразовательных отношений между формами *перо* и *пёрка* (*пёрко*). Как при такой этимологической версии можно трактовать дериваты с суффиксом *-к-*?

Есть две возможности: 1) как диминутивные образования; 2) суффикс *к* не вносит в слово никакого особого значения, а является маркером разговорного стиля речи (ср.: *печь* – *печка*, *книга* – *книжка* и т.п.). Оценим эти возможности.

1. Кажется, что нет каких-то особых семантических причин для появления диминутивных форм: из представленных выше значений слова *пёрка* (*пёрко*), вообще говоря, не следует, что это какое-то маленькое сверло по сравнению с большим. Исключение составляет единственный контекст из [7], в котором *напарья* как большое сверло противопоставляется *пёрке* (см. выше). Вряд ли этот контекст на фоне всех остальных фактов можно считать показательным. Скорее, он является следствием того, уже отмеченного выше, обстоятельства, что представления о напарье и пёрке могли несколько различаться, в том числе территориально³. Пожалуй, единственная причина появления диминутивных форм, которую в данном случае

¹ Значимость всех составляющих этого комплекса, а также взаимосвязь семантики острого края и вытянутой в длину формы явственно прослеживается, например, в рус. *перо* ‘хребтинка, срединный обух двулезаго оружия, книжала, палаша’ [5. Т. III. С. 101].)

² Режущая часть, или резец, – это нижняя часть любого сверла; благодаря ей происходит разрезание волокон древесины. Именно режущая часть является действующей, сверлящей, и именно она может иметь разные формы – трубчатую, ложечную (полутрубчатую), винтовую и др.

³ На всякий случай добавим, что факт использования у Дилакторского и Даля в дефинициях к слову *пёрка* диминутивов *долотце*, *долотичко* (см. выше) также не является показательным, поскольку предполагает сравнение пёрки не с каким-то другим сверлом, а с обычного размера долотом. Имеется в виду, что пёрка, будучи сверлом трубчатого типа, похожа на долото, но меньше его по размеру.

можно усмотреть, – это тот факт, что у трубчатого сверла, по сравнению со всеми остальными, самый тоненький кончик (на что указывает, в частности, дефиниция Даля – см. выше). Однако поскольку остальные размеры трубчатого сверла, по-видимому, ничем принципиально не отличаются от размеров других сверл, можно усомниться в том, что характер резца сыграл столь ключевую роль в процессе диминутивизации.

2. Для обеих словообразовательных возможностей остается непонятным, почему слово *перо* в значении ‘сверло’ практически исчезло из употребления, а суффиксальное производное (*пёрка*) в этом значении – осталось. Так, лексема *перо* ‘сверло’ почти не встречалась нам (за некоторыми исключениями, представленными выше) в тех диалектных источниках, где была обнаружена лексема *пёрка*. Нет ее и в энциклопедии Брокгауза–Ефона, в то время как *пёрка* присутствует там в качестве стандартного обозначения сверла [6. Т. XXIX. С. 100–102; Т. XXXI^А. С. 694].

Насколько можно судить по данным различных сайтов технической тематики, в настоящее время слово *перо* для обозначения сверла (сверла вообще) используется лишь иногда и как элемент профессионального сленга. Имеется, правда, уже упоминавшееся ранее широко распространенное в столярной сфере номенклатурное выражение *перовое (перьевое) сверло*. Однако, как уже говорилось, это обозначение применимо лишь к сверлам с лопатообразной формой резца, что указывает на совершенно иной характер мотивации – не в связи с вытянутой, заостренной формой, как для обозначения сверла вообще, а в связи с наличием расширения (дериваты такого типа выше рассматривались нами отдельно – в первой группе). Таким образом, если и усматривать в выражении *перовое (перьевое) сверло* следы былого существования термина *перо* ‘сверло’, то лишь с учетом ремотивации последнего.

Иными словами, рус. *перо* ‘сверло’ с изначальной мотивацией, отводящей к вытянутой и заостренной форме, практически исчезло, в то время как рус. *пёрка* (*пёрко*) ‘сверло’ – предполагаемое производное с той же самой мотивацией – сохранилось. И такое положение дел имеет место несмотря на то, что деривационные отношения в паре *перо* – *пёрка* (*пёрко*) ничем особенно не затмняются и нет каких-либо причин для утраты словообразовательных связей.

3. Странным кажется и тот факт, что основной вариант производной лексемы представлен формой женского рода (*пёрка*), в то время как производящее слово имеет средний род (*перо*). Как известно, для русского языка при диминутивном словообразовании характерно наследование производной лексемой рода производящей (см.: [12. С. 151; 13. С. 205–213]). Подчеркнем, что такое положение дел имеет место в отношении всех диминутивных суффиксов литературного языка [13. С. 205–213], в том числе и в случае интересующего нас аффикса *-к* [13. С. 207]. Вместе с тем следует, конечно, иметь в виду диалектную специфику обсуждаемого материала, которая может проявляться в том числе и в своеобразии протекания в диалектах словообразовательных процессов по сравнению с литературным идиомом. Однако даже в этом случае при наличии производных двух типов, т.е. среднего (*пёрко*) и женского (*пёрка*) рода, в качестве основного варианта диминутива следовало, скорее,

ожидать форму среднего рода – как соответствующую по роду производящему (*перо*), а форму женского рода – в качестве дополнительного. Между тем ситуация обратная. Отметим при этом, что ни у каких других лексико-семантических вариантов слова *перо* диминутивных (или подобных им) производных женского рода не обнаружено.

Обратимся к другой возможной интерпретации характера словообразовательного процесса, связанной не с диминутивизацией, а со стилистической модификацией производящего слова. Согласно «Грамматике», в случае, если эта модификация осуществляется при помощи суффикса *-к-* (*-ик-*), для неодушевленных существительных любой родовой принадлежности характерно образование производных женского рода [13. С. 213–214]; иными словами, для производящих мужского и среднего рода в результате такого словообразовательного процесса как раз и будет наблюдаться мена рода на женский, ср.: *щебень – щебенка, браслет – браслетка, аналогично картонка, самогонка, жакетка, планшетка, жилетка, мотоциклетка, трафаретка, табуретка; колено – коленка* [13. С. 213–214]. Чтобы увеличить в этом ряду количество исконных примеров, добавим также пару *рассказ – рассказка*.

Вместе с тем при, казалось бы, найденном объяснении интересующих нас словообразовательных связей всё же для случая *перо – перка* возникает ощущение, что предполагаемая словообразовательная пара почему-то не вписывается в приведенный выше ряд примеров. Попытаемся понять возможную причину этого.

Обращает на себя внимание, что во всех приведенных выше примерах, реализующих обозначенную словообразовательную модель с использованием варианта суффикса *-к-*, основы производящих слов длиннее, чем у слова *перо*: они, как минимум, двусложны и имеют больший состав фонем.

По примерам, приведенным в «Грамматике», видно, что есть случаи образования производных и от более или менее кратких – в плане фонемного состава – основ. Однако словообразовательная модель в этом случае реализуется при помощи варианта суффикса *-ик-*¹, ср.: *тире – тирешка, кино – киношка* [13. С. 214], *безе – безешика, кафе – кафешика*. Кроме того, в представленных случаях основы производящих слов хоть и короче, но тоже являются двусложными – с гласным в финали (чем, по мнению «Грамматики», и определяется выбор варианта суффикса [13. С. 214]) – в силу неизменяемого характера производящих².

¹ Вариант суффикса *-к-* при краткой основе (с меной рода при словообразовательном процессе) обнаружился нами только в паре *кепи – кепка* (см.: [13. С. 214]). Однако думается, что исторически здесь мы имеем дело не с реализацией обсуждаемой словообразовательной модели как таковой, а с разными вариантами адаптации заимствования: единицы в паре *кепи – кепка* ощущаются как достаточно самостоятельные, независимые друг от друга, и, по всей видимости, этимологически таковыми и являются.

² Из приведенных примеров иначе можно интерпретировать только *киношка, кинушика*, предполагая просторечную возможность склонения существительного *кино* и использование аффикса, начинающегося с гласного (*-ошк- / -ушк-*). Ср. в этом плане также: *пальто – пальтушка*.

В целом создается впечатление, что для рассматриваемой модели – т.е. модели, связанной со стилистической модификацией производящего слова – при мене рода производного по сравнению с производящим нехарактерно образование единиц от кратких (односложных, с небольшим фонемным составом) основ, так как в этом случае у фонемной последовательности производного слова значительно снижается способность выполнять смыслоразличительную функцию. Этот механизм, по-видимому, можно представить следующим образом. В случае производящих мужского рода (типа *жилет* – *жилетка*), а также в случае производящих с наиболее краткими основами (т.е. неизменяемых заимствованиях среднего рода, оформляющихся суффиксом *-шк-*) фактически всё производящее оказывается «зашитым» в производное, что и позволяет производному «считываться», быть узнаваемым; по крайней мере в начале «самостоятельной жизни» производного это обстоятельство является важным, так как позволяет понять, что именно говорящий подвергает стилистической модификации. При производящем среднего рода (типа *колено* – *коленка*) в производном закрепляется не все производящее, а только его основа. И именно по ней происходит узнавание семантики производного.

Всё это означает, что чем длиннее фонемная последовательность производящего, тем более однозначным будет понимание того, какое именно существительное оказалось «зашитым» в производное, получило таким образом стилистическую модификацию. Причем, похоже, это важно при мене любого рода – как среднего, так и мужского¹.

Факт актуальности длины фонемной последовательности при стилистической модификации существительного объясняется, надо полагать, именно особенностями самой этой словообразовательной модели, в рамках которой у производного слова, по сравнению с производящим, не меняется ни частеречная принадлежность, ни лексическая семантика. Ср. в этом отношении случаи, когда словообразовательная модель сопровождается частеречной модификацией и / или наличием у аффикса более явной словообразовательной семантики, для которых, как кажется, факт длины основы не является значимым. Надо полагать, такие характеристики словообразовательной модели, как определенная частеречная модификация и / или стоящая за аффиксом более конкретная семантика, – это своеобразные «вешки» для сознания, позволяющие правильно интерпретировать результат словообразовательного процесса.

Именно отсутствие таких «вешек» и создает дополнительные сложности в случае стилистической модификации. И, по-видимому, эти сложности особенно ощутимы именно при смене рода, так как сам по себе род в данном

¹ Любопытно, что при производящих женского рода наличие кратких основ – вполне нормальное явление, ср.: *печка*, *свечка*, *дырка* [13. С. 214], *дочка*, *ночка* и пр. Этот факт, по-видимому, связан с сохранением родовой принадлежности производящего по сравнению с производным: такое сохранение облегчает понимание модифицированной лексемы, так как упрощает осознание производного через производящее.

случае – это тоже своеобразная «вешка», формирующая (при отсутствии мены) отсылку сознания к производящему, что необходимо для правильной интерпретации производного. При наличии же мены такая отсылка «теряется». В итоге всю нагрузку по интерпретации производного приходится «брать на себя» фонемной последовательности, составляющей основу производящего слова и в то же самое время «зашитой» в производное¹.

Итак, факт мены рода у производного (*пёрка*) по сравнению с производящим (*перо*) остается сомнительным при любой возможной интерпретации словаобразовательного процесса.

4. В завершение разбора сложностей, связанных с логикой словообразовательных отношений между *перо* и *пёрка* (*пёрко*), отметим еще и такой нюанс: создается впечатление, что при любой (не только диминутивной) природе суффикса нет каких-то особых причин для появления суффиксальных номинаций именно по отношению к сверлам трубчатого типа; непонятно, почему именно они были выделены из всех остальных.

Подводя итог всем высказанным сомнениям, можно, конечно, согласиться с мыслью, что в языке бывают всякие сюрпризы. Но вместе с тем, пожалуй, нельзя не признать, что все эти словообразовательные сложности и несогласованности наилучшим образом устраняются, если предположить, что между словами *перо* и *пёрка* нет словообразовательных отношений. Иными словами, очень вероятно, на наш взгляд, что *пёрка* и *перо* – это два самостоятельных обозначения сверла, которые этимологически могут быть вообще никак не связаны друг с другом.

Такую позицию как раз демонстрирует вторая этимологическая версия – **версия Фасмера**: М. Фасмер возводит рус. *пёрка* к глаголу *переть* [14. Т. III. С. 242]. В отличие от версии Даля, версия Фасмера, наоборот, демонстрирует безупречность в структурно-словообразовательном отношении, однако в плане семантики она кажется менее убедительной. Такая трактовка предполагает, что в номинации получило отражение побочное (а не основное) действие, связанное с использованием обозначаемого инструмента. Целью использования сверла является проделывание отверстий, что достигается очень определенной технологией процесса (верчением). «Напирание» же, т.е. налегание, прикладывание усилий по направлению вперед, представляет собой по отношению к основной технологии необходимый, но всё-таки дополнительный момент, «фоновое» обстоятельство. При этом можно обратить внимание, что такое «фоновое» действие, по сути, сопровождает применение практически любого старого инструмента – пилы, топора, долота, лопаты и пр.

¹ Вообще говоря, наверное, неслучайно, что в мире есть языковые системы, к которым относится в том числе и русский язык, характеризующиеся сохранением рода в рамках, например, такой словообразовательной модели, как диминутивизация. Можно предполагать, что постоянство рода и в данном случае точно так же является дополнительным маркером, позволяющим сознанию правильно интерпретировать производные – через обращение к производящему.

Таким образом, характер номинации в рамках версии Фасмера оказывается очень общим, лишенным семантической дифференциации в отношении номинируемого инструмента (по сравнению с другими); и при этом он (характер номинации) оказывается еще и связанным с периферийным, а не основным, технологическим аспектом, которому в номинативном отношении удалось «затмить» собою основной, несмотря на отмеченное выше отсутствие дифференциации. Всё это кажется несколько странным, хотя и не невозможным.

Версия С.А. Мызникова. С.А. Мызников предполагает, что рус. *пёрка* может быть результатом переразложения от рус. *напарье* ‘бурав’ [15. С. 597], которое, в свою очередь, восходит к нем. диал. *napper, pepper* ‘сверло’ [14. Т. III. С. 42; 15. С. 521]. Нельзя не признать, что эта версия также не лишена трудностей – фонетического характера (если предполагать, что переразложению подверглось непосредственно русское заимствование) или структурного (если предполагать, что переразложению подвергся сам этимон в процессе заимствования). В последнем случае (при переразложении этимона) трудности связаны с отсутствием среди русских лексем промежуточных структурных вариантов между рус. *напарье* (*напарей*) и рус. *пёрка*, которые бы играли роль связующего звена между столь разными формами и тем самым подтверждали бы высказанное предположение¹.

С учетом всех имеющихся проблем можно предложить еще одну версию происхождения рус. *пёрка*. Эта версия предполагает заимствованный характер лексемы и связывает ее с прибалтийско-финским гнездом, в основе которого лежит семантика вращения. Приведем гнездо достаточно подробно, чтобы была понятна логика его семантической организации: фин. *ruõrä* ‘колесо (напр., повозки, прялки); вращающаяся задвижка двери, щеколда; вихор в волосах’, *ruõrõ* ‘круглый, вертящийся; кружок, колечко’, *ruõry* ‘круг’, *ruõrylä* ‘круг, кружок, колечко’, *ruõrykkä* ‘шарик, кружочек’, *ruõreä* ‘круглый, обтекаемый’, *ruõriä* ‘вертеться, крутиться, вращаться, кружиться; катиться’, *ruõrítää* ‘крутить, вертеть, вращать; катать, катить’, *ruõriäinen* ‘вихрь; вихор в волосах’, *ruõrtää* ‘огибать, окружать, кружить, вращать, скручивать, согнуть’, *ruõrtämä* ‘водоворот’, *ruõrtävä* ‘то же; вихор в волосах’, *ruõrre* ‘завихрение, закручивание (напр., воды, ветра, волос)’; карел.-ливв. *püõrä* ‘колесо (напр., повозки), вихор в волосах, щеколда’, *püõrõ* ‘обруч, бандаж’, *püõrõi* ‘колесо, диск, шайба; щеколда двери; круглый пирог’, *püõrukäini* ‘круглая рама, коробка; обод; круглый сруб, каркас; волчок, юла; вихор в волосах’, *püõritteä* ‘крутить, вертеть, вращать, катать’, *püõrteä* ‘делать круглым’, *püõrtöä* ‘резать кору с комля дерева, чтобы оно засохло’; люд. *püõrü* ‘щеколда’, *püõrulaiñe*, *püõräk* ‘(четырехсторонний) инструмент азартной игры (видимо, рулетка. – О.М.)’, *püõrähäin*, *püõräkkö* ‘вертушка, флюгер’, *püõriüs* ‘круглый’; вепс. *põrõ* ‘ви-

¹ Речь идет о таких, например, вариантах, как **nep* (*нёр*) или **наперка* (*напёрка*), однако, повторимся, они не зафиксированы.

хор волос', *pöruda, peruda* 'вертеться, крутиться', *pörgāne* 'вертушка' и др.; вод. *pōrā* 'колесо; круглый оселок', *pōr* 'точило', *pōrittā* 'вертеться, крутиться', *pōrittā* 'вертеть, крутить, вращать' и др.; эст. *pōör* 'щеколда двери; колесо; рулон, свиток, катушка, бобина, диск', 'отворот, загиб', *pōöruda* 'поворачиваться', *pōördä* 'возвращаться, поворачивать; гнуть, сгибать; поворачиваться; гнуться, сгибаться, загибаться', *pōöre* 'отворот, загиб; поворот', *pōrus* 'мутовка', *pōorus* 'гнутье, загибание, вращение' и др.; лив. *pierā, riūgrā*: *p. lā'dā* 'крутить, вращать', *pier* 'карусель', **pēör* 'крутить, вращать; гнуть, сгибать, загибать, поворачивать' [16. S. 677–679; 17. 2. C. 454–455].

В плане семантики логика связи рус. *пёрка* с рассматриваемым гнездом очевидна, так как работа сверла представляет собой именно вращение, причем этот факт должен особенно хорошо осознаваться в том случае, если сверло ручное, поскольку именно рука человека и совершают эти вращательные движения. В структурном отношении также не возникает сложностей: вычленяемый в русской лексеме аффикс может иметь как собственно русское, так и прибалтийско-финское происхождение. Ср. прибалтийско-финские суффиксы существительных: отлагольные *-kki, -e(k)* [18. C. 68, 67] и отыменные *-kka/kkā, -kko/kkō* [18. C. 64]. (Можно обратить внимание, что в приведенном выше гнезде имеются дериваты с такой структурной организацией: см. фин. *ryörykkä* 'шарик, кружочек', люд. *riūräkkö* 'вертушка, флюгер'.)

Есть и еще ряд фактов, которые наводят на мысль о возможной связи рус. *пёрка* с приведенным прибалтийско-финским гнездом.

1. Во-первых, это география диалектных данных. Как видно из приведенного в начале статьи материала, диалектные данные преимущественно имеют отношение к русским говорам Северо-Запада, т.е. как раз к зоне контакта русского и прибалтийско-финского населения. Вместе с тем этот аргумент всё же нельзя признать очень надежным. Возможно, фиксация интересующего нас термина именно северными источниками обусловлена лишь более полным сбором диалектного материала на Севере по сравнению с остальными территориями России. Но если всё же данные о диалектном бытовании лексемы имеют под собой реальные основания, это может означать, что процесс заимствования лексемы прошел на территории Северо-Запада, а уже затем она распространилась шире – в качестве профессионального термина (что, как известно, совершенно естественно для ремесленной терминологии).

2. Кроме того, версия хорошо поддерживается в типологическом отношении. Ср. прежде всего рус. *бурав, буравчик* 'сверло', восходящее в конечном счете к тюрк. *bur(a)-* 'крутить, вертеть, вращать, скручивать и т.п.' [14. Т. I. С. 243; 19. Вып. 5. С. 143–144; 20. С. 267]. Ср. также рус. *вертеть, навёртывать* 'сверлить, буравить', *наверток, навертыши* 'буравчик' [5. Т. I. С. 182; Т. II. С. 384–385], а также рус. *коловорот*.

3. Есть и еще один поворот типологического аспекта, помимо обозначенного выше. По всей видимости, рассматриваемое прибалтийско-

финское гнездо получило отражение и в других русских лексемах, также бытующих в русских говорах Северо-Запада. Это, например, пск. *пёргула*, *пёрыши* ‘вертикально стоящий на берегу, в лодке и т.д. ворот (для поднятия паруса, тяги невода)’, и, возможно, пск., твер. *пёрко* ‘цевка прялки’ [4. Вып. 26. С. 283], а также, по-видимому, наиболее интересующее нас сейчас рус. *порка*, *порочка*, которое имеет два основных значения – ‘туес (берестяной цилиндр для жидких и сыпучих продуктов)’ [2. Вып. 5. С. 84; 7] и ‘катушка, на которую наматывают спрятенную нить’ [3. С. 912; 4. Вып. 30. С. 85]. (Версия происхождения этих слов в связи с рассматриваемым прибалтийско-финским гнездом изложена в [21].) Остановимся кратко на семантическом аспекте сопоставления рус. *порка*, *порочка* с интересующим нас прибалтийско-финским материалом, т.е. на том, как семантика туеса и катушки связаны с идеей верчения. Туес имеет цилиндрическую (т.е. связанную с окружностью) форму, он изготавливается путем сворачивания, скручивания в трубку куска бересты. Катушка имеет точно такую же технологию изготовления; по сути, она и представляет собой туес, только без дна и крышки (это труба с крестовиной вместо дна). Кроме того, функция катушки напрямую связана с вращением: именно таким образом на нее наматывается нить. Можно обратить внимание, что вся эта семантика так или иначе получает отражение в обсуждаемом прибалтийско-финском гнезде, ср. следующие значения дериватов гнезда: ‘скручивать, сгибать, загибать’, ‘круглая рама, коробка, обод’, ‘рулон, свиток, катушка’, ‘крутить, вертеть, вращать’, ‘крутиться, вертеться, вращаться’ и т.п. Иными словами, денотативная семантика реалий (катушки и туеса) безусловно позволяет связывать рус. *порка*, *порочка* с рассматриваемым гнездом¹. Таким образом, имеется пара слов: *пёрка* ‘сверло’ и *порочка* (*порка*) ‘туес’ – предположительно, восходящих к одному и тому же прибалтийско-финскому гнезду.

Аналогичную семантическую параллель можно предположить и для тюркского источника рус. *бурав*. Прежде всего, ср. в этом плане ряз., тамб. *буравок* ‘кузовок, лукошко, бурак’ (*бурак* – то же самое, что *туес*, т.е. берестяной цилиндрический сосуд с крышкой для хранения и переноски жидких и сыпучих продуктов’. – *О.М.*); ряз. *буровок*, *бровок* ‘берестяный бурак, бурачок, туес; кузовок, котомка, гнутая либо плетеная’ [4. Вып. 3. С. 279, 296; 5. Т. I. С. 144], для которых, на наш взгляд, с учетом рассмотренных выше семантических отношений очень вероятен тюркский источник, связанный с тем же гнездом, что и рус. *бурав* ‘сверло’ (т.е. с тюрк. *bur(a)-* ‘вертеть’)².

Кроме того, выявленные семантические отношения позволяют предполагать аналогичное, т.е. в связи с гнездом *bur(a)-* ‘вертеть’, происхождение и для рус. (олон., арх., влг., новг., влад., яросл., симб., пенз., ряз., вят., урал., сиб.) *бурак* ‘сосуд из бересты цилиндрической или окружной формы для

¹ Фонетический аспект сопоставления подробно рассмотрен в [21].

² Иначе см.: [19. Вып. 5. С. 144] – рус. *буравок* и пр. рассматриваются как результат контаминации *бурак* ‘сосуд из бересты’ и *кузов*, *кузовок*.

хранения или переноски чего-либо’ [4. Вып. 3. С. 280]; во всяком случае, формальных препятствий для этого нет¹. Этот вопрос, однако, нуждается в отдельной – более детальной – проработке.

Таким образом, выявившиеся параллели: *пёрка* ‘сверло’ – *порочка* ‘түес’; *бурав* ‘сверло’ – *буравок* (и, очень вероятно, *бурак*) ‘түес’, – демонстрируют типологическое сходство в развитии семантики финно-угорских и тюркских языков и позволяют предполагать, что за этими параллелями стоят определенные особенности семантической организации языков, связанные с реализацией семантики вращения, а именно: в гнезде, где получила отражение семантика сверла, вполне естественно появление семантики туеса, и наоборот.

4. Предложенная этимологическая версия позволяет дать объяснение также и отмеченному у Даля факту приложения слова *пёрка* именно к сверлам трубчатого и полутрубчатого типа. С одной стороны, причина может носить лингвистический характер: для обсуждаемых гнезд с семантикой вращения появление дериватов, обозначающих трубки самого разного рода, кажется вполне естественным – в силу как особенностей формы, так и одной из возможных технологий изготовления трубок – путем скручивания, сворачивания². Ср. в связи с этим, например, такие значения, представленные в рассмотренном прибалтийско-финском гнезде, как ‘рулон’, ‘свиток’; ср. также отмеченное выше рус. (пск., твер.) *пёрко* ‘цевка прядки’³, предположительно также восходящее к интересующему нас прибалтийско-финскому гнезду. В типологическом отношении ср. также рус. *бурак* ‘бумажная трубка, набиваемая горючим составом и хлопушкой (зарядом пороха), для потешных огней’ [5. Т. I. С. 142], ‘толстое немнущееся голенище сапога’ [4. Вып. 3. С. 280]. Вместе с тем совсем не обязательно, что связь лексемы *пёрка* со сверлами трубчатого и полутрубчатого типа базируется именно на такой мотивационной основе. Не менее вероятно, что она объясняется чисто экстралингвистически: если наша этимологическая версия верна, то слово *пёрка* должно быть достаточно старым, а это значит, что изначально оно должно было относиться к сверлам, наиболее несовершенным в технологическом отношении, каковыми как раз и являются сверла трубчатого и полутрубчатого типов⁴.

5. Для предлагаемой этимологической версии обнаруживаются и экстралингвистические основания: известно, что для карелов были характерны

¹ На сегодняшний день происхождение рус. *бурак* остается всё же неясным. См., напр.: [19. Вып. 5. С. 146–147] и ссылки там же.

² Понятно, что возникшая таким образом номинация при последующем функционировании может ‘потерять’ этот технологический момент и начать относиться к трубкам любого типа.

³ По сути, *цевка* – это и есть трубочка, в частности трубочка, свернутая из бересты, которая используется для наматывания нити (т.е. в качестве катушки).

⁴ Не исключено также, что мы имеем тут дело с каким-то древним синкретичным восприятием, которое совмещает в себе собственно лингвистические и экстралингвистические обстоятельства.

развитые традиции железоделательного производства, начало которых связывают еще с эпохой раннего Средневековья [22. С. 227]. А с XVI в. изделия карельских кузнецов получили известность и на российском рынке: «в 16–17 вв. погости Карелии поставляли железо и железные изделия в Новгород, Тихвин, Ярославль, Ростов, Устюжну-Железнопольскую, Углич и даже Москву» [22. С. 227].

Географические сведения

Баб – Бабаевский район Вологодской области; Вин – Виноградовский район Архангельской области; Влгд – Вологодский уезд Вологодской губернии; В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области; Он – Онежский район Архангельской области; Петр – Петрозаводский уезд Олонецкой губернии; Шенк – Шенкурский район Архангельской области.

Языки и диалекты

арх. – архангельские говоры русского языка; вепс. – вепсский язык; влад. – владимирские говоры русского языка; влг. – вологодские говоры русского языка; вод. – водский язык; вят. – вятские говоры русского языка; карел. – карельский язык; карельск. – русские говоры Карелии; лив. – ливский язык; ливв. – ливвиковские говоры карельского языка; люд. – людиковские говоры карельского языка; нем. – немецкий язык; новг. – новгородские говоры русского языка; олон. – олонецкие говоры русского языка; пенз. – пензенские говоры русского языка; пск. – псковские говоры русского языка; рус. – русский язык; ряз. – рязанские говоры русского языка; сиб. – сибирские говоры русского языка; симб. – симбирские говоры русского языка; тамб. – тамбовские говоры русского языка; твер. – тверские говоры русского языка; терск. – терские говоры русского языка; тюрк. – тюркские языки; урал. – уральские говоры русского языка; фин. – финский язык; эст. – эстонский язык; яросл. – ярославские говоры русского языка.

Прочее

жарг. – жаргонное; диал. – диалектное.

Список источников

1. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
2. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
3. Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010. 1435 с.
4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
5. Даля В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (М. : ТЕРРА, 1994).
6. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. V. 480 с.; 1900. Т. XXIX. 478 с.; 1901. Т. XXXI^Δ. С. 473–954.
7. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
8. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898. 160 с.
9. Словарь областного вологодского наречия : по рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006. 677 с.

10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2001. 720 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.: С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, Д.И. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
12. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
13. Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
15. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 1064 с.
16. Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki, 1958–1981. 2293 с.
17. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).
18. Основы финно-угорского языкоznания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М. : Наука, 1975. 347 с.
19. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Знак, 2007–. Вып. 1–.
20. Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
21. Мищенко О.В. Севернорусские этимологии: порочка, пёрыш, пёрко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 212–226.
22. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М. : Наука, 2003. 671 с.

References

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.
3. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg: Nauka.
4. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965 – cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
5. Dal', V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Saint Petersburg; Moscow: TERRA.
6. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1892, 1900, 1901) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vols 5, 29, 31. Saint Petersburg: Brokgauz–Efron.
7. Kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznanija i rechevoy kommunikatsii UrFU [Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of Ural Federal University]. (n.d.) *Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa* [Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
8. Kulikovskiy, G.I. (1898) *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskem primenении* [Dictionary of the Regional Olonets Dialect in its Everyday and Ethnographic Application]. Saint Petersburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk.
9. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the Regional Vologda Dialect. According to the manuscript of P.A. Dilaktorsky 1902]. Saint Petersburg: Nauka.

10. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [Big Dictionary of Russian Jargon]. Saint Petersburg: Norint.
11. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975 – cont.) *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow: Nauka.
12. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the problematics]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
13. Shvedova, N.Yu. et al. (eds) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
14. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
15. Myznikov, S.A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'*. *Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
16. Toivonen, G. et al. (eds) (1958–1981) *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Vols 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura.
17. Itkonen, E. & Kulonen, U.-M. (1992–2000) *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. Vols 1–3. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seuran toimituksia.
18. Lytkin, V.I. et al. (eds) (1975) *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Pribaltiysko-finskie, saamskij i mordovskie jazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages]. Moscow: Nauka.
19. Anikin, A.E. (2007 – cont.) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Znak.
20. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh jazykov. Obshchetyurkskie i mezhyurkskie osnovy na buku "B"* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. General Turkic and inter-Turkic bases starting with the letter “B”]. Moscow: Nauka.
21. Mishchenko, O.V. (2019) Severorusskie etimologii: porochka, perysh, perko [Northern Russian etymologies: porochka, perysh, perko]. *Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. nauki*. 2 (21). pp. 212–226.
22. Klement'ev, E.I. & Shlygina, N.V. (eds) (2003) *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish Peoples of Russia]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Мищенко О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Mishchenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2022;
одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 10.08.2022;
approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 811.16
doi: 10.17223/19986645/83/5

Идиолектальное и узуальное в ситуации контакта: польско-украинский литературный билингвизм в середине XIX в.

Оксана Александровна Остапчук¹

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, ostapczuk@yandex.ru

Аннотация. Творчество представителей «украинской школы» в польской поэзии середины XIX в. (С. Осташевский, Т. Падурра, К. Гейнч и др.) является источником ценного материала для исследования лингвистических последствий контакта родственных языков. В статье анализируются результаты межъязыковой интерференции на различных языковых уровнях и решается вопрос о степени узуальности таких образований. Так, целый ряд выявленных особенностей отражает украинский диалектный или архаичный узус, одновременно демонстрируя поддерживающее польское влияние.

Ключевые слова: польско-украинский билингвизм, литературный билингвизм, середина XIX в., языковой контакт, графика, фонетико-фонологическая интерференция, грамматическая интерференция, узуальность

Для цитирования: Остапчук О.А. Идиолектальное и узуальное в ситуации контакта: польско-украинский литературный билингвизм в середине XIX в // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 84–99. doi: 10.17223/19986645/83/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/5

Idiolectal variation and usage in the contact situation: Polish-Ukrainian literary bilingualism in the mid-19th century Oxana A. Ostapchuk¹

¹ Lomonosov Moscow State University; Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ostapczuk@yandex.ru

Abstract. Polish-Ukrainian bilingualism in the Right-Bank Ukraine in the mid-19th century was manifested among other things in the specific model of language behavior of the regional Polish elites, which implies a conscious promotion of the Ukrainian speech to the wide cultural sphere. The aim of the article is to examine the linguistic consequences of the Polish-Ukrainian contact, reflected in the works of two representatives of the so-called “Ukrainian school” of Polish poetry at the time: Tymko Padurra (1801–1871) and Spiridon Ostashevski (1797–1875). Under the analysis is their poetry stylized on the Ukrainian folklore, written in Latin script, which was

the first literary fixation of the Ukrainian speech in the Right-Bank Ukraine. The poetry was addressed to the “folk” reader – it means that its language form was as close as possible to the spoken Ukrainian and even to the dialectal usage. The analysis helps to solve the methodological issue connected with the evaluation of the revealed contact features as idiolectal or usual for the speech community; for this purpose the dialectal and historical material from the Polish and Ukrainian was involved. The linguistic analysis of the some specific orthographic, phonological and grammatical features in the Ukrainian works of Polish authors allows concluding that most of them have a usual character rather than individual, and their parallels can be found in the dialects or historical texts. Conscious and unconscious following the speech and dialectal samples make their texts closer to the folk speech and especially (west)Podolian dialects. At the same time one can notice the tendency to the textual normalization of the folk speech, which means avoiding of the narrow dialectal features. The noticeable impact on the texts’ linguistic form has the fact that dialects under examination are located in the contact Polish-Ukrainian area. Some facts in the field of phonetics and grammar (for example, specific form of reduction of e/y, o/u, personal verb endings in the past tense, reflexive particle, etc.) can be seen as markers of a geographical area of linguistic convergence, providing us with examples of different forms of mixed speech and/or area of increased variability (as it was with the grammatical gender or none and adjective inflections). The bilingual experience of the authors under analysis also contributes to the wide spread of the Polish-Ukrainian mixed forms or induced changes enshrined in the regional usage, which reflect typological features of the bilingual situation.

Keywords: Polish-Ukrainian bilingualism, literary bilingualism, mid-19th century, language contact, graphics, grammatical interference, phonological interference, usage

For citation: Ostapchuk, O.A. (2023) Idiolectal variation and usage in the contact situation: Polish-Ukrainian literary bilingualism in the mid-19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 84–99. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/5

Языковое развитие Правобережья Днепра в начале–середине XIX в. тесно связано с процессом включения украинских земель, входивших в состав Речи Посполитой, в политическое и культурное пространство Российской империи после третьего раздела Польши (1795). Динамика языковой ситуации, заданная этим политическим актом, состояла в постепенном снижении польского культурно-языкового присутствия и введении в сферу высших коммуникативных функций языка империи – русского¹. Конкуренция языков в коммуникативном пространстве в этот период реализуется по-разному в зависимости от сферы и уровня контакта. Если сфера высших коммуникативных функций (судопроизводство, делопроизводство, образование² и т.д.) является зоной взаимодействия польского и русского языков с усиливающимся с 1831 г. влиянием последнего, то в повседневных ситуациях общения конкурируют в основном польский и украинский языки (последний в форме местных говоров).

¹ О специфике включения западных губерний в имперскую систему см.: [1. Р. 35, 53, 68, 78, 124].

² О системе образования в Западных губерниях в этот период см.: [2, 3].

Весьма неоднозначны свидетельства об использовании украинского языка, являвшегося основным средством общения в низшей и отчасти средней социальной страте, представителями высших сословий. Для тесно связанной с Правобережьем местной (польской и полонизированной) шляхты разнообразие окружающего их культурно-языкового ландшафта явно не было чем-то необычным. Народный (диалектный) украинский язык не рассматривался местными поляками как нечто «чуждое». Об использовании польского и украинского языков в повседневной коммуникации представителями обеих этнических групп сохранились многочисленные воспоминания современников¹. Естественно, можно предположить, что при этом возникали и разнообразные смешанные формы речи.

Доминировавшие в языковом сознании представления о близости, родственности украинского и польского языков нередко вели к восприятию украинского как польского диалекта. В то же время именно благодаря полякам – выходцам с Правобережья происходит постепенная коммуникативная эманципация украинского языка в данном регионе. Так, в ходе восстания 1831 г. предпринимаются первые попытки введения украинского народного языка по крайней мере в «квази»-публичное пространство в форме рукописных (в 1831 г.) – а позже и печатных (1848 г.) возваний к крестьянству с призывами к участию в нем под польским флагом [6]. Увлечение романтизмом и распространение идей «козакофильтра» в среде шляхты приводит к активному проникновению украинской стилизованной речи в произведения художественной литературы и формированию целого направления в польской литературе эпохи романтизма, за которым закрепился термин «украинская школа». Большинство произведений такого рода демонстрирует диглоссный тип билингвизма с четким распределением функций языков в литературном тексте, где украинская речь маркирует речь персонажей-украинцев, однако к середине XIX в. в ряде случаев украинский язык становится относительно самостоятельной формой литературного высказывания.

Можно констатировать, что польско-украинский литературный билингвизм, сформировавшийся на Правобережье к середине XIX в., явился, с одной стороны, своеобразным ответом на официальную языковую политику Российской империи, а с другой – отражением билингвального опыта средней социальной страты в зоне языкового конфликта и реакцией на постепенную демократизацию коммуникативного пространства. Так, в среде

¹ Так, по воспоминаниям одного из польских «пророков» эпохи романтизма, Юлиуша Словацкого, украинский, а точнее, «подольский, волынский» язык он считал языком своей малой родины [4. С. 40]; другой поэт польско-украинской школы, С. Гощинский, писал: «На каникулах я больше развлекался, чем работал; помогал отцу, ведь записки по хозяйству. Я жил с народом, особенно с дворовыми казачками и девками, как живет дитя, учась всему, что слышит, и все хочет слышать и видеть» / «Przez wakacje więcej się bawiłem jak pracowałem; pomagałem ojcu pisaniem w gospodarstwie. Żyłem z ludem, zwłaszcza z kozakami dworskimi i dziewczkami, jak żyje dziecię, ucząc się wszystkiego, co słyszy, i wszystko chce słyszeć i widzieć» (перевод наш. – O.O.) [5. S. 17].

местной польскоязычной «кресовой» шляхты одной из характерных моделей речевого поведения в этот период становится сознательное продвижение украинской речи, маркированной в языковом сознании как «низкая», но также «народная», в широко понимаемую культурную сферу. Например, биограф одного из представителей этого направления Т. Падурры сообщает, что в годы учебы в Подольской гимназии он якобы общался с соучениками исключительно по-украински: «Знали его все хорошо, ведь он всегда напевал украинские мелодии и обычно в беседах с коллегами употреблял только украинское наречие. К наречию этому испытывал он уже с младенчества особую тягу: любимейшей забавой его было слушать пересказы древних легенд на “руськом” языке и стоны украинской лиры»¹.

Литературный билингвизм являлся характерной чертой украинского культурного процесса в течение почти всего XIX в., что вполне объяснимо несамостоятельным коммуникативным статусом украинского языка. Две основные модели литературного билингвизма, отмеченные в этот период на Правобережье, имеют свои прямые параллели в литературной практике Левобережья, где осуществлялась конкуренция украинского и русского языков²:

1. Доминирует своеобразная **инкрустационная модель**: польский язык выступает как основное средство литературного высказывания, но в нем присутствуют отдельные украинские вкрапления – лексические, фразеологические и др., используемые преимущественно для создания локального колорита и экспрессивизации текста («украинская школа» в польской поэзии – Б. Залеский, С. Гощинский, М. Грабовский, А. Мальчевский и др.)³. Разновидность этой модели представлена, в частности, в исторических повестях М. Чайковского, активно вводящего в текст украинские песни в польском переводе, при этом оригиналный текст помещается в комментариях, где также дается толкование использованных в произведении украинских слов и выражений.

2. К середине XIX в. формируется также **модель ситуативного билингвизма**, предполагающая параллельное сосуществование украинской и польской формы языкового выражения при условии распределения языков по стилям, жанрам и темам. При этом польский язык, как правило, используется в прозаических произведениях крупных форм и маркирует текст как высокий, а украинский преобладает в стихотворных текстах, нередко иронических и / или сниженных. Именно такое распре-

¹ «Znali go dobrze wszyscy, gdyż wyśpiewywał im zawsze rzewne melodye ukraińskie i używał zazwyczaj w rozmowie z kolegami tylko narzecza ukraińskiego. Do narzecza tego nabrał bowiem już od maleńkości szczególniejszego pociągu: najulubieńszą jego zabawą było, przysłuchiwać się opowiadaniom dawnych podań w języku ruskim i ‘jękom liry ukraińskiej’» [7. S. XV].

² О русско-украинском литературном билингвизме см.: [8. С. 205, 206, 209, 215, 226].

³ «Инкрустационный» способ языковой стилизации в произведениях писателей «украинской школы» в XIX в. анализирует в своей монографии М. Стрыхарская-Бежжина [9. S. 345–350].

деление языков отмечается в творчестве правобережных авторов Тимка Падурры (1801–1871) [7] и Спиридона Осташевского (1797–1875) [10], откуда почерпнут материал для настоящей статьи. Свои украинские стихи, написанные в подражание народному фольклору, перечисленные и некоторые другие авторы записывали модифицированной латиницей, опираясь при этом на хорошо знакомые им украинские говоры, что не исключало активной интерференции с польским языком. При этом польские комментарии и другие прозаические текстовые фрагменты (вступление, заключение) нередко выполняли функцию своеобразной семиотической рамки, обрамляя основной (стихотворный) украинский текст. Крайне редкими, впрочем, являются случаи использования украинского и польского языков параллельно, без дополнительной стилистической нагрузки в рамках одного произведения¹.

Важно отметить, что украиноязычные произведения Т. Падурры и С. Осташевского являются первой фиксацией украинской речи на Правобережье, претендующей на статус литературной. В то же время декларативная ориентация на потенциального читателя «из народа» максимально приблизила языковую форму произведений к разговорному, а нередко и диалектному узусу; в данном случае речь идет о подольско-волынской части юго-западного наречия украинского языка. Язык украинских произведений писателей польского происхождения является также ценным материалом для анализа лингвистических последствий польско-украинского контакта на разных уровнях языковой системы. Подчеркнем, что писателей, чьи произведения используются нами в качестве материала для анализа, объединяет не только выбранная модель языкового поведения, но и общность происхождения, подобный коммуникативный опыт как в период взросления, так и во взрослой жизни, близкая социальная среда и круг идей, а также территория, с которой они были связаны эмоционально по своему рождению, но на которой также долгое время проживали. Это делает их произведения источником не только индивидуально-авторских особенностей, но и черт, общих по крайней мере для определенного круга носителей украинского и польского языков.

В ходе анализа собственно лингвистических проявлений контакта возникает важная методологическая проблема, связанная с установлением степени узуальности обнаруженных нами контактных явлений. Для решения этого вопроса мы привлекаем широкий диалектный и исторический материал, как украинский, так и польский. Отметим, что для анализа используются прежде всего тексты на украинском языке: это соответственно собрание стихов Т. Падурры, в том числе сборники “Ukrainky”, “Dumky” [7], а также сборник стилизованных под народные стихотворных сказок С. Осташевского “Piu kopy kazok... dla wesołoho mira” (Wilno, 1850) [10], переизданных в 1970-е гг. кириллицей [11].

¹ См., например, стихотворение Т. Падурры “Romanowi Sanguszce na Nowy rok 1828” [7. S. 217–218].

1. Фонетико-орфографическая форма произведений

Представители «украинской школы» для фиксации украинской речи использовали систему орфографии с опорой на польскую латиницу, что вполне объяснимо их культурно-языковыми компетенциями. Здесь обнаруживается определенная тенденция к нормализации принципов правописания: и в стихотворениях Т. Падурры, и в сказках С. Осташевского отмечается сходная система украинского письма. Устанавливаются постоянные орфографические соответствия для букв кириллицы (*o=o: abo, do* ‘или, к’ укр. *abo, do, e=e: daleke* ‘далекое’, укр. *далеке, a=a, p=n, w=w: prawda* ‘правда’, *b=b: byty* ‘бить’). Другие гласные передаются: *i* как *i: dim* ‘дом’; *u* как *u: tuz* ‘мир’; *u как i: idu* ‘иду’; йотированные *я* как *ja: ja* ‘я’; *e* как *je: zahulaje* ‘загуляет’; *ю* как *ju: znaju* ‘знаю’; *ї* как *ji*, сочетание *її* часто выступает в виде *ii: jisty* ‘есть’ср. *diiw* ‘истории, действий’ср. пол. *dzieje*. Шипящие предстают в виде, характерном для польской системы орфографии: *sh* как *sz: szabla* ‘сабля’; *ch* как *cz: czas* ‘время’, *ж* как *ż: odeżda* ‘одежда’; *ł* передается как *ł* или *l* (об их распределении см. ниже; возможна вариативность: *tilky || tilky* ‘только’), *x* как *ch: chram* ‘храм’, *duch* ‘дух’; *g* как *h: Hospod'* ‘Господь’. Мягкость согласных передается аналогично польской системе письма: в абсолютном конце слова и перед гласными при помощи диакритики, как в случае с *ń: kiń* ‘конь’, а также со свистящими: *ć, ś, ž: taneć* ‘танец’, *ślid* ‘след’; перед гласными для обозначения мягкости используется также *i: narodniaja* ‘народная’. Отдельно следует отметить использование апострофа для обозначения мягкости *t'* и *d'* перед согласным и в финали: *t'mi* ‘тьме’, *wlaśt'* ‘власть’, *dobud'* ‘добудь’.

Украинские тексты, записанные латиницей, в отличие от традиционных для того времени записей на базе этимологической кириллической орфографии, лучше отражают украинские фонетические черты, как это показывает Н. Мадлиневская в своей диссертации [12]: это хорошо видно на примере украинского «кавказизма» (*dim* ‘дом’, *hrim* ‘гром’), однако некоторые вопросы остаются открытыми. В частности, речь идет о таких важных произносительных особенностях речи, как характер артикуляции *v* (в том числе в финали) и мягких зубных согласных, тип сандхи и т.п., о чем можно судить лишь опосредованно. В то же время в фонетической сфере можно выделить несколько характерных явлений, имеющих свои параллели в подольско-волынских говорах украинского языка, на которые ориентируются наши авторы, и одновременно связанных с ситуацией польско-украинского контакта.

1.1. **В области вокализма** в этой связи обращают на себя внимание следующие явления безударной фонетики:

а) Одним из ярких орфографических нововведений Т. Падурры стал специальный знак для обозначения звука среднего звучания между *e* и *u* в предударном слоге: *ě – něchaj* (ср. *nehaj* ‘пусты’), *widczěnite* (ср. *widzinīć* ‘откройте’), *schěłyś* (ср. *схились* ‘наклонись’), *pidlěwaje* (ср. *pidliwać* ‘подливает’). Он призван отразить сближение артикуляции безударных *e* и *u*, характерное для части западно-подольских говоров [13. С. 91–92]. Диа-

лективное смешение *u* и *e* отражают случаи использования *e* на месте *u*, весьма частотные у Т. Падурры: *wsiude* (вместо *всюди* ‘везде’), *detia* (вместо *дитя*), *lude* (вместо *люди*), в том числе в топонимах: *Dmetriw* (вместо *Дмитрів*), – но возможно также появление *u* на месте *e*: *prystol* (вместо *престол*), аналогично у С. Осташевского: *kłyszczaty* (вместо *клещами*). Эта черта характерна для большинства юго-западных украинских говоров, в том числе части подольских и волынских [13. С. 129; 14. С. 215]. Примечательно, что эта особенность характеризует также польскую речь данного региона. Сближение артикуляции *e* и *u*, а также существование позиции нейтрализации этих двух безударных гласных отмечается на всей территории юго-восточных периферийных польских говоров, что трактуется как украинское влияние. Так, в польскоязычных текстах Т. Падурры отмечены случаи использования *u* (*i*) вместо *e*: *prawi* (вместо *prawie* ‘почти’), *podejrzawa* (вместо *podejrzewa* ‘подозревает’), *powiedzić* (вместо *powiedzieć* ‘сказать’), в том числе непоследовательно в собственных именах: с одной стороны, *Osytyńce* (вместо *Osetia* ‘Осетия, осетинцы’); *Peryjasławem* (ср. укр. *Переяслав*); с другой – *senagoga* (вместо *synagoga* ‘синагога’).

б) Нейтрализация *o* и *u* в слоге перед ударным *o* (так называемое подольское ‘уканье’) проявляется в анализируемых текстах Т. Падурры в появлении *u* на месте *o*: *dumowuna* (вместо *домовина* ‘гроб’), *mutili* (вместо *motili* ‘бабочки’). Эта особенность безударной фонетики характерна, в частности, для западного Подолья [13. С. 93–110; 14. С. 215–219]. В нашем материале отмечен также переход *o* в *u* под ударением, в том числе в собственных именах: *Batury* (вместо *Batory* ‘Баторий’), отмечены и случаи появления *o* на месте *u* гиперкорректной природы: *cherowuły* (вместо *херувими*), *stroiw* (вместо *струїв* = *отруїв* ‘отравил’). Именно такие примеры характерны для произведений С. Осташевского, в том числе в суффиксах глаголов: *mirkowaty* (ср. лит. укр. *міркувати* ‘раздумывать, размышлять’), *rozkazowały* (ср. лит. укр. *роздавав* ‘рассказывал’). Данное явление безударного вокализма также находит свое соответствие в польских периферийных говорах данного региона. Речь идет не только о зафиксированном в текстах параллельном использовании знаков *o* и *ó* (*u*), что, как отмечает И. Байерова, в начале XIX в. было связано с общей неустойчивостью нормы [15. S. 58–59; 16]: так, у Т. Падурры *popiół* (вместо *popiół* ‘пепел’), *przyjaciółmi* (вместо *przyjaciółmi* ‘друзьями’), параллельные формы *próba* || *proba*, *probuje* ‘попытка, пытается’; *tlómaczyć* || *tłomaczyć* ‘переводить, растолковывать’. Гораздо более показательно появление в предударном слоге *u* вместо *o*: *Pultawy* вместо *Полтавы*; *nugajskiej* (*ordy*) вместо *ногайской*, что показывает суженную артикуляцию *o* в этой позиции, характерную для периферийных польских говоров. Отмечены также обратные примеры с *o* на месте *u* (*Tohajbej* вместо *Тугай-бей*; *pokryjoto* вместо *pokryjotu* ‘украдкой’), которые можно трактовать как проявление гиперкорректности. Сохранявшаяся в течение всего XIX в. неустойчивость в употреблении графем *o*, *ó*, *u* у писателей с польско-восточнославянского пограничья

(«кресов») И. Байерова, вслед за Я. Трипучко, считает периферийным архаизмом, поддерживаемым украинским влиянием [15. S. 220].

1.2. В области консонантизма также отмечается несколько характерных особенностей, обусловленных взаимодействием украинского и польского языков и имеющих узуальный статус:

а) Специфической чертой, отмеченной как в украинских, так и в польских текстах Т. Падурры и С. Осташевского, является смешение знаков *ł* и *l*: *tilky* // *tilky* ‘только’, *lira* // *lyrnyk*, *pyl* (вместо *pyl* = укр. *pil*, возмож. влияние рус. *пиль*), *spilne* (вместо *spilne*, укр. лит. *спільне* ‘общее’). О возможном нарушении фонологической оппозиции *ł* // *l* могут свидетельствовать также польские формы у Тимко Падурры: *Lazy* вместо *Lazy* (топоним). Так, для польского исследователя Я. Залесского смешение графем *ł* и *l* у классика драматургии «кресового» происхождения А. Фредро является одним из следствий украинского влияния на его фонетику [17. S. 166]. Незначительное количество таких примеров в нашем материале может, однако, свидетельствовать о том, что эта черта фонетики не была широко распространена в данной региональной разновидности польского языка, по крайней мере в ее шляхетской версии, в отличие от современных периферийных говоров на Украине.

б) Особого внимания заслуживает характер мягкости зубных согласных. Предположительно, использованные в текстах Т. Падурры и С. Осташевского знаки *ć*, *ś*, *ż* обозначают мягкие свистящие с дорсальным призвуком, а не среднеязычные шипящие, как в польском языке: именно такое произношение характерно для современных польских островных говоров, сохранившихся на Подолье [18], а также для западно-подольских говоров украинского языка, в которых отмечен артикуляционный сдвиг. Эти звуки, очевидно, участвуют также в процессе регрессивной ассимиляции перед последующим палатализованными, о чем свидетельствуют последовательные написания типа, как у Т. Падурры: *wiśti* (ср. *wicti* ‘вести’), *ślozy* (ср. *ślōzī* ‘слезы’), *ślid* (ср. *slid* ‘след’), *piśń* (ср. *pīsňā* ‘песня’), *śpīw* (ср. *spīw* ‘пение’), *światī* (ср. *sviatī* ‘святые’). Подобное произношение с ассимилятивной мягкостью согласных в сочетаниях с мягким отражает «Атлас украинского языка» применительно к подольским говорам [19. С. 68]. Аналогию, важную для нашего материала, можем обнаружить и в соответствующих польских сочетаниях: ср. *wieść*, *ślad*, *pieśń*, *śpiew*. Нарушение оппозиции между рядом мягких среднеязычных, передненебных и переднеязычных в данном регионе, характерное и для украинских, и для польских периферийных говоров, является также возможной причиной смешения на письме *ś* ~ *sz*, *ż* ~ *ż* в именах собственных в польских текстах Т. Падурры: *Żmudzi* вместо *Žmudzi*; *Konasiewicz* вместо *Konaszewicz*; в то же время: *Wiszniewiecki* вместо *Wiśniewiecki* (ср. аналогичные примеры в языке А. Фредро [17. S. 147–151]).

в) Не менее показательным примером является отражение на письме ассимилятивной мягкости губных согласных с выделением консонантного призыва j как в случаях, совпадающих с современной украинской литерату-

турной нормой: *pam'ятка* (ср. *пам'ятка* ‘памятник’), *slowjan* (ср. *слов'ян* ‘славян’), *tmachka* (ср. *м'яка* ‘мягкая’), *imja* (ср. *ім'я* ‘имя’), *pjut* (ср. *п'ють* ‘пьют’), *bjut* (ср. *б'ють* ‘быют’), – так и в других словах с исконно мягким перед гласным непереднего ряда: *swjatoho* (ср. *святого* в укр. лит. без апострофа), в том числе в форме 3 л. мн. ч. наст. вр. глаголов (вместо 1¹ эпентетикум аналогического происхождения): *kipjat* (ср. укр. лит. *киплять* ‘кипят’), *stawjat* (ср. укр. лит. *ставлять* ‘ставят’), хотя возможно и с 1¹ эпентетикум: *roblat* (ср. *роблять* ‘делают’). Примечательно, что для подольского ареала в целом характерно выделение консонантного призвука *л*, а не *й* после всех губных, как у С. Осташевского: *zdorowla* (ср. укр. лит. *здрав'я*) [14. С. 217; 19. С. 72–73]. В то же время данное явление широко распространено в польских периферийных говорах данного региона, поэтому в нашем материале, по крайней мере у Т. Падурры, можем рассматривать его как одно из проявлений польско-украинской интерференции. В анализируемых текстах по аналогии можно рассматривать также случаи фиксации на письме консонантного призвука после мягкого *т* перед гласным непереднего ряда: *tjażkych* (лит. укр. *тяжких* ‘тяжелых’), *stjałaś* (лит. укр. *стялась* ‘схватилась, замерзла’).

2. Межъязыковое взаимодействие в сфере грамматики

Украинско-польский контакт оказывается важным фактором, непосредственно влияющим на языковую форму произведений также **на уровне грамматики**. Большинство выявленных характерных грамматических черт объединяют логику внутриязыкового развития и внешнее польское влияние, которое играет роль своеобразного катализатора грамматических явлений. Сложная картина межъязыкового взаимодействия не всегда позволяет однозначно установить, является ли конкретный факт результатом грамматикализации, поддержанной контактом, или это грамматическая реплика (зимствование) в чистом виде.

а) Одним из характерных явлений, ярко проявляющихся в контактных зонах, является усиление вариативности, в том числе в родовом оформлении существительных из-за несовпадения принадлежности к грамматическому роду слов в украинском и польском языках. Так, в нашем материале обнаруживаем формы: *wid Bałtyka do Horbat* (ТП¹) ‘от Балтики до Карпат’ (ср. укр. *Балтика* (жен. р.) и пол. *Bałtyk* (муж. р.)), *nicznyj ten* = *нічний тень* (СО²) ‘ночная тень’ (ср. укр. *тінь* (жен. р.) и пол. *cień* (муж. р.)). Интерференция может затрагивать также морфологические показатели рода, что влияет на распределение существительных по склонениям. Это особенно актуально для слов женского рода, принимающих нулевое окончание (по 3-му склонению) вместо окончания *-a*, характерного для 1-го склонения: *za pum w rohoń* ‘за ним в погоню’ (ср. укр. *погоня* и пол. *pogoń*). Аналогичные примеры вариативности грамматических показателей рода обнаруживают-

¹ Здесь и далее сокращение для Тимко Падурра.

² Здесь и далее сокращение для Спиридон Осташевский.

ся в других зонах контактирования польско-украинских разговорных идиомов, например во львовском городском койне [20. Р. 142–143].

б) В сфере именного склонения заметна экспансия флексий старых *и-основ не только в дат. и мест. пад. ед. ч. существительных мужского рода: *na Dniprowi* (ср. укр. лит. *на Дніпрі / Дніпрові* ‘на Днепре’), но также в род. пад. мн. ч. существительных женского рода. Так, у Т. Падурры: *horiw* (ср. укр. лит. *гір* ‘гор’), *hlybuniw* (ср. укр. лит. *глибин* ‘глубин’), *pryhodiw* (ср. укр. лит. *пригод* ‘приключений’), *chwyliw* (ср. укр. лит. *хвиль* ‘волн’), *peluchiw* (ср. укр. лит. *пелюх* ‘пеленок’), – что считается характерной особенностью ряда украинских юго-западных говоров [21. С. 84; 22. С. 131]. Широко распространена флексия **-ów** в данной морфологической позиции также в современных польских говорах на Подолье [18. S. 51, 55, 60, 68]. Это явление отмечается и в языке ряда «кресовых» писателей с польско-восточнославянского пограничья, но также в других регионах Польши. Автор авторитетной польской грамматики конца XVIII в. О. Копчинский, а за ним и другие более поздние нормативные грамматики называют такие формы «уродливыми» [23. S. 76–80]. Это позволяет говорить об окончании **-ów** у существительных женского рода как о явлении скорее разговорном, чем узко региональном в польском случае, здесь, однако, очевидна его связь с украинским узусом.

в) Прилагательные женского рода в род. пад. ед. ч. в большинстве украинских говоров (как и в современном литературном языке), в том числе в подольских, имеют окончание *-oji* (ср. укр. лит. *-oi*), и лишь в более западных ареалах ему соответствует усеченная флексия *-oij* [13. С. 110]. В нашем материале применительно к адъективному склонению наблюдается двойственность. Так, у Т. Падурры преобладают окончания *-oij*: *wrażoij syły* ‘вражьей силы’ (ср. укр. лит. *вражсої (сили)*), которые к тому же распространяются на дат. пад. ед. ч. *atamańskojoj dytyni* ‘атаманскому ребенку’ (ср. укр. лит. *атаманській*); *Zołotojoj Borodi* ‘Золотой Бороде’ (прозвище персонажа) (ср. укр. лит. *Золотій*). В расширении грамматической аналогии на дательный падеж свою роль, очевидно, сыграло наличие омонимичных форм в род. и дат. пад. в польском языке: ср. в род. пад. *złotej (brody)* и в дат. пад. *złotej (brodzie)*. При этом в текстах С. Осташевского отмечается тенденция к распространению в род. пад. ед. ч. усеченных форм, а именно: *Xresna twojej mati (twojej)* ‘крестная твоей матери’ (ср. укр. лит. *твоеї* и пол. *twojej*); *He maє лихой долі (lychoj)* ‘плохой доли, судьбы’ (ср. укр. лит. *лихої* и пол. *lichej*); *slipoj (Motry)* ‘слепой’ (ср. укр. лит. *сліпої* и пол. *ślepej*). Здесь предположительное поддерживающее польское влияние может сочетаться с тенденцией, характерной для украинского разговорного узуса, в том числе современного. В нашем материале (у Тимко Падурры) польское влияние может оказаться фактором, способствующим закреплению также в мест. пад. ед. ч. для прилагательных мужского и среднего рода западно-подольского **-im** вместо **-ому**: *na ciłym świti* (ср. укр. *цілому // цілім* и пол. *całym*), *w nitem lisi* (ср. укр. *німому / німім* и пол. *niemym*), *w jidnym horszku* (ср. укр. *одному // однім* и пол. *jednym*).

г) Особое внимание привлекают характерные для западно-подольских и волынских говоров стяженные (краткие) формы косвенных падежей личных местоимений [13. С. 114] 1-го лица: *mia* (ТП: *mnia* ср. пол. *mię*), и 3-го лица жен. рода *w niu* (ТП, ср. пол. *niq*). Здесь возможны прямые грамматические реплики: *Я учила-м ю, як дочку* (СО: *ju* ср. пол. *jq* и лит. укр. *ii*). Отмечены в нашем материале также характерные диалектные (западно-подольские) стяженные формы косвенных падежей притяжательных и указательных местоимений в единственном числе: в мужском роде, для которых обнаруживаются прямые польские аналоги обоих типов: *twoho* (ср. пол. *twoego* и укр. *твого*), но *swojego* (ср. пол. *swojego* и укр. *свого*), – и в женском роде: *sweji, meji (duszi)*, *tyji* – формы, не имеющие прямых польских соответствий (ср. пол. *swojej, mojej, tej* и укр. *своєї, моєї, тєї*), но реализующие общую диалектную тенденцию в адъективном склонении.

д) Грамматическая интерференция довольно ярко проявляется также в системе глагола. Весьма показательным в этом отношении является использование аналитических форм прошедшего времени с личными окончаниями, выраженными подвижными клитиками во 2-м лице ед. ч. *-eś, -s* в мужском роде: так, у Т. Падурры – *pryjmaweś* (ср. укр. лит. *ti prijmav* ‘ты принимал’) и *-aś, -ś* женском роде: *bulaś rajom* (ср. укр. лит. *ti bula* ‘ты была’, *czyś tak wyjzła* (ср. укр. лит. *chi ti tak viyшла* ‘неужели ты так вышла’). Эта подольско-волынская черта очевидно поддержана польским влиянием, где такой способ выражения категории лица в прошедшем времени является узульным. Личные окончания в прошедшем времени глаголов (и аналогичные формы сослагательного наклонения) в нашем материале фиксируются преимущественно в единственном числе, эти формы характерны и для С. Осташевского: *Написав-ем (parysačem) для вас, міряни, що-сьте (szczosťe) письменні або і неписьменні, а цікаві, півкоти казок; Писав-ем (rysacem) для себе, якби-м не писав, не мав би він над чим чванитися; Таки-то добре, що написав-ем (parysačem) тій казки, бо нікому зла, а неодному потіху зробив-ем (zrobycem); Візьми оце на знак, що-сь мене добре прийняв (szczosť pryjniau)*. Примечательно, что в периферийных польских говорах данного региона под украинским влиянием происходит упрощение системы, лицо выражается, как правило, синтаксически при помощи местоимения, однако, например, во львовском городском койне это касается только множественного числа, в единственном числе личные окончания сохраняются, распространяясь и на украинские формы смешанной речи [20. Р. 113].

е) Интерференция проявляется также в разрушении оппозиции возвратных и невозвратных глагольных единиц. В нашем материале это может проявляться как в расширении числа рефлексивов: *ne czułyś* (ТП; ср. укр. *не чути*, пол. *nie słychać*); *волюсь писати о чортах, о утирах* (СО: *wolus*; ср. укр. *волю*, пол. *wolę*), – так и в появлении соотносительных глагольных форм без возвратной частицы, в том числе в случае с глаголами *reflexive tantum*, причем вопреки как украинскому, так и польскому узусу: *прийшов з ковальом прощати* (СО: *proszczaty*; ср. укр. *прощатись*, пол. *żegnać się*); *їм дивувала вся Україна* (СО: *dywowała*; ср. укр. *дивуватись*, пол. *dziwić*

się), *об'явило диво* (СО: *objawyło*;ср. укр. (об')*явитись*, пол. *objawić się*), лишь в немногочисленных примерах можно усматривать влияние польской модели: *дивити на дріб* (СО: *dwyty*; ср. укр. *дивитись*, пол. *patrzeć*, *patrzyła*). Нестабильность глагольных форм с возвратной частицей и без нее характерна в целом для польского узуса XIX в., однако примечательно, что если польские словари того времени отмечают возможный параллелизм форм, в нашем материале преобладают формы, аналогичные украинским: *patrzę się na kwiaty* (ср. укр. *дивитись*); *wróć się* – общепольская форма, усиленная от *wrocić* ([24. Т. VII. S. 726; 25. Т. IX. S. 1275], примеры, в частности из А. Мицкевича, ср. укр. *вернутись*); *spieszy na radosc* – *pośpieszać* (параллельно с *spieszyć się* ‘делать что-то быстро’ [24. Т. VI. S. 293; 25. Т. VIII. S. 1298]; ср. укр. *спішити*); *pytała się o duchy* – *pytać się* (обе формы в [24. Т. V. S. 452]; вторая как старое ‘*dopytywać się*’ [25. Т. VII. S. 765, примеры из А. Мицкевича, И. Красицкого, ср. укр. разг. *питатись*]). Такая вариативность в сфере рефлексивов также рассматривается Я. Феллерером как одна из характерных черт украинско-польской дивергентной зоны (на примере львовского койне) [20. Р. 155–156].

ж) В сфере морфосинтаксиса польское поддерживающее влияние можно обнаружить также в распространении такой яркой особенности, как подвижность возвратной частицы *sia* (*ся*), нередко выступающей в препозиции, что знакомо большинству юго-западных украинских говоров [14. С. 127–128, 212]. Поддержанное влиянием польского языка, в наших текстах это явление закрепляется орфографически в раздельном написании возвратных глаголов и помещении частицы в препозицию: *żury sia, pożuryt sia* (ТП; ср. укр. літ. *не журсися, пожурситися* ‘не печалься, запечалиться’, в том числе в препозиции: *nechaj sia toj stereże* (ТП; ср. укр. літ. *nehaj стережеться* ‘пусть бережется’); *серце ся розрадувало* (СО: *sia rozraduwało* ‘возрадовалось’); *козак ся налякав* (СО: *sia nalakau* ‘испугался’); *Що тільки вам ся схоче, будете мати* (СО: *sia schocze* ‘что захочется’), – но *zażuryłaś Ukraina* (СО; ср. *зажурилась Україна* ‘загрустила, опечалилась’).

з) Хорошо заметна польско-украинская интерференция также при анализе сочетаемостных свойств слов, участвующих в синтаксических конструкциях (приводим лишь отдельные примеры). Так, отнюдь не единичны случаи прямого перенесения польской валентности в глагольные сочетания: *Другий ішов в твої власне сліди* (СО; ср. пол. *ić się w ślady*, вин. пад. ‘идти по следам’); *Нікому не пропустить* (СО; ср. пол. *nie przepuścić kogo*, дат. пад. ‘никого не простит’), *Мусила уступити, щоб уйти згубі* (СО; ср. пол. *ujść czemu*, дат. пад. ‘избежать чего-то’); *Влюбився в Магді чорній* (СО; ср. пол. *zakochać się w kimś*, пред. пад. ‘влюбиться в кого-то’), – а также в предложно-именные конструкции: *Баба по часі прийшла* (СО; ср. пол. *po czasie* ‘после назначенного срока’).

Проведенный лингвистический анализ ряда специфических фонетико-орфографических и грамматических черт в украинских произведениях польских авторов (Т. Падурры и С. Осташевского) позволяет констатировать, что почти все они не носят индивидуально-авторского характера

(за исключением форм указательных и притяжательных местоимений), находя свои параллели в диалектном (реже историческом) материале, демонстрируя при этом двойственную ориентацию писателей. С одной стороны, сознательное и неосознанное следование в стилизованных стихах, сказках, баснях разговорным и диалектным образцам приближает язык анализируемых текстов к украинской народно-разговорной стихии, в данном случае к западно-подольским говорам (особенно это заметно в сфере фонетики). С другой стороны, обнаруживается очевидная тенденция к текстовой нормализации живой народной речи, что проявляется в избегании ярких разговорных черт и диалектизмов с узким значением, как украинских, так и польских.

На языковую форму произведений существенное влияние оказывает принадлежность говоров, на которые ориентируются писатели, к контактной польско-украинской зоне. Целый ряд элементов фонетической и грамматической систем (как, например, характерные особенности качественной редукции, в частности смешение гласных *e* / *u* или *o* / *y*, а также система глагольных окончаний прошедшего времени, приспособленных для выражения лица) позволяет констатировать наличие исторически сформировавшейся зоны лингвистической конвергенции, способной порождать различные формы смешанной речи и / или зоны повышенной вариативности. Это хорошо видно на примере усиления вариативности грамматических показателей рода, нарушения оппозиции в сфере возвратных / невозвратных глаголов, использования нехарактерных для украинского языка конструкций. Двуязычный опыт авторов анализируемых текстов способствует тому, что среди специфических черт, отраженных на письме, значительное место занимают польско-украинские интерферемы или явления аналогичного характера, фиксируемые в региональном узусе и отражающие типологические особенности ситуации близкородственного билингвизма.

Список источников

1. *Thaden E.C. Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1984. 278 p.
2. *Zasztowt L. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku)* // *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich*. Warszawa, 1997. S. 203–298.
3. *Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832*. Rzym–Lublin : Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1991. T. II: *Szkoły podstawowe i średnie*. 382 s.
4. *Makowski St. Juliusz Słowacki: Narodziny poety "szkoły ukraińskiej"* // Україна і Польща доби романтизму: образ сусіда : матеріали міжнародної конференції, присвяченої 190-річчю з дня народження Юліуша Словацького. Кременець, 8–11 вересня 1999 року / ред.-упоряд. А. Ломакович [и др.]. Кременець : Кременецький педагогічний коледж ім. Т.Г. Шевченка, 2000. С. 37–50.
5. *Goszczyński S. Podróż mojego życia: urywki wspomnień i zapiski do pamiętnika. 1801–1842* / wyd. St. Pigoń. Wilno: nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1924. 100 s.
6. *Остапчук О. Мовні шати пропаганди: відозви польських повстанців до мешканців України під час повстань 1830–31, 1848 pp. (тексти та лінгвістичний коментар)* // *Slavia Orientalis*. 2010. T. LIX (4). S. 511–546.

7. *Pyšma* Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtohrafą. Lwiw, 1874.
8. Грабович Г. Українсько-російські літературні взаємнини в XIX ст.: постановка проблеми // Грабович Г. До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка. Київ, 1997. С. 196–237. (Гарвардська серія; вип. 1).
9. *Strychar ska-Brzezina* M. Kozak ukraiński. Studium językowe. Kraków : Universitas, 2005. 376 s.
10. *Piu* kopy kazok napysau Spiridon Ostaszewski dla wesołoho mira. Wilno, 1850.
11. Спирідон Осташевський // Українською мовою натхнені (польські поети, що писали українською мовою) / упоряд. та примітки Р.Ф. Кирчіва та М.П. Гнатюка ; ред. кол.: М.П. Бажан та інші. Київ : Радянський письменник, 1971. С. 174–216.
12. Мадліневська Н.П. Фонетична система української мови XVII–XVIII ст. (за текстами пісень, записаних латиницею) : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2000. 18 с.
13. Жулико Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ : Радянська школа, 1955. 316 с.
14. Бевзенко С.П. Українська діалектологія. Київ : Вища школа, 1980. 235 с.
15. Bajerowa I. Kształtowanie się systemu polskiego języka literackiego w XVIII w. Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964. 254 s.
16. Bajerowa I. Polski język ogólny XIX wieku. Stan i ewolucja. Katowice : Uniwersytet Śląski, 1986. T. I: Ortografia. Fonologia z fonetyką. (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach; № 1295).
17. Zaleski J. Język Aleksandra Fredry. Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. Cz. I: Fonetyka 186 s. (Prace Komisji Językoznawczej; № 19).
18. Dziegiej E. Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowokresowych. Fleksja imienna i werbalna. Kraków : Wydaw. Naukowe PWN, 2001. 209 s.
19. Матеїяс І.Г. Українська мова і її говори. Київ : Наукова думка, 1990. 168 с.
20. Fellerer J. Urban multilingualism in East-Central Europe: The Polish dialect of late-Habsburg Lviv. Lanham, MD ; London : Lexington Books / Rowman & Littlefields, 2020. 296 p.
21. Бевзенко С.П. Історична морфологія української мови. Нариси із словозміні та словотвору. Ужгород : Закарпатське обласне вид., 1960. 415 с.
22. Історична граматика української мови : навч. посібник для студ. філол. ф-тів ун-тів і пед. ін-тів / М.А. Жовтобрюх, О.Т. Волох, С.П. Самойленко, І.І. Слинсько. Київ : Вища школа, 1980. 318 с.
23. Bajerowa I. Polski język ogólny XIX wieku. Stan i ewolucja. Katowice : Uniwersytet Śląski, 1992. T. II: Fleksja. 242 s. (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach; № 1295).
24. Słownik języka polskiego / J. Karłowicz, A. Kryński, Wł. Niedźwiedzki. T. I–VIII. (Wyd. Fotooffsetowe. Warszawa : Nakładem Prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900–1927). Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1952–1953.
25. Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego. T. I–X. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969.

References

1. Thaden, E.C. (1984) *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
2. Zasztowt, L. (1997) Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku). In: Grek-Pabisowa, I. (ed.) *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. pp. 203–298.
3. Beauvois, D. (1991) *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832*. Vol. 2. Rome; Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.

4. Makowski, St. (2000) [Juliusz Słowacki: Narodziny poety “szkoły ukraińskiej”]. *Ukraїna i Pol'shcha dobi romantizmu: obraz susida* [Ukraine and Poland of the Romantic Era: the image of a neighbor]. Proceedings of the International Conference. Kremenets', 8–11 September 1999. Kremenets': Kremenets'kiy pedagogichniy koledzh im. T.G. Shevchenka. pp. 37–50.
5. Goszczyński, S. (1924) *Podróż mojego życia: urywki wspomnień i zapiski do pamiętnika. 1801–1842*. Wilno: Nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
6. Ostapchuk, O. (2010) Movni shati propagandi: videozvi pol's'kikh povstantsiv do meshkantsiv Ukrains'ki pid chas povstan' 1830–31, 1848 rr. (teksti ta lingvictichniy komentari) [Linguistic vestments of propaganda: appeals of Polish insurgents to the inhabitants of Ukraine during the uprisings of 1830–31, 1848 (texts and linguistic commentary)]. *Slavia Orientalis*. 4 (59). pp. 511–546.
7. Padurra, T. (1874) *Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtohrafów*. Lwiw: [s.n.].
8. Grabovich, G. (1997) *Do istorii Do istorii ukraïns'koï literaturi. Doslidzhennya, ese, polemika* [Toward a History of Ukrainian Literature. Studies, essays, polemics]. Vol. 1. Kyiv: Osnovi. pp. 196–237.
9. Strychar ska-Brzezina, M. (2005) *Kozak ukraiński. Studium językowe*. Kraków: Universitas.
10. Ostaszewski, S. (1850) *Piu kopy kazok napysau Spiridon Ostaszewski dla wesołoho mira*. Wilno: drukiem T. Glücksberga.
11. Bazhan, M.P. et al. (eds) (1971) *Ukraïns'koyu movoyu natkhneni (Pol's'ki poeti, shcho pisali ukraïns'koyu movoyu)* [Inspired by the Ukrainian Language (Polish poets who wrote in the Ukrainian language)]. Kyiv Radyans'kiy pis'mennik. pp. 174–216.
12. Madlinevs'ka, N.P. (2000) *Fonetichna sistema ukraïns'koï movi XVII–XVIII st. (za tekstami pisen', zapisanikh latinitezuy)* [The phonetic system of the Ukrainian language of the 17th – 18th centuries (according to the lyrics of the songs written in Latin script)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.
13. Zhilko, F.T. (1955) *Narisi z dialektologii ukraïns'koï movi* [Essays on Dialectology of the Ukrainian Language]. Kyiv: Radyans'ka shkola.
14. Bevzenko, S.P. (1980) *Ukraïns'ka dialektologiya* [Ukrainian Dialectology]. Kyiv: Vishcha shkola.
15. Bajerowa, I. (1964) *Kształtowanie się systemu polskiego języka literackiego w XVIII w.* Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
16. Bajerowa, I. (1986) *Polski język ogólny XIX wieku. Stan i ewolucja*. Vol. 1. Katowice: Uniwersytet Śląski.
17. Zaleski, J. (1969) *Język Aleksandra Fredry. Cz. I. Fonetyka*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
18. Dzięgiel, E. (2001) *Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowokresowych. Fleksja imienna i verbalna*. Kraków: Wydaw. Naukowe PWN.
19. Matviyas, I.G. (1990) *Ukraïns'ka mova i iї govorи* [Ukrainian Language and Its Dialects]. Kyiv: Naukova dumka.
20. Bevzenko, S.P. (1960) *Istorichna morfologiya ukraïns'koï movi. Narisi iz slovozmini ta slovotvoru* [Historical Morphology of the Ukrainian Language. Essays on word change and word formation]. Uzhgorod: Zakarpats'ke oblasne vidavnitstvo.
21. Zhovtobryukh, M.A. et al. (eds) (1980) *Istorichna gramatika ukraïns'koï movi* [Historical Grammar of the Ukrainian Language]. Kyiv: Vishcha shkola.
22. Bajerowa, I. (1992) *Polski język ogólny XIX wieku. Stan i ewolucja*. Vol. 2. Katowice: Uniwersytet Śląski.
23. Fellerer, J. (2020) *Urban multilingualism in East-Central Europe: The Polish dialect of late-Habsburg Lviv*. Lanham/MD; London: Lexington Books / Rowman & Littlefields.

24. Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, Wł. (eds) (1900–1927, 1952–1953) *Slownik języka polskiego*. Vols 1–8. Warszawa: Nakładem Prenumeratorów i Kasę im. Mianowskiego; Państwowy Instytut Wydawniczy.

25. Doroszewski, W. (ed.) (1958–1969) *Slownik języka polskiego*. Vols 1–10. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Информация об авторе:

Остапчук О.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия). E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Ostapchuk, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); research fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ostapczuk@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 19.08.2022;
approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 81'373.49
doi: 10.17223/19986645/83/6

Номинация людей, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, в современном русском языке

Иван Сергеевич Самохин¹, Наталия Львовна Огуречникова²

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, samokhin_is@pfur.ru*

² *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ogurechnikowa@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются слова и словосочетания, используемые для обозначения лиц, имеющих серьезные проблемы со здоровьем. Выделяются две группы эвфемизмов: общие и дифференцированные. Составлен список лексических единиц, затронутых процессом табуизации, и соответствующих им дифференцированных эвфемизмов («аутист» – «человек с аутизмом» и т.д.). Введен термин «эксолизм», которым предлагается обозначать особую группу эвфемизмов – слова и словосочетания, имеющие выраженную положительную окраску.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, табуизация, политкорректность, инвалидность, ограниченные возможности здоровья

Для цитирования: Самохин И.С., Огуречникова Н.Л. Номинация людей, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, в современном русском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 100–119. doi: 10.17223/19986645/83/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/6

Nominating people with serious health conditions in contemporary Russian

Ivan S. Samokhin¹, Natalia L. Ogurechnikova²

¹ *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, samokhin_is@pfur.ru*

² *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ogurechnikowa@mail.ru*

Abstract. The aim of the article is to classify Russian euphemisms that are used to refer to people who have serious health problems. The material of the study is official documents, scientific papers, journalistic texts and fragments of television programs containing these euphemisms and the word “invalid” [disabled person] they replace. The methods of source analysis, classification, and identifying synonymous series are applied. The introduction considers the status of the noun “invalid” in contemporary Russian. The authors establish that it is still the most common word for de-

noting people with serious illnesses. At the same time, there is a decrease in the popularity of this lexeme and a more active use of euphemisms. In the article the euphemisms are divided into two groups: general (used instead of the noun “invalid”: “chelovek s invalidnost'yu” [a person with a disability], “litso s ogranicennymi vozmozhnostyami zdorov'ya” [a person with health limitations, a physically/mentally challenged person], etc.) and differentiated (considering situational, sex, age and other characteristics or emphasizing the presence of certain diseases: “uchashchiysya s osobymi potrebnostyami” [a student with special needs], “rebenok s invalidnost'yu” [a child with a disability], “chelovek s autizmom” [a person with autism]). Then the study presents the word-formation model which proposes to use the prefix “para-” when creating narrowly focused euphemisms (by analogy with the word “paraolimpiets” [a paralympian]: “paradizayner” [paradesigner], “paramenedzher” [paramanager], “parayurist” [paralawyer], etc. The authors of the article conclude that such nouns can cause a negative reaction: the Russian language already has words in which this prefix indicates a relatively low qualification (“paraprofessional” [a paraprofessional], “paratekhnik” [a paratechnician]) or a dubious status (“parapsikholog” [a parapsychologist], “parafizik” [a paraphysicist]). The authors list taboos/semi-taboos and corresponding differentiated euphemisms (“autist” [an autist] – “chelovek s autizmom” [a person with autism], “kolyasochnik” [a wheelchair user] – “chelovek na kolyaske” [a person in a wheelchair]). Many euphemistic constructions associated with specific health limitations are recognized not only as more respectful, but also as more accurate. Besides, the term “eksolizm” is introduced (from the Greek εξωραΐζω with the meaning “to decorate, to embellish”), which is proposed to denote a special group of euphemisms – words and phrases with a strongly pronounced positive connotation (“solnechnye deti” [sunny children], “deti-angely” [children-angels]).

Keywords: euphemism, euphemization, tabooization, political correctness, disability, health limitations

For citation: Samokhin, I.S. & Ogurechnikova, N.L. (2023) Nominating people with serious health conditions in contemporary Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 100–119. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/6

Введение

В наши дни проблема обозначения людей с серьезными заболеваниями или дефектами вызывает выраженный интерес у представителей отечественного гуманитарного знания. Большинство подобных исследований носит междисциплинарный характер: проблема рассматривается не только с позиций лингвистики, но и сквозь призму философии, социологии, юриспруденции, педагогики. Наименованию лиц, имеющих медицинские ограничения, посвящены труды Т.С. Абросимовой, Л.С. Бейлинсон, А.В. Белобородовой, Т.А. Головиной, М.Г. Муравьёвой, В.А. Парамоновой, Е.М. Рузаевой и других авторов [1–7]. Кроме того, о данной лексике заходит речь во многих работах, затрагивающих более обширную тематику: эвфемизмы в современном русском языке и врачебной практике [8], устойчивые структуры в аспекте эвфемизации [9], наименования незащищенных социальных групп [10].

Распространение «политически корректных» слов и конструкций отчасти связано с постепенно меняющимся отношением к тяжелобольным людям со стороны общества и государства. В 2008 г. Российской Федерацией была подписана (в 2012 г. – ратифицирована) Конвенция ООН о правах инвалидов. Приняты и вступили в силу федеральные законы, призванные улучшить жизнь граждан с поврежденным здоровьем: «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу квотирования рабочих мест для инвалидов» (2013), «О внесении изменений в статьи 48 и 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации» (2015), «О внесении изменений в Федеральный закон “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” и <...>» (2019) и др. [11, 12].

На данный момент ни одному эвфемизму не удалось вытеснить из речевой практики существительное «инвалид». Оно по-прежнему является самым распространенным вариантом номинации лиц, имеющих серьезные проблемы медицинского характера [1, 2, 4, 13].

Прежде всего следует отметить, что слово «инвалид» активно используется в законодательных текстах, образующих особую разновидность официально-делового стиля: законах, указах, постановлениях и т.д. Юридически закреплены уточняющие понятия «ребенок-инвалид», «инвалид с детства», «одинокий инвалид», «неработающий инвалид», «инвалид Великой Отечественной войны», «инвалид боевых действий», «инвалид вследствие военной травмы», «инвалид вследствие чернобыльской катастрофы» и некоторые другие. Замена этой лексики теми или иными эвфемизмами потребует внесения поправок в ряд действующих законов и соблюдения необходимых формальностей на уровне ведомственной и местной документации. В противном случае не исключены правовые курьезы. Вероятно, именно с этим связано присутствие слова «инвалид» в названиях объединений (Всероссийское общество инвалидов, Союз инвалидов России, Комиссия при Президенте Российской Федерации по делам инвалидов), а также дат и приуроченных к ним событий (Всероссийская декада инвалидов, Молодежный форум инвалидов Урала и Сибири «Интенсив-2019»).

В конце 2018 г. в Интернете появилась информация о том, что Министерство труда планирует отказаться от использования термина «инвалид», заменив его конструкциями, отражающими философию толерантности [14]. Однако сведения оказались недостоверными: ведомство собиралось лишь уточнить определение данного понятия с учетом рекомендаций Комитета ООН [15]. Вероятно, реализации этих планов помешало изменение международной обстановки.

В публичном дискурсе существительное «инвалид» имеет совершенно иной статус. Хотя толковые словари все еще преподносят это слово как нейтральное, лишенное отрицательных коннотаций [16, 17], на практике оно стало частично табуированным, не рекомендованным для употребления в большинстве социальных ситуаций и в публицистических текстах [18–22]. Вице-президент ассоциации «Особые люди» Татьяна Хижнякова считает его использование в живой речи *крайне* нежелательным [21]. Журна-

лист Андрей Привалихин проводит параллель с английским прилагательным “invalid”, ужасаясь возникающим при этом ассоциациям: «То есть инвалид – это недействительный человек. А ещё – недействующий, нетрудоспособный, несостоятельный, ошибочный, неправильный, некорректный» [23]. В то же время некоторые люди с ОВЗ, например незрячая певица Диана Гурцкая и спортсмен с ДЦП Максим Ми��атахов, не обижаются на слово «инвалид», считая его вполне приемлемым [24, 25]. Однако в сомнительных ситуациях желательно использовать эвфемизм: лучше показаться излишне вежливым, чем бесцеремонным. Если ваш собеседник предпочитает подобным обозначениям слово, закрепленное в законодательстве, он, вероятнее всего, не станет этого скрывать.

В соответствии с данными 2013 г., номинант «инвалид» используется в качестве основного в 84% публицистических материалов о тяжелобольных людях [4. С. 139]. Согласно информации 2017 г., на данное обозначение приходится 43% употреблений лексики, номинирующей представителей этой социальной группы [13. С. 26]. Снижение употребительности существительного «инвалид» сочетается с более активным использованием эвфемизмов (в основе последних обычно лежат современные англоязычные конструкции). Мы подразделяем данные эвфемизмы на *общие* и *дифференцированные*. Первые подчеркивают сам факт нездоровья; вторые представляют более подробные сведения, отсылая к конкретной патологии (болезни, дефекту, расстройству, синдрому) или внешнему контексту.

Общие эвфемизмы для обозначения лиц, имеющих серьезные проблемы со здоровьем

В основу многих русских эвфемизмов, связанных с областью здоровья, положен «золотой стандарт» мировой политкорректности – правило “people first” («сначала люди», «люди прежде всего») [13, 26–28]. В соответствии с ним нужно в первую очередь упомянуть о самом человеке и только потом – о его особенности (заболевании, сексуальной ориентации, социально-экономическом положении и т.д.). Считается, что в противном случае все богатство личности будет ассоциативно замещено одной из ее составляющих, из-за чего полноценное восприятие этой личности станет невозможным или весьма затруднительным [13, 26–28].

В сущности, к употреблению подобного эвфемизма подталкивает важный ведомственный документ – Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 22 августа 2005 г. № 535. В Приказе и Приложении к нему [29] нет понятия «инвалид первой (второй, третьей) группы», но есть понятие «первая (вторая, третья) группа инвалидности». С этим вполне согласуется словосочетание «человек (лицо) с инвалидностью» (от англ. – a person with a disability), активно используемое в публицистическом дискурсе и рекомендованное тезаурусом корректной лексики [20]. По популярности оно уступает только одному эвфемизму – «человек (лицо) с ограниченными возможностями здоровья» (от англ. –

a person with health limitations). По мнению П.А. Оскольской, это обозначение может закрепиться в языке в качестве основного [22]. Отметим, что оно уже присутствует в ряде документов, например в законе города Москвы «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве» [30]. Также его планировалось использовать в нормативно-правовом акте федерального уровня [31]. В действующем законе «Об образовании в Российской Федерации» [32] употребляется вариант с более узким значением – «обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья».

Следует подчеркнуть, что эвфемизмы, упомянутые в предыдущем абзаце, чаще всего используются в текстах, связанных с образованием. Это, на наш взгляд, обусловлено спецификой российского социума, сосредоточенностью инклюзивных мер на детях и подростках (в меньшей степени – на совершеннолетней молодежи, студентах).

Отдельные филологи и правозащитники критикуют эвфемизм «люди с ограниченными возможностями здоровья» за его громоздкость [33, 34]. Напомним о сокращенной версии – «люди с ОВЗ». В ряде работ [35, 36] первое слово также включается в состав аббревиатуры (ЛОВЗ), но в таком случае правило “people first” соблюдается весьма условно. В известном смысле получается даже наоборот: люди (Л) как бы сливаются со своей проблемой (ОВЗ) в единое целое. Данный эвфемизм рискует повторить судьбу советской аббревиатуры БОМЖ («без определенного места жительства»), которая впоследствии субстантивировалась и приобрела разговорно-пренебрежительный оттенок. Вариант, не включающий слово «здоровье», – «люди с ограниченными возможностями», – представляется еще менее удачным, так как вызывает мысли о гражданской неполноценности, ущемлении в правах. Он также подталкивает к сомнительному выводу, что возможности здоровых людей являются неограниченными (причем, вероятно, не только в правовом отношении). Данная идея может доставить человеку с инвалидностью серьезный психологический дискомфорт: подчеркивается не приемлемость реального, а ценность недоступного... Напомним, что *равенство возможностей* выступает краеугольным камнем инклюзивного мировоззрения [37, 38]. С 2018 г. в России реализуется федеральная программа с соответствующим названием [39].

На первый взгляд, англоязычному эвфемизму “health limitations” больше соответствуют привычные словосочетания «ограничения по здоровью» и «ограничения по состоянию здоровья». Однако это обманчивое впечатление: семантика этих конструкций охватывает не только инвалидность, но и любой дефект, затрудняющий или делающий невозможным осуществление той или иной деятельности (прохождение военной службы, вождение автомобиля, занятия спортом и т.д.) [40, 41]. Следует обратить внимание и на понятие «ограничение жизнедеятельности», которым обозначаются различные нарушения, учитываемые при установлении группы инвалидности [42. Ст. 1].

Эвфемизмы «инакоспособный» и «альтернативно способный» не получили распространения ни в одном из функциональных стилей, фактически оставшись в статусе окказиональной лексики. Очевидно, это связано с их

комичностью и явной чужеродностью для русского языка, сближающей данные обозначения с варваризмами. Как правило, они приводятся в текстах лишь для разъяснения англоязычных эвфемизмов “differently able” и “alternatively able”.

Отдельное место занимает словосочетание «человек с особыми потребностями». Оно акцентирует внимание не на том, что могут (или чего не могут) люди с инвалидностью, а на том, чего они хотят, в чем нуждаются. Недостатком данного эвфемизма выступает расхождение закрепившегося значения с семантическим потенциалом. К лицам, обладающим особыми потребностями, можно при желании отнести если не большую, то очень значительную часть населения Земли: ярко выраженных интровертов и экстравертов, беременных женщин, одаренных детей, веганов, чайлдфри, экстремалов, «кидалтов» (взрослых людей с детскими или подростковыми увлечениями) и многих других. Этот недостаток характерен и для самого популярного эвфемизма – «человек с ограниченными возможностями здоровья». Всякое, даже очень крепкое, здоровье имеет свой предел, свои границы, что, наверное, не слишком приятно, но вполне естественно и очевидно. Следовательно, данное обозначение можно применить ко всему человечеству.

Дифференцированные эвфемизмы для обозначения лиц, имеющих серьезные проблемы со здоровьем

Дифференцированные эвфемизмы первого типа учитывают ситуативные, гендерные, возрастные и прочие особенности. Как правило, базовое слово общего эвфемизма – «человек», «лицо», «индивиду» – заменяется существительным с более узким значением («пациент с инвалидностью», «клиент с ОВЗ», «ребенок с особыми потребностями» и т.д.).

Людей с инвалидностью, принимающих или принимавших участие в Пара(о)лимпийских играх, называют *пара(о)лимпийцами* (вариант без буквы «о» согласуется с международным стандартом, а вариант, содержащий данную букву, – с орфографической нормой, закрепленной в современных словарях [17. С. 744; 43. С. 483]). Объединение приставки «пара-» с буквосочетанием «(о)ли» может вызвать в памяти существительное «паралич» и однокоренную лексику (хотя название соревнований принято связывать с греческим префиксом πάρα (возле, около), подразумевая равноправие Паралимпийских и Олимпийских игр). Тем не менее благодаря успехам российских спортсменов слово «пара(о)лимпиец» обогатилось положительными коннотациями.

А.А. Кривошеев и Т.Н. Велинецкая предлагают опираться на существительное «пара(о)лимпиец» при создании десятков или даже сотен узкона правленных слов-замен: «парапокупатель», «параклиент», «параученик», «параходожник», «параюрист», «парапассажир», «параотдыхающий» [44]. По-видимому, в рамках этой идеи не считается уместным использовать приставку «пара-» с лексемой «человек» и ее синонимами («лицо», «личность», «индивиду» и т.д.). Исключением является существительное «пара-

персона», однако им рекомендовано обозначать не любого человека с инвалидностью, а клиента в сфере услуг премиум-класса [44].

Наше отношение к инициативе коллег можно охарактеризовать как благосклонно-настороженное. С одной стороны, лексемы, образованные по предлагаемой модели, достаточно удобны: это не конструкции из трех или четырех слов, нуждающиеся в аббревиации, а отдельные (как правило, не очень длинные) существительные. К тому же положительные коннотации, присущие слову *пара(о)лимпиец*, могут распространяться и на «подражавшую» ему лексику. Однако следует подчеркнуть и негативные моменты. В русском языке используются лексические единицы с частицей «пара-», обозначающие не лиц с ОВЗ, а представителей определенных учений, областей знания, сфер деятельности («паралингвист», «парамедик», «пара-психолог», «парафизик», «парахристианин» и т.д.). В слове *парапрофессионал* приставка «пара-» указывает на более низкую квалификацию: так называют человека, освоившего ту или иную специальность на уровне, достаточном лишь для помощи профессионалу, для работы под его руководством [45]. Есть конкретные должности – парамедик, парамедик, парцинструктор и ряд других. Это способно привести к неверному пониманию неологизмов, предлагаемых А.А. Кривошеевым и Т.Н. Велинецкой. Существительные «параадизайнер», «параюрист», «параапрограммист» и им подобные могут начать восприниматься не в задуманном значении «специалист с высшим образованием, имеющий инвалидность», а в значении «работник без высшего образования, помощник профессионала». Отметим и неоднозначные ассоциации, вызываемые префиксом «пара-» в таких словах, как «парабиология», «парапсихология», «парафизика», – названиях дисциплин, которые часто относят к псевдо- или лженауке.

Все это может перевесить положительные коннотации, присущие номинанту «пара(о)лимпиец». Вероятно, в предлагаемых словах приставку даже считут «понижающим коэффициентом», *связанным с наличием инвалидности*, что, конечно же, совершенно недопустимо.

Обратимся к лексике, указывающей на конкретные дефекты и заболевания. В подобных случаях заменяется не существительное «инвалид», а одно из множества слов с более узкими значениями. Как и упомянутый гипероним, некоторые из них употребляются в официальных названиях (Международный день слепых, Всероссийское общество глухих и др.); многие – в быту и медицинской среде. В публичном дискурсе такая лексика часто табуирована сильнее, чем слово «инвалид» [46; 47. С. 25]. Вероятно, это связано с тем, что люди с ОВЗ реагируют на подобную конкретизацию более болезненно, принимают ее ближе к сердцу.

Наиболее выраженные отрицательные коннотации характерны для существительных, связанных с психическими и интеллектуальными нарушениями. Многие лексические единицы из этой группы («дебил», «шизофреник» и т.д.) используются в качестве оскорблений и даже имеют дополнительные значения [17. С. 241; 48. С. 244, 1498]. В одном из выпусков передачи «Жить здорово!» ее ведущая Елена Малышева употребляет слово «кretин» как медицин-

ский термин, не стремясь никого оскорбить [49]. Тем не менее Елену Васильевну подвергли критике и представители широкой общественности, и коллеги-врачи [50]. По-видимому, основное значение «человек, страдающий кретинизмом» [48. С. 299] вытесняется дополнительным: «дурак, турица» [48. С. 299], как и у других существительных из данной категории.

Употребление столь же «прямолинейных» слов, указывающих на нарушения иного рода, является менее рискованным, но тоже требует большой осторожности. Речь идет о привычных обозначениях, которые в прошлом веке едва ли были способны кого-то обидеть: «астматик», «инфарктник», «колясочник», «опорник», «слепой», «туберкулезник» и др. Сейчас их *как минимум* не следует произносить в присутствии малознакомых людей с соответствующими проблемами. В 2017 г. актрисе Ренате Литвиновой пришлось извиниться перед одноногим танцором Евгением Смирновым: комментируя его выступление на шоу «Минута славы», член жюри использовала слово «ампутант», которое оскорбило участника и вызвало негодование зрительской аудитории [51]. Отметим, что оно не сопровождается пометами «бранное» или «пренебрежительное» [52. С. 345] и употребляется в официальных наименованиях (Международная спортивная федерация колясочников и ампутантов, Кубок мира по футболу среди ампутантов и т.д.).

Эвфемизмы для слов и словосочетаний, затронутых процессом табуизации, представлены в таблице. Наряду с многочисленными научными статьями в основу предлагаемого глоссария положены электронный словарь «Мы так не говорим» [20] и Словарь эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной [53].

Эвфемизмы для слов и словосочетаний, затронутых процессом табуизации

Слова и словосочетания, не рекомендованные для использования в публичном дискурсе и при общении с людьми, имеющими ОВЗ (или их близкими)	Эвфемизмы
алкоголик	человек с алкогольной зависимостью
ампутант	человек, переживший ампутацию конечности (части конечности)
анорексик	человек с нервной анорексией, человек с расстройством пищевого поведения
аутист	человек с аутизмом, человек с РАС (расстройством аутистического спектра)
безнадежный, обреченный, умирающий	палиативный пациент; человек, находящийся на палиативном лечении
биполярник	человек с биполярным расстройством
ВИЧ-инфицированный	человек с ВИЧ; человек, живущий с ВИЧ; человек с открытым ВИЧ-статусом, ВИЧ-положительный, ВИЧ+

Окончание таблицы

Слова и словосочетания, не рекомендованные для использования в публичном дискурсе и при общении с людьми, имеющими ОВЗ (или их близкими)	
	Эвфемизмы
глухой	слабослышащий человек; неслышащий человек; человек с потерей слуха; человек с инвалидностью по слуху; человек с нарушением слуха; человек с ограничениями по слуху
даун	человек с синдромом Дауна
дебил	человек с легкой умственной отсталостью
депрессивный человек	человек с депрессией, человек с опытом депрессии
имбэцил	человек с умеренной умственной отсталостью [при нерезко выраженной имбэцильности], человек с тяжелой умственной отсталостью [при резко выраженной имбэцильности]
идиот	человек с глубокой умственной отсталостью
карлик, лилипут	маленький человек, человек маленького роста, человек с дварфизмом (нанизом, микросомией, наносомией)
колясочник, опорник, парализованный, паралитик, прикованный к инвалидной коляске	человек на коляске; человек, передвигающийся на коляске; человек, использующий инвалидную коляску; человек с двигательной инвалидностью
коматозник	человек, находящийся в коме / в коматозном состоянии
маньяк	человек с маниакальным синдромом
наркоман	человек с наркотической зависимостью
невротик	человек с невротическим расстройством
немой	человек, пользующийся жестовым языком
олигофрен, умственно отсталый	человек с олигофренией / умственной отсталостью, человек с ментальными особенностями, человек со сниженным интеллектом
прикованный к кровати	лежащий человек
психически больной	человек с психическим (ментальным) расстройством
психопат	человек с психопатическим расстройством
раковый больной	человек с онкологическим заболеванием
склеротик	человек с болезнью Альцгеймера, человек с деменцией
слепой	слабовидящий человек; невидящий человек; незрячий человек, слухоориентированный человек; человек с нарушением зрения, человек с ограничениями по зрению
толстяк	человек с лишним (избыточным) весом, человек с ожирением
травматик	человек с ПТСР (посттравматическим стрессовым расстройством), человек с травматичным опытом
человек с раздвоением личности	человек с диссоциативным расстройством личности
человек со СПИД(-ом)	человек с терминальной стадией ВИЧ
РАЗНОЕ: астматик, сифилитик, туберкулезник, шизофреник, эпилептик и т.д.	человек с [название болезни], человек с диагнозом [название болезни в кавычках]

Как мы видим, почти во всех эвфемизмах соблюдается правило “people first”, описанное в предыдущем разделе. Некоторые конструкции, не соответствующие указанному правилу, представляются не очень удачными. Например, словосочетание «маленький человек» традиционно применяется к литературным героям, находящимся на нижних ступенях социальной иерархии, бедным, незащищенным, демонстрирующим психологию жертвы [54. С. 283; 55. С. 207]. Также оно используется за пределами научного дискурса в значении «незначительный, ничтожный в социальном или интеллектуальном отношении человек» [56. С. 731]. Едва ли кому-нибудь хочется вызывать подобные ассоциации. Если же забыть об этих значениях, то окажется, что рассматриваемый эвфемизм обладает семантической размытостью. Во-первых, он не дифференцирует лиц с приобретенным и унаследованным дефектом, непропорциональным и пропорциональным телосложением (в отличие от табуируемых существительных «карлик» и «лилипут» [57, 58]). Кроме того, маленькими людьми (или людьми маленького / небольшого роста) иногда называют тех, кто просто намного ниже большинства ровесников.

Многие эвфемизмы (включая слова и словосочетания), напротив, отличаются большей точностью: согласуются с Международной классификацией болезней («человек с легкой умственной отсталостью» вместо «дебил»), называют само заболевание, а не один из его симптомов («человек с болезнью Альцгеймера» вместо «склеротик»), подчеркивают выраженность нарушения («незрячий» или «слабовидящий» вместо «слепой»; «неспышащий» или «слабослышащий» вместо «глухой»), уточняют или раскрывают диагноз («человек с синдромом Дауна» вместо «даун»; «человек с нервной анорексией» вместо «анорексик»). Обозначение «человек с диссоциативным расстройством личности» превосходит конструкцию «человек с раздвоением личности» по двум параметрам. Оно учитывает и характер заболевания, и тот факт, что «личностей» при подобном состоянии может быть три, четыре и даже больше.

Обратим внимание на непопулярность причастного оборота со словом «страдающий» и наименованием патологии (страдающий астмой, ожирением и т.д.). Вероятно, это связано с негативной эмоциональной окраской, присущей глаголу «страдать» и производной от него лексике.

Следует отметить, что достичь абсолютной нейтральности достаточно трудно. Легкий отрицательный оттенок представляется почти неизбежным: эвфемизм, обозначающий лицо с конкретным заболеванием, должен так или иначе указывать на это заболевание. Те конструкции, которые нарушают данное правило, нельзя назвать удачными. Зачастую они не помогают высказываться более корректно, а словно создают новую реальность, близкую к утопии. Таковы словосочетания «кальтернативно одаренный» (о человеке с умственной отсталостью), «солнечные дети» (о мальчиках и девочках с синдромом Дауна), «дети-ангелы» (о ребятах с ДЦП), «дети-бабочки» (о тех, кто столкнулся с буллезным эпидермолизом – редкой кожной аномалией). Номинант «ВИЧ-позитивный» указывает на болезнь,

однако преподносит ее как нечто благотворное, достойное улыбки и одобрения (тогда как обозначение «ВИЧ-положительный» отсылает к безоценочному понятию «положительный диагноз»). Поскольку для подобных эвфемизмов характерно подчеркнутое отсутствие нейтральности, предлагаем выделить их в отдельную группу *эксолизмов* (от греческого *εξωράΐζω* – «украшать», «приукрашивать»).

Далеко не все «солнечные дети» и «дети-ангелы» отличаются добротой и покладистым характером, а использование прилагательного «одаренный» по отношению к лицам с умственной отсталостью вступает в противоречие с общепринятым пониманием одаренности. Этим обозначениям можно противопоставить метафору «хрупкие люди». Так называют людей с *несовершенным остеогенезом*, слабыми или ломкими костями. Данное выражение не скрывает печальной правды и не пытается связать патологию с различными добродетелями, а отражает сущность болезни, превосходя в этом даже ее официальное название. В то же время словосочетание «хрупкие люди» не является эвфемистическим: номинанты с тем же значением («люди с несовершенным остеогенезом», «люди с синдромом Лобштейна–Вролика») не затронуты процессом табуизации. А вот другой вариант – «хрустальные люди» – можно считать эксолизмом.

Вероятно, к выделенной нами группе следует отнести и неологизм «онкоборец»: к сожалению, многие люди, заболевшие раком или другим тяжелым недугом, не *борются* с ним, а «*копускают* руки» или начинают вымещать свою боль на родных и близких. Кроме того, данное существительное ассоциируется со словами, обозначающими представителей различных видов деятельности («змееборец», «огнеборец», «ратоборец», «мракоборец» и т.д.). Поэтому онкоборцами, вероятно, было бы логичнее называть не больных, а врачей-онкологов.

Также заслуживает внимания прилагательное «слухоориентированный», заменяющее слово «слепой». Сущность болезни этот эвфемизм не отражает, но подчеркивает известный факт: серьезные проблемы со зрением делают слух основным источником информации об окружающей действительности [59, 60]. Тем не менее данная лексема не очень удобна для произнесения и уже используется по отношению к «аудиалам» – людям с определенным типом психики, с доминированием определенной «репрезентативной системы» [61].

Некоторым существительным («аллергик», «гипертоник», «сердечник» и ряду других) удалось сохранить эмоциональную нейтральность. Вероятно, это связано с огромной распространенностью соответствующих заболеваний, с тем, что страдающие ими люди не ощущают себя меньшинством. Таким образом, словосочетание «человек с аллергией» или «человек с больным сердцем» является не эвфемизмом, а просто конструкцией-синонимом.

Завершая данный раздел, остановимся на моменте из словаря-тезауруса «Мы так не говорим» [20]. Вместо существительного «шизофреник» предлагаются употреблять словосочетание «человек с диагнозом “шизофрения”».

Это единственный эвфемизм в данном тезаурусе, содержащий слово «диагноз». Мы полагаем, что данную лексическую единицу можно использовать и при обозначении людей с другими болезнями: «человек с диагнозом “бронхиальная астма”», «человек с диагнозом “эпилепсия”» и т.д. Подобные конструкции увеличивают формальную дистанцию между человеком и его заболеванием, препятствуя тем самым их подсознательному отождествлению. Отметим, что такое дистанцирование согласуется с правилом «люди прежде всего» и современной политкорректностью в целом.

Заключение

Эвфемизмы, используемые для обозначения лиц, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, рассматривались нами в рамках двух основных групп. В основе каждой из них лежит принцип “people first”, в соответствии с которым необходимо прежде всего упомянуть о человеке и лишь затем – о его особенности.

Общие эвфемизмы употребляются вместо существительного «инвалид» – эмоционально нейтрального с точки зрения современных словарей, но в реальности уже затронутого процессом табуизации. К наиболее распространенным эвфемизмам относятся номинанты «человек с инвалидностью» и «человек с ограниченными возможностями здоровья» («люди с ОВЗ»). Менее популярны обозначения «человек с ограниченными возможностями» и «человек с особыми потребностями». Они представляются не столь удачными: первый может вызвать ассоциации с гражданско-правовой неполноценностью, второй – с особенностями, не имеющими отношения к серьезным заболеваниям.

Дифференцированные эвфемизмы учитывают социальный контекст («пациент с инвалидностью», «учащийся с особыми потребностями») или подчеркивают наличие определенного заболевания («человек с аутизмом», «слабовидящий человек»). Замене, соответственно, подвергается существительное «инвалид» или одно из множества слов с более узким значением, постепенно вытесняемых из публичного дискурса: «аутист», «слепой», «колясочник» и т.д. Эвфемизмы, состоящие из приставки «пара-» и названия профессии («параадизайнер», «параюрист»), могут вызвать отрицательную реакцию: в русском языке уже используются слова, в которых данный префикс указывает на относительно невысокую квалификацию («пара профессио нал», «пара техник») или сомнительный статус («пара психолог», «пара физик»). Большинство конструкций, связанных с конкретными нарушениями, напротив, заслуживает положительной оценки, поскольку они являются и более уважительными, и более точными (ср.: «даун» и «человек с синдромом Дауна»). Ряд лексем, заменяющих некорректную лексику, отнесен к группе *эксолизмов*. Так обозначены эвфемизмы, имеющие выраженную положительную окраску («солнечные дети», «дети-ангелы»).

Список источников

1. *Абросимова Л.С., Богданова М.А.* Нетипичная телесность: трансформации в восприятии тела инвалида // Практики и Интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. № 4 (1). С. 95–104. doi: 10.23683/2415-8852-2019-1-95-104
2. *Бейлинсон Л.С.* Концептуализация инвалидности в языковом сознании // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 104–109.
3. *Белобородова А.В.* Эвфемизмы тематической группы «Физические данные и возможности» / «Physical abilities» в русском и английском языках // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3. С. 389–394.
4. *Головина Т.А.* Отражение журналистами феномена инвалидности в СМИ // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 137–141.
5. *Муравьёва М.Г.* Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями? Обзор истории инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10, № 2. С. 151–166.
6. *Парамонова В.А.* Понятие «инвалид»: социокультурный анализ // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1 (4). С. 11–15.
7. *Рузаева Е.М.* Соотношение понятия «инвалид» в российском и международном праве // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 6 (50). С. 242–244.
8. *Мамедова К.М., Хаустова Т.Ю.* Эвфемизмы в современном русском языке и врачебной практике // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. № 3 (11). С. 1246.
9. *Ковшова М.Л.* Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48.
10. *Плотникова А.М.* Наименования социально незащищенных групп лиц в правовом пространстве и за его пределами // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 209–218. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.077
11. *Правовые основы реализации Конвенции ООН о правах инвалидов в Российской Федерации : сб. нормативных правовых актов, принятых Российской Федерации в целях выполнения положений Конвенции о правах инвалидов / сост.: В.П. Шестаков и др. СПб., 2016.* 410 с.
12. *О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и признании утратившим силу пункта 16 части 6 статьи 7 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» : федеральный закон от 18.07.2019 № 184-ФЗ «».* URL: <https://base.garant.ru/72298998/> (дата обращения: 06.01.2022).
13. *Курбанов И.А., Носкова С.Г.* Социальная модель в языковых репрезентациях человека с ограниченными возможностями в российском и американском дискурсах СМИ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (183). С. 25–31.
14. *Столярова А.* Смена понятий : Минтруд планирует отказаться от термина «инвалиды» // Известия. 2018. 27 сент.
15. *Минтруд* не будет отказываться от термина «инвалид» // ТАСС. 2018. 27 сент. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5611331> (дата обращения: 06.01.2022).
16. *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка : около 30 000 наиболее употребительных слов / под ред. В.В. Морковкина. М. : АСТ-ПРЕСС школа, 2018. 1451 с.
17. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка : 100 000 слов, терминов и выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1375 с.

18. Зотова Н. «Инвалиды» – правильное слово? Как говорить, чтобы не обидеть // BBC News (Русская служба). 2018. 27 сент. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45667220> (дата обращения: 09.01.2022).
19. Носенко-Штейн Е.Э. Что нам известно об обратной стороне Луны // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности : теория, презентации, практики : сб. статей / отв. ред.: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М. : МВА, 2018. С. 9–16.
20. Мы так не говорим : словарь «Таких дел» // Такие дела. 2019. URL: <https://takiedela.ru/slova/> (дата обращения: 09.01.2022).
21. Трапезникова М. Инвалидность – вовсе не медицинское, а социальное понятие // ГМС. 2018. 22 янв. URL: <https://itsmycity.ru/2018/01-22/kak-pravilno-govorit-i-pisat-o-lyudyah-s-invalidnostyu> (дата обращения: 09.01.2022).
22. Чумак М. Лингвист рассказала, изменятся ли русские ругательства из-за тренда на толерантность // Российское информационное агентство LIVE24. 2020. 18 мая. URL: <https://live24.ru/obschestvo/24693-lingvist-rasskazala-izmenjatsja-li-russkie-rugatelstva-iz-trena-na-tolerantnost.html> (дата обращения: 09.01.2022).
23. Привалихин А. Инвалид – это звучит страшно! // Информационное агентство NORD-NEWS.RU. 2019. 6 дек. URL: <https://nord-news.ru/news/2019/12/06/?newsid=117459> (дата обращения: 09.01.2022).
24. Гурицкая поддержала замену термина «инвалид» в законодательстве // Говорит Москва. 2018. 27 сент. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/174650/> (дата обращения: 09.01.2022).
25. Никульчина С. Инвалид, который танцует вальс, и не обижается на слово... «инвалид» // Комсомольская правда. 2015. 23 нояб. URL: <https://www.kp.md/daily/26461.5/3331660/> (дата обращения: 09.01.2022).
26. Косова Е.А. Доступность образовательных услуг для лиц с ограниченными возможностями здоровья в нормах международного права // Непрерывное образование : XXI век. 2020. Вып. 3 (31). С. 2–25. doi: 10.15393/j5.art.2020.6049
27. Clarke L.Sh., Embury D.C., Knight C., Christensen J.E. People-First Language, Equity, and Inclusion : How Do We Say It, and Why Does It Matter? // Learning Disabilities: A Multidisciplinary Journal. 2017. Vol. 22 (1). P. 74–79. doi: 10.18666/LDMJ-2017-V22-I1-7961
28. Snow K. People First Language. 2009. URL: http://www.inclusioncollaborative.org/docs/Person-First-Language-Article_Kathie_Snow.pdf (дата обращения: 13.01.2022).
29. Об утверждении классификаций и критерии, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы : приказ Минздравсоцразвития РФ от 22.08.2005 № 535 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsozrazvitiya-rf-ot-22082005-n-535/> (дата обращения: 13.01.2022).
30. Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве : закон города Москвы от 28.04.2010 № 16 (с изм. на 14.12.2016). URL: <https://docs.cntd.ru/document/3718801> (дата обращения: 13.01.2022).
31. Проект федерального закона № 95065647-1 «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальному образованию)». URL: <https://base.garant.ru/3100875/#friends> (дата обращения: 13.01.2022).
32. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. на 30.12.2021; ред., действ. с 01.01.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 13.01.2022).
33. Лактошина И. Люди с инвалидностью и без: как мы общаемся // Агентство социальной информации. 2016. 5 мая. URL: <https://www.asi.org.ru/2016/05/05/117886-2/> (дата обращения: 17.01.2022).
34. Ревко О. Как не надо говорить и писать о людях с инвалидностью // Кидшер. 2017. 16 сент. URL: <https://kidsher.ru/ru/culture/12169/> (дата обращения: 17.01.2022).

35. Аминева А.Р. Библиотека в социализации и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья в современном медиапространстве : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2013. 226 с.
36. Бабин В.Н., Бабина Ю.В. Финансовая доступность для людей с инвалидностью: от нормативно-правовой основы к адаптации системы профессиональной подготовки специалистов финансового рынка // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 1. С. 2539–2548. doi: 10.15372/PEMW20190117
37. A Guide for Ensuring Inclusion and Equity in Education. Paris : The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2017. 46 p.
38. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. United Nations, 2006. 28 p. URL: http://www.un.org/disabilities/documents/convention/convention_accessible_pdf.pdf (дата обращения: 17.01.2022).
39. Фонд «Равенство возможностей» запустил первую социальную франшизу // АСИ – Агентство Социальной Информации. 2019. 12 апр. URL: <https://www.asi.org.ru/report/2019/04/12/perm-ravenstvo-vozmozhnostej-sotsialnaya-franshiza/> (дата обращения: 17.01.2022).
40. Ограничения по здоровью при поступлении в техникум по специальности // Удмуртская Республика : образовательный портал. 2021. URL: <https://ciur.ru/imt/DocLib47/Forms/AllItems.aspx> (дата обращения: 18.01.2022).
41. Приложение № 2 к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19 февраля 2019 г. № 90н (с изменениями от 2 сентября 2020 г.) «Об утверждении форм бланков личного дела получателя государственных услуг в области содействия занятости населения». URL: <https://base.garant.ru/72199542/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/> (дата обращения: 18.01.2022).
42. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10164504/1caf24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 18.01.2022).
43. Русский орфографический словарь / отв. ред. В.В. Лопатин. 5-е изд., испр. М. : АСТ-Пресс Школа, 2018. 896 с.
44. Кривошеев А.А., Велинецкая Т.Н. Замена слову «инвалид». 2016. URL: <https://scanmarket.ru/blog/zamena-slovu-invalid> (дата обращения: 25.01.2022).
45. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М. : Вече, АСТ, 2002.
46. Гридинева Н. Максим Кронгауз : насчет слов надо договориться // Милосердие.ru. 2018. 24 апр. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pochemu-slovo-invalid-zvuchit-obidno/> (дата обращения: 26.01.2022).
47. На пути к инклюзивной школе. М.: РООИ «Перспектива» при поддержке Агентства США по международному развитию, 2005. URL: <https://narfu.ru/upload/iblock/f82/na-puti-k-inklyuzivnoy-shkole.pdf> (дата обращения: 26.01.2022).
48. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт ; М. : Рипол-Классик, 2008. 1536 с.
49. Кретинизм. Откуда он берется? // Жить здорово! 2019. 13 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=298QEswJpNU> (дата обращения: 26.01.2022).
50. Малышева назвала больных детей «кретинами» и «идиотами» // РИА Новости. 2019. 14 июня. URL: <https://ria.ru/20190614/1555555296.html> (дата обращения: 26.01.2022).
51. Веткина А. «Минута славы»: Познер возмущен безногим танцором, а Литвинова назвала его «ампутантом» // Комсомольская правда. 2017. 4 марта. URL: <https://www.kp.ru/daily/26650.5/3670007/> (дата обращения: 27.01.2022).
52. Епишкин Н.И. Исторический словарь галицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. 5140 с.
53. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. 2-е изд. стереотип. М. : Флинта : Наука, 2016. 461 с.
54. Литература и язык : энциклопедия. М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2007. 584 с.

55. *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Сов. Энцикл., 1987. 752 с.
56. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : Олма-медиа-групп, 2013. 784 с.
57. *Астахова А.* Жизнь помаленьку // Совершенно секретно. 2015. 21 июля. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/zhizn-pomalenku/> (дата обращения: 03.02.2022).
58. *Разница между карликом и лилипутом* // TheDifference.ru. 2013. 12 окт. URL: <https://thedifference.ru/chem-otlichaetsya-karlik-ot-liliputa/> (дата обращения: 03.02.2022).
59. *Huber E., Chang K., Alvarez I., Hundle A., Bridge H., Fine I.* Early Blindness Shapes Cortical Representations of Auditory Frequency within Auditory Cortex // *Journal of Neuroscience*. 2019. № 39 (26). P. 5143–5152. doi: 10.1523/JNEUROSCI.2896-18.2019
60. *Nilsson M.E., Schenckman B.N.* Blind people are more sensitive than sighted people to binaural sound-location cues, particularly inter-aural level differences // *Hearing Research*. 2016. Vol. 332. P. 223–232. doi: 10.1016/j.heares.2015.09.012
61. *Денисова Д.А.* Репрезентативная система, каналы восприятия и синестезия в рамках вопроса о восприятии человека // *Гуманитарный научный вестник*. 2017. № 5. С. 8–16.

References

1. Abrosimova, L.S. & Bogdanova, M.A. (2019) *Netipichnaya telesnost'*: transformatsii v vospriyatiu tela invalida [Atypical corporality: transformations in the perception of the body of a disabled person]. *Praktiki i Interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, образовательных i kul'turnykh issledovaniy*. 4 (1). pp. 95–104. doi: 10.23683/2415-8852-2019-1-95-104
2. Beylinson, L.S. (2017) Kontseptualizatsiya invalidnosti v yazykovom soznanii [Conceptualization of disability in linguistic consciousness]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (122). pp. 104–109.
3. Beloborodova, A.V. (2017) Evfemizmy tematicheskoy gruppy “Fizicheskie dannye i vozmozhnosti” / “Physical abilities” v russkom i angliyskom yazykakh [Euphemisms of the thematic group “Fizicheskie dannye i vozmozhnosti” / “Physical abilities” in Russian and English]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 3 (67). pp. 389–394.
4. Golovina, T.A. (2013) Otrazhenie zhurnalistami fenomena invalidnosti v SMI [Reflection by journalists of the phenomenon of disability in the media]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2. pp. 137–141.
5. Murav’eva, M.G. (2012) Kaleki, invalidy ili lyudi s ogranicennymi vozmozhnostyami? Obzor istorii invalidnosti [Handicapped, handicapped or handicapped? A review of the history of disability]. *Zhurnal issledovaniy sotsial’noy politiki*. 2 (10). pp. 151–166.
6. Paramonova, V.A. (2016) Ponyatiye “invalid”: sotsiokul’turnyy analiz [The concept of “disabled person”: sociocultural analysis]. *Sotsial’no-gumanitarnyy vestnik Prikasiya*. 1 (4). pp. 11–15.
7. Ruzaeva, E.M. (2014) Sootnoshenie ponyatiya “invalid” v rossiyskom i mezhdunarodnom prave [Correlation of the concept of “disabled person” in Russian and international law]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 6 (50). pp. 242–244.
8. Mamedova, K.M. & Khaustova, T.Yu. (2013) Evfemizmy v sovremennom russkom yazyke i vrachebnoy praktike [Euphemisms in modern Russian language and medical practice]. *Byulleten’ meditsinskikh internet-konferentsiy*. 3 (11). P. 1246.
9. Kovshova, M.L. (2019) Evfemizmy i frazeologizmy: ustoychivye struktury v aspekte evfemizatsii [Euphemisms and phraseological units: sustainable structures in the aspect of euphemization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 4. pp. 35–48.
10. Plotnikova, A.M. (2019) Naimenovaniya sotsial’no nezashchishchennykh grupp lits v pravovom prostranstve i za ego predelami [Names of socially unprotected groups of persons in the legal space and beyond]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 4 (21). pp. 209–218. (In Russian). doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.077

11. Shestakov, V.P. et al. (eds) (2016) *Pravovye osnovy realizatsii Konventsii OON o pravakh invalidov v Rossiyskoy Federatsii: Sbornik normativnykh pravovykh aktov, priyatnykh Rossiyskoy Federatsiei v tselyakh vypolneniya polozheniy Konventsii o pravakh invalidov* [Legal basis for the implementation of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Collection of normative legal acts adopted by the Russian Federation in order to implement the provisions of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. Saint Petersburg: [s.n.].
12. Garant. (2019) *On Amendments to the Federal Law “On the Social Protection of the Disabled in the Russian Federation” and Recognizing Clause 16 of Part 6 of Article 7 of the Federal Law “On the Organization of the Provision of State and Municipal Services” as invalid. Federal Law No. 184-FZ of July 18, 2019.* [Online] Available from: <https://base.garant.ru/72298998/> (Accessed: 06.01.2022). (In Russian).
13. Kurbanov, I.A. & Noskova, S.G. (2017) Social Model in Language Representations of a Person with Disability in Russian and American Mass Media Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 6 (183). pp. 25–31. (In Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31
14. Stolyarova, A. (2018) Smena ponyatiy: Mintrud planiruet otkazat'sya ot termina “invalidy” [Change of the notion: the Ministry of Labor plans to abandon the term “invalidy”]. *Izvestiya*. 27 September.
15. TASS. (2018) Mintrud ne budet otkazyvat'sya ot termina “invalid” [The Ministry of Labor will not abandon the term “invalidy”]. *TASS*. 27 September. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/5611331> (Accessed: 06.01.2022).
16. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutskaya, N.M. (2018) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST-PRESS shkola.
17. Ozhegov, S.I. (2019) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 28th ed. Moscow: Mir i Obrazovanie.
18. Zotova, N. (2018) “Invalidy” – pravil’noe slovo? Kak govorit’, chtoby ne obidet’ [“Invalidy”, is it the right word? How to speak without offending]. *BBC News (Russkaya sluzhba)*. 27 September. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/news-45667220> (Accessed: 09.01.2022).
19. Nosenko-Shteyn, E.E. Chto nam izvestno ob obratnoy storone luny [What do we know about the far side of the moon]. In: Kurlenkova, E.E. & Nosenko-Shteyn, E.E. (eds) *Obratnaya storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriya, reprezentatsii, praktiki* [The Far Side of the Moon, or What We Do Not Know about Disability: Theory, representations, practices]. Moscow: MBA, 2018. pp. 9–16.
20. Takie dela. (2019) Slovar’ “My tak ne govorim” [Dictionary “We don’t say that”]. *Takie dela*. [Online] Available from: <https://takiedela.ru/slova/> (Accessed: 09.01.2022).
21. Trapeznikova, M. (2018) Invalidnost’ – vovse ne meditsinskoe, a sotsial’noe ponyatiye [Disability is not a medical, but a social concept]. *I'MC*. 22 January. [Online] Available from: <https://itsmycity.ru/2018-01-22/kak-pravilno-gоворит-i-pisat-o-lyudyah-s-invalidnostyu> (Accessed: 09.01.2022).
22. Chumak, M. (2020) Lingvist rasskazala, izmenyatsya li russkie rugatel’stva iz-za trenda na tolerantnost’ [Linguist told whether Russian curses will change due to the trend towards tolerance]. *Rossiyskoe informatsionnoe agentstvo LIVE24*. 18 May. [Online] Available from: <https://live24.ru/obschestvo/24693-lingvist-rasskazala-izmenjatsja-li-russkie-rugatelstva-iz-za-trenda-na-tolerantnost.html> (Accessed: 09.01.2022).
23. Informatsionnoe agentstvo NORD-NEWS.RU. (2019) Privalikhin A. Invalid – eto zvuchit strashno! [Disabled – it sounds scary!]. *Informatsionnoe agentstvo NORD-NEWS.RU*. 6 December. [Online] Available from: <https://nord-news.ru/news/2019/12/06/?newsid=117459> (Accessed: 09.01.2022).

24. Govorit Moskva. (2018) Gurtskaya podderzhala zamenu termina “invalid” v zakonodatel’stve [Gurtskaya supported the replacement of the term “invalid” in the legislation]. *Govorit Moskva*. 27 September. [Online] Available from: <https://govoritmoskva.ru/news/174650/> (Accessed: 09.01.2022).
25. Nikul’cha, S. (2015) Invalid, kotoryy tantsuet val’s, i ne obizhaetsya na slovo... “invalid” [A disabled person who dances a waltz, and does not take offense at the word “invalid”]. *Komsomol’skaya pravda*. 23 November. [Online] Available from: <https://www.kp.md/daily/26461.5/3331660/> (Accessed: 09.01.2022).
26. Kosova, E.A. (2020) Dostupnost’ obrazovatel’nykh uslug dlya lits s ogranicennymi vozmozhnostyami zedorov’ya v normakh mezhdunarodnogo prava [Accessibility of educational services for people with disabilities in the norms of international law]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 3 (31). pp. 2–25. doi: 10.15393/j5.art.2020.6049
27. Clarke, L.Sh. et al. (2017) People-First Language, Equity, and Inclusion: How Do We Say It, and Why Does It Matter? *Learning Disabilities: A Multidisciplinary Journal*. 1 (22). pp. 74–79. doi: 10.18666/LDMJ-2017-V22-I1-7961
28. Snow, K. (2009) *People First Language*. [Online] Available from: http://www.inclusioncollaborative.org/docs/Person-First-Language-Article_Kathie_Snow.pdf (Accessed: 13.01.2022).
29. Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii [Laws, codes and regulatory legal acts of the Russian Federation]. (2005) *On approval of classifications and criteria used in the implementation of medical and social examination of citizens by federal state institutions of medical and social examination. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 535 of August 22, 2005*. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravotsrazvitiya-rf-ot-22082005-n-535/> (Accessed: 13.01.2022). (In Russian).
30. Kodeks. (2016) *On the education of persons with disabilities in the city of Moscow. Law of the city of Moscow No. 16 of April 28, 2010 (as amended on December 14, 2016)*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/3718801> (Accessed: 13.01.2022). (In Russian).
31. Garant. (n.d.) *On the education of persons with disabilities (special education). Draft federal law No. 95065647-1*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/3100875/#friends> (Accessed: 13.01.2022). (In Russian).
32. Kodeks. (2021) *On Education in the Russian Federation. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on December 30, 2021) (edition effective from January 1, 2022)*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (Accessed: 13.01.2022). (In Russian).
33. Laktyushina, I. (2016) Lyudi s invalidnost’yu i bez: kak my obshchaemsya [People with and without disabilities: how we communicate]. *Agentstvo sotsial’noy informatsii*. 5 May. [Online] Available from: <https://www.asi.org.ru/2016/05/05/117886-2/> (Accessed: 17.01.2022).
34. Revko, O. (2017) Kak ne надо говорить ‘о’ людях с инвалидностью [How not to talk and write about people with disabilities]. *Kidsher*. 16 September. [Online] Available from: <https://kidsher.ru/ru/culture/12169/> (Accessed: 17.01.2022).
35. Amineva, A.R. (2013) *Biblioteka v sotsializatsii i adaptatsii lyudey s ogranicennymi vozmozhnostyami zedorov’ya v sovremenном mediaprostranstve* [Library in the socialization and adaptation of people with disabilities in the modern media space]. Pedagogy Cand. Diss. Kazan.
36. Babin, V.N. & Babina, Yu.V. (2019) Finansovaya dostupnost’ dlya lyudey s invalidnost’yu: ot normativno-pravovoy osnovy k adaptatsii sistemy professional’noy podgotovki spetsialistov finansovogo rynka [Financial accessibility for people with disabilities: from the regulatory framework to the adaptation of the system of professional training of financial market specialists]. *Professional’noe obrazovanie v sovremenном mire*. 1 (9). pp. 2539–2548. (In Russian). doi: 10.15372/PEMW20190117

37. The United Nations Educational. (2017) *A Guide for Ensuring Inclusion and Equity in Education*. Paris: The United Nations Educational.
38. United Nations. (2006) *Convention on the Rights of Persons with Disabilities*. [Online] Available from: http://www.un.org/disabilities/documents/convention/convention_accessible_pdf.pdf (Accessed: 17.01.2022).
39. ASI – Agentstvo Sotsial'noy Informatsii (2019). Fond “Ravenstvo vozmozhnostey” zapustil pervuyu sotsial'nyu franshizu [The Fund “Equality of Opportunities” launched the first social franchise]. *ASI – Agentstvo Sotsial'noy Informatsii*. 12 April. [Online] Available from: <https://www.asi.org.ru/report/2019/04/12/perm-ravenstvo-vozmozhnostej-sotsialnaya-franshiza/> (Accessed: 17.01.2022).
40. *Udmurtskaya Respublika: obrazovatel'nyy portal* [Udmurt Republic: Educational portal]. (2021) *Ogranicheniya po zdrorov'yu pri postuplenii v tekhnikum po spetsial'nosti* [Health restrictions when entering a special technical school]. [Online] Available from: <https://ciur.ru/imt/DocLib47/Forms/AllItems.aspx> (Accessed: 18.01.2022).
41. Garant. (2020) *Appendix No. 2 to the Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation No. 90n of February 19, 2019 (as amended on September 2, 2020) “On approval of forms for the personal file of the recipient of public services in the field of promoting employment of the population”*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/72199542/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/> (Accessed: 18.01.2022). (In Russian).
42. Garant. (1995) *On the Social Protection of the Disabled in the Russian Federation. Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 (as amended). Article 1*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/10164504/1caf24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (Accessed: 18.01.2022). (In Russian).
43. Lopatin, V.V. (ed.) (2018) *Russkiy orfograficheskiy slovar'* [Russian Spelling Dictionary]. 5th ed. Moscow: AST-Press Shkola.
44. Krivosheev, A.A. & Velinetskaya, T.N. (2016) Zamena slovu “invalid” [Replacing the word “disabled”]. *Skanmarket*. [Online] Available from: <https://scanmarket.ru/blog/zamena-slovu-invalid> (Accessed: 25.01.2022).
45. Reber, A. (ed.) (2002) *Oksfordskiy tolkovyy slovar' po psikhologii* [Oxford Dictionary of Psychology]. Moscow: Veche, AST.
46. Gridneva, N. (2018) Maksim Krongauz: naschet slov nado dogovorit'sya [Maxim Krongauz: we need to agree on words]. *MILOSERDIE.RU*. 24 April. [Online] Available from: <https://www.miloserdie.ru/article/pochemu-slovo-invalid-zvuchit-obidno/> (Accessed: 26.01.2022).
47. Perspektiva. (2005) *Na puti k inklyuzivnoy shkole* [Towards an Inclusive School]. Moscow: ROOI “Perspektiva”. [Online] Available from: <https://narfu.ru/upload/iblock/f82/na-puti-k-inklyuzivnoy-shkole.pdf> (Accessed: 26.01.2022).
48. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Noveyshiy bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Latest Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint; Moscow: Ripol-klassik.
49. Zhit' zdrovo! (2019) *Kretinizm. Otkuda on beretsya?* [Cretinism. Where does it come from?]. [Online Video]. 13 June. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=298QEswJpNU> (Accessed: 26.01.2022).
50. RIA NOVOSTI. (2019) Malysheva nazvala bol'nykh detey “kretinami” i “idiotami” [Malysheva called sick children “cretins” and “idiots”]. *RIA NOVOSTI*. 14 June. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190614/1555555296.html> (Accessed: 26.01.2022).
51. Vetskina, A. (2017) “Minuta slavy”: Pozner vozmushchen beznogim tantsorom, a Litvinova nazvala ego “amputantom” [Minute of Fame: Pozner is outraged by a legless dancer, and Litvinova called him an “amputee”]. *Komsomol'skaya pravda*. 4 March. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/26650.5/3670007/> (Accessed: 27.01.2022).
52. Epishkin, N.I. (2010) *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language]. Moscow: ETS.

53. Senichkina, E.P. (2016) *Slovar' eyfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
54. Aspisova, O.S. (ed.) (2007) *Literatura i yazyk: Entsiklopediya* [Literature and Language: Encyclopedia]. Moscow: ROSMEN-PRESS.
55. Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
56. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2013) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Big Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: Olma-media-grupp.
57. Astakhova, A. (2015) *Zhizn' pomalen'ku* [Life little by little life]. *Sovershenno sekretno*. 21 July. [Online] Available from: <https://www.sovsekretno.ru/articles/zhizn-pomalenku/> (Accessed: 03.02.2022).
58. TheDifference.ru. (2013) Raznitsa mezhdu karlikom i liliputom [The difference between a dwarf and a midget]. *TheDifference.ru*. 12 October. [Online] Available from: <https://thedifference.ru/chem-otlichaetsya-karlik-ot-liliputa/> (Accessed: 03.02.2022).
59. Huber, E. et al. (2019) Early Blindness Shapes Cortical Representations of Auditory Frequency within Auditory Cortex. *Journal of Neuroscience*. 39 (26). pp. 5143–5152. doi: 10.1523/JNEUROSCI.2896-18.2019
60. Nilsson, M.E. & Schenckman, B.N. (2016) Blind people are more sensitive than sighted people to binaural sound-location cues, particularly inter-aural level differences. *Hearing Research*. 332. pp. 223–232. doi: 10.1016/j.heares.2015.09.012
61. Denishova, D.A. (2017) Reprezentativnaya sistema, kanaly vospriyatiya i sinesteziya v ramkakh voprosa o vospriyatiu cheloveka [Representational system, channels of perception and synesthesia within the framework of the question of human perception]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 5. pp. 8–16.

Информация об авторах:

Самохин И.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: samokhin_is@pfur.ru

Огуречникова Н.Л. – д-р филол. наук, профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: ogurechnikowa@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.S. Samokhin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: samokhin_is@pfur.ru
N.L. Ogurechnikova, Dr. Sci. (Philology), professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ogurechnikowa@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2022;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 07.04.2022;
approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 811.1/.8
doi: 10.17223/19986645/83/7

Дискурсообразующий статус концепта *свобода* в тексте правового документа

Инна Витальевна Тубалова¹, Мария Андреевна Наземцева²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ tina09@inbox.ru

² mnazemtseva@gmail.com

Аннотация. Рассматривается специфика реализации общекультурного концепта *свобода* в дискурсе правового документа, задающая его дискурсообразующий статус. Выявляется, что способность данного концепта, сохраняя общекультурно заданный содержательный потенциал формировать принципы осуществления регулирующей цели права, реализуется за счет трансформации его понятийного и ценностного компонентов: свобода предстает как перечень моделей поведения гражданина / государства – разрешенных, обязательных и возможных, а следование им выступает как норма, диктуемая законом как «внешней силой».

Ключевые слова: концепт свободы, дискурсообразующий концепт, дискурс правового документа

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Тубалова И.В., Наземцева М.А. Дискурсообразующий статус концепта *свобода* в тексте правового документа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 120–143. doi: 10.17223/19986645/83/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/7

The discourse-forming status of the concept *freedom* in the legal document text

Inna V. Tubalova¹, Maria A. Nazemtseva²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ tina09@inbox.ru

² mnazemtseva@gmail.com

Abstract. The aim of this article is to present distinctive characteristics and means of implementation of the concept *freedom* in legal document discourse, which determine its discourse-forming status. The material of the study is texts of the Constitu-

tion of the Russian Federation of 1993 (in the 15th edition), Codes of the Russian Federation, as well as court sentences and judgements posted on the website of Justice, the Russian Federal State Automated System (sudrf.ru). In total, 479 texts of legal documents were analyzed. Legal document discourse is examined in a sociolinguistic aspect and is defined as a component of legal discourse – written institutional discourse aimed at referring participants of legal communication to legal documents, produced by agents of law, and fixing principles and results of regulation of legal relations. To reach the aim of the study we consider features of the concept, identified by studies and supplemented by us, which determine its discourse-forming status: (1) connection with the key universal cultural concept and its meaningful correlation with (2) the descriptive component of discursive world-image and (3) with its value component. Further, we consider how each of these features is manifested in the implementation of the concept *freedom* in legal document discourse. (1) The key status of the concept under study is confirmed by researchers' findings, grounds for referring to the concept in the discourse under consideration are being determined (freedom as one of the significant purposes of human existence), as well as principles of discursive transformation, established by specifics of legal communication (establishment of "boundaries" of freedom, reflecting legal regulation). (2) Lexicographical content that organizes the descriptive component of discursive world-image is considered on the grounds of the specific functioning of basic lexical representatives of the concept (*freedom* and *law*) and the nature of transformation of lexicographical features of the concept – in comparison with its universal cultural image, manifested in features of the (A) subject of freedom, (B) object of freedom and (B) conditions for presence or absence of freedom. (3) Value content that organizes value component of discursive world-image is interpreted in accordance with the implementation of all discursive value components. They are determined by (1) the value content of the universal cultural concept *freedom*, which determines the ethical basis of law; (2) values of legal norming, which, in turn, are based on values of official fixation of norms, in this case, their documentation: imperativeness of law and its objectivity (unity for all citizens).

Keywords: concept *freedom*, discourse-forming concept, legal document discourse

Acknowledgments: The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Tubalova, I.V. & Nazemtseva, M.A. (2023) The discourse-forming status of the concept *freedom* in legal document text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 120–143. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/7

Идея дискурсивной интерпретации общекультурных концептов, основанная на концепции дискурса как совокупности коммуникативных актов, объединенных на основании социальной стратификации конкретного общества и подчиненных общей дискурсивной цели, рассмотрена в лингвистических исследованиях достаточно подробно; широко описаны результаты интерпретации конкретных общекультурных концептов в различных дискурсах [1–4]. Данная концепция рассматривает дискурсивную цель как определяющую дискурсивный «тематический репертуар» [5. С. 52], который является результатом отбора и конфигурирования смыслов. При этом выявлено, что отдельные общекультурные концепты (темы) подвергаются

выдвижению, что обеспечивает реализацию дискурсивной цели [6–12]. В рамках данной логики в фокусе внимания оказывается трансформационный потенциал общекультурного концепта, обеспечивающий реализацию дискурсивной цели.

Отдельного внимания заслуживает инструментально-регулятивная дискурсоформирующая функция концепта, зафиксированная терминологическим обозначением «дискурсообразующий концепт».

Признаки концепта, придающие ему дискурсообразующий статус [12–16], обсуждаются значительно менее активно, чем результаты дискурсивной интерпретации концепта. Отметим, что в некоторых исследованиях этот статус обозначается как «базовый» [17], «ключевой концепт дискурса» [9], «генеративный» [18] и др. В данной работе мы используем термин «ключевой концепт» для обозначения особого статуса общекультурного (национально-культурного) концепта в языковой картине мира, а термин «дискурсообразующий концепт» – для обозначения особого статуса концепта в дискурсивной картине мира¹.

Представим специфику дискурсообразующего концепта, обобщив выделенные указанными исследователями его особенности.

1. З.И. Резанова указывает на то, что такие концепты **«дву направлению ориентированы»**: они соотнесены с ключевыми концептами культуры, являясь их функциональной модификацией (дискурс предстает как среда сокращения возможностей языковых знаков), с другой стороны, они организуют дискурсы и, как следствие, выполняют социально актуальные функции» [9. С. 42].

Ключевой статус концепта в языковой картине мира определяет значимый потенциал для дискурсивного развертывания, в том числе – в качестве дискурсообразующего концепта.

2. Дискурсообразующий концепт обладает **понятийным компонентом**, который (1) прямо реализует содержание дескриптивного компонента² дискурсивной картины мира (дискурсивного диктума), при этом (2) на уровне макроструктуры дискурса [5, 19] охватывает его в полном объеме.

Н.Ф. Алефиренко интерпретирует это свойство дискурсообразующего концепта как его генетическую связь с действительностью, которая позволяет ему формировать когнитивную структуру будущего текста (ее автор описывает как фреймовую структуру) [14. С. 108]. Дискурсообразующие концепты «составляют содержательно-тематическое ядро дискурса» [12, 20] и выступают в нем «как объекты осмысления, интерпретации и оценивания» [20].

¹ Под дискурсивной картиной мира понимается «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [9. С. 43].

² О дескриптивном и ценностном компонентах дискурсивной картины мира см.: [9. С. 49].

3. **Ценностный компонент** дискурсообразующего концепта реализует базовые дискурсивные ценности, которые «определяют, структурируют дискурс» [16]. Данный признак дискурсообразующего статуса концепта выделяется всеми исследователями в силу его особой значимости (см.: [7, 9, 12, 14, 20] и др.).

В результате дискурсообразующий концепт оказывается способным выражать социальные потребности, «ради удовлетворения которых создается данный дискурс» [12. С. 175].

Обратим внимание на особый статус дискурсообразующего концепта на фоне иных концептов, особым образом интерпретированных в рамках дискурсивной картины мира.

Концепт, сформированный в языке, подвергается определенному ре-конфигурированию при его дискурсивной реализации. При этом дискурсообразующие свойства концепт приобретает на этапе инициации дискурсивного текстопорождения (это «концепт, вокруг которого и порождается дискурс» [13. С. 5]), и на этом же этапе он подвергается реконфигурированию, реагирующему на изначально заданную дискурсивную цель.

Формирование дискурсообразующего концепта Н.Ф. Алефиренко характеризует как «выбор речевой стратегии, определение одного из потенциально возможных векторов дискурсообразования, т.е. того упорядочивающего средства, который бы позволил преодолеть энтропийные тенденции (дезорганизацию, состояние смыслового «тумана») и привести к порождению нового речемыслительного феномена, называемого в лингвосинергетике бифуркацией» [13. С. 5].

Реализация этой стратегии осуществляется в выборе «словесного контекста, в рамках которого происходит текстопорождение» [13. С. 7], т.е. систематизирующих дискурс признаков и форм реализации концепта.

Цель данной статьи – представить результаты дискурсивно обусловленной трансформации содержания общекультурного концепта *свобода* в дискурсе правового документа, определяющие его дискурсообразующий статус, и выделить средства реализации такой трансформации.

Материалом исследования являются тексты¹ Конституции РФ 1993 г. (в 15-й редакции) [21], кодексы РФ, а именно: Семейный [22], Трудовой [23], Жилищный [24], Гражданский (Часть 1 [25], Часть 2 [26], Часть 3 [27], Часть 4 [28]), Уголовный [29], Гражданский процессуальный [30] и Уголовный процессуальный [31], 212 приговоров и 256 решений судов, размещенных на сайте sudrf.ru [32].

Всего проанализировано 479 текстов правовых документов общим объемом около 1 439 823 слов.

¹ Далее используются следующие сокращения: Конституция – [К], Семейный кодекс – [СК], Трудовой кодекс – [ТК], Жилищный кодекс – [ЖК], Гражданский кодекс – [ГК], Уголовный кодекс – [УК], Гражданский процессуальный кодекс – [ГПК], Уголовный процессуальный кодекс – [УПК], приговор – (П), решение суда – (Р).

Отдельно отметим, что различные социокультурно заданные дискурсы обладают разным уровнем консолидации дискурсивно обусловленного содержания и разным уровнем структурной организованности. Формально-смысловая дискурсивная целостность дискурса определяется характером его цели, реализация которой требует особой его организации. Так, личностно-ориентированные дискурсы бытового общения по своей целевой структуре принципиально множественны и динамичны [10, 33], поэтому вопрос о наличии в их содержании дискурсообразующего концепта может быть поставлен только на материале локальных зон общения – отдельных коммуникативных актов.

Уровень внутренней организованности институциональных дискурсов в целом выше, но и их внутренняя организация по степени внутреннего содержательного единства не однотипна. Так, манипулятивная природа политического дискурса допускает интерпретацию любого общекультурного концепта, подчиняя его реализации цели, обозначенной исследователями как борьба за власть [34, 35].

Рассматриваемый нами дискурс правового документа – как письменная сфера реализации правового дискурса – обладает максимально высоким уровнем внутренней организованности формально-смысловой структуры.

В социолингвистическом аспекте исследователи рассматривают правовой дискурс как институциональный [36–38], подчеркивая специфику его цели – правовое регулирование отношений в государстве. Правовой дискурс охватывает устные и письменные дискурсивные практики как юристов-профессионалов, так и рядовых граждан, вовлеченных в правовые процедуры (например, в рамках устного допроса, выступления в суде).

Дискурс правового документа мы определяем как письменный институциональный дискурс, направленный на обращение участников правовой коммуникации к правовым документам, произведенным агентами права и фиксирующим принципы и результаты регулирования правовых отношений. Сформулированное определение дискурса правового документа основано на его концепции, восходящей к идеям М. Фуко, французского дискурс-анализа и постструктурализма (социальный дискурс), получившей развитие в работах Т. ван Дейка, где под дискурсом понимается тип коммуникации, границы которой заданы социальной ситуацией определенного типа. При таком подходе текст рассматривается как компонент дискурса, его динамическая результативная сторона. В подобной трактовке текста мы опираемся на исследовательскую традицию коммуникативного обоснования текстопрождения, проявленную в работах по теории текста и теории дискурса – Р.-А. Богранда, В. Дресслера, Б.М. Гаспарова, Т. ван Дейка, В. Кинча, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, Т.В. Матвеевой, О.И. Москальской, В.Е. Чернявской и др. Это позволяет рассматривать текст правового документа как продукт дискурса правового документа, фиксирующий его признаки, значимые в рамках обращения к нему участников документной правовой коммуникации (т.е. в рамках дискурса правового документа).

Дискурс правового документа – составляющая правового дискурса, в его структуре выделяют следующие признаки:

1) высокий уровень внутренней организованности содержания, обеспечивающий системность правовых норм и иерархичность структуры правовых документов (исследователи правового дискурса устанавливают соответствие между иерархией правовых документов и жанровой системностью их текстов: верховное положение в этой иерархии занимает Конституция, представляющая наиболее общие принципы государственно-правового регулирования, законы и кодексы опираются на Конституцию и отражают принципы правоприменения; Конституция, законы и кодексы представляют исходные жанры дискурса правового документа, которым противопоставляются результирующие жанры, фиксирующие результаты правоприменения, например приговор и решение суда [36, 39–46]);

2) субъект текстопорождения – агент правового дискурса, юрист-профессионал, реализующий специальные знания при производстве правового документа;

3) письменная форма реализации, характеризуемая исследователями как «главная составляющая… правового дискурса» [47. С. 37], «его доминанта, (которая) … является двигателем в социально-правовом развитии общества» [47. С. 39], обеспечивает легитимацию правовых норм;

4) определяемый предыдущими признаками максимально высокий уровень формальности текстопорождения.

Письменная фиксация установок правового дискурса, стабильность и устойчивость жанровых форм, высокий уровень структурированности и формальности текста усиливают институционализацию дискурса правового документа по сравнению с устным правовым дискурсом: во-первых, документная специфика определяет **стабильность** – такие тексты официально закреплены в законодательстве (в отличие, например, от предвыборных речей политиков, не имеющих нормативного закрепления в системе государственного регулирования), во-вторых, как следствие, – они получают **повсеместную распространенность и абсолютную узнаваемость**, которая дает возможность транслирования авторитетной социально значимой информации.

Содержательное единство дискурса правового документа формируется на основании дискурсообразующего статуса в нем концепта *свобода* – как трансформированного в соответствии с функциональной направленностью общекультурного концепта, системно реализуемого в текстах.

Рассмотрим результаты такой трансформации, обеспечивающие дискурсообразующий статус, и принципы его системной реализации.

Свобода, по мнению исследователей, является одним из ключевых концептов русской национальной лингвокультуры [47–49].

Его содержание, реализованное в русской языковой картине мира, достаточно широко изучено: выявлены его компоненты, формы и принципы реализации в русском языке [47, 50–59], описана специфика данного кон-

цепта в русской лингвокультуре на фоне других лингвокультур [47, 50, 51, 56, 57].

Ранее были рассмотрены жанровые особенности реализации концепта *свобода* в текстах Конституции [39, 40, 41, 45], кодексе [41, 44], приговоре и решении суда [43, 46], протоколе судебного заседания [42].

В данном исследовании мы анализируем специфику реализации концепта *свобода* в дискурсе правового документа с учетом его дискурсообразующего статуса. В связи с этим мы фокусируемся на общих, наджанровых особенностях данного дискурсивно интерпретируемого концепта, позволяющих ему выполнять функцию дискурсообразования.

Впервые статус концепта *свобода* в правовом дискурсе как дискурсообразующий обозначает Н.Г. Храмцова [20], при этом автор не обращается к его анализу. В качестве второго дискурсообразующего концепта в названном дискурсе автор обозначает концепт *право* [20]. В настоящем исследовании мы рассматриваем лексемы *право* и *свобода* как маркеры единого концепта *свобода*, основываясь на единстве реализуемого ими правового содержания (что подтверждается дефиницией юридического словаря, фиксирующего их тестовую связанность и различия – как варианты референциальной целостности¹).

Анализируя дискурсообразующую специфику концепта, в данной статье сосредоточимся на таких аспектах, позволяющих выявить признаки его участия в формировании дискурса, как: (1) двунаправленность природы концепта, определяющая характер дискурсивной трансформации общекультурного содержания, направленный на реализацию функции дискурсообразования; (2) понятийное содержание, организующее дескриптивный компонент дискурсивной картины мира и выраженный в специфике функционирования базовых лексических репрезентантов и характере трансформации понятийных признаков; (3) ценностное содержание, организующее ценностный компонент дискурсивной картины мира.

(1) Ключевой статус концепт *свобода* в русской языковой картине мира [48–62] определяет значимый потенциал для дискурсивного развертывания.

Дискурсообразующий статус *свободы* как концепта правового дискурса в целом и дискурса правового документа в частности основывается на том, что в основе российского законодательства лежит принцип, согласно которому «права и свободы человека... признаются существующими объективно, имеющими дозаконотворческий и внезаконотворческий характер» [61. С. 100]: *Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения* [К].

¹ «Категория свободы близка к понятию права в субъективном смысле, однако последнее предполагает наличие более или менее четкого юридического механизма для реализации и обычно корреспондирующей обязанности государства или другого субъекта совершить какое-либо действие (напр., предоставить работу в случае права на труд). Напротив, юридическая с. не имеет четкого механизма реализации, ей корреспондирует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данную с. действий» [63. С. 215].

Данный принцип устанавливает прямую диктумную корреляцию дискурсивно обусловленного содержания концепта *свобода* и его общекультурного содержания. Кроме того, в Конституции как базовом законодательном документе фиксируется основание для ценностной корреляции общекультурного и дискурсивно обусловленного содержания исследуемого концепта (понятийное и ценностное содержание концепта взаимодействуют): *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью* [К].

Указанные корреляции выражаются в совокупности общих признаков дискурсивного и общекультурного концепта и специфических признаков данного концепта в дискурсе правового документа, реализованных как результат трансформации содержательных признаков общекультурного концепта.

Исследователи сформированного в русской лингвокультуре концепта указывают на то, что свобода означает **отсутствие ограничений**, которое связывается с получением **положительных эмоций** и включает позитивные ощущения, возникающие при **освобождении от ограничений** [48, 57, 58]. В связи с этим особо подчеркивается связь свободы с позитивнооценочным полюсом в интерпретации мира [62. С. 75].

Свобода в дискурсе правового документа интерпретируется как **набор обеспеченных законом моделей поведения гражданина / государства – их возможностей и ограничений**, что прямо соответствует общему содержанию дескриптивного компонента дискурсивной картины мира и закрепляется в текстовой реализации исследуемого концепта

(2) **Понятийное содержание** концепта *свобода* в дискурсе правового документа рассмотрим на основании (2.1) анализа его ядерных лексических репрезентантов, а также (2.2) характера трансформации его понятийных признаков.

(2.1) **Ядерными репрезентантами** являются лексемы *свобода* и *право*.

В дискурсе правового документа лексемы, репрезентирующие данные концепты, фиксируют закрытый перечень заданных и гарантированных законом возможностей гражданина и их ограничений – «границ»: *Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания* [К]; ...*свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается* [ТК]; ...*полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право: требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий* (Р).

В дискурсе правового документа лексемы *право* и *свобода* реализуют особую семантику.

Лексема *право*, в ядре языковых значений ориентированная на выражение социально-правового содержания, последовательно реализует его в дискурсе правового документа. Лексема *свобода*, на системно-языковом уровне реализующая личностные и связанные с ними социально аспектированные значения, выражающие отсутствие социальных ограничений, в дискурсе правового документа также приобретает в значении правовой

компонент, выражая дискурсивную направленность на документирование правовых норм, обеспечивающих правовое регулирование: *Каждому гарантируется свобода мысли и слова [К]; ...наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового [УК]; ...что повлекло нарушение его прав, свобод и законных интересов... (Р).*

Использование лексем *свобода* и *право* для представления перечня заданных и гарантированных законом возможностей гражданина определяет их последовательную реализацию в конструкциях с семантикой **посессивности** (обладания), **промиссивности** (принятия обязательств), а также с **деструктивной** и **ограничительной** семантикой, заданных соответствующими предикатами. Такой тип их использования соответствует реализации дискурсивной цели государственно-правового регулирования.

Конструкции с семантикой **посессивности**, с одной стороны, являются результатом дискурсивного развертывания сформулированного в Конституции базового основания права (*Основные права и свободы человека... принадлежат каждому от рождения [К]*), а с другой – отражают возможности гражданина, реализация которых «предполагает наличие более или менее четкого юридического механизма» [63. С. 215]. В связи с последним в таких конструкциях используется лексема *право* – лексема *свобода* в них практически не реализуется.

В конструкциях, реализующих ядерные лексемы как актанты посессивных предикатов (*иметь, приобрести*), наиболее частотно свобода интерпретируется как изначально данная субъекту возможность. Правовые возможности в этом случае фиксируются в форме актантов: *Каждый имеет право на пользование родным языком [К]; ...каждый... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела... (Р); ...работодатель в дальнейшем имеет право на предъявление к виновному материальных претензий в порядке регрессных требований (П).* Значительно реже используются конструкции, представляющие свободу как возможность, приобретенную при определенных условиях: *Поручитель, который приобрел права созалогодержателя или права по иному обеспечению основного обязательства, не вправе осуществлять их во вред кредитору... [ГК].* В целом в конструкциях такого типа оформляется дискурсивно заданный перечень разрешений – как результат правовой реализации исследуемого концепта.

Конструкции с семантикой **промиссивности** реализуют дискурсивную направленность на выражение функции закона защищать гражданина, что поддерживается предикатами с соответствующей семантикой – *защита, охрана, защищать(ся), охранять(ся), гарантировать(ся)* и т.п., реализующимися за счет субъекта «правовая инстанция» (например, *суд*): *Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания... [К]; Права всех собственников защищаются равным образом [ГК]; ...предусмотренные законом условия для реализации права на обращение в суд общей юрисдикции за защитой прав, свобод и охраняемых законом интересов (Р) и т.п.*

Конструкции с **деструктивной и ограничительной семантикой** выражают дискурсивно обусловленную интерпретацию прав и свобод гражданина как сбалансированной, стабильной, не терпящей нарушений системы и реализуются с помощью следующих лексем: *нарушать, умалять, ущемлять, преступление* и т.п.: *Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц* [К]; ...*правообладатель может оспорить соответствующее решение собрания, нарушающее его права и охраняемые законом интересы...* [ГК]; ...*Неучастие Р-ва М.А. в осмотрах не свидетельствует об ущемлении его права на защиту* (П).

Отношения правовых возможностей гражданина и закона в конструкциях с семантикой промиссивности и с деструктивной / ограничительной семантикой также закрепляются синтаксически: рассматриваемые лексемы выступают в функции актантов по отношению к промиссивным (*гарантируются, защищаются, защита*) и деструктивным / ограничительным предикатам (*нарушать, ущемление*), фиксирующим действия закона (в промиссивных конструкциях) или действия, от совершения которых защищает закон (в конструкциях с деструктивной семантикой).

Признаки посессивности, в общекультурном концепте реализующиеся как в **негативном** (*ограничить, заставить, подчинить, запретить, захватить, затруднить* (лишить свободы)), так и в **позитивном** (*дарить, даруяется, гарантировать* (предоставить свободу)) аспекте, в дискурсе правового документа реализуются также как **негативно** (смысл лишения свободы) через лексические единицы *лишение права (прав), лишение возможности, взыскать задолженность* и т.п., так и **позитивно** (смысл предоставления свободы) – через лексемы *принадлежат, неотчуждаемы* и др. Негативный смысл соответствует различным аспектам ограничения свободы, позитивный связан с запретом на ее ограничение (при соблюдении закона).

Признак **«излишней свободы»** [58], реализованный в общекультурном концепте как негативный, в дискурсе правового документа находит косвенное выражение в перечне наказаний за отклонение от закона, а также в том, что перечень допускаемых законом прав и свобод является закрытым.

Признаки промиссивности и деструкции / ограничения формируются как результат трансформации общекультурной семантики **«возможная угроза / потеря свободы», «необходимость защиты свободы»** [58] и выражаются в представлении закона как защищающей от этого внешней силы.

Социально аспектированная семантика общекультурного концепта **«независимость или состояние свободного человека»** [64] в дискурсе правового документа не реализуется: дискурс не предполагает возможности независимости от закона.

Дискурсивная специфика использования лексем *свобода* и *право особым образом оформляется грамматически*. Регулирующая функция дискурса правового документа определяет закрытый характер перечня предstawляемых законом возможностей, что в текстах поддерживается грам-

матическими особенностями реализации лексемы *свобода* во множественном числе (*права и свободы*). Указанные грамматические особенности использования данных лексем отражают дискурсивные стратегии грамматической дифференциации общезыкового и дискурсивного значения. Это кардинально отличает содержательную организацию правового концепта *свобода* от его общекультурного соответствия, трактуемого как «приятное отсутствие ограничений какого бы то ни было рода» [48. С. 241].

(2.2) Рассмотрим дискурсивно обусловленные **особенности понятийной структуры** концепта, позволяющие реализовать дескриптивный компонент дискурсивной картины мира.

Специфика понятийной структуры концепта *свобода* в дискурсе правового документа на фоне понятийного содержания общекультурного концепта определяется особенностями (А) субъекта свободы, (Б) объекта свободы и (В) условий наличия или отсутствия свободы, что позволяет концепту реализовывать дискурсообразующий статус.

(А) Под **субъектом свободы** понимается лицо или социальная структура, получающая или утрачивающая свободу в соответствии с ее общекультурной или дискурсивной интерпретацией.

Субъектом свободы в рамках общекультурного концепта является человек, не ограниченный в своих социальных и личностных функциях («любой человек», «человек вообще»). В связи с этим в содержании общекультурного концепта субъект свободы практически не маркируется. Правовой дискурс, направленный на реализацию правовой оценки законодательно закрепленных возможностей человека и накладываемых на него запретов, предполагает функциональное ограничение субъекта свободы. В рамках правового дискурса в целом и дискурса правового документа в частности субъект свободы конкретизируется в аспекте возможности правовой оценки его социальных действий.

Если для общекультурного концепта характерна интерпретация свободы человека, не предполагающая функционального ограничения субъекта, то дискурсивная интерпретация правового документа требует представления особого типа субъекта свободы, реализацию специфических форм его текстового представления, что соответствует актуализации социального аспекта исследуемого концепта.

В рамках дискурса правового документа субъектами свободы / несвободы становятся (а) гражданин – как субъект, которому закон разрешает / запрещает совершать действия, подвергающиеся правовой оценке, и (б) государство – как субъект, совершающий также законодательно регламентированные действия, направленные на гражданина и тем самым косвенно определяющие его правовую свободу / несвободу.

(а) **Функционально-правовой статус гражданина в дискурсе правового документа** закрепляется соответствующими номинациями, включающими лексему *гражданин*, фиксирующую правовой статус человека: *Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего граж-*

данства или права изменить его [К]; Если иное не установлено федеральными законами, **иностранные граждане и лица без гражданства** имеют право вступать в трудовые отношения в качестве работников по достижении ими возраста восемнадцати лет [ТК] и т.п.

При этом дискурсивные ограничения функционального статуса субъекта свободы как гражданина определяются дискурсивной формой правового документа: его внешним оформлением (реквизиты, особенности размещения и т.д.), формально-структурной и стилистической организацией и т.п.

(б) **Государство как субъект свободы / несвободы** в дискурсе правового документа имеет вторичный статус, так как регламентация свободы государства ориентирована на наделение его полномочиями или ограничение его возможностей в осуществлении действий по регулированию свободы гражданина (как первичного субъекта). В связи с этим экспликация государства как субъекта свободы реализуется в текстах правового документа значительно менее частотно.

Кроме того, по вышеуказанной причине данный субъект свободы выражается в исследуемых текстах не только эксплицитно, но и имплицитно. Эксплицитное выражение предполагает номинирование государства (*Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба* [К]; *Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами* [К]; *Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства* [СК]), а также различных органов государственной власти и правосудия (*Суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об ограничении родительских прав направить выписку из такого решения суда в орган опеки и попечительства по месту вынесения решения и в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка* [СК]; *Исполнительные органы государственной власти или органы местного самоуправления не вправе требовать от заявителя представления дополнительных документов, за исключением документов, предусмотренных указанным перечнем* (ч. 5 ст. 36 ЗК РФ) (П) и др.), представленных как действующие на основании объективированного закона. Имплицитное выражение обеспечивается дискурсивной ориентацией правового документа на регламентирование действий государства по отношению к его гражданину. В связи с этим частотно используются пассивные бессубъектные конструкции, предполагающие государственный орган как имплицитно представленный семантический субъект, действия которого регламентируются. Свобода / несвобода этого субъекта выражается в предикатной лексеме: *Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству* [К]; *В Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением* [К];

Не допускается заключение брака между: лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке... [СК] и т.п.

(Б) **Объект свободы** – это вид деятельности, подвергающийся общекультурно или дискурсивно обусловленному ограничению или разрешению.

Абсолютизация свободы в содержании общекультурного концепта не предполагает наличия объекта, который указывал бы на ее сужение. В дискурсе правового документа формирование признака направленности на объект реализует правовую оценку этого объекта, нормативное ограничение видов деятельности.

Объекты наделения / лишения свободы **гражданина** в дискурсе правового документа выражают (а) желаемые (с точки зрения закона) действия субъекта свободы (*Каждый имеет право на участие в культурной жизни... [К]; При наличии особых обстоятельств (беременности, рождения ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон и других особых обстоятельств) брак может быть заключен в день подачи заявления [СК]*), (б) его недопустимые действия (*Односторонний отказ от исполнения соглашения об уплате алиментов или одностороннее изменение его условий не допускаются [СК]; При этом сторона обвинения не учитывает того, что отчуждение земельного участка без находящегося на нем здания, строения, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу, в принципе не допускается (П)) и (в) необходимые с точки зрения закона действия субъекта свободы (*Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [К]; Нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу [ГК]*). Тем самым указанные типы объектов свободы охватывают все функции правового регулирования – допущение, предписание и запрет.*

Объектами свободы **по отношению к государству** являются (а) действия государства, направленные на гражданина (*В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина [К] ...Истец не может быть признан потерпевшим в результате неосновательного обогащения Предприятия... (Р))*, (б) его внутренние (автонаправленные) действия (*Федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий могут создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц [К]; Министерства и иные федеральные органы исполнительной власти могут издавать акты, содержащие нормы гражданского права [СК]*).

(В) **Условия реализации свободы** – это особенности культурно или дискурсивно значимой ситуации, определяющие наличие или отсутствие свободы у рассматриваемого субъекта.

Появление в дискурсе правового документа представления условий реализации свободы также связано с нейтрализацией общекультурного при-

знака ее безграничности. Свобода в дискурсе правового документа ограничена условиями осуществления правовых действий – условия отображают границы, установленные законом: *Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда* [К]; *Запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности* [СК]; *В силу ст. 302 УПК РФ приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств* (П).

(3) Рассмотрим ценностное содержание концепта *свобода*, организующее правовой ценностный компонент дискурсивной картины мира.

В соответствии с дискурсообразующим статусом концепт *свобода* в дискурсе правового документа интерпретируется в соответствии с реализацией всех дискурсивных ценностных составляющих. Их состав определяется, с одной стороны, ценностным содержанием общекультурного концепта *свобода*, а с другой – ценностями правового нормирования, которые, в свою очередь, основаны на ценностях официальной фиксации норм, в данном случае – их документирования (описаны, например, в [10]).

В первую очередь активно эксплицируется **этический компонент** общекультурного концепта *свобода* – высокий уровень ценностной значимости свободы для человека.

На этическую значимость концепта *свобода*, определяющую его роль в правовом дискурсе, обращают внимание исследователи философии права [65, 66]. С.И. Максимов отмечает, что «метафизическим условием возможности права и обоснованием внутренней независимости (автономии) выступает установка отрицания рабства и признания свободы высшей ценностью» [65. С. 27].

Высокий уровень ценностной значимости исследуемого концепта в русской национальной культуре способствует интерпретации в дискурсе правового документа правовой свободы и принципов ее ограничения как основанных на морально-этических принципах, что выражается в позитивной оценке государства как проводника закона и регулирующего свободу начала: *Государство защищает культурную самобытность* всех народов и этнических общинностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия [К]; *Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства* [СК] и др.

Общий этический компонент права дискурсивно поддерживает легитимность правового документа в целом.

Прямое влияние на организацию дескриптивного компонента дискурсивной картины мира как совокупности действий, подвергнутых правовой оценке, оказывает ценностная составляющая исследуемого концепта, формируемая в результате его дискурсивной интерпретации. Ценность следования правовым нормам выражается в том, что *свобода* в правовом доку-

менте получает четкие границы, фиксируемые предикатами разрешения (*имеет право, может, имеют возможности* и др.), запрета (*не вправе, не может, запрещается, недопустим, отказать* и др.) и долженствования (*должен, обязан, обязать* и др.), выражающими правовую норму.

В том, что в дискурсе правового документа закрепляется наличие у гражданина не только прав и свобод, но и запретов и обязанностей, проявляется заданная на национально-культурном уровне бинарность исследуемого концепта.

При этом регулировать наличие запретов и обязанностей может только «внешняя сила» (закон), наличие которой реализуется через речевую стратегию императивности (ценность неукоснительности соблюдения закона), в тексте оформленной как транслируемая от имени объективированной инстанции (ценность всеобщего равенства перед законом).

При этом важно, что не только «запрет» (*Никто не может присваивать власть в Российской Федерации [К]; ...нотариус не вправе выступать в средствах массовой информации, публиковать информацию в социальных сетях по вопросам профессиональной деятельности...* (Р) и др.) и «долженствование» (*Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы [К]; Ответчик обязан возместить Истцу реальные расходы...* (Р) и др.), но и «разрешение» быть свободным вербализуется в императивном регистре (*Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет [К]; Дедушка, бабушка, братья, сестры и другие родственники имеют право на общение с ребенком [СК]; ...лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков...* (Р) и т.п.).

Заданное правовым дискурсом единство закона для всех граждан государства выражается в номинировании субъекта свободы местоимениями с обобщающим значением – *каждый, все, никто* и подобными: *Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами* [К] и т.п.

Объективность, внешний статус закона реализуется в безличных стратательных конструкциях (*Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [К]; Гарантируется свобода массовой информации [К]; Запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора [ТК]* и т.п.), включающих безличные формы глагола.

Подведем итоги.

Дискурсообразующий статус концепта *свобода* в дискурсе правового документа выражается в его способности, сохраняя общекультурно заданный содержательный потенциал, на основании дискурсивно обусловленной трансформации формировать принципы реализации дискурсивной цели. Ключевой характер данного концепта в языковой картине мира позволяет ему фиксировать базовый принцип законодательства, основанный на презентации прав и свобод человека.

Регулирующая цель права, стабилизированная в дискурсе правового документа, реализуется за счет трансформации (1) понятийного и (2) ценностного компонентов концепта *свобода*.

(1) Трансформация понятийного компонента проявляется в том, что заданная в общекультурном концепте интерпретация свободы как отсутствия ограничений, обладающего признаками всеобщности, безграничности и не обладающего социальной ориентированностью, в дискурсе правового документа реинтерпретируется как набор продиктованных и гарантированных законом моделей поведения гражданина / государства – их возможностей и ограничений.

Это закрепляется в дискурсивной конкретизации признаков (а) субъекта, (б) объекта и (в) условий реализации свободы, а также (г) наличия закона как регулирующей свободу инстанции.

Трансформация понятийного компонента концепта *свобода* реализуется следующим образом.

(1.1) Его ядерные лексические репрезентанты – *свобода* и *право* – используются в качестве актантов в конструкциях с предикатами особого типа.

(1.1.1) Их использование в посессивных конструкциях, интерпретирующих заданные законом разрешения (права) как объект обладания гражданина, позволяет закрепить дискурсивно заданный перечень продиктованных и гарантированных законом моделей поведения гражданина / государства.

(1.1.2) Употребление лексем *свобода* и *право* в промиссивных конструкциях актуализирует регулирующую роль закона как источника предоставления свободы, которая выражается в его гарантировющей функции.

(1.1.3) Реализация лексем *свобода* и *право* в конструкциях с деструктивной / ограничительной семантикой также актуализирует регулирующую роль закона как источника предоставления свободы, но сосредоточивает внимание на его защитной функции.

(1.2) Признаки наличия у свободы особых субъекта, объекта и условий реализации вербально фиксируются: (а) гражданин как субъект свободы оформляется номинацией *гражданин* и ее конкретно-ситуативными модификациями (*иностранный гражданин* и т.п.), а также местоимениями с обобщающим значением, государство как субъект свободы реализуется его номинациями и номинациями органов государственной власти и правосудия; (б) объект свободы оформляется описанием разрешенных / запрещенных законом видов социальной деятельности субъекта; (в) условия реализации свободы фиксируются в описании условий, при которых социальная деятельность субъекта может быть разрешена / запрещена.

Наличие закона как источника предоставления свободы выражается имплицитно в безличных страдательных конструкциях.

(2) Трансформация ценностного компонента проявляется в том, что в дискурсе правового документа закрепляется наличие у гражданина / государства не только прав и свобод, но и запретов и обязанностей. С одной стороны, в этом проявляется заданная на национально-культурном уровне бинарность исследуемого концепта, а с другой – реинтерпретируется пози-

тивная эмоциональная ориентированность свободы: соблюдение ограничений предстает как норма, диктуемая законом как «внешней силой», что обеспечивает признание его полномочий и ценность равенства перед ним.

Результаты такой трансформации оформляются через речевую стратегию императивности, в тексте оформленной как трансляция не только «запретов» и «долженствований», но и «разрешений» быть свободным в императивном регистре от имени объективированной инстанции, имплицитно зафиксированной в безличных страдательных конструкциях.

Список источников

1. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28.
2. Кондратьева О.Н. Концепт «душа» в политическом дискурсе (к истокам формирования концепта) // Лингвокультурология. 2011. № 5. С. 43–53.
3. Крылов Ю.В. Концепт «счастье» в современном рекламном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 244–251.
4. Орлова Н.В. Права человека как концепт компьютерного сетевого дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 57–62.
5. Дейк Т. ван, Кинч В. Макростратегии. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
6. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М. : ИИОН РАН, 2002. № 3. С. 31–44.
7. Крючкова Н.В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 47 с.
8. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012. 44 с.
9. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск : ИД СК-С, 2011. С. 13–94.
10. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 539 с.
11. Чейф У.Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения (1976) // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1982. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 277–316.
12. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 459 с.
13. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы междунар. школы-семинара «V Березинские чтения». М. : ИИОН РАН, МГЛУ, 2009. № 15. С. 4–20.
14. Алефиренко Н.Ф. Методологические проблемы дискурса и дискурс-анализа // Язык и метод. 2015. № 2. С. 105–113.
15. Приходько А.Н., Путий Е.С. Дискурсообразующий потенциал концептов (на материале викторианского дискурса) // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 105–114.
16. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты викторианства: Скромность vs Ханжество // Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 2. С. 73–84.
17. Олецков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр. Н. Тагил : НТГСПА, 2009. С. 68–85.

18. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышик Г.Г. Лингвокультурная концептология. Волгоград : Парадигма, 2009. 116 с.
19. Дейк Т.А. *ван Язык. Познание. Коммуникация* / сост. В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
20. Храмцова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 396 с.
21. Конституция Российской Федерации. URL: <http://konstitucija.ru/1993/15/> (дата обращения: 23.05.2021).
22. Семейный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9015517> (дата обращения: 20.02.2021).
23. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901807664> (дата обращения: 20.02.2021).
24. Жилищный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901919946> (дата обращения: 20.02.2021).
25. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027690> (дата обращения: 20.02.2021).
26. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027703> (дата обращения: 20.02.2021).
27. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901799839> (дата обращения: 20.02.2021).
28. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/> (дата обращения: 20.02.2021).
29. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения: 20.02.2021).
30. Гражданко-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901832805> (дата обращения: 20.02.2021).
31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901802257> (дата обращения: 20.02.2021).
32. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. URL: sudrf.ru (дата обращения: 21.12.2020).
33. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
34. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 440 с.
35. Кашик В.Б. Введение в теорию коммуникации. М. : ФЛИНТА, 2016. 224 с.
36. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 41 с.
37. Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса) : автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
38. Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган : Курган. гос. ун-т, 2012. 180 с.
39. Тубалова И.В., Наземцева М.А. Интерпретация маркеров свободы в славянских языках и в дискурсе славянского правового документа // Русин. 2020. № 62. С. 159–175.
40. Наземцева М.А. Концептуализация «свободы» в тексте Конституции РФ // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов IV (XVIII) Междунар. конф. молодых ученых. Томск, 20–22 апреля 2017 г. Томск, 2017. Вып. 18, т. 1: Лингвистика. С. 36–39.
41. Наземцева М.А. Специфика концептуальной организации Конституции и кодекса как ядерных жанров правового дискурса // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых. Томск, 19–21 апреля 2018 г. Томск, 2018. Вып. 19, т. 1: Лингвистика. С. 79–80.42. Наземцева М.А. Средства реализации концепта *свобода* в протоколе судебного заседания как незаконодательном правовом документе // Актуальные проблемы лингвистики и литературы

роведения : сб. материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых. Томск, 18–19 апреля 2019 г. Томск : СТТ, 2020. С. 24–26.

43. *Наземцева М.А.* Особенности интерпретации свободы в жанрах приговора и решения суда // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Томск, 16–18 апреля 2020 г. Томск, 2020. Вып. 21. С. 35–41.

44. *Наземцева М.А.* Особенности интерпретации свободы в кодексе как ядерном жанре правового дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 37–48.

45. *Наземцева М.А.* Особенности интерпретации свободы в Конституции как ядерном жанре дискурса правового документа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 28–38.

46. *Наземцева М.А.* Концепт *свобода* в приговоре и решении суда в его обусловленности дискурсивно-жанровой спецификой // Казанская наука. 2021. № 8. С. 22–24.

47. *Зайцева И.Д.* Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 36–40.

48. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

49. *Егорова О.С., Кириллова О.А.* «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 161–167.

50. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.

51. *Ардашева Т.Г.* Лингвокогнитивный анализ концепта «Свобода» (на материале русского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 21 с.

52. *Ардашева Т.Г., Мерзлякова А.Х.* Вербализация концепта свободы в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2011. № 2. С. 13–18.

53. *Базылев В.Н.* Обособрленные концепты русской культуры: свобода-воля // Филология и культура : материалы III междунар. науч. конф. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. Ч. 3. С. 125–126.

54. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки славянской культуры, 1997. 577 с.

55. *Кириллова О.А.* Языковая презентация лингвокультурного концепта «свобода» в медиа-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 20 с.

56. *Лисицын А.Г.* Анализ концепта свободы-воли-вольность в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.

57. *Солохина А.С.* Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 28 с.

58. *Солохина А.С.* Свобода // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 222–246.

59. *Урысон Е.В.* Свобода, воля // Новый обьюнительный словарь синонимов русского языка. М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. С. 1003–1007.

60. *Щеболева И.Б.* Функционирование и развитие концептов свободы, власть и вызов в русской языковой картине мира: на материале художественных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 26 с.

61. *Сорокин В.В.* Теория государства и права переходного периода. Новосибирск : Изд-во НГИ, 2008. 502 с.

62. *Арутюнова Н.Д.* Воля и свобода // Логический анализ языка. М. : Индрик, 2003. С. 73–99.

63. *Борисов А.Б.* Большой юридический словарь. М. : Книжный мир. 2010. 848 с.

64. Камаева Н.М. Русский концепт воля: от словаря к тексту : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
65. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права. СПб. : Алетейя, 2016. С. 23–59.
66. Соловьев Э.Ю. От обязанности к призванию, от призыва к праву. М. : Наука, 1990. С. 48–55.

References

1. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Representation of the concept “wealth” in the dialect discourse: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 17–28. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/55/2
2. Kondrat'eva, O.N. (2011) Kontsept “dusha” v politicheskem diskurse (k istokam formirovaniya kontsepta) [The concept of “soul” in political discourse (to the origins of the formation of the concept)]. *Lingvokulturologiya*. 5. pp. 43–53.
3. Krylov, Yu.V. (2013) The concept “Happiness” in the modern advertising discourse. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philology Journal*. 3. pp. 244–251. (In Russian).
4. Orlova, N.V. (2013) Prava cheloveka kak kontsept komp'yuternogo setevogo diskursa [Human rights as a concept of Computer Network Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 57–62.
5. Deyk, T. van & Kinch, V. (2000) *Makrostrategii. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Macrostrategies. Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
6. Dem'yankov, V.Z. (2002) Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. In: Gerasimov, V.I. & Ilyin, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: Istoryya i sovremennyye issledovaniya* [Political Science. Political Discourse: History and Modern Studies]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. 3. pp. 31–44.
7. Kryuchkova, N.V. (2009) *Rol' referentsii i kommunikatsii v kontseptoobrazovanii i issledovanii kontseptov (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo yazykov)* [The role of reference and communication in concept formation and research of concepts (on the basis of Russian, English, and French languages)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
8. Orlova, O.V. (2012) *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta: zhiznennyy tsikl i miromodeliruyushchiy potentsial* [Discursive and stylistic evolution of the media concept: life cycle and world-modeling potential]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
9. Rezanova, Z.I. (2011) *Diskursivnye kartiny mira* [Discursive pictures of the world]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian World: Modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S. pp. 13–94.
10. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
11. Chafe, W. (1982) Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya (1976) [Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view (1976)]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 11. pp. 277–316.
12. Emer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovaniye v sovremennom pesennom fol'klore: kognitivno-diskursivnyy analiz* [World modeling in modern song folklore: cognitive-discursive analysis]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
13. Alefirenko, N.F. (2009) [Discursive consciousness: synergy of language, cognition and culture]. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psicholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Linguistic Existence of a Person and Ethnos: Psycholinguistic and cognitive aspects]. Proceedings of the V Berezin Readings International Seminar. Moscow. 2009. Moscow: Institute

- of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow State Linguistic University. 15. pp. 4–20. (In Russian).
14. Alefirenko, N.F. (2015) *Metodologicheskie problemy diskursa i diskurs-analiza* [Methodological problems of discourse and discourse analysis]. *Yazyk i metod.* 2. pp. 105–113.
 15. Prikhod'ko, A.N. & Putiy, E.S. (2011) *Diskursoobrazuyushchiy potentsial kontseptov (na materiale viktorianskogo diskursa)* [Discourse-forming potential of concepts (based on Victorian discourse)]. *Yazyk. Tekst. Diskurs.* 9. pp. 105–114.
 16. Shevchenko, I.S. (2010) *Diskursoobrazuyushchie kontsepty viktorianstva: Skromnost' vs Khanzhestvo* [Discourse-forming concepts of Victorianism: Modesty vs Bigotry]. *Kognitziya, kommunikatsiya, diskurs.* 2. pp. 73–84.
 17. Oleshkov, M.Yu. (2009) *Lingvokonceptual'nyy analiz diskursa (teoreticheskiy aspekt)* [Linguoconceptual analysis of discourse (theoretical aspect)]. In: Oleshkov, M.Yu. (ed.) *Diskurs, kontsept, zhanr* [Discourse, Concept, Genre]. Nizhniy Tagil: NTGSPA. pp. 68–85.
 18. Karasik, V.I., Krasavskiy, N.A. & Slyshkin, G.G. (2009) *Lingvokul'turnaya kontseptologiya* [Linguistic and Cultural Conceptology]. Volgograd: Paradigma.
 19. van Deyk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress.
 20. Khramtsova, N.G. (2010) *Teoriya pravovogo diskursa: bazovye idei, problemy, zakonomernosti* [Theory of Legal Discourse: Basic ideas, problems, patterns]. Kurgan: Kurgan State University.
 21. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://konstitucija.ru/1993/15/> (Accessed: 23.05.2021).
 22. Russian Federation. (2021) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Family Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9015517> (Accessed: 20.02.2021).
 23. Russian Federation. (2021) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Labor Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901807664> (Accessed: 20.02.2021).
 24. Russian Federation. (2021) *Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Housing Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901919946> (Accessed: 20.02.2021).
 25. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 1. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9027690> (Accessed: 20.02.2021).
 26. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 2. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9027703> (Accessed: 20.02.2021).
 27. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 3. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901799839> (Accessed: 20.02.2021).
 28. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 4. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/> (Accessed: 20.02.2021).
 29. Russian Federation. (2021) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (Accessed: 20.02.2021).
 30. Russian Federation. (2021) *Grazhdansko-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Code of Civil Procedure of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901832805> (Accessed: 20.02.2021).

31. Russian Federation. (2021) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901802257> (Accessed: 20.02.2021).
32. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema Rossiyskoy Federatsii "Pravosudie" [Justice. State Automated System of the Russian Federation]. (n.d.) [Online] Available from: <https://sudrf.ru> (Accessed: 21.12.2020).
33. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: ITDGK "Gnozis".
34. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd: Peremena.
35. Kashkin, V.B. (2016) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to Communication Theory]. Moscow: FLINTA.
36. Dubrovskaya, T.V. (2010) *Sudebnyy diskurs: rechevoe povedenie sud'i* [Judicial discourse: speech behavior of a judge]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
37. Mal'tseva, V.A. (2011) *Strategii rechevogo vozdeystviya v professional'noy kommunikatsii (na primere yuridicheskogo diskursa)* [Strategies of speech influence in professional communication (on the example of legal discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
38. Khramtsova, N.G. (2012) *Diskurs-pravovoy analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-Legal Analysis: From theory to practice of application]. Kurgan: Kurgan State University.
39. Tubalova, I.V. & Nazemtseva, M.A. (2020) Interpretatsiya markerov svobody v slavyanskih yazykakh i v diskurse slavyanskogo pravovogo dokumenta [Interpretation of markers of freedom in the Slavic languages and in the discourse of the Slavic legal document]. *Rusin.* 62. pp. 159–175.
40. Nazemtseva, M.A. (2017) [Conceptualization of "freedom" in the text of the Constitution of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the IV (XVIII) International Conference. Vol. 18-1. Tomsk. 20–22 April 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp. 36–39. (In Russian).
41. Nazemtseva, M.A. (2018) [The specifics of the conceptual organization of the Constitution and the code as nuclear genres of legal discourse]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the V (XIX) International Conference. Vol. 19-1. Tomsk. 19–21 April 2018. Tomsk: STT. pp. 79–80. (In Russian).
42. Nazemtseva, M.A. (2020) [Means of implementing the concept of freedom in the protocol of the court session as a non-legislative legal document]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the VI (XX) International Conference. Tomsk. 18–19 April 2019. Tomsk: STT. pp. 24–26. (In Russian).
43. Nazemtseva, M.A. (2020) [Features of the interpretation of freedom in the genres of a sentence and a court decision]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the VII (XXI) International Conference. Vol. 21. Tomsk. 16–18 April 2020. Tomsk: Tomsk State University. pp. 35–41. (In Russian).
44. Nazemtseva, M.A. (2020) Osobennosti interpretatsii svobody v kodekse kak yadernom zhanre pravovogo diskursa [Features of the interpretation of freedom in the code as a nuclear genre of legal discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 2 (208). pp. 37–48.
45. Nazemtseva, M.A. (2020) Specifics of interpretation of freedom in the constitution as a nuclear genre of legal document discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universi-*

teta – Tomsk State University Journal. 452. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/3

46. Nazemtseva, M.A. (2021) Kontsept svoboda v prigovore i reshenii suda v ego obuslovленности diskursivno-zhanrovoy spetsifikoy [The concept of freedom in the verdict and the decision of the court in its conditionality of discursive-genre specifics]. *Kazanskaya nauka.* 8. pp. 22–24.

47. Zaytseva, I.D. (2010) Diskursivnye osobennosti tekstov yuridicheskikh dokumentov (obshchaya kharakteristika) [Discursive features of the texts of legal documents (general characteristics)]. *Yurislingvistika.* 10. pp. 36–40.

48. Vezhbitskaya, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

49. Egorova, O.S. & Kirillova, O.A. (2012) “Svoboda” i “volya” kak klyuchevye kontsepty russkoy kul’tury [“Freedom” and “will” as key concepts of Russian culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik.* 4. pp. 161–167.

50. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Akademiya.

51. Ardasheva, T.G. (2012) *Lingvokognitivnyy analiz kontsepta “Svoboda” (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo jazykov)* [Linguistic and cognitive analysis of the concept “Freedom” (based on Russian, English and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.

52. Ardasheva, T.G. & Merzlyakova, A.Kh. (2011) Verbalizatsiya kontsepta svoboda v yuridicheskikh tekstakh [Verbalization of the concept of freedom in legal texts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”.* 2. pp. 13–18.

53. Bazylev, V.N. (2001) [Separate concepts of Russian culture: svoboda-volya]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. Proceedings of the 3rd International Conference. Pt. 3. Tambov. 16–18 May 2001. Tambov: Tambov State University. pp. 125–126. (In Russian).

54. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (based on Russian grammar)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

55. Kirillova, O.A. (2010) *Yazykovaya reprezentatsiya lingvokul'turnogo kontsepta “svoboda” v media-diskurse* [Linguistic representation of the linguocultural concept “freedom” in the media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.

56. Lisitsyn, A.G. (1996) *Analiz kontsepta svoboda-volya-vol'nost' v russkom jazyke* [Analysis of the concept of svoboda-volya-vol'nost' in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

57. Solokhina, A.S. (2004) *Kontsept “svoboda” v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [The concept of “freedom” in English and Russian linguocultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

58. Solokhina, A.S. (2005) Svoboda [Freedom]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (ed.) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 222–246.

59. Uryson, E.V. (2004) Svoboda, volya [Freedom, will]. In: Apresyan, V.Yu. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh. pp. 1003–1007.

60. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funktsionirovaniye i razvitiye kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy jazykovoy kartine mira: na materiale khudozhestvennykh tekstov* [Functioning and development of the concepts of freedom, power and challenge in the Russian language picture of the world: based on the material of literary texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

61. Sorokin, V.V. (2008) *Teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo perioda* [The Theory of State and Law of the Transitional Period]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

62. Arutyunova, N.D. (2003) *Volya i svoboda* [Will and freedom]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka* [Logical Analysis of Language]. Moscow: Indrik. pp. 73–99.
63. Borisov, A.B. (2010) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Big Legal Dictionary]. Moscow: Knizhnyy mir.
64. Kataeva, N.M. (2004) *Russkiy kontsept volya: ot slovarya k tekstu* [Russian concept volya: from the dictionary to the text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
65. Maksimov, S.I. (2016) *Kontseptsiya pravovoy real'nosti* [The concept of legal reality]. In: Chestnov, L.I. (ed.) *Postklassicheskaya ontologiya prava* [Postclassical Ontology of Law]. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 23–59.
66. Solov'ev, E.Yu. (1990) *Ot obyazannosti k prizvaniyu, ot prizvaniya k pravu* [From Duty to Vocation, from Vocation to Right]. Moscow: Nauka. pp. 48–55.

Информация об авторах:

Тубалова И.В. – д-р филол. наук, декан филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tina09@inbox.ru

Наземцева М.А. – канд. филол. наук, ассистент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tubalova, Dr. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

M.A. Nazemtseva, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mnazemtseva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2022;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 29.10.2022;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 07.06.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.131.1
doi: 10.17223/19986645/83/8

Образы сиенцев и флорентийцев в зеркале городской литературы XIV века

Марина Игоревна Дмитриева¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
m.dmitrieva@spbu.ru

Аннотация. Работа нацелена на изучение образов сиенцев и флорентийцев, отраженных в городской литературе XIV в. и рассматриваемых через призму взаимоотношений двух тосканских республик-соперниц Сиены и Флоренции в эпоху раннего Возрождения. Применен сопоставительный метод, опирающийся на историко-генетический подход к анализу литературных произведений. Исследовав сочинения разных видов, написанные на протяжении XIV в., автор делает выводы об особенностях городской литературы этих тосканских республик.

Ключевые слова: сиенцы, флорентийцы, городская литература, городские хроники, Донато Нери и его сын Нери, Данте, Боккаччо, Саккетти

Для цитирования: Дмитриева М.И. Образы сиенцев и флорентийцев в зеркале городской литературы XIV века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 144–161. doi: 10.17223/19986645/83/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/8

Images of the Sienese and the Florentines in the mirror of urban literature of the 14th century

Marina I. Dmitrieva¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
m.dmitrieva@spbu.ru

Abstract. The article studies the urban literature of Siena and Florence of the 14th century: historiography, poetry and novels. The aim of the study is to analyze the collective images of the Sienese and the Florentines reflected in the writings, viewed through the prism of the relationship between the two Tuscan republics in the early Renaissance. The article provides a semantic and conceptual analysis of writings of different types and genres of urban literature of the *Trecento*. The comparative method used in the study is based on a historical and genetic approach to the analysis of literary works. In the course of the research, the author analyzes the images of the

Sienese and the Florentines within the framework of two conventionally distinguished historical stages of the Tuscan republics: in the first and second halves of the 14th century. The author concludes that the starting point of the formation of images of compatriots and neighbors in the urban literature of the first half of the 14th century is the Battle of Montaperti (1260), which becomes the “peak” of civil success for the Sienese and at the same time a disgrace for the Florentines. The authors of the anonymous chronicles of Siena, the chronicles of Dino Compagni and Giovanni Villani “construct” images of compatriots and neighbors, bearing in mind Montaperti. At the same time, they create an image of an ideal city, in an environment of rivalry between republics; this leads to the appearance of images of good “us” and bad “neighbors”. The poetic works of Dante Alighieri and his antipode Cecco Angiolieri complement the mutual characteristics of rival neighbors. The epidemic of the Black Death in 1348 and the beginning of the “era of disasters” that followed it greatly influenced the authors of the second half of the 14th century. The chroniclers of Siena (Donato Neri and his son Neri, the author of *Cronica Maggiore*, Paolo di Tommaso Montauri) and Florence (Matteo and Filippo Villani) describe the events of urban history in more detail, complain about life and morals, but blame the “hard times”, not neighbors, for their troubles. However, they do not forget about Montaperti (Paolo di Tommaso Montauri transfers to his chronicle a detailed description of the glorious victory, describing neighbors as enemies and traitors). Florentines Giovanni Boccaccio and Franco Sacchetti, continuing the tradition of condemning the “vanity” of the Sienese laid down by Dante, in their novels finally transform the images of the Sienese and the Florentines in line with the comic tradition. The simple-minded, silly Sienese and the witty, resourceful Florentine are often found in Florentine literature of the 15th and 16th centuries (for example, in the “Novella about Sienza” by Luigi Pulci or in the “Conversations about Love” by Agnolo Firenzuola). At the same time, the novella genre in Siena is also flourishing: Gentile Sermini, Pietro Fortini and Scipione Bargagli continue this centuries-old dialogue with the Florentines.

Keywords: Sienese, Florentines, urban literature, urban chronicles, Donato Neri and his son Neri, Dante, Boccaccio, Sacchetti

For citation: Dmitrieva, M.I. (2023) Images of the Sienese and the Florentines in the mirror of urban literature of the 14th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 144–161. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/8

В XIV в. отношения двух крупных тосканских республик-соперниц Сиены и Флоренции¹, охватывавшие важнейшие сферы их жизни, отражались в общественном сознании их граждан, их политической психологии и идеологии, что, в свою очередь, хорошо демонстрирует городская литература Тречento.

¹ В XII–XIII вв. на территории Северной и Средней Италии существовало множество городов, боровшихся со своими феодальными синьорами (коммунальное движение), а затем отвоевывавших собственное жизненное пространство (становление городов-государств). В этой борьбе они пользовались поддержкой императора (габеллины) или римского папы (гвельфы), поэтому соперничавшие Флоренция и Сиена «встали» под знамена гвельфов и габеллинов соответственно. Внутри республик также шла борьба между представителями знати – нобилями (габеллинами) и торгово-ремесленным населением – пополанами (гвельфами). В период ранних коммун противоречия республик-соперниц носили преимущественно политический и территориальный характер, выражаясь в борьбе флорентийских гвельфов против сиенских габеллинов.

Спецификой итальянской городской литературы в изучаемый период является сочетание традиционных и новых элементов, связанных с наполнением светским содержанием прежних, типично средневековых литературных жанров, а также с появлением новых жанров, связанных с развитием гуманизма. Это действие традиции и в то же время влияние новых идей гуманизма порождают сложность и неоднозначность образов, в частности образа Флоренции, на страницах сочинений «трех флорентийских венцов» итальянской литературы эпохи Тречento – Данте, Петрарки и Боккаччо [1]. Наиболее репрезентативными с точки зрения изучения образов сиенцев и флорентийцев, проблем «городского сознания» в целом и особенностей менталитета пополанов¹ [2] представляются сиенские и флорентийские городские хроники XIV в., а также произведения художественной литературы данного периода.

Городские хроники Сиены и Флоренции, дающие представление об особенностях менталитета их авторов-пополанов, содержат их суждения о соотечественниках и соседях и поэтому важны для изучения данной проблемы. Самые ранние из сохранившихся хроник относятся к первой половине XIV в.: две сиенские анонимные хроники² [3, 4]; флорентийские хроники Дино Компани³ [5, 6] и Джованни Виллани⁴ [7, 8]. Городские хроники этого времени демонстрируют черты «нового» и «традиционного».

¹ Пополаны (от итал. *popolo* – народ) – торгово-ремесленная прослойка жителей итальянских городов. В Сиене и Флоренции в конце XIII века они окончательно отстраняют нобилей (от итал. *nobile* – представитель городской аристократии) от власти и берут ее в свои руки. Первым народным правительством в Сиене стало правительство богатых пополанов Девяти Синьоров (1287–1355), во Флоренции – Приорат, руководящую роль в котором играли «жирные» пополаны – члены старших цехов.

² Автор первой анонимной хроники [3], охватывающей историю Сиены с начала XIII до конца XIV в. (до 1332 г. записи регулярны и подробны, затем – с перерывами доходят до 1362 г.), демонстрирует сильные гражданские и патриотические чувства: он относит себя к пополанам города – «нашим великим сиенцам». События второй половины XIV в. описаны очень кратко, рукой другого анонима, который, по-видимому, разделил хронику на главы, подражая Джованни Виллани. Автор второй анонимной хроники [4], сохранившейся во фрагменте, описывает историю города с 1313 по 1320 г., – пополан и сиенец. Эта хроника считается самой ранней из сохранившихся городских хроник Сиены.

³ Дино Компани (ок. 1255/60–1324) – «воинствующий пополан», активный участник политической жизни Флоренции, неоднократно избирался консулом своего цеха, дважды был приором и один раз – gonfalonьером справедливости. После прихода к власти черных гвельфов он не был (в отличие от Данте) изгнан из Флоренции, но навсегда отошел от политики. Свою «Хронику событий, случавшихся в наши времена» Компани написал около 1310–1312 гг. Сочинение Компани исследовано на итальянском языке [5] и в русском переводе М.А. Юсима [6].

⁴ Джованни Виллани (ок. 1260–1348) – пополан, представитель семьи флорентийских торговцев, принимавший активное участие в экономической и политической жизни Флоренции. Свою «Новую хронику» он написал между 1310 и 1348 г., став самым знаменитым из итальянских городских хронистов XIV в. В 1348 г. умер во время эпидемии чумы, так называемой Черной смерти, охватившей западноевропейские города в 1348–1352 гг. Хроника Виллани изучена на языке оригинала [7] и в русском переводе М.А. Юсима [8].

Из «нового» следует отметить язык – вольгаре, пополанское происхождение и гвельфскую ориентацию авторов, а также светский характер самих сочинений, из «традиционного» – форму повествования и принцип организации материала. Типично средневековой можно назвать и систему представлений авторов, в которой доминирует принцип Божественного всевластия, определяющий ход исторических событий, а также общественный идеал, вписывающийся в рамки представлений авторов хроник о «добром» и «дурном» городе.

Более поздние хроники, написанные во второй половине XIV в. (сиенская хроника Донато Нери и его сына Нери¹ [9], продолжение флорентийской хроники Виллани² [7]) и в XV в. (сиенские Большая хроника³ [10] и хроника Паоло ди Томмазо Монтаури⁴ [11] – компиляции, описывающие события XIV в.), заметно отличаются от подобных сочинений первой половины XIV столетия: хотя их авторы продолжают рассматривать мир через призму «доброго» / «дурного», но их представления об обществе значительно усложняются. Огромное психологическое воздействие на этих хронистов оказали Черная смерть 1348 г. и последующие эпидемии чумы, голод и набеги кондотьеров во второй половине XIV в. Авторы этого времени начали делиться более подробными и эмоциональными описаниями событий, вступать в диалог с читателями и включать в свои хроники прямую речь. В то же время они стали больше внимания уделять местным проблемам: историописание этого времени как бы «замкнулось» внутри городов.

¹ Авторы хроники Донато Нери и его сына Нери [9] были пополанами среднего достатка, состояли в цехе старьевщиков – одном из самых богатых и почетных цехов Сиены, принадлежали к политической группировке «додичини»: Донато Нери (отец) в марте–апреле 1363 г. был членом народного правительства Двенадцати (1355–1368), пришедшего на смену правительству Девяти. В 1370 г. при правительстве Реформаторов (1368–1385) он был присужден к уплате штрафа в 100 флоринов [9. Р. 634], вероятно, за свою принадлежность к партии «додичини»; Нери Донато (сын) оказывался в аналогичной ситуации дважды в 1372 г. [9. Р. 645, 649]. Хронисты описывают события сиенской истории с середины до начала 80-х гг. XIV в.

² После смерти Джованни Виллани хронику дописывали его брат Маттео Виллани (ок. 1290–1363), продолжавший ее до года своей смерти, и племянник Филиппо Виллани (ок. 1325 – ок. 1405), который довел изложение до 1364 г. [7].

³ Большая хроника [10] – самая объемистая и подробная из всех сиенских хроник, описывающих события первой половины XIV в. Хроника условно приписывается Аньоло ди Тура дель Грассо – чулочнику, который дважды (в 1329 и 1355 гг.) принимал участие в городском управлении (его имя упоминается в связи с сообщением о Черной смерти 1348 г. [10. Р. 555]. Она была составлена в начале XV в. на основе дневников, хроник и других документов XIV в.

⁴ Хроника, условно приписываемая Паоло ди Томмазо Монтаури [11], – наиболее поздняя из изучаемых сиенских хроник: условно датируется второй половиной XV в. Опубликованные части (большая часть хроники, описывающая события XIV в., – не оригинальна) включают два больших фрагмента: с 1170 по 1315 г. [11. Р. 180–252] и с 1381 по 1432 г. [11. Р. 689–835].

Из произведений художественной литературы в работе исследована «Божественная комедия» великого флорентийского поэта и мыслителя Данте Алигьери [12, 13]¹, отличающаяся сочетанием традиционного и нового: в ее основе – традиционная тематика и построение, ее характеризует типично средневековое восприятие мира (образы «доброго» и «дурного» города, грешников и добродетельных граждан). В то же время сочинение Данте, вышедшего из школы «сладостного нового стиля» и «стоящего на пороге» создания новой гуманистической литературы, принадлежит уже эпохе Проторенессанса. К той же эпохе относится творчество своеобразного антипода великого флорентийца, его «коллеги» из Сиены Чекко Анджольери² [14, 15] – яркого представителя комической поэзии рубежа второй половины XIII – первых трех десятилетий XIV в., презиравшего философствование и писавшего стихи, в которых воспевались богатство и вполне земные радости. В работе исследуются также новеллы «Декамерона»³ [16, 17] флорентийца Джованни Боккаччо, написанные вскоре после Черной смерти 1348 г. и ознаменовавшие собой появление жанра гуманистической новеллы, в которых присутствуют яркие образы флорентийцев и сиенцев. Это сочинение вдохновляет писателя второй половины – конца XIV в., соотечественника Боккаччо Франко Саккетти, на создание «Трехсот новелл»⁴ [18, 19] – сборника, наполненного образами жителей разных итальянских городов, в том числе представителей обеих тосканских республик. Флорентийские писатели создают образы соотечественников и соседей, расставляя новые акценты в их восприятии.

Таким образом, в развитии городского историописания и художественной литературы Треченто можно условно выделить по крайней мере два больших этапа, охватывающих первую и вторую половины XIV в., поскольку авторы второй половины XIV – начала XV в. испытали сильное влияние Черной смерти 1348 г. и вызванных ею перемен.

¹ Подробнее об образах Флоренции в творчестве Данте и Боккаччо см. статью автора [1]. Поэма Данте исследована и цитируется ниже как в оригинале [12], так и в «классическом» русском переводе М.А. Лозинского [13].

² Чекко Анджольери (ок. 1260–1312) – сиенский поэт, которому приписывается более 100 сонетов. Происходил из семьи сиенских банкиров, известен как своеобразный символ поэтического направления городской комической поэзии. Сонеты Анджольери на итальянском языке исследованы в критическом издании начала XX в. [14], на русском языке – в переводе Г. Русакова [15].

³ Джованни Боккаччо (1313–1375) пишет «Декамерон» – свое самое известное и зрелое произведение, около 1352–1354 гг., т.е. по возвращении в родную Флоренцию из Неаполя, где он провел юношеские годы своей жизни и сформировался как писатель. В работе исследованы издания новелл на итальянском языке [16] и в переводе на русский язык [17].

⁴ Франко Саккетти (1332–1400) – «последний тречентист» среди флорентийских литераторов первого века Возрождения. В «Трехстах новеллах» он наделяет жителей многих итальянских городов забавными «местными» характеристиками, но особенно «выделяет» сиенцев. Новеллы изучены в оригинале [18] и в русском переводе [19].

Образы «сиенцев» и «флорентийцев» в городской литературе первой половины XIV в.

Обе тосканские республики в этот период находятся в числе наиболее экономически развитых городов Италии и Европы: в них развивается сукноделие, процветают торговля и банковское дело; в обеих у власти стоит торгово-ремесленная верхушка, состоящая из богатых пополанов-гвельфов, отстранившая от власти прежнюю дворянскую аристократию (нобилей) и утверждающая свои ценности и идеалы. Сиена придерживается единой линии с Флоренцией в своей «внешней» политике, а их противоречия затрагивают экономическую и культурную сферы. Ряд образов, созданных на страницах произведений городской литературы первой половины XIV в., является тому ярким свидетельством.

Авторы городских хроник Сиены и Флоренции описывают и более раннюю историю XIII в.; их отношение к событиям недавней истории – важный момент для понимания того, как складываются образы сиенцев и флорентийцев. Одним из самых ярких событий ранней коммунальной истории, описанным в хрониках первой половины XIV в., становится победа гибеллинской Сиены над войском гвельфской Флоренции и союзных ей городов в битве у подножия замка Монтеаперти (4 сентября 1260 г.) в Тоскане. Это событие описано в целом ряде произведений городской литературы, в том числе в сиенских: анонимной хронике [3] и хронике Паоло ди Томмазо Монтаури (в ее части, посвященной событиям ранней городской истории [11. Р. 180–252]). В описаниях битвы при Монтеаперти и ее итогов сиенские хронисты создают образы «своих» – сиенцев, и «чужих» – флорентийцев, способствуя, тем самым, формированию патриотического и гражданского сознания сограждан [20]. Так, сиенский аноним создает образ великодушного, благородного, сильного и отважного «сиенского народа» [3. Р. 50, 57, 60], противостоящего коварным врагам, «собакам» и злодеям – флорентийцам [3. Р. 51, 58]. Победа при Монтеаперти настолько прочно «входит» в историческую память сиенцев, что и в хронике Паоло ди Томмазо Монтаури, написанной в XV в., подробно и с гордостью рассказывается об этом событии. Автор хроники прославляет родной город [11. Р. 194–214] и ругает врагов-флорентийцев [11. Р. 201–202, 203, 208].

Для Флоренции поражение при Монтеаперти приобрело характер катастрофы, что также нашло отражение в городской литературе. Флорентиец Джованни Виллани в своей хронике обвинил в трагическом для соотечественников событии флорентийских изгнанников, укрывшихся в Сиене, а также самих «коварных» сиенцев, ведь именно сиенцы, по его мнению, заманили флорентийцев обещанием сдаться, а затем с помощью союзных рыцарей Манфреда полностью истребили флорентийское войско [8. С. 184–185]. Это событие увековечил в Песне десятой кантики «Ад» своей «Комедии» великий Данте Алигьери, вспоминая о страшной резне, из-за которой воды речки Арбии, протекавшей около замка Монтеаперти, окрасились в кровавый цвет:

“...E se tu mai nel dolce mondo regge,
dimmi: perché quel popolo è sì empio
incontr'a miei in ciascuna sua legge?”

Ond'io a lui: “Lo strazio e 'l grande scempio
che fece l'Arbia colorata in rosso,
tal orazion fa far nel nostro tempio [12. P. 40].

«...Но – в милый мир да обретешь возврат! –
Поведай мне: зачем без снисхожденья
Законы ваши всех моих клеймят?»

И я на это: «В память истребленья,
Окрасившего Арбию в багрец,
У нас во храме так творят моленья» [13. С. 53–54].

Своебразным реваншем за поражение при Монтеаперти для флорентийцев стала победа над сиенцами в битве у Колле ди Вальдельса (1269)¹, значение которой Джованни Виллани передал так: «Флорентийцы вернули в Сиену гвельфских изгнанников и выгнали гибеллинов и восстановили мир между двумя коммунами. Они стали союзницами и друзьями. И закончилась война между Флоренцией и Сиеной, длившаяся так долго» [7. Р. 126].

Хронисты обеих республик стремятся создать идеальный образ родного города. Сиенские хронисты описывают родную Сиену, ее новые сооружения, подчеркивают их красоту, с гордостью пишут о значительных средствах, необходимых для их возведения. Наиболее грандиозными из градостроительных проектов Сиены этого времени становятся сооружение новых городских стен и ворот, строительство и украшение дворца правительства Палаццо Пубблико и формирование архитектурного облика главной площади – Кампо, продолжение возведения Собора – Дуомо. Анонимный хронист, разрабатывая идею «доброго правления», сопоставляет правительство богатых купцов Девяти Синьоров (1287–1355) со знаменитыми аллегориями «Доброго правления и его плодов» Амброджо Лоренцетти в Палаццо Пубблико [3. Р. 78], что впоследствии способствовало рождению историографического мифа о «добром» правительстве Девяти и «золотом веке» Сиены в первой половине XIV столетия.

¹ После Монтеаперти гибеллины пришли к власти по всей Тоскане, однако их торжество было недолгим: в 1266 г., после битвы при Беневенто и поражения Манфреда Гогенштауфена Карлом Анжуйским, ситуация вновь изменилась в пользу Флоренции и гвельфов. Сиена продолжала придерживаться гибеллинов и после поражения и казни внука императора Фридриха II Гогенштауфена – Конрадина – в 1268 г. Переломным для нее стал следующий, 1269 год: после битвы при Колле ди Вальдельса Сиена перешла в лагерь гвельфов, к власти в ней пришло гвельфское правительство Тридцати шести синьоров (1270–1280).

Флорентийские хронисты тоже прославляют родную Флоренцию, используя похожую аргументацию. Джованни Виллани характеризует ее как «самое великое государство: первое по силе и моцти, так и по количеству жителей, с благородными нобилями и свободным народом» [7. Р. 82]. Раскол внутри партии гвельфов и начало борьбы между черными и белыми гвельфами во Флоренции он объясняет происками дьявола или волей рока, выявляя и главную их причину – могущество и влияние консортерий, оспаривающих власть друг друга [7. Р. 80–87]. Другой флорентиец, Дино Компани, в своей «Хронике событий, случавшихся в наши времена» тоже характеризует родной город в превосходных тонах: «Город Флоренция густо населен и расположен к многолюдству благодаря хорошему воздуху; горожане благонравны, а их жены очень красивы и нарядны. Здания прекрасны и приспособлены к всевозможным занятиям больше, чем прочие в прочих городах Италии» [5. Р. 5–6; 6. С. 45]. Впрочем, он проявляет реалистичность и в описании недостатков своих сограждан: «...граждане воинственны, горды и склонны к раздорам, падки на неправедную наживу; окрестные жители относятся к нам скорее с подозрением и страхом, чем дружелюбно, вследствие могущества нашего города» [5. Р. 7–8; 6. С. 45]. Начало борьбы группировок гвельфов он объясняет, подобно Виллани, гордыней, коварством и жаждой должностей [5. Р. 12; 6. С. 46].

Что касается соседей-сиенцев, то Компани несколько раз характеризует их как вероломных и коварных, настаивая на том, что жителям Сиены нельзя доверять. Так, например, описывая неудачи белых гвельфов в 1302–1303 гг., он пишет: «Гибеллины и Белые, которые укрылись в Сиене, побоялись там оставаться из-за одного пророчества, гласившего: “Волчица выставляет себя на продажу”: то есть Сиена, именуемая волчицей¹, иной раз открывает дорогу, иной раз препрятывает ее. Поэтому они решили уйти оттуда» [5. Р. 117; 6. С. 164]. Далее хронист описывает, как жители Сиены дали пройти через свой город белым гвельфам и гибеллином, следующим в Ареццо, и поясняет: «Сиенцы дали им пройти, потому что жители Сиены поддерживали добрососедские отношения с обеими сторонами; когда Белые усиливались, сиенцы объявляли их вне закона, но только на бумаге, и не причиняли им вреда; при этом они содействовали Черным в их рейдах и демонстрировали братские чувства. В одном из пророчеств о войнах в Тоскане на этот счет сказано: “Волчица выставляет себя на продажу” – под волчицей понимается Сиена» [5. Р. 129; 6. С. 179]. Поводом для новых обвинений сиенцев служат для Компани события похода в Италию Генриха VII Люксембурга²: «Сиена заигрывала со всеми, ибо на протяжении

¹ Волчица – традиционный символ Сиены. Согласно легенде, город был основан Сением и Аскием – сыновьями Рема, которые бежали в Тоскану от своего дяди, Ромула, убившего их отца. Близнецы были, подобно Ромулу и Рему, вскормлены волчицей, а на месте, где они укрывались, и был построен город, названный (по имени Сения) Сиеной.

² Генрих VII не поддерживал ни гибеллинов, ни гвельфов, находясь «выше» борьбы партий. Его миссию, как и саму идею империи, горячо поддержал Данте, в то время

всей войны не противодействовала флорентийцам, но и не закрывала проход перед их врагами» [5. Р. 198; 6. С. 263]. Так во флорентийских хрониках складывается образ «продажной» соседки, действующей исключительно в своих интересах.

Сиенские хронисты, напротив, «настаивают» на верности своим союзницам – Лукке и Флоренции [3. Р. 93] и на гвельфской ориентации города. По их сообщениям, Сиена не только не поддержала императора для ослабления соседки, но и послала Флоренции военную помощь, когда Генрих VII осадил ее в сентябре 1312 г. Аноним сообщает об этом так: флорентийцы отправили в Сиену посланцев с просьбой о помощи. Как только это посольство прибыло в Сиену, Девять Синьоров собрали совет, на котором было решено помочь Флоренции. Сиенцы тотчас собрали войско, состоявшее из 600 кавалеристов и 2 000 пехотинцев, которые «тем же утром отправились, а к вечеру уже прибыли во Флоренцию... и весь флорентийский народ, и женщины, и дети кричали: «Добро пожаловать, сиенцы! Теперь мы можем сказать, что, благодаря вам, освобождены из рук императора!» После этого сиенцам были переданы ключи от города и знамя партии гвельфов [3. Р. 95]. Далее аноним сообщает о кончине Генриха VII в Буонконвенто (1313) и активизации гибеллинов [3. Р. 99]. Об этом же свидетельствует автор другой сиенской анонимной хроники (1313–1320) [4. Р. 165]. Поздняя Большая хроника повествует об этом более подробно: смерть императора вызвала «скорбь немецких рыцарей, пизанцев и всех гибеллинов Тосканы и Ломбардии» и доставила радость флорентийцам, сиенцам, жителям Лукки и Пистойи, устроившим по этому поводу большой праздник. [10. Р. 335].

В художественной литературе этого периода самой известной характеристикой жителей Сиены становится их упоминание в Песне двадцать девятой кантики «Ад» «Божественной комедии» Данте, в которой поэт назвал их беспутным, «суетным» народом:

E io dissi al poeta: «Or fu già mai
gente sì vana come la sanese?
Certo non la francesca sì d'assai!» [12. Р. 122].

И я поэту: «Где еще найдется
Народ беспутней сиенцев? И самим
Французам с ними нелегко бороться!» [13. С. 149].

По-видимому, граждане и власти Сиены производили на флорентийца Данте впечатление легкомысленных транжир. Современный итальянский историк Франко Кардини считает, что определение “*vanità*”, данное сиенцам, имевшим славу транжир, выступает в сочинении Данте синонимом «легкомыслия» и «фриольности» [21. Р. 298]. Действительно, средства,

уже давно изгнанный из Флоренции. Из тосканских городов его сторонницей выступила только Пиза. Флоренция, Лукка и Сиена оказали ему активное сопротивление.

накопленные в процессе активной деятельности торгово-банковских компаний XIII столетия, правительство Девяти Синьоров активно тратило на строительство и украшение города, что могло раздражать потенциальных соперников сиенцев – флорентийцев. Впрочем, в «Комедии» присутствуют и трагические образы сиенцев: например, в Песне V «Чистилища» говорится о печальной судьбе Пии Толомеи – представительнице знаменитого сиенского рода, обвиненной в неверности и убитой собственным мужем [12. Р. 166; 13. Р. 203]. Следует отметить, что не только Сиена и сиенцы, но и родная для Данте Флоренция и его соотечественники – флорентийцы – выступают в «Божественной комедии» в двух видах: как «добрый город» прежних времен, не знавший стяжательства, погони за богатством и поисками приданого для дочерей, и как современный ему «дурной город», наполненный всяческими пороками и сравниваемый с больной дамой. Флорентийцы, «населяющие» разные круги Ада, дополняют образ Флоренции как «дурного города» [1. С. 166, 168–170].

Великому флорентийцу «оппонирует» сиенский поэт Чекко Анджольери, который весьма саркастически имитирует «сладостный новый стиль» [21. Р. 345], посвящая свои любовные сонеты дочери ремесленника Беккине, сильно «снижая» возвышенное любовное чувство, воспеваемое поэтами “dolce stil nuovo”. «В пику» им Анджольери прославляет три радости жизни: женщину, игру и таверну (Сонет LXXXVIII [14. Р. 47; 15]). Бывший некоторое время приятелем Данте, впоследствии – его недругом, Анджольери является автором как минимум трех сонетов, посвященных Данте (CXXIV, CXXV, CXXVI [14. Р. 65–66]), в одном из которых (Сонет CXXVI) отвечает Данте на его обвинения в паразитизме¹:

Dante Alighieri, s' i' so' bon begolardo,
tu mi tien bene la lancia a le reni;
s' eo desno con altrui, e tu vi ceni ;
s' eo mordo l' grasso, tu ne sug' il lardo;
s' eo cimo l' panno, tu vi fregh' il cardo
s' eo so' discorso, tu poco raffreni;
s' eo gentileggio, e tu misser t' aveni;
s' eo so' fatto romano, e tu lombardo... [14. Р. 66].

Я лгу и клянчу, Данте Алигьери
Но ты во всем со мною наравне:
Я прихлебатель – ты подобен мне.
Я жир жую – ты сало есть намерен.
Я гонорист – а ты высокомерен.
Я ткань крою – ты шерстобит в цене.
Я сквернослов – ты мне под стать вполне.

¹ Эти стихи Данте, содержащие обвинения в адрес Чекко, по-видимому, не сохранились.

Я в Рим подался – ты ломбардцам верен... [15].

Во многих своих стихах Аджольери, имевший плохие отношения с отцом-скупердяем и постоянно нуждавшийся в деньгах, сетует на нищету и даже «поет» своеобразную оду деньгам и богатству, как бы вновь оппонируя Данте:

Пусть родичей кто хочет воспевает,
Поет, кто их имеет, лишь флорины.
Они родню и брата, и кузину,
Отца и мать, и деток заменяют... [22. С. 125].

Олицетворяющий собой направление «комической» поэзии, Чекко Аджольери повествует о себе и вместо «...отвлеченно общих стилюнистических рассуждений о любви» предлагает «автобиографизм» как средство утверждения личного начала [23]. Подобно другому сиенцу – Фольгоре да Сан-Джиминьяно¹, рекомендовавшему в своих стихах жить приятно и беззаботно, он демонстрирует любовь сиенцев к праздникам и приятному времяпровождению [21. Р. 346]. Представляется, что подобная направленность сиенской поэзии также могла стать для Данте основанием для характеристики сиенцев как суетного, беспутного народа.

Образы «сиенцев» и «флорентийцев» в городской литературе второй половины XIV в.

После Черной смерти 1348 г. в Сиене начинается «эпоха бедствий»: ремесленное производство сокращается, купечество разоряется, банкиры не выдерживают конкуренции со стороны своих коллег из Флоренции и других городов, передел городской собственности ускоряет перемены в социально-политической сфере и складывание партийно-коалиционного принципа организации власти. Флоренция, несмотря на банкротство своих крупнейших банков, иноземное вмешательство и острые социальные конфликты, восстанавливает экономику и продолжает развиваться экономически и политически. Посыпая кондотьерские отряды, разоряющие контадо Сиены, она продолжает усугублять и без того тяжелое положение соседки, что в итоге приводит республики к открытому противостоянию в конце XIV – начале XV в.

Сиенский хронист Аньоло ди Тура дель Грассо, чье имя носит Большая хроника, сообщает трагический эпизод из своей личной истории: во время Черной смерти ему пришлось собственными руками похоронить пятерых своих сыновей [10. Р. 555]. Затем он подробно описывает поведение сограж-

¹ Фольгоре да Сан-Джиминьяно – уроженец небольшой коммуны, входившей в Сиенскую республику. Из других сиенских поэтов этого поколения можно отметить Биндо Боники – купца, члена Главного совета Сиенской коммуны (с 1299 по 1307 г.) и правительства Девяти в 1309–1318 гг., писавшего назидательные стихи [21. Р. 346].

дан во время эпидемии, сетуя на их безнравственность, ведь из-за боязни заразы они не только отказываются хоронить своих умерших родственников, но и покидают еще живых [10. Р. 555]. Об этом же свидетельствует флорентийский хронист Маттео Виллани, продолживший хронику после смерти от чумы своего брата Джованни [7. Р. 300–301].

Авторы главного нарративного источника по истории Сиены второй половины XIV в. – хроники Донато Нери и его сына Нери, хотя и описывают разные, в том числе и «внешние» события, но «нацелены» в первую очередь на обсуждение внутренних проблем Сиенской республики. Несмотря на сообщения о конфликтах с другими тосканскими городами, встречающиеся на ее страницах, в частности о кондотьерах, нанятых Флоренцией и разоряющих городскую округу Сиены, в замечаниях ее авторов уже нет прежнего «ожесточения» и браны в адрес Флоренции, характерной для ранних хронистов. Авторы хроники, скорее, сетуют на «времена и нравы»: например, после описания в 1372 г. хорошего урожая, обеспечившего город вином и зерном (после сильного голода 1370–1371 гг., ставшего причиной нескольких городских восстаний в Тоскане. – М.Д.), появляется едкое замечание о том, что «...стало изобилие всего необходимого для жизни, кроме любви, денег и искренней веры...» [9. Р. 648]. В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури, содержащей подробное и детальное описание битвы при Монтеаперти во фрагменте, посвященном ранней городской истории [11. Р. 180–252], последующие отношения между Сиеной и Флоренцией рассматриваются в контексте общей «тяжелой» обстановки (другой фрагмент этой хроники охватывает конец XIV – начало 30-х гг. XV в. [11. Р. 689–835]). Подробно описывая потрясения 1389 г., сопровождавшиеся войной, голодом и чумой Паоло ди Томмазо пишет: «...все военные отряды, приходившие в Сиену, были посланы флорентийцами <...>, и был величайший недостаток всего <...> в июле, августе, сентябре и октябре была великая смерть во всем мире. Умирали и старики, и молодые, и дети, и богатые, и бедные, не оставалось никого в доме, где это случалось, за один или два дня умирали сразу все...» [11. Р. 727–728]. В конце этого описания автор подводит итог: «Целый мир оказался потревоженным и разрушенным, отчего каждый говорил, что пришел конец света» [11. Р. 729].

Городская литература Флоренции во второй половине XIV в. становится еще более «полифоничной» и по жанрам, и по содержанию. Помимо городских хроник, в этот период активно развивается «купеческая литература» (дневники и «семейные» хроники), дидактические трактаты, продолжается развитие гуманистической литературы (в том числе гуманистической новеллы). Именно новелла становится тем основным жанром, в котором традиционное противостояние Сиены и Флоренции отражается в данный период наиболее ярко. Вместе с тем в «зеркале» новеллистики этого времени образы жителей обоих городов отражены только со стороны флорентийцев: лучшие образцы сиенской новеллистики появятся позже, в XV–XVI вв.

Итак, новеллы «Декамерона» Боккаччо содержат образы представителей обеих республик. Флорентийцы являются главными действующими

лицами многих новелл, в сочинении Боккаччо присутствуют и обобщенные образы соотечественников. Так, в предисловии к новеллам Флоренция до Черной смерти описывается как своего рода идеальный «добрый город» – «лучшая» и «славная», густонаселенная и богатая, застроенная дворцами и красивыми домами, а ее жители выступают как физически совершенные, красивые и богатые люди [17. С. 49–50]. «Добрый городом», противопоставленным «дурной» зачумленной Флоренции, выступает и общество прекрасных и остроумных девушек и юношей – рассказчиков новелл, это – также обобщенная характеристика «добрых» флорентийцев. Впрочем, Боккаччо сетует и на падение нравов жителей Флоренции, связанное с чумой, когда уцелевшие граждане из-за страха болезни и смерти утратили сострадание к близким и лишились милосердия [17. С. 45–48]. В то же время соседи – сиенцы – характеризуются в «Декамероне» как недалекие люди. Так, в Новелле Десятой Дня Седьмого «Декамерона» автор предваряет свой рассказ о любви двух друзей-сиенцев к одной женщине такими словами: «Скажу вам, что новелла, рассказанная Елизой, о куме и куме, и приурковатость сиенцев так сильно действуют на меня, дражайшие дамы, что побуждают меня, оставив проказы, устраиваемые дуракам-мужьям их умными женами, сообщить вам одну новеллу о кумовьях, которую... отчасти приятно будет послушать» [16. Р. 602; 17. С. 542–543]. Главным героем Новеллы Четвертой Дня Десятого выступает упоминавшийся выше сиенский поэт Чекко Анджольери, образ которого дает возможность высмеять и непочтительность по отношению к старшим родственникам, и стяжательство, и скопость, и коварство сиенцев [16. Р. 602; 17. С. 542–543].

Саккетти пишет свои «Триста новелл» [18, 19] в 1392–1395 гг., т.е. во время военного конфликта между Сиеной и Флоренцией, начавшегося из-за небольшой коммуны Монтепульчано, который разрастается и приводит на рубеже XIV–XV вв. к временной утрате Сиеной независимости и отчаянной борьбе Флоренции за свою свободу¹. Образы флорентийцев – представителей разных социальных слоев и профессий: торговцев, нотариусов, судей, философов и художников – чаще других встречаются в новеллах Саккетти. На их фоне особенно выделяются лучшие флорентийцы: поэты, художники и ученые. Саккетти описывает забавные и нравоучительные случаи, произошедшие со знаменитыми людьми: Данте Алигьери (Новелла VIII [18. Р. 21–23; 19. С. 119–121], Новелла XIV [18. Р. 301–303; 19. С. 180–182], Новелла XV [18. Р. 304; 19. С. 182–183]), Гвидо Кавалькан-

¹ В 1387 г. Флоренция, воспользовавшись восстанием в Монтепульчано, захватила его и другие сиенские земли. В ответ на это Сиена перешла на сторону противников Флоренции: в 1389 г. она заключила соглашение с Миланом, направленное против Флоренции, а в 1399 г. вошла в миланское государство Висконти. Вскоре после смерти Джан Галеаццо Висконти (1402) Сиена вышла из состава его государства, а Флоренция сохранила свободу и независимость. Республики вновь заключили между собой мир (1404). Сиене вплоть до конца XV в. удавалось сохранять независимость и демократическую систему управления «под боком» могущественной соседки, которая с 1434 г. стала сињорией под властью Медичи.

ти (Новелла LXVIII [18. Р. 174–175; 19. С. 153–154]), Джотто (Новелла LXIII [18. Р. 161–163]; Новелла LXXV [18. Р. 192–193; 19. С. 154–155]). Образы знаменитых людей Флоренции отличаются благородством и остроумием: персонажи с честью выходят из разных житейских ситуаций. Несколько новелл посвящено уму и изобретательности флорентийских женщин, например «О том, как флорентийские женщины, не изучив и не усвоив законов, но просто нося свои наряды, победили и посрамили собственными законами некоего доктора права» (Новелла CXXXVII [18. Р. 359–361; 19. С. 194–195]). Знаменитые люди, младшие современники Саккетти, как и в «Декамероне» Бокаччо, составляют своеобразное сообщество интеллектуалов.

«Олицетворением» жителей Сиены в новеллах Саккетти выступает простодушный и косноязычный Альберто да Сиена, который является главным действующим лицом нескольких новелл. Альберто плохо разбирается в вопросах веры и поэтому становится объектом «розыгрыша» мессера Гуччо Толомеи и инквизитора, в шутку обвинивших его в ереси (Новелла XI [18. Р. 28–31; 19. С. 121–123]). Он постоянно попадает в разные нелепые ситуации (Новелла XII [18. Р. 32–33]). Альберто участвует в неудачном для Сиены бою и озабочен только собственной безопасностью и возможностью наживы (Новелла XIII [18. Р. 34–35; 19. С. 123–124]). Он настолько ценит земные радости, что, обманывая отца, долгое время имеет связь с собственной мачехой (Новелла XIV [18. Р. 36–37; 19. С. 125–126]). Образ беспутного, глуповатого сиенца дополняет несколько новелл с участием других действующих лиц. Одна из них повествует о молодом сиенце, не последовавшем трем мудрым советам отца и только впоследствии осознавшем плоды своего неразумного поведения (Новелла XVI [18. Р. 41–45; 19. С. 128–131]); другая посвящена «лучшему» сиенскому оратору, который черпает свое красноречие лишь в изрядном количестве выпитого вина и которого городские власти именно поэтому отправляют послом к папе (Новелла XXX [18. Р. 78–79]). Три новеллы затрагивают тему «традиционной» сиенской простоты (Новелла XXXIX [18. Р. 109–110], Новелла LXXX [18. Р. 205–206], Новелла LXXXI [18. Р. 207–208]). Еще одна посвящена сиенскому живописцу Мино, одураченному и избитому собственной женой (Новелла LXXXIV [18. Р. 217–223; 19. С. 158–163]); другая повествует о забавных предрассудках одного благородного сиенца (Новелла CCXVII [18. Р. 666–668]).

Сложившийся в конце XIV в. во флорентийской литературе образ сиенца не теряет своей актуальности и в последующие XV–XVI вв. Ярким примером «живучести» образа простодушного сиенца станет «Новелла о сиенце» Луиджи Пульчи [24. С. 105–109], его воспроизведет в своих «Беседах о любви» Аньоло Фиренцуола, который расскажет об остроумном ответе одной флорентийской синьоры сиенскому юноше, решившему посмеяться над ее родным городом (Новелла VI) [19. С. 383]. В Сиене жанр новеллы переживет свой расцвет в XV–XVI вв. в сочинениях Джентиле Сермини, Пьетро Фортини и Шипионе Баргальи, которые продолжат этот многовековой спор с флорентийцами.

Заключение

Таким образом, анализ текстов городских хроник, а также произведений художественной литературы XIV в. позволяет выявить и сопоставить коллективные образы «флорентийцев» и «сиенцев», сконструированные их авторами, судить об изменениях в восприятии горожанами своих соседей на протяжении всего изучаемого периода и сделать следующие выводы.

Во-первых, одним из ключевых пунктов «сборки» городского политического сознания жителей обоих городов стали события битвы при Монтеаперти 1260 г., увековеченные поэмой Данте Алигьери и вошедшие в городские хроники обеих республик. Исход битвы при Монтеаперти оказал значительное влияние на последующее взаимное восприятие граждан Сиены и Флоренции. Авторы городских хроник первой половины XIV в. Сиены и Флоренции используют историю Монтеаперти, чтобы «нарисовать» образы «своих» – добрых, справедливых и доблестных, и «противников» – дурных, коварных и вероломных, поскольку и сами городские хроники этого времени являются одним из инструментов политической борьбы городов, отвоевывающих собственное жизненное пространство. В этой борьбе Сиены и Флоренции за территорию, а их пополанского населения – за власть, формируется городская идентичность сиенцев и флорентийцев.

Во-вторых, сиенские хронисты – пополаны и гвельфы – говорят о флорентийцах как о врагах применительно к битве при Монтеаперти, но при описании дальнейших «внешних» событий уже почти не используют подобную риторику, сообщая о событиях нейтрально или представляя себя в качестве верных союзников флорентийцев. В то же время флорентийские хронисты, описывая те же события, продолжают настаивать на существовании хороших «своих» и плохих «чужих». Использование подобной риторики помогает им создавать миф о своей родине как самом лучшем городе. Сиенские хронисты достигают этого эффекта, описывая богатство и красоту родного города, «доброе» правительство Девяти Синьоров, управляющее им. Наибольшую объективность в этом плане демонстрирует Дино Компани, который обозначает как хорошие, так и дурные качества флорентийцев. Подобным образом поступает в своей поэме и Данте Алигьери, описывающий персоны знаменитых флорентийцев, населяющих круги Ада, и осуждающий кровопролитие при Монтеаперти. «Рисуя» образ сиенцев как «суетного народа», он выступает противником выставления напоказ богатства и мотовства и – особенно – «воспевания» подобного образа жизни, как это делает его современник из Сиены Чекко Анджольери.

В-третьих, после Черной смерти 1348 г., в обстановке «эпохи бедствий», соперничество Сиены и Флоренции продолжается: обострение социально-политической обстановки внутри коммун сопровождается новыми «витками» их политического и военного противостояния. Авторы городских хроник второй половины XIV – начала XV в. (сиенских – хроники Донато Нери и его сына Нери, Большой хроники и хроники Паоло ди Томмазо Монтаури, и флорентийской хроники Маттео и Филиппо Вилла-

ни) при всей своей эмоциональности склонны обвинять в собственных бедах не соседей, а наступившие времена. Хронисты оценивают «внешнеполитические» события этого периода, исходя из наличия или отсутствия союзных отношений между республиками, гораздо больше их волнуют внутренние проблемы собственных республик.

В-четвертых, в художественной литературе Флоренции второй половины XIV в., представленной в этот период флорентийцами Боккаччо и Саккетти, противопоставление умных и благородных флорентийцев беспутным и недалеким сиенцам продолжается. Традиция изображения сиенцев, идущая от Данте, в «Декамероне» Боккаччо приобретает отчетливо комический оттенок. В том же направлении продолжает развивать образ соседей его младший современник Франко Саккетти. К концу XIV в. новеллистика Флоренции окончательно формирует образы простодушного, глуповатого сиенца и остроумного, находчивого флорентийца, которые будут характерны и для флорентийской городской литературы последующих XV–XVI столетий.

Список источников

1. Дмитриева М.И. Между традицией и новациями: образ Флоренции в городской литературе Треченто // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 164–176.
2. Дмитриева М.И. Городские хроники Сиены XIV века как источники по изучению представлений пополанов об обществе и власти // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 3. С. 37–43.
3. *Cronaca senese dall anno 1202 al 1362 con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della metà del secolo XIV* // *Rerum Italicarum Scriptores*. Bologna, 1937. T. 15, pt. 6. P. 42–162.
4. *Frammento di cronaca di autore anonimo (1313–1320)* // *Rerum Italicarum Scriptores*. Bologna, 1937. T. 15, pt. 6. P. 163–172.
5. *La Cronica di Dino Compagni delle cose occidentali ne’ tempi suoi / per cura di Isidoro del Lungo*. Firenze : Successori le monnier, 1911. P. 1–210.
6. Компаны Д. Хроника событий, случившихся в его время / пер. с ит., статья, прим. М.А. Юсима. М. : Канон + РОИИ «Реабилитация», 2015. С. 43–276.
7. *Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo / a cura di G. Aquilecchia*. Torino : Einaudi, 1979. XXXIV, 346 р.
8. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции / пер., статья, примеч. М.А. Юсима. М. : Наука, 1997. 551 с.
9. *Cronaca senese di Donato Neri e di suo figlio Neri* // *Rerum Italicarum Scriptores*. Bologna, 1937. T. 15, pt. 6. P. 569–685.
10. *Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura dell Grasso detta la Cronica Maggiore* // *Rerum Italicarum Scriptores*. Bologna, 1937. T. 15, pt. 6. P. 253–564.
11. *Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri* // *Rerum Italicarum Scriptores*. Bologna, 1937. T. 15, pt. 6. P. 180–252; 689–835.
12. *Dante Alighieri. Commedia / a cura di G. Petrocchi : 3 vols.* Milano : Mondadori, 1966–1967. 451 р.
13. *Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с ит. и comment. М.А. Лозинского*. М. : Интерпракс, 1992. 624 с.

14. *Angiolieri Cecco*. I sonetti / a cura di A.F. Massera. Bologna : Zanichelli, 1906. IX, 212 p.
15. *Анджольери Чекко*. Сонеты / пер. с ит. Г. Русакова // Новый мир. 2009. № 12. С. 144–147.
16. *Boccaccio G*. Decameron / a cura di V. Branca. Torino : Utet, 1956. 889 p.
17. *Боккаччо Дж*. Декамерон / пер. с ит. А.Н. Веселовского. СПб. : Азбука классика, 2004. 800 с.
18. *Sacchetti F*. Il Trecentonovelle / a cura di E. Faccioli. Torino : Einaudi, 1970. 765 p.
19. *Итальянская новелла Возрождения* / сост. А. Эфрос. М. : ГИХЛ, 1957. 669 с.
20. *Дмитриева М.И.* Сцена и сцены в описании флорентийских авторов XIV–XV вв. // «Свое» и «чужое» в культуре : материалы XI Междунар. науч. конф., Петрозаводск, 22–24 июня 2017 г. / отв. ред. Н.Г. Урванцева. Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 2017. С. 178–179.
21. *Cardini F*. L'argento e i sogni: cultura, immarinaro, orizzonti mentali // Banchieri e mercanti di Siena. Roma, 1987. Р. 291–378.
22. *Гуковский М.А.* Итальянское возрождение. 2-е изд. / под ред. А.Н. Немилова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 618 с.
23. *Топорова А.В.* Комическая поэзия // История литературы Италии : в 4 т. Т. 1, гл. VI. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-literatury-italii-t1/komicheskaya-poeziya.htm> (дата обращения: 21.06.2022).
24. *Европейская новелла Возрождения* / сост. Н. Балашов, А. Михайлов, Р. Хлодовский. М. : Худож. лит., 1974. 656 с.

References

1. Dmitrieva, M.I. (2018) Between tradition and innovation: the image of Florence in the urban literature of the Trecento. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 164–176. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/55/11
2. Dmitrieva, M.I. (2018) Gorodskie khroniki Sieny XIV veka kak istochniki po izucheniyu predstavleniy popolanov ob obshchestve i vlasti [City chronicles of Siena of the 14th century as sources for the study of the popolans' ideas about society and power]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 37–43.
3. Muratori, L.A. (ed.) (1937) *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. 15. Pt. 6. Bologna: Nicola Zanichelli. pp. 42–162.
4. Muratori, L.A. (ed.) (1937) *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. 15. Pt. 6. Bologna: Nicola Zanichelli. pp. 163–172.
5. Del Lungo, I. (ed.) (1911) *La Cronica di Dino Compagni delle cose occidenti ne' tempi suoi*. Firenze: Successori le monnier. pp. 1–210.
6. Compagni, D. (2015) *Khronika sobytiy, sluchivshikhsya v ego vremya* [Chronicle of Events That Happened in his Time]. Translated from Italian by M.A. Yusima. Moscow: Kanon + POI “Reabilitatsiya”. pp. 43–276.
7. Villani, G. (1979) *Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo*. Torino: Einaudi.
8. Villani, G. (1997) *Novaya khronika ili istoriya Florentsii* [New Chronicle or History of Florence]. Translated from Italian by M.A. Yusima. Moscow: Nauka.
9. Muratori, L.A. (ed.) (1937) *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. 15. Pt. 6. Bologna: Nicola Zanichelli. pp. 569–685.
10. Muratori, L.A. (ed.) (1937) *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. 15. Pt. 6. Bologna: Nicola Zanichelli. pp. 253–564.
11. Muratori, L.A. (ed.) (1937) *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. 15. Pt. 6. Bologna: Nicola Zanichelli. pp. 180–252; 689–835.
12. Dante, A. (1966–1967) *Commedia*. Milano: Mondadori.

13. Dante, A. (1992) *Bozhestvennaya komediya* [Divine Comedy]. Translated from Italian by M.A. Lozinsky. Moscow: Interpraks.
14. Angiolieri, C. (1906) *I sonetti*. Bologna: Zanichelli.
15. Angiolieri, C. (2009) Sonety [Sonnets]. Translated from Italian by G. Rusakov. *Novyy mir*. 12. pp. 144–147.
16. Boccaccio, G. (1956) *Decameron*. Torino: Utet.
17. Giovanni, B. (2004) *Decameron*. Translated from Italian by A.N. Veselovsky. Saint Petersburg: Azbuka klassika.
18. Sacchetti, F. (1970) *Il Trecentonovelle*. Torino: Einaudi.
19. Efros, A. (ed.) (1957) *Ital'yanskaya novella Vozrozhdeniya* [Italian Novella of the Renaissance]. Moscow: GIKhL.
20. Dmitrieva, M.I. (2017) [Siena and the Sienese as described by Florentine authors of the 14th–15th centuries]. “*Svoe*” i “*chuzhoe*” v *kul'ture* [“Own” and “Foreign” in Culture]. Proceedings of the 11th International Conference. Petrozavodsk. 22–24 June 2017. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 178–179. (In Russian).
21. Sardini, F. (1987) L'argento e i sogni: cultura, imminario, orizzonti mentali. In: Cipolla, C.M. (ed.) *Banchieri e mercanti di Siena*. Roma: de Luca. pp. 291–378.
22. Gukovskiy, M.A. (1990) *Ital'yanskoe vozrozhdenie* [Italian Renaissance]. 2nd ed. Leningrad: Leningrad State University.
23. Toporova, A.V. (2000) Komiceskaya poeziya [Comic poetry]. In: Andreev, M.L. & Khlodovsky, R.I. (eds) *Istoriya literatury Italii* [History of Italian literature] Vol. 1. Pt. 6. [Online] Available from: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-literatury-italii-t1/komiceskaya-poeziya.htm> (Accessed: 21.06.2022).
24. Balashov, N., Mikhaylov, A. & Khlodovsky, R. (eds) (1974) *Evropeyskaya novella Vozrozhdeniya* [European Novel of the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе:

Дмитриева М.И. – канд. истор. наук, доцент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.I. Dmitrieva, Cand. Sci. (History), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022;
одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 07.06.2023.

The article was submitted 10.08.2022;
approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 07.06.2023.

Научная статья
УДК 82.01/.09
doi: 10.17223/19986645/83/9

Жё-парти Тибо Шампанского и Адама де ла Аля: от любовной метафорики к метафорике экономической

Наталья Михайловна Долгорукова¹, Александра Алексеевна Любавина²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹ natalia.dolgorukova@gmail.com

² lyubavinaalesya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена средневековым старофранцузским стихотворным дебатам – жё-парти. На примере споров двух самых популярных труверов XIII в. – Тибо Шампанского и Адама де ла Аля – выявляются специфические черты и условности этого жанра. В центре рассмотрения оказываются экономические метафоры, которые приходят на смену метафорам любовным. Анализируя новую метафорику, авторы статьи выявляют в жё-парти пародийные черты, высмеивающие и прозаизирующие куртуазную концепцию любви *fin'amors*.

Ключевые слова: Тибо Шампансский, Адам де ла Аль, труверы, *fin'amors*, *jeux-partis*, средневековая пародия, игровая поэзия, средневековые дебаты

Благодарности: Публикация подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 гг., проект № 22-00-067.

Для цитирования: Долгорукова Н.М., Любавина А.А. Жё-парти Тибо Шампанского и Адама де ла Аля: от любовной метафорики к метафорике экономической // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 162–177. doi: 10.17223/19986645/83/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/9

The jeux-partis of Theobald IV of Champagne and Adam de la Halle: From love metaphor to economic metaphor

Natalia M. Dolgorukova¹, Alesya A. Lyubavina²

^{1, 2} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,

¹ natalia.dolgorukova@gmail.com

² lyubavinaalesya@gmail.com

Abstract. The article aims to identify parody features in the Old French debates of the 13th century – the *jeux-partis*. First, the authors of the article study the variants of

the interpretation of the word *jeux-parti*. Then they analyze the rules that regulate the behavior of the trouvers during the dispute and create a game space for the participants and listeners, and infer that the *jeux-partis* were not serious debates, but exercises in wit and eloquence. The authors further focus on the content of disputes: the main theme of almost all the *jeux-partis* is courtly love. They examine how trouvers reinterpreted the concept *fin'amors*, invented by troubadours. For that purpose, the authors give a brief description of the concept using the example of Jaufre Rudel's and Chretien de Troyes' songs. According to courtly ideals, a lady appears as a “seigneur”, a troubadour in love is her “vassal”, and love itself is likened to service. Then the authors analyze the *jeux-partis* of the two most popular trouvers – Theobald IV of Champagne and Adam de la Halle – and discover completely new features in the representation of *fin'amors*. (1) The concept of love seems to be identified with a set of unlikely situations that require logic and a calculating mind instead of a loving heart. Discussing such situations, trouvers joke and insult each other, thereby reducing the sublime register of *fin'amors*. (2) Later *jeux-partis* use market vocabulary. Trouvers move from vassal-seigniorial relations to trade-market relations. For the participants of the *jeux-partis*, love is a game that takes a place in the market. The lady loses the exalted position of the seigneur and becomes a seller, her favor and affection are comparable to goods, and the currency in this case is the efforts and time of the poet caring for the lady. Thus, the concept *fin'amors* is prosaized and replaced by the idea of benefit. The lady, who was worshiped by troubadours, loses her power in the *jeux-partis*. It seems as if trouvers calculate how profitable it is for them to serve the lady and in case of an unfavorable outcome they easily leave her. This genre not only ridicules usual debates, modeling situations where all arguments will be absurd, but also parodies love songs. The concept *fin'amors* appears in a completely unusual light: two opposing opinions will always be given to any question about courtly love, one of which will reveal its most unsightly sides. Thus, the *jeux-partis* play an important role in the development, transformation and prosaization of the *fin'amors* concept. They show its weaknesses, ridiculing the artificiality of the rules and raising the question of how such an understanding of love corresponds to the everyday life of the 13th century.

Keywords: Theobald I of Navarre, Theobald IV of Champagne, Adam de la Halle, *fin'amors*, *jeux-partis*, medieval debates, medieval parody, trouver, trouvère

Financial Support: The study was supported by the HSE Academic Fund Programme (2022) No. 22-00-067.

For citation: Dolgorukova, N.M. & Lyubavina, A.A. (2023) The *jeux-partis* of Theobald IV of Champagne and Adam de la Halle: From love metaphor to economic metaphor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 83. pp. 162–177. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/9

Ciz siecles n'est mais que marchiez

Жё-парти: значение. В XIII в. на севере Франции получают распространение жё-парти (*jeux-partis*) – стихотворные дебаты, состоящие, как правило, из шести куплетов и исполняющиеся двумя или, реже, тремя труверами. Для этих произведений характерна четкая структура: в первой строфе один из труверов задает вопрос и предлагает два варианта ответа, во второй его партнер выбирает одну из озвученных точек зрения, а в следую-

ших куплетах певцы спорят, придерживаясь двух альтернативных мнений¹. В конце дебатов каждый участник назначает судью, хотя ни одного свидетельства о вынесенном решении до сих пор не было обнаружено.

Перевести старофранцузское слово “*jeu-parti*” крайне сложно. Альфред Жанруа в монографии «Истоки лирической поэзии во Франции в Средние века» указывает на связь между “*jeu-parti*” и выражением “*partir un jeu*” в значении «предлагать или навязывать условия» [2. Р. 47]. Однако в 1926 г. шведский романист Гуннар Тиландер пишет: «Очень распространено выражение “*jeu-parti*”. Обозначая изначально известный жанр лирической поэзии, оно вполне естественно приобрело значение альтернативы и выбора»² [3. Р. 327]. В «Словаре французского языка XVI века» под редакцией Эдмона Юге дается несколько иное определение: «борьба на равных условиях»³ [4. Р. 716]. Поль Реми приходит к выводу, что в XIII в. термин также использовался в контексте шахматной игры и обозначал определенную позицию пешек, из-за сложности которой исход партии оставался неясен [3. Р. 330]. В этом определении исследователь видит аналогию с лирическими жё-парти, однако ему не удается установить, в каком именно контексте слово появилось раньше. Тем не менее в английских статьях и словарях “*jeu-parti*” часто превращается в “(evenly) divided game” [5], т.е. словно «(поровну) разделенная игра».

В русскоязычной культуре также не сформировалась единая традиция перевода “*jeu-parti*”. Об этом жанре писали крайне мало и всегда очень по-разному. А.Н. Веселовский сохраняет оригинальное название “*jeux-partis*” [6. С. 63], а Фердинанд Де ла Барт, напротив, дает перевод – «игры-прения» [7. С. 141]. И.К. Страф при переводе книги Поля Зюмтора «Опыт построения средневековой поэтики» транскрибирует название жанра русскими буквами и использует то форму «жё-парти» [8. С. 162, 188], то форму «же-парти» [8. С. 270, 281, 445]. Между тем в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» дается дословный перевод “*jeu-parti*” – «разделенная игра» [9. С. 285, 1068]. В 2019 г. Я.Ю. Старцев впервые переводит на русский язык одно жё-парти Жана Бретеля и Жана Гривиле [10. С. 96–99]. В заголовке он заменяет “*jeu-parti*” словом «спор», хотя в теоретической части называет этот жанр «жё-парти» [10. С. 96]. В то же время Д.В. Рябчиков в недавно вышедшей книге «Музыкальная история средневековой Европы» не использует предложенные варианты перевода и, подобно Веселовскому, сохраняет старофранцузское слово “*jeux-partis*” [11. С. 214].

¹ Тем не менее иногда жё-парти отклоняются от описанной схемы. Например, в жё-парти № 147 Колар ле Бутелье предлагает своему партнеру выбор не из двух, а из трех альтернативных вариантов. В № 1078 Бурнекин задает вопрос сразу двум труверам, а они отвечают ему по очереди [1. Р. V–VI.]

² “Très fréquente est la locution *jeu parti*. Désignant d'abord le genre de poésie lyrique bien connu, elle en est tout naturellement venue à signifier alternative, choix”.

³ “*Jeu parti. Lutte à conditions égales*”.

Таким образом, мы можем утверждать, что в отечественной медиевистике для термина “jeu-parti” не закрепился устойчивый перевод. Связано это, видимо, с тем, что даже во французской традиции не существует общепринятого взгляда на то, какое именно значение имело это понятие в XIII в. Многозначность слова “jeu”, особенно в сочетании с “partir”, позволяет переводить “jeu-parti” и «разделенной игрой», и «совместной игрой», и «(игрой с) равными условиями», и «выбором / альтернативой», и «игрой / положением с неопределенным исходом» [12]. Поэтому оговоримся, что в нашей статье мы по примеру И.К. Страф и Я.Ю. Старцева будем использовать русскоязычный вариант написания «жё-парти».

Жё-парти: правила игры. Важнейшей особенностью жё-парти является наличие строгих правил, на которых труверы частно акцентируют внимание. Эти правила регламентируют поведение во время «игры», а их постоянное упоминание создает очевидное для всех участников и слушателей игровое пространство. Например, Ги, партнер Тибо Шампанского, в первой реплике напоминает, как строится жё-парти: Тибо выберет тот вариант из двух, который ему больше нравится, а сам Ги будет защищать оставшуюся точку зрения. Так труверы открыто заявляют, что в споре не отстаивают свою истинную точку зрения и что мнение одного из них выбирается случайно.

Еще одной чертой жё-парти оказывается нарочитая неразрешимость спора: труверы никогда не признают свою неправоту и не пытаются найти компромисс. Вместо этого они обращаются с просьбой вынести решение к назначенным ими судьям. Артур Лангфорс отмечал, что вопрос о судьях создал серьезную проблему в изучении жё-парти, так как не сохранилось ни одного упоминания об их решениях [1. Р. VII]. Отсюда возникло сомнение относительно того, был ли суд на самом деле. Заметим, что вопросы в жё-парти, как правило, строятся вокруг выдуманной и совершенно невозможной в реальном мире ситуации, связанной с гипотетической дамой и непременной необходимостью выбора из строго противоположных вариантов.

Далее трувер совершает вынужденный выбор, зачастую вставая на сторону, которую он в действительности не поддерживает. Таким образом, оказывается, что спор изначально носит игровой характер: участие в жё-парти было своеобразном упражнением в остроумии и поэтическом мастерстве, способом примерить актерскую маску и завоевать симпатию публики, развлекая ее игровой поэзией.

Однако, как кажется, труверы, сочиняя жё-парти, преследовали еще одну цель – осмеяние и переворачивание знакомых и изрядно надоевших тем и топосов куртуазной любви.

Fin'amors: трубадуры и труверы. Труверы унаследовали от трубадуров не только лирические формы (например, окситанский партимен как раз стал прообразом жё-парти), но и главную тему песен – куртуазная любовь. Подобно южным соседям, северные поэты воспевают любовь-адольтер (*fin'amors*), противопоставляя ее отношениям между супругами (*fals'amors*). Главная задача поэта состоит в том, чтобы восхищаться красотой своей

дамы и надеяться на тайное свидание с ней. При этом совершенно необязательно, чтобы возлюбленная отвечала взаимностью. Более того, Джон Фредерик Рюдель пишет, что никогда даже не видел свою даму и полюбил ее лишь по тем рассказам, которые о ней услышал:

Lan quan li jorn son lonc e may
M'es bels dous chans d'auzelhs de lonh,
E quan mi tuy partitz de lay,
Remembra'm d'un' amor de lonh. [13. P. 175].
<...>
No'm sai quora mais la veyrai,
Que tan son nostras terras lonh. [13. P. 176].

Когда в мае дни длинны,
Мне нравится нежное пение птиц издалека,
И когда я ушел оттуда,
Мне вспомнилась моя любовь издалека.
<...>
Я не знаю, увижу ли ее,
Ведь так далеко находятся наши земли¹.

Метафоры, которые используют трубадуры, чаще всего связаны с феодальными отношениями. Согласно куртуазным идеалам, дама предстает «сензором», влюбленный трубадур – ее «вассалом», а сама любовь уподобляется служению. Однако Кретьен де Труа, кансоны которого писались под влиянием и в споре с провансальской лирической традицией, и в частности Бернартом де Вентадорном [14. P. 1214, 1222], уже использует торговую метафорику в песне «Любовь пускает в ход сражения и споры» (*Amor tençon et bataille*), для начала утверждая, что:

Q'ele vuet l'entree vandre.
Et quels en est li passages ? [14. P. 1217].

Любовь хочет продать право въезда в свой фьеф,
Но какова плата за этот проход?

И далее жалуясь на завышенную цену, которую ему пришлось заплатить Любви:

Molt m'a chier Amors vendue
S'onor et sa seignorie,
K'a l'entree ai despendue
Mesure et raison guerpie [14. P. 1217].

¹ Здесь и далее все переводы выполнены авторами статьи.

По слишком высокой цене Любовь продала мне
Въезд в свои земли и в свое королевство,
Ибо я расплатился умеренностью и потерей разума.

Однако любовь здесь – все еще возвышенное куртуазное служение и сражение (*la guerre*, v. 51), а плата за любовь – все еще аллегорическая: ради нее любовник готов потерять Меру (*Mesure*) и Рассудок (*Raison*)¹.

Концепция любви *fin 'amors* становится главной темой жё-парти: участники спорят о том, как следует завоевывать даму, как вести себя с ней или как объяснять ее поведение. Однако если в кансонах труверы еще придерживаются негласных правил, унаследованных от трубадуров, то в дебатах куртуазная любовь предстает в совершенно ином свете. Между тем знакомство слушателей с этой концепцией и ее темами позволяет им оценить мастерство труверов, превращающих куртуазные сюжеты в повседневные комические ситуации. Иными словами, жё-парти не просто играют с представлениями о *fin 'amors*, они подчеркивают изначальный игровой характер любовных песен, которые на самом деле являются таким же набором правил и условностей, как и сами споры.

Тибо Шампанский в жё-парти № 332² спрашивает Бодуэна, куда возлюбленный сперва должен поцеловать даму: в губы или в ноги. Поведение любовника показано как исключительное следование правилам игры, называющейся *fin 'amors*, что сближает его с участниками жё-парти. При этом между соперниками происходит недопонимание, так как вопрос Тибо касается только очередности, но Бодуэн решает, что непременно нужно выбрать одно место для поцелуя. Напротив, Тибо выстраивает целую последовательность: сначала любовник целует даму в ноги, затем в губы, а потом наслаждается ее телом. Таким образом, в этом споре единственной целью *fin 'amors* становится физическая близость с дамой.

Тем не менее, если подобную дилемму нерешительного влюбленного еще можно представить, то вопрос, который Бодуэн задает в жё-парти № 943, моделирует маловероятную ситуацию: Тибо должен выбрать, отведет ли он сам свою даму к ее другому любовнику или разрешит принимать его у себя. При этом такое абсурдное условие является единственной возможностью получить от дамы милость. Тибо отмечает сомнительность подобных обстоятельств, однако, следуя правилам, выбирает одну из предложенных позиций. Концепция любви при этом будто отождествляется с набором маловероятных ситуаций, для решения которых нужны логика и расчетливый ум, а не сердце.

Часто в жё-парти разговор о любви сводится к тому, что влюбленный старается всеми силами и как можно скорее получить от дамы право на близость. Например, в споре № 1804 Тибо Шампанский спрашивает у Жирара д'Амьена, согласился ли бы тот насладиться близостью с подругой позже

¹ Подробнее см.: [15. С. 96–103].

² Здесь и далее используется нумерация жё-парти, предложенная Гастоном Райно [16].

или решил бы немедленно воспользоваться возможностью, рискуя при этом, что дама его возненавидит. Естественно, всегда есть певец, который доказывает, что лучше подождать или вовсе не просить близости, ведь в этом состоит главное правило жё-парти – представить два противоположных мнения. Однако обычно аргументы трувера, занимающего такую позицию, высмеиваются и часто в оскорбительной форме. Например, в жё-парти № 1393 Рауль утверждает, что Тибо предпочел видеть даму и разговаривать с ней, а не ласкать ее в темноте, только из-за своей полноты, так как большой живот трувера не позволяет ему даже прижаться к возлюбленной:

Sire, vos avés mout bien pris
De vostre amie resgarder,
Que vos ventres gros et farsis
Ne porroit soffrir l'adeser... [1. P. 30].

Господин, вы охотно предпочли
Видеть вашу даму,
Потому что ваш большой и полный живот
Не позволяет прижаться к ней...

В ответ на это Тибо решает уколоть Рауля, напоминая о его хромоте, ведь ночью дама рискует вместо желаемого нащупать костыль, с которым ходит трувер:

Se la potence puet baillier,
Plus avra duel, je vos afi,
Que de mon gros ventre farsi [1. P. 31].

Если [она] схватит костыль,
[Она] Будет страдать больше, уверяю вас,
Чем от моего большого живота.

Таким образом, уже в ранних жё-парти значительно снижается возвышенный регистр *fin' amors*. Концепция любви переворачивается и становится поводом для шуток. Дама теряет то превосходство, которым ее наделили трубадуры: труверы обсуждают не то, как угодить ей, а то, как быстрее добиться ее ласки и близости. Любовь уподобляется игре, для победы в которой требуется холодный ум, а не любящее сердце. Насмешки друг над другом и взаимные оскорблении, звучащие в жё-парти, также лишают куртуазную концепцию прежней серьезности и интимности.

Литературные жё-парти. Иногда участники дебатов намеренно подчеркивают, что их рассуждения о любви продиктованы литературой. Так, в № 1817 Жан Бретель и Адам де ла Аль спорят о том, что страшнее для влюбленного: быть отвергнутым дамой, которая никогда не отвечала взаимностью, или потерять ту, которая одаривала его своей милостью? Адам утверждает, что тот, кто завоевал даму, живет в постоянном страхе ли-

шиться ее любви. Поэтому расставание с ней – двойное несчастье. Жан не соглашается с этим аргументом и называет подлыми тех, кто не наслаждается своей радостью. Истинный же возлюбленный, по мнению трувера, должен нуждаться в dame, и в этом он подобен Тристану, которому не удавалось соединиться с Изольдой:

Ferri, cuers falis
Est [et] en lui pau se fie
Rices qui puis apovrie.
Li diseteus requerans
En paril est drois Tristans [1. P. 148].

Ферри, подлое сердце –
То, которое не верит в себя,
Богач, который боится обеднеть.
Нуждающийся проситель
В опасности, как настоящий Тристан.

Отметим, что Жан Бретель не объясняет, почему сравнивает нуждающегося влюбленного именно с Тристаном, так как знает, что этот сюжет и так всем известен. Имя рыцаря здесь становится нарицательным, символизируя собой образ подлинного куртуазного возлюбленного – тот образ, с которым так часто спорят участники жё-парти.

Есть и другой пример литературных отсылок. В жё-парти № 277 Жан Бретель задает Адаму де ла Алю вопрос, апеллируя к лэ об Аристотеле. Жан Бретель спрашивает у Адама, согласился бы тот, чтобы его оседлала любимая дама, если потом она бы сдержала слово и позволила Адаму насладиться ею:

Adan, mout fu Aristotes sachans
Et si fu il par Amours tes menés
Qu'enselés fu comme chevaus ferrans
Et chevauchiés, ensi que vous savés,
Pour cheli que il voloit a amie,
Qui, en le fin, couvient ne li tint mie.
Vaurriés vous estre atournés ensemant
De vo dame, se vous tenoit couvent? [1. P. 63–64].

Адам, Аристотель был очень мудр,
И все же любовь так им овладела,
Что он был оседлан, как лошадь,
И оседлан, как вы знаете,
Той, которую он желал в подруги,
Которая в итоге не сдержала обещания.
Хотели бы, чтобы с вами так обращалась
Ваша дама, если она сдержит слово?

Как и в случае с Тристаном, Жан Бретель не сомневается в том, что его оппонент знает сюжет лэ, добавляя к своим словам “ensi que vous savés” («как вы знаете»). И Адам действительно прекрасно понимает, о каком тексте идет речь. В своем ответе трувер ссылается на непоколебимый авторитет Аристотеля: если великий и мудрый философ был оседлан дамой и потом обманут, то менее известному Адаму совсем не стыдно повторить эту дерзость, тем более что, в отличие от предшественника, он получит награду. В таком рассуждении любовь дамы предстает как товар, который необходимо заполучить, – мотив, свойственный многим жё-парти:

Aristotes fu de moi plus vaillans
En renommee, en scienche, en bontés;
Et quant il ot le plaisirache acomplie
De sa dame, [n']en ot il mie aïe.
Dont doi je bien faire tel hardement,
Qui mains vail, et s'arai alegement [1. P. 64].

Аристотель превосходил меня
В славе, в знаниях, в благонравии;
И хотя он выполнил прихоть
Своей дамы, он ничего от нее не получил.
Поэтому я могу поступить так же дерзко,
Раз я менее достоин, и буду утешен.

Жан Бретель, в свою очередь, доказывает противоположную позицию – унижаться ради любви стыдно. Он восклицает, что Адам должен уважать свой статус священнослужителя и не поддаваться недостойным любовным прихотям. Спор об Аристотеле перерастает в рассуждения о том, что позволено любовнику делать ради дамы:

Parmi tous prieus doit faire fins amans
A se dame toutes ses volentés [1. P. 64].

Несмотря на все опасности, истинный возлюбленный
Должен исполнять все желания дамы.

Эти любовные дебаты отсылают нас к еще одному литературному тексту – роману о Ланселоте Кретьена де Труа, в котором поднимается тот же вопрос: можно и должно ли куртуазному возлюбленному пойти на унижения ради дамы? Ланселот, хотя и немного поколебавшись, садится в телегу, однако даже эта минута сомнения ставит под угрозу любовь Гениевры: дама сперва обижается на своего верного рыцаря, намеренно не замечает его и даже желает, чтобы он проиграл на турнире.

Жё-парти были развлечением для самых образованных слоев городского населения. Неудивительно, что в ходе споров участники обращались к современной литературе. Их публика могла оценить мастерство, с кото-

рым труверы обыгрывали известные литературные мотивы. Однако почему именно лэ об Аристотеле так сильно привлекло Жана Бретеля и Адама де ла Аля, что они решили посвятить ему целое жё-парти? Как нам кажется, ответ кроется именно в пародийном характере лэ, высмеивающего образ куртуазного любовника, пытающегося любой ценой угодить своей даме. То же делают и участники жё-парти, высмеивая устоявшуюся куртуазную традицию и обновляя ее в пародийном обыгрывании.

От любовной метафоры к рыночной. Очень показательными оказываются формулировки, которые труверы применяют в жё-парти, рассуждая о куртуазной любви. Торговые метафоры, встречавшиеся нам ранее у Кретьена де Труа, теперь перестают быть аллегориями. Любовные отношения все больше уподобляются торговыми-рыночными, а дама из «сеньора» превращается в «товар». В жё-парти № 1817 Жан Бретель и Адам де ла Аль спорят о том, что страшнее для влюбленного: быть отвергнутым дамой, которая никогда не отвечала взаимностью, или потерять ту, которая одаривала его своей милостью? Труверы сравнивают эту ситуацию с приобретением земли. Тот, кто просит у сеньора землю и ждет его ответ, оказывается несчастнее, чем богач, у которого уже есть земля. Иными словами, милость дамы оказывается неким материальным благом, которое трувер хочет приобрести. В конце этого жё-парти поэт, не получивший взаимности, сравнивается с бедняком, а полноправный любовник – с богачом. Этот же топос встречается и в жё-парти № 2049, где труверы спорят о том, счастлив ли влюбленный, который ничего не получает от дамы. Жан Бретель сравнивает это с бедностью, которая, однако, может быть радостной, если трувер действительно любит даму и готов служить ей без вознаграждения:

Mais cil qui vit en desir
Continueus de [bien] servir [s'] amie
Vit bien a pais en povreté jolie [1. P. 82].

Но тот, кто живет в постоянном желании
Хорошо служить своей подруге,
Живет в мире радостной бедности.

Развивая экономическую метафорику, труверы используют в жё-парти рыночную лексику. В № 1094 Жан Бретель признается, что думал, будто провернул выгодную сделку, когда заполучил желанную даму. Однако оказалось, что трувер заблуждался, ведь его подруга одаривала своей любовью всех без разбора:

Avoir cuidai engané le marchié... [1. P. 88].
<...>
Mais li marchié s'a trop miex engané... [1. P. 89].

Думал, что провернул выгодную сделку...
<...>
Но сделка оказалась не так выгодна...

Обратим внимание на слово *marchié*, которое употребляет Бретель. Буквально трувер заявляет, что хотел обмануть «рынок», но в итоге «рынок» обманул его. Есть все основания полагать, что Жан использует слово *marchié* из-за того, что язык любви еще не сформировался и для описания некоторых ситуаций не существовало подходящих слов. Для трубадуров самой очевидной реалией было вассальное служение, и потому для своих песен они часто заимствовали феодальную лексику. В жё-парти эту традицию продолжили первые труверы, как, например, Тибо Шампанский, который, хотя и осмеивал куртуазную любовь, все же еще не прибегал к экономическим метафорам. Однако труверы из Аппаса имели дело совсем с другой реальностью. Городская культура была неразрывно связана с торговлей. Отсюда, как кажется, и возникли новые метафоры, снижающие привычный высокий регистр *fin'amors*, – от вассально-сеньориальных отношений труверы перешли к торгово-рыночным. Если для участников жё-парти любовь – это игра, то ее поле – рынок. Дама теряет возвышенное положение сеньора и становится продавцом, а ее благосклонность и ласка – товаром. Валютой в таком случае оказываются усилия и время поэта, ухаживающего за дамой. Жан Бретель после слов про сделку задает Адаму де ла Алю вопрос: если он завоевал даму, но затем оказалось, что она отдается каждому, он выиграл или проиграл? Иными словами, трувер оценивает отношения с подругой по критерию того, сколько усилий он потратил и что получил взамен. Для жё-парти к тому же свойственно оценивание любви с точки зрения сроков: как долго нужно выждать, чтобы признаться в чувствах и попросить о близости (№ 1666, 1833), через сколько лет можно искать утешение у новой дамы (№ 494)?

В конце жё-парти Жан Бретель обращается к судье и вновь сравнивает любовь без дамской милости с бедностью. По мнению трувера, *fin ami*, идеальный куртуазный любовник *fin'amors*, безумен, так как не ищет в отношениях выгоды:

Ferri, tant sont fin ami avullé
Que chascuns maint en le caitiveté
Plus volentiers qu'en son preu : ch'est folie! [1. P. 91].

Ферри, настоящие любовники так слепы,
Что каждый из них предпочитает бедность
Своей выгоде: это безумство!

Понятие выгоды оказывается одним из главных в лексике жё-парти. Если любовник прилагает усилия для завоевания дамы, он должен получить от нее благосклонность, и желательно как можно быстрее. Такой взгляд на отношения труверы противопоставляют правилам куртуазной любви.

Участники жё-парти стараются придумать как можно более изощренные метафоры. В споре № 1833 партнер Адама де ла Аля, чья личность точно не установлена, но предположительно им был Жан Бретель, произносит следующее:

Et cleric et lai en amour onni :
I n'i keurt c'unne monnoie ;
C'est jeus de boute en coroie ;
C'aussi bien sont li tardieu escarni
Que li hastieu [1. P. 67].

В любви равны и клирик, и миряник:
Там лишь одна валюта;
Это игра в бонто;
Как медлительные, так и торопливые
Достойны осмеяния.

Трувер использует экономическую метафору единой монеты / валюты (*monnoie*), показывая, что в любовных вопросах сословие и род деятельности не имеют значения. Любовь – это рынок, где заплатить за удовольствие можно только временем и усилиями. В следующей строчке поэт использует выражение “*boute-en-courtoie*”, встречающееся и в других средневековых текстах. Многие медиевисты предлагали разные трактовки его значения. Гастон Парис, проанализировавший все предложения, пришел к выводу, что под этим выражением скрывается средневековый прототип игры в бонто [17. P. 413]. Как замечает американский медиевист Эрик Мэтис, такой способ мошенничества как раз должен был процветать на средневековом рынке [18. P. 279]. Если сама по себе метафора времени как валюты любви не снижает регистр, то в сочетании с упоминанием рыночной игры реплика трувера приобретает иной оттенок: любовник на каждом шагу может столкнуться с мошенничеством, когда дама, ради которой он прилагал усилия, откажет ему и таким образом обворует его. Иными словами, куртуазный возлюбленный, вздыхающий о даме и лишь мечтающий об ответном знаке, а иногда и просто о возможности ее увидеть, превращается в настоящего торгаша.

Не всегда дама сама продает свой товар. В жё-парти № 359 в роли продавца выступает ее муж Рожье, который предлагает Адаму де ла Алю обменяться женами – немыслимая ситуация для куртуазной лирики. Однако еще интереснее оказываются формулировки в ответе Адама:

Rogier, metés vo coc en planche avant! [1. P. 70].

Рожье, поставьте сперва вашего петуха на доску!

Нетрудно догадаться, что под петухом Адам подразумевает жену Рожье. Эрик Мэтис утверждает, что доска, на которую трувер просит поставить петуха, представляет собой средневековые весы [18. P. 285]. Таким образом, жё-парти моделируют ситуацию на птичьем рынке: перед тем как купить птицу (жену), покупатель (Адам) хочет узнать ее вес (ценность). С другой стороны, здесь может подразумеваться и обычная доска, на которую продавец поставит петуха, чтобы покупатель мог осмотреть его и понять, насколько он соответствует своей цене. В любом случае Адаму важно сравнить двух жен, чтобы понять равноценен ли обмен:

Se vo feme cuidasse aussi vaillant
Con le moie, j'eüsse tost choisi [1. P. 70].

Если ваша жена так же ценна,
Как моя, я быстро сделаю выбор.

Вероятно, ответ Адама содержит двойную иронию. С одной стороны, трувер удивлен вопросу, отклоняющемуся от правил жё-парти (Рожье не предлагает два альтернативных мнения) и моделирующему довольно возмутительную ситуацию. Поэтому трувер старается уколоть соперника, сравнивая его жену с петухом. С другой стороны, очевидно, что Рожье также не был серьезен, предлагая такую дерзкую сделку. Можно предположить, что трувер объединяет две традиции изображения *fin'amors* в жё-парти: обсуждение совершенно абсурдных любовных ситуаций и использование экономических метафор. В таком случае Адам подыгрывает сопернику, перенося любовные отношения на птичий рынок. Соответственно, труверы одновременно иронизируют и над куртуазными правилами, и друг над другом.

Помимо петуха Адам использует и другую рыночную метафору – «кот в мешке»:

Et cat en sac a vous acateroie,
Se sans assai tel escange prendoie [1. P. 70].

Я бы купил кота в мешке,
Если бы, не попробовав, согласился на такой обмен.

Эта известная в наши дни пословица была суровой реальностью для средневекового человека. Рынок представлял множество опасностей: при любой возможности продавцы стремились обмануть покупателя. Так, иногда вместо куска мяса в мешок могли подложить кота. Это рыночное жульничество Адам также переносит в сферу любви, утверждая, что выбирать даму, не узнав ее, так же опасно, как отдавать деньги продавцу, не заглянув перед этим в мешок. Примечательно, что трувера возмущает не то, что предложение Рожье оскорбительно по отношению к женам, а лишь то, что такая сделка может оказаться невыгодной. В следующих куплетах участники переходят от рыночной метафоры к аллегорическим высказываниям о любви, однако в их репликах остается экономическая лексика: труверы называют предложение Рожье “*marchiés*” или “*bon marcisé*” и обсуждают, получат ли выгоду (“*pourfit*”) от отношений с чужой женой.

В этом жё-парти можно обнаружить еще две особенности, противоречащие концепции *fin'amors*. Во-первых, труверы обсуждают своих жен, хотя куртуазная любовь-адольтер предполагает, что свободный поэт или рыцарь влюбляется в замужнюю даму. Достаточно вспомнить Тристана, который уже встречался нам в другом жё-парти как символ образцового

влюблённого. Конечно, стоит отметить, что Адам и Рожье влюблены в жен друг друга, и таким образом куртуазная концепция отчасти сохраняется. Однако есть и вторая особенность: Адам де ла Аль, обладающий правом выбирать точку зрения и очевидно лидирующий в споре, решает остаться со своей женой. Хоть его мотивы и продиктованы скорее страхом продерживаться, чем любовью к собственной жене, такой выбор не укладывается в концепцию куртуазной любви.

Подводя итоги, можно сказать, что концепция *fin'amors* в целом ряде жё-парти прозаизируется и подменяется представлением о выгоде. Дама, которую воспевали трубадуры, в жё-парти теряет свою власть над трубадуром. Кажется, будто поэты начинают высчитывать, насколько им выгодно служить подруге, и в случае неблагоприятного исхода легко ее покидают. Конечно, такая категоричность свойственная не всем жё-парти. Однако игровой характер подобных сочинений неминуемо распространяется на их темы. Точно так же, как жанр высмеивает привычные дебаты, намеренно моделируя ситуацию, где все аргументы абсурдны, также пародирует он и любовные кансоны. Концепция *fin'amors* предстает в совершенно непривычном свете: на любой вопрос о куртуазной любви всегда будут даны два противоположных мнения, одно из которых выявит ее самые неприглядные стороны.

Список источников

1. *Recueil général des jeux-partis français* : en 2 vols. / éd. par Arthur Långfors, le concours de Alfred Jeanroy et Louis Brandin. Paris : Champion, 1926. Vol. 1. 356 p.
2. *Jeanroy A.* Les origines de la poésie lyrique en France au moyen âge: études de littérature française et comparée, suivies de textes inédits. Paris : Champion, 1904. 536 p.
3. *Remy P.* De l'expression “partir un jeu” dans les textes épiques aux origines du jeu parti // *Cahiers de Civilisation Médiévale*. 1974. № 68. P. 327–333.
4. *Dictionnaire de la langue française du seizième siècle* / par Ed. Huguet. Paris : Didier, 1950. T. 4. 800 p.
5. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/jeopardy_1?q=Jeopardy (accessed: 29.01.2022).
6. *Веселовский А.Н.* Бокаччо, его среда и сверстники. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. 561 с.
7. *Де Ла-Барт Ф.* Беседы по истории всеобщей литературы. М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. Ч. 1: Средние века и Возрождение. 349 с.
8. *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики / пер. И.К. Страф. СПб. : Алетейя, 2003. 544 с.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / ред. и сост. А.Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. 1596 с.
10. *Франция в сердце : поэзия Франции XII – начала XX вв. в переводах русских поэтов XVIII – начала XXI вв.* : антология : в 3 т. / сост. Е. Витковский; ред. А. Серебренников. СПб. : Крига, 2019. Т. 1. 758 с.
11. *Рябчиков Д.* Музыкальная история средневековой Европы. М. : Рипол-Классик, 2020. 268 с.
12. *Dictionnaire du Moyen Français (1330–1500)* / ATILF – CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (accès: 29.01.2022)

13. *The Songs of Jaufre Rudel* / ed. by R.T. Pickens. Toronto : Pontifical institute of medieval studies, 1978. 280 p.
14. *Chrétien de Troyes*. Romans / suivis des Chansons, avec, en appendice, Philomena. Paris : Livre de Poche, 1994. 1279 p.
15. *Мейлак М.Б.* Язык трубадуров. М. : Наука, 1975. 239 с.
16. *Raynaud G.* Bibliographie des chansonniers français des XIIIe et XIVe siècles. Paris : F. Vieweg, 1884. Vol. 1. 250 p.
17. *Paris G.* Boute-en-courroie // Romania, recueil trimestriel consacré à l'étude des langues et des littératures romanes. 1872. Vol. 21. P. 407–413.
18. *Matheis E.* Capital, Value, and Exchange in the Old Occitan and Old French Tenson (Including the Partimen and the Jeu-Parti). New York : Columbia University, 2014. 399 p.

References

1. Långfors, A. (ed.) (1926) *Recueil général des jeux-partis français*. Vol. 1. Paris: Champion.
2. Jeanro, A. (1904) *Les origines de la poésie lyrique en France au moyen âge: études de littérature française et comparée, suivies de textes inédits*. Paris: Champion.
3. Remy, P. (1974) De l'expression “partir un jeu” dans les textes épiques aux origines du jeu parti. *Cahiers de Civilisation Médiévale*. 68. pp. 327–333.
4. Huguet, E. (1950) *Dictionnaire de la langue française du seizième siècle*. Vol. 4. Paris: Didier.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary. (n.d.) [Online] Available from: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/jeopardy_1?q=Jeopardy (Accessed: 29.01.2022).
6. Veselovskiy, A.N. (1893) *Bokkachcho, ego sreda i sverstniki* [Boccaccio, His Environment and Peers]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk”.
7. De La-Bart”, F. (1914) *Besedy po istorii vseobshchey literatury. Ch. 1: Srednie veka i vozrozhdenie* [Conversations on the History of Universal Literature. Part 1: The Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Tipografiya lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
8. Zyumtor, P. (2003) *Opyt postroeniya srednevekovoy poetiki* [Experience in Constructing Medieval Poetics]. Translated by I.K. Staf. Saint Petersburg: Aleteyya.
9. Nikolyukin, A.N. (2001) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intervak.
10. Vitkovskiy, E. (ed.) (2019) *Frantsiya v serdtse: Poeziya Frantsii XII – nachala XX vv. v perevodakh russkikh poetov XVIII – nachala XXI vv. Antologiya* [France in the Heart: Poetry of France in the 12th – Early 20th Centuries. in translations of Russian poets of the 18th – early 21st centuries. Anthology]. Vol. 1. Saint Petersburg: Kriga.
11. Ryabchikov, D. (2020) *Muzykal'naya istoriya srednevekovoy Evropy* [Musical History of Medieval Europe]. Moscow: Ripol-Klassik.
12. ATILF. (2020) *Dictionnaire du Moyen Français (1330-1500)*. [Online] Available from: <http://www.atlf.fr/dmf> (Accessed: 29.01.2022).
13. Pickens, R.T. (ed.) (1978) *The Songs of Jaufre Rudel*. Toronto: Pontifical institute of Medieval Studies.
14. de Troyes, C. (1994) *Romans*. Suivis des Chansons, avec en appendice, Philomena. Paris: Livre de Poche.
15. Meylakh, M.B. (1975) *Yazyk trubadurov* [Troubadour Language]. Moscow: Nauka.
16. Raynaud, G. (1884) *Bibliographie des chansonniers français des XIIIe et XIVe siècles*. Vol. 1. Paris: F. Vieweg.
17. Paris, G. (1872) Boute-en-courroie. In: Meyer, P. & Paris, G.B.P. (eds) *Romania, recueil trimestriel consacré à l'étude des langues et des littératures romanes*. Vol. 21. Paris: [s.n.]. pp. 407–413.

18. Matheis, E. (2014) *Capital, Value, and Exchange in the Old Occitan and Old French Tenson (Including the Partimen and the Jeu-Parti)*. New York: Columbia University.

Информация об авторах:

Долгорукова Н.М. – канд. филол. наук, доцент школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: natalia.dolgorukova@gmail.com

Любавина А.А. – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.M. Dolgorukova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalia.dolgorukova@gmail.com

A.A. Lyubavina, student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 21.06.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/83/10

Пространство Германии в травелоге Н.И. Гречи «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году»

Сергей Сергеевич Жданов¹

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия,
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
fstud2008@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается репрезентация пространства Германии в «Поездке во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» Н.И. Гречи с точки зрения представленности в этом тексте характерных для русской словесности конца XVIII – начала XIX в. германских мирообразов: фактографически-бытописательного, travestийного, сентименталистского и романтического. Отмечается установка автора на ироническое остранение при описании локусов, которое реализуется в том числе как деконструкция стереотипных образов Германии.

Ключевые слова: имагология, травелог, образ Германии, пространство, Н.И. Греч, русская литература

Для цитирования: Жданов С.С. Пространство Германии в травелоге Н.И. Гречи «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 178–203. doi: 10.17223/19986645/83/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/10

German space in Nikolay Gretsch's travelogue “Journey to France, Germany and Switzerland in 1817”

Sergey S. Zhdanov¹

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation
¹ fstud2008@yandex.ru

Abstract. The article deals with the space of Germany in Gretsch's travelogue “Journey to France, Germany and Switzerland in 1817” in relation with the factographical, travestied-risorial, sentimental and romanticist world-images typical for describing this land in Russian literature in the late 18th – first half of the 19th centuries. The spatial representation in the text is torn between a factographical description of loci and their ironic defamiliarization. The latter affects Russian stereotype narratives

about Germany. In particular, Gretsch partly disproves the stereotype about German lands as a space of Geist, poetry and science by contrasting the idealized Germany with his own subjective image. Antithesis can be qualified as one of the main tropes in Gretsch's text. The author contrasts Germany with France, Germans with Russians, history with modernity, Frankfurt am Main with Rhineland, the 'wine' Germany with the 'beer' one, the gaiety of the main German resort-towns with the regularity and boredom of Ems etc. Gretsch also deconstructs stereotypes of beautiful German women and the amenity of life in Frankfurt. At the same time, he validates some typical elements of describing Germany: the rationality and inelegance of German philistines, Germans' committing to systematization, their appreciation for beer. In addition, motifs of liminality of the French-German space Alsace-Lorraine, the boredom of German loci and the retarded journey through Germany stated in the text are specific for Russian travelogues dedicated to Germany. All of the aforesaid allows determining Gretsch's image of Germany as tending to a travestied narrative mode. This image reminds critical local descriptions in Fonvizin's foreign letters. However, some Gretsch's German images are related to Karamzin's tradition. First of all this concerns the idyllic space represented e.g. when describing the kingdom of Württemberg and loci of the 'Rhine' text. The images' main characteristics are pleasantness to the eye, coziness, nature hominization, which are typical for the sentimental world-image. Substantial attention is paid to the motif of Rhine wine as a drink of life and joy also stated in Karamzin's travelogue. Finally, Gretsch's text includes local images of the romanticist narrative in the 'Rhine' text by describing wild (mountain) nature and some anthropic loci where historical and legendary images of Middle Ages are mixed. Despite some eclecticism of representing loci, the narrative integrity is formed by the author's irony as a manner of world outlook. It is directed against the philistine Germany, the center of which is Frankfurt am Main imbued with the commerce spirit, and partly against the medieval Germany (customs and urban areas strange for the author). The recent past is represented in the context of the war against the Napoleonic France marked as neobarbarism. Images of the natural, demi-natural-idyllic and legendary spatial types are devoid of any irony and thus contrasted to Gretsch's Germany representation in whole.

Keywords: imagology, travelogue, image of Germany, space, Nikolay Gretsch, Russian literature

For citation: Zhdanov, S.S. (2023) German space in Nikolay Gretsch's travelogue "Journey to France, Germany and Switzerland in 1817". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 178–203. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/10

Весьма значительная по объему путевая проза Н.И. Грече еще не достаточно подробно рассмотрена в современном литературоведении. При этом основное внимание исследователей сосредоточено на сравнительно позднем травелоге писателя, «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» (1839), примерами чему служат работы М.В. Аксеновой [1, 2], а также М.В. Аксеновой, Т.Г. Чарчоглян, А.Н. Садиевой [3]. Кроме того, путевая проза Н.И. Грече входит в качестве одного из источников анализа Е.А. Летуновским особенностей презентации архитектурных образов Западной Европы в русской словесности первой половины XIX в. [4]. Ни в одной из вышеуказанных работ, однако, пространство именно Германии, изображенной Н.И. Гречем, не является фокусом научного исследования.

Частично пространственная образность Германии представлена в статье Н.Г. Морозовой [5], но и здесь греческие тексты служат лишь одним из источников для литературоведческого анализа, причем акцент сделан на кинестетических и ольфакторных мотивах в описании путешествий. Наконец, образ Германии исследуется в работе Н.М. Ильченко и М.В. Аксеновой [6], где заявленная тема рассмотрена обзорно на материале четырех трактовок Н.И. Гречи.

Таким образом, детальный анализ проблематики имажинально-географической Германии на материале трактатов Н.И. Гречи «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» с точки зрения литературоведческой имагологии составляет новизну данного исследования, дополняющего вышеуказанные работы. Кроме того, в статье затронут вопрос литературного контекста презентаций Германии в русской словесности конца XVIII – XIX в.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу немецких пространственных образов, отметим общую «интертекстуальность» текста Н.И. Гречи. Причем автор сознательно посредством отсылок и цитат обыгрывает отечественный литературный «бэкграунд» своего трактата. Пространство в греческом тексте в ряде случаев двоится, когда на описание реального путешествия накладываются образы русской литературной традиции. Так, эпизод прохождения корабля мимо Борнгольма актуализирует у Н.И. Гречи карамзинские «реминисценции»: «Тридцать страниц, написанных за двадцать четыре года пред сим, сделали этот остров любезным и важным всякому Русскому»¹ [7. С. 14]. При этом автор, развивая тему литературной «географии», показывает несовпадение степени значимости острова в русской и датской культурах: «Датчане не могут надивиться любопытству, с каким Русские <...> смотрят на Борнгольм, занимающий в числе островов Дании одно из последних мест» [7. С. 14]. Описывая рейнский топос, Н.И. Греч включает в него, наряду с чисто немецким фольклорным элементом батюшковский «Переход через Рейн», цитируя значительный фрагмент русского произведения. Критические суждения о немцах автор подкрепляет цитатой из Шиллера² в «географическом» контексте, противопоставляющем природные локусы (рек и источников) людям, населяющим страну: “Seltsames Land! Hier haben die Flüsse Geschmack und die Quellen, bey den Bewohnern allein hab' ich noch keinen verspürt” [7. С. 169].

Кроме того, на наш взгляд, в тексте Н.И. Гречи присутствует отсылка к карамзинской традиции в форме отталкивания и противопоставления ей. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина задали определенную модель отечественного трактата, продолжавшую влиять на последующую литературу. Помимо эпистолярной формы, свойственной и произ-

¹ Здесь и далее правописание и пунктуация в цитатах приближены к современным правилам.

² Н.И. Греч цитирует одну из ксений, созданных Ф. Шиллером и И.В. Гете.

ведению Н.И. Гречи, для карамзинского текста характерны особые тип героя и эмоционально насыщенный стиль изображения реальности, с ним связанный. Русский путешественник Н.М. Карамзина воспринимает наблюданную реальность эстетически, бурно выражает свои чувства в соответствии с сентименталистским дискурсом и то и дело выражает страсть к изящным наукам, в частности к поэзии. Н.И. Греч с самого начала повествования обозначает прямо противоположную позицию: «...я привык смотреть на все предметы глазами прозаика. Воображение мое очень упрямо: оно никак не хочет ни украсить, ни увеличить видимых мною предметов <...>. По сей причине должен я опасаться, что вы найдете замечания мои слишком сухими в сравнении с описаниями других путешественников: у меня нет того волшебного стеклянного стеклышика, сквозь которое эти добрые люди видят чудеса там, где мне представляются только самые обыкновенные вещи» [7. С. 3–4]. Здесь, по сути, высказывается кredo нарратора – не только внимание к прозе жизни, «обыкновенным вещам», но и установка на остранение описательной традиции, или стереотипа, сложившегося в рамках современной автору русской культуры.

Это, в свою очередь, актуализирует проблематику повествовательного модуса, к которому может быть отнесен по крайней мере «германский» фрагмент травелога Н.И. Гречи. В данном случае мы опираемся на положение о существовании четырех мирообразов Германии в русской словесности конца XVIII – XIX в.: сентименталистского, романтического, фактографически-бытописательного и травестийно-смехового [8. С. 9]. Относительно текста Н.И. Гречи можно утверждать некоторое колебание между фактографически-бытописательным (прозаизм, изображение «обыкновенных вещей») и травестийно-смеховым модусами. Если сравнивать по авторской интонации греческий текст с другими травелогами, где речь идет о Германии, можно установить известное сходство с зарубежными письмами Д.И. Фонвизина, впрочем, без желчности последних. Как Д.И. Фонвизин по мере движения на Запад все ищет и не находит «настоящую» Европу (т.е., по сути, идеально-онирическую Европу «на расстоянии», с чужих слов), так и Н.И. Греч сталкивает имеющийся у него на границе, до въезда в страну, идеализированный образ Германии, который сочетает в себе возвышенно-поэтические («Думал я с неизъяснимым чувством удовольствия: вот страна рождения Кlopштока, Виланда, Гете, Шиллера – страна, в которой еще процветает во всем блеске своем поэзия...»), прогрессивно-исторические («Здесь совершены важнейшие для рода человеческого открытия... решена судьба царств и народов» [7. С. 120]) и условно-патриархальные элементы в духе германской утопии Тацита или г-жи де Сталь («В ней обитает народ, славящийся трудолюбием, честностью, праведушием и верностию. В ней существуют еще добродетели времен патри-

¹ Вообще остроумие Гречи-насмешника, которое проявилось и в рассматриваемом нами «германском» фрагменте греческого травелога, отмечается, в частности, А.И. Рейтблатором [9. С. 109].

архальных – изглаженные в иных землях излишним утончением нравов!» [7. С. 120–121]), с ремаркой разочарования: «Для чего не остался я на левом берегу Рейна, чтоб утешаться сею приятною мечтою? Существенность меня разочаровала!» [7. С. 121]. Соответственно, в дальнейшем повествовании Н.И. Греч с позиции прозаического наблюдателя деконструирует и травестирует идеальную Германию «приятной мечты», эклектически-стереотипный состав которой уже намекает на изрядную долю авторской иронии в описании.

«Реальная» Германия в гречевском тексте выступает в нескольких вариантах. Первый – это лиминальное пространство, прежде всего прирейнские земли. При этом Н.И. Греч, в отличие от многих русских авторов трактовых, путешествует с левого берега Рейна на правый, т.е. из Франции в Германию, поэтому немецкость в гречевском описании нарастает, а не уменьшается, что, однако, не меняет значения прирейнских земель как медиационного, французско-немецкого локуса.

Переходность локуса драматически усиlena историческим контекстом наполеоновской и постнаполеоновской Европы. Автор упоминает сначала об установлении во владениях Рейнского союза французского права, а после «изгнания Французов из Германии» – о намерении Пруссии установить здесь «Прусское Уложение» [7. С. 94]. Также под Верденом Н.И. Греч встречает «в деревнях прусских солдат» [7. С. 119]. Вообще Верден маркируется в большей степени немецкостью, чем французской: «В Вердене видны уже следы немецкого происхождения сего города в лицах и выговоре жителей; также приметил я на вывесках более немецких имен, нежели в прежних городах» [7. С. 116]. Медиационность пространства, однако, выступает не только как слияние, но и как противостояние в период войны, когда, как сообщает Н.И. Греч, верденские девицы сначала «...поднесли Королю Прусскому по коробочке конфетов» во время занятия города пруссаками, а затем «...были отправлены на гильотину, когда Французы заняли опять сей город» [7. С. 116]. Мец автор называет главным городом именно Немецкой Лотарингии [7. С. 116].

Пограничность локуса также усиlena включением в него транзитного по своей природе пространства дороги. Здесь Н.И. Греч обращается к традиционному для русской литературы рубежа XVIII–XIX вв. мотиву ретардированного путешествия в медлительном германском транспорте [9. С. 30–32]. Покидание французского пространства буквально маркируется в гречевском тексте пересаживанием из «покойного парижского дилижанса» «в ветхую, грязную карету, чтоб доехать до Саарбрюка, первого прусского города» [7. С. 116]. Автор выстраивает целый ряд французско-немецких оппозиций в описании национальных почтовых служб. Во Франции «...почты содержатся в лучшем порядке...», здесь слышно «хлопанье бичом», лошадей всегда быстро выводят из конюшни, остановки в пути короткие и обусловленные необходимостью: «...редко случается, чтоб почтальон остановился в дороге и пошел в трактир, как то бывает в Саксонии и Пруссии» [7. С. 117]. Но все меняется на границе с Германией: здесь ду-

ют в рожок, лошадей приходится ждать, «... почтальоны великие грубияны и большею частию пьяницы, ездят медленно, останавливаются в шинках и редко бывают довольны самою щедрою платою» [7. С. 117]. Также типичен для русских травелогов о Германии мотив скуки путешествия: «Скучно и горько ездить по Германии, особенно тому, кто избалован французскою исправностью и утивостью» [7. С. 118].

Соответственно, граница между Францией и Германией представляется в травелоге Н.И. Гречи во многом критически – то как спорное, милитаризованное, то как плохо организованное, энтропийное пространство. В ином, идиллическом ключе описывается автором пограничный локус между Германией и мирной Швейцарией – земли за Тюбингеном, где путешественнику открывается «вид несравненный»: «...прелестная долина, орошаемая Неккаром и Дунаем. <...> Мы предвкусили Швейцарию» [7. С. 177].

Лиминально-локальным маркером внутренних границ Германии выступают «поставленные в разных местах дороги высокие кресты с изображением распятия Спасителя», означающие переход из протестантских земель в католическую страну («пределы Великого Герцогства Баденского») [7. С. 173]. В другом случае «межевым» маркером служит облик военных: «По длинным, насаженным косам у часовых догадались мы, что едем по Гессен-Кассельскому Курфиршеству...» [7. С. 215].

Еще один типичный для русской литературы пространственный образ, актуализированный топосом немецкой дороги и немецких почтовых служб, – «лоскутный» состав германских земель, отражающий реалии государственной раздробленности Германии первой половины XIX в. Эта пространственная разграниченность и миниатюрность подчеркивается в травелоге Н.И. Гречи через мотив налогов, которые необходимо уплатить при пересечении множества внутренних немецких границ: «На каждом шагу вас останавливают и заставляют платить Trinkgeld, Schmiergeld, Bestellgeld, Chausseegeld, Pflastergeld, Brückengeld, Thorgeld, Sperrgeld, и пр., и пр.» [7. С. 118]. Далее в тексте мотив миниатюрности германских земель, противопоставленной русскому простору, достигает кульминации в описании «короткого пути в Бельведер», что по российским меркам «не далее, как от Адмиралтейства до Невского монастыря», но, чтобы проехать это расстояние, необходимо трижды заплатить “Chaussee-Geld, Thor-Geld, Brücken-Geld” [7. С. 219]. Неудобство немецких почтовых служб также обосновывается политической раздробленностью: «Немцы... признаются, что учреждения почт у них никуда не годятся, но относят сие неудобство к тому, что в Германии не может быть единства по ее политическому раздроблению» [7. С. 118]. Разнородность критически отмечается и в описании денежного обращения на германских землях: «Станции через две переменяется владение, и денег ваших не берут; даже нищие швыряют с презрением крейцер, вычеканенный за две мили» [7. С. 118]. Наконец, еще одной чертой, связанной с «лоскутностью» немецкого пространства, выступает мотив наличия диалектов как «нечистоты» локальных вариантов немецкого языка, отличных от литературного: «Я тщетно искал области,

в которой говорили бы совершенным немецким языком. В Берлине выговор приятнее и чище, но вовсе не наблюдаются правила грамматики. Всего неприятнее пестрота произношения на театре, когда актеры происходят из разных областей немецких» [7. С. 123].

До некоторой степени раздробленность может быть названа в качестве маркирования неполной субстанциональности (германскости) отдельных владений, что актуализировано в продленной французско-немецкой лимитальнойности проезжаемого автором пространства. Так, Н.И. Греч сообщает, что ночью прибывает «в первый немецкий городок Саарбрюк, доставшийся Пруссии в 1815 году» [7. С. 119]. Этот локус еще не воспринимается, однако, как полностью немецкий. Далее, по словам путешественника, он едет «владениями прусскими, баварскими и гессен-дармштадтскими» [7. С. 120], но символической точкой начала «истинной» Германии для него становятся локусы Майнца и «древнего Рейна»: «В шестой день по выезде моем из Парижа, увидел я башни Майнца, и вдали струи древнего Рейна, который величественно течет между высоких холмов, покрытых виноградными садами. Вот и Германия!» [7. С. 120].

Кроме того, травестийная, по сути, оппозиция «красота–безобразность» немок становится чуть ли не лейтмотивом «германского» фрагмента греческого текста и одновременно локальной характеристикой, маркирующей разные территории Германии. Так, по утверждению автора, во Франкфурте можно «...назвать наперечет всех недурных собою. В Майнце, Кобленце, Кельне (т.е. на левом берегу Рейна) дело другое: там много красавиц, особенно в первом из них» [7. С. 138]. В Гехсте Н.И. Греч хвалит миловидность подавшей обед служанки, но так, что похвала трансформируется в насмешку над безобразностью местных немок: «Когда мы сели за стол, я вынул из кармана записную книжку и вписал: 7го Августа 1847 года увидел в Германии первую пригожую девушку» [7. С. 138]. Причем автор прибегает к характерному для данного травелога приему острания сложившегося относительно Германии русского стереотипа: «Вы сомневаетесь, не верите? «Как же не быть красавицам в Германии? – Послушайте наших воинов: не хвалятся Саксонией». – Саксонией, так! но на правом берегу Рейна женский пол очень безобразен, по крайней мере в тех местах, где мне случалось быть» [7. С. 138]. Кроме того, Н.И. Греч высказывает сожаление, что проехал Фульду ночью: «Говорят, что женский пол в этом городе очень красив: мне хотелось бы увидеть хоть одну пригоженькую Немочку после франкфуртских карикатур» [7. С. 216].

Еще одним травестийным вариантом территориального членения Германии в греческом тексте является глюттонический¹, основанный на оппозиции «вино–пиво», элементы которой служат маркерами германских

¹ Глюттоническая Германия – один из объектов насмешки Н.И. Грече. Так, автор иронически описывает «обыкновенный, немецкий» обед – «васерсуп и баранина с полубутылкою кислого рейнвейна» [7. С. 137–138].

Юга и Севера соответственно: «Вся Германия разделяется на две части: винную и пивную – Weinland и Bierland» [7. С. 171].

В презентации маленьких немецких владений Н.И. Гречем находится, однако, место не только насмешке, но и любованию уютными идиллическими локусами, описаниями которых изобилуют тексты сентименталистского мирообраза Германии, а в гречевском тексте эти образы являются своего рода аркадскими «канклавами». Так, автор сообщает, что единственным «достойным внимания» локусом в пространстве «от Саарбрюка до Рейна» является «прекрасное, чистое mestechko Кирхгейм-Боланд» [7. С. 120] (чистота – один из устойчивых атрибутов немецкого пространства в русской литературе). Также к аркадскому комплексу пространственных характеристик относится изобильность: «Жатва везде началась и обещает много. Плодовые деревья гнутся от богатства своего» [7. С. 120]. Свойственными образу Германии в русской литературе чертами упорядоченности, организованности, чистоты также наделено пространство Вюртемберга: «Трудно найти землю столь благоустроенную, столь хорошо и исправно заведываемую, как Королевство Виртембергское! <...> При въезде в каждое mestechko, в каждую деревню видите на небольшом столбе четвероугольную доску, на которой написано имя сего места и к какому уезду оно принадлежит. Города и селения опрятны. Почтовые дворы чисты и просторны. По стенам прибиты узаконения, строго исполняемые. Чиновники исправны и учтивы» [7. С. 174]. Кроме того, локусу присущи черты визуальной приятности для созерцателя-путешественника (в духе облагороженной природы как сентименталистского концепта) и изобилия, сочетающиеся с мотивами трудолюбия и умеренности населения: «...принадлежит к прекраснейшим землям Германии. <...> изобилуя всеми потребностями жизни человеческой, оно населено добрым, трудолюбивым идержаным народом» [7. С. 177].

Еще один элемент сентименталистского мирообраза Германии, который мы наблюдаем в гречевском тексте, несентименталистском в своей основе, – это образ просвещенного монарха, главного организатора, «предводителя» идиллии. Н.И. Греч отрицает обвинения в жестокости в адрес покойного вюртембергского короля, который, по мнению автора, просто «любил порядок и правосудие», оставив после себя в памяти «добрые дела» [7. С. 174]. Нынешние же король и королева изображены как «обожаемые своими подданными» [7. С. 177], поскольку показывают пример умеренности и благотворительности, распродав зверинец прежнего монарха и жертвуя нуждающимся сэкономленные благодаря отказу от роскоши деньги: «...все деньги, издерживавшиеся дотоле на прокормление бесполезных животных, отданы были бедным поселянам» [7. С. 178]. Как просвещенный монарх правитель Вюртемберга даже созывает Генеральные Штаты, предложив «им конституцию, основанную на самых благородных началах», которая, по заверению Н.И. Грече, была не принята только из-за сопротивления удельных князей и городских патрициев, не желавших «выпустить из рук преимуществ, тягостных для народа, коего благо Ко-

роль преимущественно имел в виду при сочинении своей конституции» [7. С. 178]. Несмотря на провал этой затеи, король, движимый «любовью к добру общему», продолжает заниматься обустройством государства, сочетая это с изящными удовольствиями – чтением книг и посещением театра: «Он употребляет все время свое на занятие делами государственными; досужие часы проводит в беседе с любимою им страстью супругою и в чтении хороших книг. <...> Увеселений при Дворе почти никаких не бывает, кроме театра, да и тот отличается от большей части театров немецких тем, что на нем преимущественно представляются трагедии и комедии, а не гаерские оперы» [7. С. 178–179]. Здесь Н.И. Греч следует литературной традиции, противопоставляющей отсутствие роскоши и скуку придворной жизни благоденствию народа и социальному миру: «Одни придворные жалуются, что им скучно, – счастлива земля, в которой скучно одним придворным!» [7. С. 179].

При описании окрестностей реки Майн степень идилличности уже не так высока. В качестве основной локальной черты, отмечаемой автором, выступают местные виноградники: «Мы ехали вдоль берега Майна, между виноградниками...» [7. С. 215]. Но этот ландшафт не вызывает авторского восхищения: «Берега Майна довольно приятны, но не слишком разнообразны. Везде виноградные сады» [7. С. 137]. В этом плане описание пространства Тюрингии гораздо более эмоционально окрашено и маркируется как эстетически значимое для путешественника: «Поутру открылись прекрасные места, которые иногда не уступают рейнским и швейцарским. Еще продолжаются виноградные холмы: в некоторых местах дорога прокопана между горами; отвесные земляные стены идут с обеих сторон; иногда страна дичает и потом опять улыбается в прелестных видах» [7. С. 216]. Сам Майн также не вызывает у Н.И. Гречи особых поэтических восторгов, будучи охарактеризован как «мутный» [7. С. 125] и «ожелтоватый» [7. С. 128]. Образ верховий Дуная остранен автором, пораженным несоразмерностью миниатюрного истока с иными частями великой европейской реки: «“Что это за речка?” – спросил я... переезжая чрез мост длиною в три сажени. – “Это Дунай, сударь!” <...> Дунай! вскричал я в изумлении и пристально посмотрел на струи, которые от Шварцвальда несутся к твердыням Измаила» [7. С. 180].

Наряду с общей характеристикой германских земель автор описывает отдельные урбанистические локусы, причем, в отличие от вюртембергского фрагмента, чаще критикуя, чем восхищаясь. Так, Н.И. Греч в целом нейтрально перечисляет факты и локусы, связанные с античной, средневековой и недавней историей Майнца. Но если исключить нейтральную фактографию, оказывается, что Н.И. Греч вовсе не в восторге от застывшего во времени, ахронного локуса: «Город старинный, с тесными, кривыми, грязными улицами, высокими и дурно построенным домами» [7. С. 121]. В краткой характеристике современного ему локуса автор использует целый ряд негативных определений: «тесный», «кривые», «грязные», «дурно построенные». Н.И. Греч отказывается от «подробного описания Майнца», ссылаясь на то,

что был в нем всего несколько часов, но даже напоследок успевает в ворчливой «фонвизинской» манере заметить о здешнем «весыма неприятном» «выговре немецкого языка» [7. С. 122]. Также далее Майнц характеризуется «грязным, скучным» [7. С. 128]. Об ином, более положительном образе города будет сказано далее в связи с описанием рейнского топоса в греческом тексте.

Вообще большинство локусов Германии автор упоминает в критическом контексте. Так, Н.И. Греч развеивает славу «длинного плашкоутного моста» через Рейн: об этом мосте «...как о чуде, упоминается во всех географиях...», но он «...не может войти в сравнение с петербургскими, и притом так непрочен, что еще недавно провалилась сквозь него фура с четырьмя лошадьми» [7. С. 124].

Местечко Нид на речке Нидда описано как место исторического анекдота, когда отступающий Наполеон велел местным жителям восстановить под страхом смерти сожженный баварцами мост. Причем это становится поводом к иронии над немецкими обывателями, или, как их, следуя суворовскому определению, называет Н.И. Греч, «нихтбештимтзагерами, т.е. немецкими немогузнайками: «Куда девались немецкое хладнокровие, немецкая медленность и вялость! Бедные нихтбештимтзагеры в три часа изготовили мост...» [7. С. 126].

В «городке» Гехст упоминается одно «прекрасное строение – табачная фабрика, похожая на дворец», но опять-таки не просто так, а в упрек «городым патрициям» Франкфурта, которые не захотели принять разбогатевшего табачного фабриканта, поселившегося в раздражении из-за их «ненужной и неблагородной спеси» в Гехсте и украсившего «маловажный городок» «великолепным зданием» [7. С. 125]. В целом же Гехст маркирован Н.И. Гречем как «жалкий» [7. С. 128].

Тюбинген охарактеризован как «старинный, грязный и закоптелый» [7. С. 177]). «Прекрасные развалины замка Гогенцоллерна» на горе противопоставлены Н.И. Гречем лежащему у ее подошвы «грязному, неприятному городку» Гехингену, «столице небольшого удельного князя» [7. С. 179]. В Дармштадте автором упоминается локус театра, «...который считается в числе лучших в Германии» [7. С. 172], но при этом замечается, что сам «театр невелик и некрасив» [7. С. 173].

Ироничен образ Гейдельберга, обозначенный «прелестным своим местоположением и развалинами» [7. С. 173], которые путешественник фактически не видит, так как проезжает город ночью. Поэтому то немногое, что подмечает автор, – это «дурная мостовая» и редкие «свечки в верхних ярусах» домов, где ему представляются типажные немецкие ученые: «...какой-нибудь трудолюбивый профессор, отнимая у сна своего несколько часов, кропает рецензию для Гейдельбергских Ученых Ведомостей!» [7. С. 173–174].

Двойствен также образ Штутгарта. Описание города издали, в деми-природном обрамлении, напоминает изобильно-идиллические саксонские пейзажи сентименталистского мирообраза Германии в его карамзинском варианте: «Открывается длинная аллея высоких и густых яблонь и груш.

Какая картина для глаз...» [7. С. 174]. Положительно маркируемая визуальность присутствует в изображении Королевской улицы, где даже ко-нююшня описана как «великолепное здание» с «большими золотыми буквами» на фронтоне [7. С. 174]. Рядом расположен королевский дворец, «здание огромное и красивое; за ним лежит великолепный сад...» [7. С. 174]. Однако, начав за здравие, Н.И. Греч заканчивает за упокой, указывая, что, кроме этого королевского великолепия, в городе ничего хорошего нет: «Здания Штутгартские, кроме дворца и его принадлежностей, вообще не-красивы» [7. С. 175]. Даже местоположение Штутгарта, несмотря на идиллическое окружение из «невысоких гор, покрытых виноградниками», оценивается негативно: «Город лежит в лощине... От сего положения воздух в нем сыр, туманен и нездоров» [7. С. 175].

Контрастом к описанию большинства немецких городов в гречевском тексте служит изображение городка Тутлингена, маркированного как «прекрасный, чистый, правильно построенный» [7. С. 179]. Таким образом проявляется нелюбовь автора к средневековой застройке немецких городов, что мы видим и в характеристике Майнца: «Немецкие города вообще построены дурно; особенно безобразна та часть их, которая называется Altstadt, старый город» [7. С. 179–180]. Это актуализирует в тексте амбивалентность судьбы Тутлингена, который имел несчастье сгореть, но при этом счастье быть отстроенным на новый регулярный манер – «правильно и порядочно» [7. С. 180]. Тот же мотив актуализируется в описании города Эйзенаха, где Н.И. Греч «...изумила... чистотою и красивостию одна площадь с примыкающими к ней улицами: остальная же часть города выстроена криво, косо и нечисто» [7. С. 216]. Во времена наполеоновских походов четверть города была разрушена случайным взрывом пороховых фур, вследствие чего «...вновь выстроенные части города... гораздо правильнее, чище и красивее остальных» [7. С. 217].

Образ Веймара выстроен по той же схеме, делящей пространство на две части. Негативно описывается большая часть города, построенная «неправильно и некрасиво» [7. С. 217]. Исключением являются «дворец и сад Великого Герцога» [7. С. 217] и, конечно, «сакральный» центр Веймара – дом Гете. Причем Н.И. Греч сначала не узнает жилище немецкого гения, но выделяет дом из множества других: «Один только дом в два этажа, сооруженный в простом и благородном вкусе, с красивым портиком, обратил на себя мое внимание» [7. С. 217]. Внутреннее пространство дома тоже представляется автору значительным, хотя он подробно не описывает обстановку, сосредоточившись на образе самого Гете: «Внутреннее устройство дома не уступает изящной наружности. Прекрасное, смело построенное крыльцо ведет в верхний этаж, где живет Гете <...> внутренние покои... расположены и украшены с большим вкусом» [7. С. 218]. Контрастом к описанию дома Гете служит образ дома наследников Виланда: «...он ветх и угрожает падением» [7. С. 218].

Как видим, большинство немецких локусов в травелоге Н.И. Гречи описаны весьма скрупулезно и в «калейдоскопической» манере, соответствующей

кратким остановкам путешественника. Исключение составляет достаточно подробное изображение Франкфурта.

Визуальной границей франкфуртских земель служит «готическая башня (Wartthurm) с амбразурами и небольшими окошечками»: подобные «башни построены в средние века на всех пунктах Франкфуртской границы, пересекаемых большими дорогами» для охраны города [7. С. 126]. Впрочем, этот локус описан как симулякр по своей основной функции, являясь лишь знаком Средневековья: «Ныне башни... вовсе не нужны и остались памятником древности» [7. С. 126]. Город потерял былую самостоятельность в военном смысле, его «укрепления» «скрыты бывшим Великим Герцогом... и на месте их заведены прекраснейшие гульбища, которые придают городу снаружи самый приятный вид» [7. С. 126], т.е. место войны стало местом мира, культурного отдохновения и эстетического наслаждения. Вообще сама дорога во Франкфурт и его окрестности описаны в положительном ключе, преобладают эпитеты с позитивной окраской: «прекраснейшие гульбища», «самый приятный вид», «красивые загородные дома» [7. С. 126], «Вокруг города... прекрасные загородные дома» [7. С. 131]. Даже граница между загородным и городским пространством, «Бокенгепмские Ворота», охарактеризована положительно – «просто и со вкусом» [7. С. 126].

Но первый локус внутри франкфуртского пространства маркируется негативно. В «лучшем трактире» города, Weidenhof, действует немецкий порядок, усложняющий жизнь путешественнику: ему «...объявили, что, по установленному порядку, не могут выдать вещей и поклажи... прежде трех часов» [7. С. 126]. Прибытие в город чревато ретардацией: автор «...должен был просидеть все это время в комнате, не смея в дорожном своем костюме выйти на улицу» [7. С. 127].

Отзывы Н.И. Грече о Франкфурте в целом негативные: «... знаменитый город мне не весьма понравился» [7. С. 128]. Автор противопоставляет свое суждение общепринятым, в частности относительно архитектуры Франкфурта. «Говорят, что он принадлежит по наружности своей к числу красивейших городов Германии...», но Н.И. Греч подчеркивает относительность этого мнения, так как красивым Франкфурт можно назвать лишь в сравнении со «скучным Майнцем» и «жалким Гехстом», «... пред которыми Франкфурт, конечно, есть царь-город» [7. С. 128].

Данное Н.И. Гречем архитектурное описание Франкфурта амбивалентно. С одной стороны, автор положительно отмечает отдельные локусы, маркерами которых выступают простор (широта) и чистота: «... некоторые улицы... широки и чисты <...>. Прекрасна часть города, лежащая за живодским отделением на берегу Майна. Домы высокие, красивые, великолепные. За то и называется эта набережная die schöne Aussicht (Прекрасный Вид)» [7. С. 129]; «новые великолепные здания, принадлежащие богатейшим из франкфуртских Евреев, банкиру Ротшильду и др.», «прекрасный каменный мост» [7. С. 129]. Дифирамбов удостоены и отдельные памятники: статуя Ариадны, «превосходное произведение штутгартского художника Даннекера», а также достойный «особыенного внимания» «монумент, воз-

двигнутый Прусским Королем Фридрихом Вильгельмом II, в память Принца Гессен-Филиппстальского и его храбрых сподвижников» [7. С. 131].

С другой стороны, Н.И. Греч упоминает в негативном ключе такие средневековые черты облика города, как узость и темнота отдельных улиц («тесны и темноваты»), что объясняется путешественником экономностью местных жителей: «...для выигрыша места, которое на воздухе ничего не стоит, вторые ярусы домов выдаются на аршин и более над первыми, трети над вторыми и т.д., так что вверху дома довольно между собою сближаются» [7. С. 129]. Эта особенность ряда франкфуртских локусов маркируется в качестве чужой и неэстетичной: «Вид странный и неприятный!» [7. С. 129]. Особенno достается от автора району Саксенгаузен, застройка которого, по мнению Н.И. Греч, напоминает «небольшие немецкие города»: «Сия часть построена криво, косо и некрасиво...» [7. С. 130]. В качестве реликта Средневековья (знака «многих (бывших) вольных имперских городов») Н.И. Греч отмечает обычай называть дома во Франкфурте «не по улицам и нумерам, а по отличительным знакам»: «...на углу одного дома изображен Турук, стреляющий из пистолета: это Türkenschuss (турецкий выстрел). Над другим домом виден Римский Император...; здесь Ноев ковчег, там черный медведь, серый козел, красный петух, зеленый осел...», – что актуализирует в тексте ироническое уподобление франкфуртских домов «натуральной истории», т.е. соотносится с миром животных, а не людей [7. С. 130]. Такое «обыкновение», произошедшее в «средние века», автор находит неудобным, противопоставляя ему новое регулярное строительство с нумерацией: «...означение домов по улицам и нумерам гораздо удобнее и яснее» [7. С. 130–131].

В соответствии с господствующей в гречевском тексте логикой амбивалентности вышеупомянутому монументу принцу как «памятнику славы» во Франкфурте противопоставлен «памятник бесславия» – «довольно большое пустое квадратное место», контрастирующее с общей тесной застройкой Денгесской улицы, что используется автором для создания остранияющего эффекта: «Мне показалось странным, что франкфуртцы, выигрывая места на воздухе, не пользуются праздным местом на земле» [7. С. 131–132]. Развивая эффект, Н.И. Греч иронически замечает, что эта «пустота» и есть «памятник наказания одного франкфуртского гражданина Фетмильха», казненного за «мятеж и злоумышление против правительства» [7. С. 132]. Причем казни подвергся не только горожанин, но и его жилище, которое было срыто, и, согласно принятому закону, на этом месте нельзя было ничего строить, «...дабы оно пребыло навсегда памятником... изменения и грозной казни...» [7. С. 132]. При этом выражение «памятник бесславия» выглядит двусмысленным, поскольку Фетмильх охарактеризован автором как бескорыстный борец за права бедных «против властолюбия богатых и сильных аристократов» [7. С. 132], соответственно, бесславие ложится на самих «разгневанных патрициев», а не Фетмильха. Симулякром оказывается вовсе не локальная пустота на месте дома, как бы вымешенного за пределы добропорядочного бургерского пространства, а высокая про-

светительская риторика, вывернутая наизнанку в интересах власть имущих.

История Фетмильха служит одним из штрихов к общему изображению Франкфурта, обосновывающих нелюбовь и иронию Н.И. Гречи по отношению к городу. Более того, эта ирония переносится автором на Германию в целом: «Оставляю Германию без большого сожаления: я жил в таком городе, который... гением своих обитателей, не мог мне понравиться. <...> общество... всего важнее, а я этого удовольствия во Франкфурте не знал» [7. С. 215]. Н.И. Греч критикует город прежде всего как антропное пространство с просветительских, по сути, позиций. В результате этого архитектурно-эстетический и демиприродный аспекты локуса отходят на второй план, связанные с ними описания теряют для автора смысл, низводятся до уровня туристических путеводителей и исключаются из текста: «Описывать ли знаменитую ратушу Römer, соборную церковь... и пр.? Вы найдете изображения сих предметов во всех путешествиях и географиях» [7. С. 132]. Отдавая «справедливость» франкфуртским «красотам, климату, памятникам», Н.И. Греч замечает, что город как антропный локус не сводится к ним, его смысловым центром являются люди: «Дома не составляют города, рохи не общества, столпы и статуи не люди! Франкфурт – город торговый; жители его купцы и ремесленники; здесь достоинство человека состоит в его капитале, а ум полагается в приобретении барыша» [7. С. 133]. Именно бюргерский характер Франкфурта с его коммерческим духом отталкивает писателя. Под обществом Н.И. Греч, очевидно, подразумевает объединение просвещенных, мыслящих людей. Франкфуртцы же в его описании – это в основном торговцы, думающие лишь о выгоде, лишенной всяких моральных ограничений. Отсюда образ горожан, наживающихся на войне: «Жители франкфуртские весьма богаты. Война, опустошившая в течение 20 лет окрестные страны, доставляла промышленным его гражданам средства к обогащению» [7. С. 131]. Лучшие дома города либо принадлежат коммерсантам, либо «заняты гостиницами» [7. С. 131]. В домах патрициев не принято «святое гостеприимство» как добродетель, по выражению Н.И. Гречи, «наших северных стран»: «Хозяин принимает вас с холодною учтивостью и подводит к хозяйке, которая, привстав, проговорив сквозь зубы: Enchantee, Mr. etc. etc. – За столом толкуют о погоде, о курсе, иногда о театре, редко о политике – весьма тихо, благоразумно и хладнокровно. Каждое блюдо причиняет паузу в разговоре. После обеда, лишь только обнесут кофе <...> Должно откланяться. <...> Такое препровождение времени не слишком забавно» [7. С. 134–135]. В сатирически описываемом автором Франкфурте царит строгая субординация, обусловленная количеством денег: «Войдет богатый банкир, меньшие капиталисты встанут и поклонятся, а он ищет глазами, нет ли человека богаче его, чтоб отдать ему честь» [7. С. 135]. К чертам социального пространства города также относятся отчужденность, обособленность и отграниченнность: «всяк живет для себя» [7. С. 134]; дипломаты, «...подобно елею и вину, не сливаются с купцами...» [7. С. 135]. В итоге автор заявляет о своем отвращении

нии к Франкфурту, чужесть которого помогает переносить только общение с несколькими «нашими», т.е. своими людьми: «Я не остался бы здесь и двух дней, если б обхождение с некоторыми из наших... не услаждало моего искуса» [7. С. 136].

Вообще регламентированность, рационализированность, меркантильность как основа немецкого бытия часто встречаются в русских изображениях Германии. Характерен для последних и мотив скуки немецкой жизни, к которому обращается Н.И. Греч, описывая немецкую часть своего путешествия, в частности во Франкфурте: «Живущие здесь Русские крайне скучают» [7. С. 134]. Подчеркнут мотив скуки в изображении общественных увеселений, которых «мало»: «Театр не хорош. После обеда собираются читать газеты и играть в карты и на биллиарде, в казино, или клубе» [7. С. 135]. При этом великолепное, «со вкусом», убранство клуба, т.е. эстетика цивилизации, включающей «четыре биллиарда и читальню, в которой можно найти до полутораста газет и журналов на разных языках, часы с курантами и пр.», лишь подчеркивает убогость развлечений: «Там чинно, тихо и – до крайности скучно. Никто не заговорит громко; нет ...веселости... дружелюбия, которые составляют прелест наших обществ» [7. С. 135]. Единственное, что Н.И. Греч хвалит в казино, – это запрет на курение табака, «который составляет главное занятие и первое наслаждение в сих странах» [7. С. 135]. Но отсутствие даже такого невинного проявления человеческой слабости еще больше усиливает мотив немецкой скуки: «...может быть, именно от этого лишения счастья в казино так скучны и однообразны?..» [7. С. 136].

Франкфуртские простолюдины изображены не лучше патрициев. Это либо лакеи, подобные швейцару, всякий раз «с умильною улыбкою» протягивающего руку «для получения большого талера» [7. С. 135], либо грубияны, как жители Саксенгаузена, саксонцы по происхождению, славящиеся своей «грубоостью посреди Немцев, которые, по словам их остроумного единоземца Зейме, только в этом качестве могут быть виртуозами!» [7. С. 130].

Даже франкфуртские литераторы, которые, по представлению русского автора о высоком статусе науки и искусства («Я всегда уважал науки, словесность, и художества, и привык смотреть с отличным почтением на людей, которые занимаются ими...» [7. С. 133–134]), должны быть людьми духа, заражены торгашеским духом города. Они навязывают свои сочинения приезжим, сервильно унижаясь при этом: «...нахожу книжку под заглавием “Описание города Франкфурта” при письме сочинителя, который, величая меня превосходительным, милостивейшим государем, изъявляя радость, которую почувствовал, узнав о приезде моем в сей город и поручая себя всенижайше моему высокому покровительству, всепокорнейше просит о благосклонном принятии сей книги, то есть о пожаловании талера» [7. С. 133]. Автор рассматривает такие продажи как «добровольное унижение» и снижение статуса литератора [7. С. 134]. Этот же мотив унижения искусства связан с упоминанием франкфуртских «...книжных фаб-

рикантов, которые более унижают, нежели возвышают словесность» [7. С. 133], что подтверждает характеристику города как места тотальной коммерции. Кроме того, Н.И. Греч подчеркивает, что не знает ни одного франкфуртского ученого, бывшего бы известным в Европе. Отсюда полное разочарование автора, которого «влекло в Германию» «уважение к ее языку, словесности и просвещению», т.е. некий идеализированный образ, сложившийся из заочного знакомства с пространством, но в реальности писатель видит, что «во Франкфурте эти предметы не в цене» [7. С. 133]. В результате ему даже приходится оправдываться перед читателями за созданную неприглядную картину города: «Я обещал говорить вам правду: виноват ли я, что она так жестка во Франкфурте?» [7. С. 136].

Еще одним локусом, описываемым Н.И. Гречем достаточно подробно, является курорт Бад-Эмс, куда автор едет по настоянию врачей. Изображение Эмса построено на принципе антитезы по отношению к образам иных немецких курортов, «теплиц Германии»: если последние связаны с мотивами города-блудницы («шумные веселости большого света и разврат многолюдных столиц», «куда стекаются министры и генералы, купцы и игроки, промышленники и прелестницы») и пира во время чумы (соседство веселья «подле болезни и страданий»), то описание Эмса включает в себя мотивы излечения-спасения («целебный источник» «посвящен исключительно облегчению страданий человечества»), безвестности («Бьюсь об заклад, что вы не найдете ни на какой карте места нынешнего моего пребывания!»; «...не может сравниться славою с другими теплицами Германии...»), уединения на лоне природы, противопоставленные городской цивилизации («в стране уединенной, дикой, богатой красотами природы») [7. С. 128]. Неслучайно позже Н.И. Греч для характеристики этого пространства делает отсылку к романтизму: «Местоположение целительного Источника Эмского самое дикое, романическое» [7. С. 165].

Описывая Эмс, Н.И. Греч вновь прибегает к приему иронического острания стереотипных представлений о Германии. Так, автор обыгрывает образ Германии философской и ученой, что не раз становилось в русской литературе поводом к осмеянию немцев-гелертеров, склонных к излишней систематичности: «...я <...> дышу воздухом новейшей философии, ...обитаю... в стране рождения всех возможных систем <...> Должно сообщить вам полную, подробную и систематическую реляцию моего местопребывания и лечения в Эмсе» [7. С. 165]. Повествователь в шутливой манере как бы отказывается от своего, перенимая чужое, инокультурное в форме «систематической реляции». Он вкратце касается истории источника, простирающейся до времен Древнего Рима («Здешний целебный источник известен был уже древним Римлянам под именем Амбазиса»), характеризует химический состав вод и их воздействие на пациентов, подробно описывает устройство самого курорта с его состоящим из двух корпусов домом на 200 квартир, источниками, купальнями, небольшим садом с «несколькими прекраснейшими каштановыми деревьями» и беседкой, где «находится просторная зала, по которой больные прохаживаются в дурную погоду, пьют

чай, завтракают. В двух примыкающих к ней комнатах билиард и рулетка» [7. С. 167]. Как видим, дикая природа в пространстве курорта укрощена, введена в рамки цивилизации и приспособлена под человеческие нужды. Это типичный для русских travelogов о Германии локус с характеристиками чистоты («...опрятно одетая старушка (Trinkfrau)... в чистых стаканах подает воду...»), удобным вещным миром («подвижные лавки книг, модных товаров, галантерейных вещей» [7. С. 166]), приятностью («...вода <...> довольно приятна <...> Купаться в сей воде весьма приятно. Теплота ее сообщается и атмосфере в купальне, <...> не чувствуешь обыкновенного озно-ба»), пользой («...они (Эмсские воды. – С.Ж.) совершенно возвратили мне здоровье» [7. С. 168]).

В то же время упорядоченность немецкого пространства провоцирует восприятие локуса как усредненного, не имеющего ярко выраженных свойств: «Эмс не город, не городок, не деревня, а так просто – Эмс» [7. С. 166]. Отсюда вновь актуализируется мотив немецкой скуки, проходящий через германский фрагмент текста Н.И. Греч: «Немцы имеют многие похвальные качества: честность, верность, трудолюбие, постоянство, терпение; но <...> жить с ними очень скучно!» [7. С. 169]; «Чрез три дни по приезде в Эмс почувствовал я томление ужаснейшей скуки...» [7. С. 170]. Противопоставляя Эмс другим «теплицам в Германии», которые «суть самые веселые места», автор подчеркивает, что здесь, как в «прочих» некурортных немецких локусах, «должно умереть со скуки» [7. С. 169]. Та же река Лана маркирована как «унылая» [7. С. 165]. Упреки Н.И. Гречка к антропному пространству курорта сходны с теми, что автор делает в отношении Франкфурта: обособленность («Все здесь живут про себя; видят друг друга всякую минуту по необходимости...» [7. С. 169]), холодность и недружелюбие («...не чувствуют, по-видимому, никакого влечения к общежитию и дружелюбию» [7. С. 169]; «Здешние дамы покрыты медною бронею степенности и церемоний» [7. С. 170]), монотонность, ахронность и регламентированность («Мы встаем в шестом часу, купаемся, отдыхаем, пьем воду, прогуливаемся до обеда <...> После обеда опять пьем воду, опять прогуливаемся, играем в домино, катаемся по Лане, скучаем, ужинаем и засыпаем» [7. С. 169]). Н.И. Греч развивает типажную для отечественной литературы тех лет характеристику русских как жителей Севера с помощью антитезы, противопоставляющей россиян, «родившихся на хладных равнинах Севера», но с живым, «огненным» воображением (себя при этом автор маркирует как «пламенный Сын Отечества»), живущим в более теплых странах немцам, которых отличают «хладнокровие и вялость» [7. С. 169]. Та же антитеза «внешнего» (имажинально-географического) и «внутреннего» (характерологического) элементов касается маркирования речи в тексте. Беседа русских в Эмсе маркируется «живостью и быстротой», удивляющей немцев, «...каким образом, под шестидесятым градусом северной широты, на топких равнинах, обреченных в удел вечной осени, могут родиться люди – с таким пылким воображением» [7. С. 171], тогда как речь немцев характеризуется как глубокомысленная («глубокомысленные прения» – в иронической огласовке, разумеется) и крайне неторопливая («...случалось мне видеть, что два Немца

сидят по нескольку часов в трактире за полбутылкою вина, не говоря ни слова: разве что чрез полчаса один из них, выпив рюмку, скажет: ja, ja! А другой примолвит: so geht es in der Welt!» [7. С. 171]). Неудивительно, что Н.И. Греч саркастически низводит отдыхающих в Эмсе немцев на вегетативный уровень, уподобляя деревьям: «...мне казалось, что я... хожу по лесу, которого деревья дышат, ходят, танцуют, пьют воду и купаются» [7. С. 170].

Единственным локусом, относительно положительно описанным Н.И. Гречем, является локус Рейна. Ему, правда, предшествует ироническое описание плавания по Майну, что неудивительно, если иметь в виду, что Майн мыслится автором как продолжение коммерческого, антипатичного последнему Франкфурта. Путешествие по Майну на «пребольшой крытой лодке (Marktschiff)» маркируется мотивами тесноты, неудобства («В каюте было множество разного народа и незнакомых лиц. Жар, духота и запах несносные. На палубе или крыше ни скамьи, ни стула» [7. С. 136–137]), грубости, распущенности простолюдинов (сюда относятся описания «грубого голоса» инспектора лошадей, его «прегнусной, испачканной фигуры», «как обыкновенно, с трубкою в устах» [7. С. 137], а также филистерского «народного пения в Германии», когда четверо «кривых, косых, хромоногих музыкантов» аккомпанировали под «одобрительный хохот» зрителей «полупьяному», «дурно одетому» певцу, иронически обозначенному как «прелестный», в песнях которого «...заключалась похвала невоздережности, разврату и другим гнуснейшим еще порокам, даже преступлениям...» [7. С. 138]). Как видим, это описание концентрирует в себе множество негативных характеристик, включающих обозначение как внешних, так и внутренних недостатков. В итоге автор напрямую называет певца «старым негодяем» [7. С. 139], а сам корабль уподобляет ковчегу, намекая тем самым, что его пассажиры – животные. Наименование «франкфуртский ковчег» [7. С. 139] маркирует локацию судна как своего рода продолжение территории Франкфурта.

При попадании из «франкфуртского ареала» желтого и мутноватого Майна в земли, относящиеся к «серо-зеленоватому Рейну» [7. С. 124], Н.И. Греч, однако, начинает постепенно сменять регистр повествования, переходя от злой насмешки над филистерами *Marktschiff*а к мягкому юмору по поводу одной из своих немецких попутчиц – романтически настроенной «томной Марии», готовой во время остановки в Майнце ради вида «восхождения солнца из-за Рейна» жить в гостинице “*Frankfurter Hof*”, «ужасном гнезде», в котором из окошка... виден был Рейн. Мария, увидев прекрасный ландшафт, крайне обрадовалась...» [7. С. 139]. Майнц здесь – место перехода от филистерского, сатирически изображаемого Франкфурта к природному, чуть ли не романтическому локусу Рейна (при том что Н.И. Греч в самом тексте подчеркивает, что не принадлежит «к последователям романтики» [7. С. 110]). Эта дихотомия антропного и природного начал выражается и в сцене пробуждения немецких спутниц автора: «...старушка не могла забыть скудости вчерашнего ужина и жаловалась на жесткую постелью, а Мария объявила нам, что удивительная кар-

тина восхождения солнечного из-за цветущих холмов, окружающих Рейн, ее обворожила, и она забыла все неудобства и неудовольствия» [7. С. 140].

Путешествие по Рейну совершается в дилижансе, небольшом речном судне, изображение которого контрастирует с описанием майнского *Marktschiff'a*. В отличие от последнего дилижанс характеризуют мотивы чистоты и внешней привлекательности («чистые и красивые» каюты), благовоспитанности пассажиров («Общество состояло, кроме наших дам, из двух саксонских купцов, людей умных и благовоспитанных» [7. С. 140]). Даже простолюдины здесь – полная противоположность грубиянам из плавания по Майну: «В нижнем парламенте были солдаты, ремесленники и т.п. – в сравнении с компанией вчерашнего дня – люди самые почтенные и любезные» [7. С. 140].

Собственно описание рейнского отрезка путешествия характеризуется, в отличие от основной части повествования о Германии, отсутствием иронии как остранения автора от описываемого пространства. Наоборот, Н.И. Греч в рейнских эпизодах выступает созерцателем, даже порой восторженным, стремящимся слиться с природным пространством, переходящим от «пространственной идиосинкразии» к топофилии, сближающейся с эстетизированной экзальтацией карамзинского русского путешественника: «...мы вошли в долину Рейна (Rheingau), которая красотою местоположения и разнообразием видов славится во всей Германии. И в самом деле, на каждом, так сказать, шагу представлялись нам новые картины – одна прелестнее другой. Погода была тихая и приятная. <...> Прекрасный день, которого я ввек не забуду!» [7. С. 140–141]. Отдельно отметим авторскую ремарку «и в само деле», т.е. в пространстве Рейна имажинальное, усвоенное из книг и рассказов других людей, соответствует реально наблюдаемому, что является редким исключением для греческого изображения Германии.

Часть рейнских локусов маркируется как демиприродная, т.е. соединяющая в себе природные и антропные объекты, что в совокупности порождает идиллический тип пространства, особенно характерный для сентименталистского мирообраза, но встречающийся в виде вариаций и в других мирообразах Германии в русской литературе. Примерами таких демиприродных локусов служат возвышающиеся «по обеим сторонам Рейна» виноградные холмы, «славящиеся своими произведениями во всей Европе» [7. С. 141]. В связи с образом виноградных холмов вводится мотив рейнвейна как *locus communis* «рейнского текста» русской литературы. Подъем духа, хотя и не столь интенсивный, как у карамзинского путешественника, испытывает Н.И. Греч во время остановки на обед в местечке Бинген: «Не знаю отчего, сегодня мне все нравилось: стол обыкновенный казался мне превкусным, вино прекрасным» [7. С. 145]. Мотив рейнвейна актуализирован Н.И. Гречем и в описании деревни Гохгейм, «вокруг которой растет одно из лучших рейнских вин» [7. С. 124–125], «знаменитого холма Иоганнесберг», «которого вино предпочитается всем прочим родам рейнвейна» [7. С. 141–142], «местечка Рюдесгейм», «известного своим вином,

вкусным и горячим» [7. С. 142], городка Бахарах, чье «...вино славилось в средние века» [7. С. 153].

Характерным для изображения Германии в русской литературе маркетром идиллии также выступает мотив миниатюрности антропных локусов: «небольшие деревеньки и mestечки», «городок Биберих», «небольшая страна», «пространство немногих миль» (герцогство Нассау) [7. С. 141]. В целом можно говорить об обилии положительных характеристик в описании рейнского пространства: «два прекрасных острова Petrus-Aue и Ingelheimer-Aue», «одна прекраснейшая из стран Германии» (герцогство Нассау), «славнейшие целительные воды», «вид... удивительный», «прелестная равнина» [7. С. 141], «вид... очаровательный» [7. С. 142]; «прекраснейшая равнина» [7. С. 159]. Рейнский фрагмент изобилует идиллическими пейзажными зарисовками как квинтэссенцией умиротворенного созерцания: «По правому берегу Рейна стелется прелестная равнина, на которой построен замок герцога. Далее к северу цветущие холмы теряются в синеве отдаленных гор и небесной лазури. Рейн кажется озером» [7. С. 141]; «...оттуда представляется, как на ладони, весь Rheingau с бесчисленными mestечками, деревнями, монастырями, горы с развалинами, величественная река с тенистыми островами» [7. С. 142]; «Мы наслаждались прекрасными видами на всем этом путешествии, но последняя картина была самая прелестная: она увенчала ряд незабвенных ландшафтов. По левую сторону реки прекрасный город Кобленц с великолепным замком; на правом берегу высокая остроконечная гора, на вершине которой видны величественные развалины крепости Эренбрейтштейна...» [7. С. 160].

Впрочем, интонация повествователя при описании идиллических ландшафтов все же сдержаннее, чем у Н.М. Карамзина. Н.И. Греч, видимо, ощущая несоответствие своих восторженных описаний рейнских локусов общему ироническому изображению Германии, прерывает себя, заявляя, что не станет «...исчислять прелестных ландшафтов... по обоим берегам Рейна...», а также иронизирует над самим собой, сравнивая себя с болтливым стариком: «Путешественник часто впадает в погрешность старых людей, которые без умолку твердят внукам своим о днях своей юности <...> То же может случиться и со мною: говоря о странствии по Рейну, вижу я в уме своем очаровательную картину, которая в воспоминании еще приятнее существенности, а вам представляются только на белой бумаге ряды черных строчек, которых единообразие кое-где изменяется знаком восклицания!» [7. С. 158].

Другая часть рейнских локусов относится к романтическому мирообразу – «готической», историко-легендарной Германии, с которой мы сталкиваемся еще в предромантических фрагментах карамзинского текста. Н.И. Греч, в свою очередь, упоминает «развалины рыцарских замков» на вершинах «утесистых гранитных» холмов, возбуждающие «в душе странника воспоминания о грозных пийтических временах средних веков», в частности «грозные развалины замка Зонненберга», «Эльфельд, главное место в Рейнгау, с готическими своими башнями» [7. С. 141], «местечко Боппарт с высо-

кими готическими башнями» [7. С. 158]. В качестве реликтов Средневековья автор также представляет «бывший женский монастырь Эйбинген, построенный знаменитою игуменьею Гильдегардо фон Шпонгейм» [7. С. 142], а также «башню, называемую Пфальцграфским камнем и издали похожую на корму военного корабля», на верхнем ярусе которой «...супруги пфальцграфов в старину долженствовали разрешаться от бремени»¹, а «внизу <...> были в старину государственные темницы» [7. С. 154].

При этом Н.И. Греч старается подчеркивать связь времен в своих описаниях Германии исторической – от античности до Нового времени. Он упоминает, что mestечко Боппарт построено «на одном из пятидесяти римских укрепленных лагерей, сооруженных Друзом Германиком» [7. С. 159]. Вообще, согласно Н.И. Гречу, часть рейнских архитектурных локусов создана «еще во времена Римлян» [7. С. 148]. Местечко Кауб называется и как штаб-квартира войска уже упоминавшегося нами Густава Адольфа в тридцатилетнюю войну, и как место перехода через Рейн «победоносной Силезской армии освободителей Европы», «храбрых сынов севера» (отсюда выше рассмотренный мотив русского Рейна, инспирированный батюшковским текстом) [7. С. 154]. Развалины замка Рейнфельс связываются сначала с историей основания Рейнского союза городов, истребившего «большую часть разбойничьих замков на берегах Рейна» [7. С. 159], затем с событиями XVII в., когда «...храбрый Гессенский полковник Герц защищал сию крепость от Французского полководца Талларда, который наконец, видя безуспешность всех своих усилий, скег свой лагерь и удалился» [7. С. 157–158], наконец, с недавним прошлым «революционной войны», в ходе которой «...Рейнфельс сдался французам по первому требованию» и был разрушен, а его «пустые стены» напоминают автору «о храбрости веков варварства и о варварстве веков просвещенных» [7. С. 158]. Как видим, здесь в гречевском тексте наблюдается определенный смысловой сдвиг в оценке Средневековья. Если классические просветители рассматривали эту эпоху как варварство в негативном контексте, то русский автор XIX в. признает за этим варварством ряд достоинств и в то же время критикует Просвещение, обнаруживая варварство уже в нем. Сходным образом Н.И. Греч сталкивает два образа прошлого – средневекового и недавнего – в описании «бывшего Кельнского городка Рензе», в котором в старину «...собирались Рейнские Курфирсты для совещания о делах отечества; здесь определено было установить вечный земский мир в Германии; здесь многие Императоры избраны, некоторые отрешены» [7. С. 159]. Этот локус, отнесененный в прошлое, маркируется автором положи-

¹ Хотя в целом Н.И. Греч очарован рейнскими средневековыми развалинами и их величественной историей, он в духе воззрений эпохи Просвещения далеко не в восторге от средневековых обычаяев. Вспомним его критику средневековой застройки Франкфурта. Обычай же пфальцграфинь рожать в Пфальцграфском камне автор обозначает как «странный», замечая, что «вообще Германия есть отчество странностей, получивших начало в средние века» [7. С. 154].

тельно как «величественный и многозначительный» [7. С. 159]. Он, по Н.И. Гречу, разрушается «во время революционной войны» неоварварами, «бешенствующими Французами», вероятно, из-за его названия – «Королевский» [7. С. 159].

Следует также отметить, что в изображении «романтического» Рейна баланс между антропным и природным началами уже сдвинут в сторону последнего. Антропное нередко отнесено в прошлое, а также связано с мотивом былой угрозы как отголоска мотива ужаса готических романов и романтической эстетики ужасного: «Почти о каждой развалине ходят в народе страшные повести, в которых истина смешана с вымыслом» [7. С. 142]. Дикая же романтическая природа неизменна и присутствует в настоящем, где горы выступают как «онтологическая и антропологическая категория» романтической картины мира [10. С. 5]. Неслучайна в связи с этим ремарка автора: «Здесь начинается настоящая долина Рейна. Горы и холмы идут уступами» [7. С. 141]. Антропные локальные элементы получают характеристики древности, грозности, уединенности как отграниченност от обычного, «земного», дольнего мира людей: «древний замок Эренфельс», «седые развалины» [7. С. 145], «опустошенная церковь», «которая стоит уединенно посреди дерев»; «башня Гаттона, грозная, уединенная» [7. С. 146]; «мрачные, унылые развалины замка Ланека» [7. С. 160]. Природные элементы характеризуются дикостью, гористостью, лесистостью, тенистостью, опасностью, т.е. тоже отражают идею труднодоступности, неантропности, а также громадностью, несоразмерностью с человеческим миром: «крутые дикие горы», «которые возвышаются с обеих сторон»; «...поднимается до облаков утесистая гора Рюдесгеймская...»; «горы лесистые, коих тень падает на Бингенское ущелье (Bingerloch)»; «всюду громады камней» [7. С. 145]; «опасное место» [7. С. 146]; «новый опасный водоворот» [7. С. 153–154], «дикая страна» [7. С. 157]. «Узенькая тропинка» в горах еще больше подчеркивает труднодоступность каменного пространства [7. С. 145]. При этом антропные пространства перенимают свойство громадности от природного ландшафта, уподобляясь горам: «По обеим сторонам реки возвышаются громады – развалины замков, монастырей и других зданий...» [7. С. 148]. В целом вертикаль как антропного (готические, устремленные вверх башни, замки), так и природного (горы, скалы, утесы) элементов доминирует здесь над стесненной, зажатой горизонталью, а закрытость – над визуальной открытостью.

При этом речное и горное уже не гармонируют, как в идиллических описаниях, а противоборствуют друг с другом: «Рейн... теряется между утесами...» [7. С. 145]; «Волны реки бьют прямо в... каменную стену...» [7. С. 146]. Человек вмешивается в эту борьбу стихий, чреватую для него гибелью: «Мало-помалу воды промывали гранитную преграду <...> она рушилась и доставила реке свободный проход. Карл Великий приказал пораспространить русло ее <...> В новейшие уже времена путь сей сделан безопасным и удобным для больших судов», хотя и сейчас «неопытные пловцы легко могут здесь погибнуть...» [7. С. 146].

Помещенный в «суровый» ореографический контекст Рейн уже не идилличен, но эпичен, обозначен как «величественная река» [7. С. 142]. Природное и легендарное начала, по сути, неотделимы друг от друга в «рейнском» тексте: «...берега Рейна богаче всех прочих стран Германии историческими воспоминаниями и преданиями народными» [7. С. 142]. Таким образом, Н.И. Греч подводит читателя к изложению «рейнского легендариума» с призраками, драконами, горными духами и божественным вмешательством. В него входят истории «славного рыцаря» Бремзера фон Рюдесгейма и монастыря «Казнь Божия (Noth Gottes)» [7. С. 142], башни Гаттона, или Мышьей башни (Mäusethurm) (легенда о наказании жестокого архиепископа Гаттона), «крутой горы Кедрих», прозванной «Чертово лестницею» [7. С. 148] (легенда о Гарлинде, ее отце и горных духах), а также «Драконовой горы», входящей в состав семигорья, das Siebengebirge [7. С. 160] (легенда о Драконе и Деве). Отдельных слов удостоено гористое пространство «за местечком Обервезелем», связанное с «благочестивым пустынником», святым Гоаром, поучавшим здесь «в старину» «истинам Христианства простодушных рыбарей», а также с «громадой утесов», «называемых Лурлей» и представляющих автору «всего страшнее» среди окрестных скал [7. С. 156]. Саму легенду о Лурлей Н.И. Греч, правда, не приводит, зато упоминает о традиционном увеселении: «Здесь путешественники забавляются эхом, которое пять раз повторяет произнесенное слово. Один из наших спутников выстрелил из пистолета; звук его троекратно раздался в пустыни и долго еще рокотал в ущелинах» [7. С. 156–157]. Изложение отдельных частей легендариума имеет вид вставных рассказов, заключенных в кавычки и выбивающихся из общего иронического стиля гречевского повествования.

Таким образом, имажинально-географическое пространство Германии представлено в travелоге Н.И. Грече «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» в рамках различных повествовательных модусов, создавая пеструю локальную картину, отражающую «лоскутное» культурно-политическое положение реальной Германии того времени. В целом повествование в немецком фрагменте текста колеблется между фактологическим описанием пространства и его ироническим остранением. Последнее также затрагивает сферу стереотипных представлений о Германии, сложившихся к тому времени в русской культуре. В частности, автор частично развенчивает стереотип о немецких землях как пространстве духа, поэзии и науки, противопоставляя идеализированную Германию, чей образ подчерпнут из книг и чужих наблюдений, собственному субъективному образу, рожденному из непосредственного наблюдения во время путешествия. Антитезу можно назвать одним из основных приемов в гречевском тексте. Автор противопоставляет Германию Франции, немцев – русским, историю – современности, Франкфурт-на-Майне – рейнским землям, «винную» Германию – «пивной», разнуданность основных немецких курортов – размеренности и скуче Эмса и т.п. Также Н.И. Греч деконструирует стереотип о красоте немок и достоинствах франкфуртской жизни.

В то же время он подтверждает часть типажных элементов в описании Германии: холодность, рассудочность и неизящность немцев-филистеров, образ которых иронически снижается вплоть до уподобления деревьям, приверженность немецких гелертеров систематизированнию, любовь к пиву как неизменному атрибуту немцев-обывателей в русской литературе. Кроме того, типажны для русских травелогов о Германии конца XVIII – начала XIX в. мотивы лиминальности франко-немецкого пространства Эльзаса–Лотарингии, а также скуки немецких локусов и ретардированного путешествия по Германии посредством почтовой службы. Все вышесказанное позволяет определить греческий образ немецких земель как склоняющийся (с известными оговорками) к травестийному модусу презентации пространства. Во многом Германия в тексте Н.И. Грече напоминает в смягченной форме критические локальные описания в зарубежных письмах Д.И. Фонвизина.

Однако греческие образы ряда немецких земель отсылают читателя и к карамзинской традиции. Это прежде всего касается пространства идиллии, представленного, например, изображением Виртембергского королевства и отдельных локусов в рамках «рейнского» текста. Основными их характеристиками являются приятность для глаза, уютность, упорядоченность, т.е. антропность, соразмерность человеческому миру, что позволяет говорить о наличии в греческом травелоге элементов сентименталистского мирообраза. Достаточно значительное место уделено мотиву рейнвейна как напитка веселья и жизненных сил, который встречается и у Н.М. Карамзина.

Наконец, греческий текст включает в себя локальные образы, которые можно отнести и к романтическому мирообразу. Он представлен в рейнском фрагменте в описаниях дикой (горной) природы и ряда антропных локусов, в которых смешиваются историческое и легендарное Средневекование. Несмотря на высказываемое Н.И. Гречем отрицание романтической эстетики, данные локусы описаны в ее духе, причем охарактеризованы амбивалентно (одновременно и притягивают взор путешественника, и пугают своим контрастом с современным антропным миром), но практически без авторской иронии, свойственной описанию иных немецких локусов.

В целом эта ирония направлена прежде всего против Германии филистерской, квинтэссенцией которой выступает пропитанный духом коммерции Франкфурт-на-Майне, наиболее негативно описанный в тексте город, а также частично против Германии исторической. Причем римское прошлое немецких земель представлено, по сути, нейтрально, как далекая старина, насмешке подвергаются некоторые странные для автора средневековые обычаи и застройка городов в готическом стиле, в чем ощущается влияние просветительской традиции. Недавнее историческое прошлое изображено в контексте борьбы с наполеоновской Францией, которая маркируется неоварварством, худшим, чем варварство средневековое. Описания же Германии природной, демиприродно-идиллической и легендарной иронии лишены вовсе, служа контрастом по отношению к «германскому» повествованию в целом.

Список источников

1. Аксенова М.В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Гречи (1839) в социокультурном пространстве // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 142–150.
2. Аксенова М.В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Гречи в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест : литературоведческий журнал. 2020. № 3 (7). С. 7–21.
3. Аксенова М.В., Чарчоглян Т.Г., Садиева А.Н. Особенности хронотопа в traveloge (на примере «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н.И. Гречи) // Juvenis scientia. 2019. № 2. С. 15–17.
4. Летуновский Е.А. Архитектура стран Западной Европы первой половины XIX в. В оценке русских путешественников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2, т. 1. С. 137–144.
5. Морозова Н.Г. Границы восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9–17.
6. Ильченко Н.М., Аксенова М.В. Образ Германии в путевых письмах Н.И. Гречи // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве : материалы междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород : НГЛУ, 2016. С. 112–116.
7. Греч Н.И. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году. Письма к А.Е. Измайлову // Греч Н.И. Сочинения Николая Гречи : в 5 ч. СПб. : Тип. Н. Гречи, 1838. Ч. 4. С. 3–226.
8. Жданов С.С. Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра филологических наук. Томск, 2019. 455 с.
9. Рейтблам А.И. Наблюдательный Наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164.
10. Янушкевич А.С. Русская романтическая монтанистика 1810–1830-х гг. как имагологический и компаративистский текст // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 5–19.

References

1. Aksanova, M.V. (2017) “Putevye pis’ma iz Anglii, Germanii i Frantsii” N.I. Grecha (1839) v sotsiokul’turnom prostranstve [“Travel letters from England, Germany and France” by N.I. Gretsch (1839) in the socio-cultural space]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 38. pp. 142–150.
2. Aksanova, M.V. (2020) “Putevye pis’ma iz Anglii, Germanii i Frantsii” N.I. Grecha v kontekste russkoy literatury puteshestviy XIX veka [“Travel letters from England, Germany and France” by N.I. Gretsch in the Context of Russian Travel Literature of the 19th Century]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*. 3 (7). pp. 7–21.
3. Aksanova, M.V., Charchoglyan, T.G. & Sadieva, A.N. (2019) Osobennosti khronotopa v traveloge (na primere “Putevykh pisem iz Anglii, Germanii i Frantsii” N.I. Grechi) [Features of the chronotope in the travelogue (on the example of “Travel letters from England, Germany and France” by N.I. Gretsch)]. *Juvenis scientia*. 2. pp. 15–17.
4. Letunovskiy, E.A. (2015) Arkhitektura stran Zapadnoy Evropy pervoy poloviny XIX v. v otsenke russkikh puteshvennikov [Architecture of the countries of Western Europe in the first half of the 19th century in the assessment of Russian travelers]. *Yaroslavskiy Pedagogicheskiy Vestnik*. 2 (1). pp. 137–144.
5. Morozova, N.G. (2008) Grani vospriyatiya Germanii v kontekste russkoy literatury “puteshestviy” [Facets of Perception of Germany in the Context of Russian Literature of “Journeys”]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 9–17.

6. Il'chenko, N.M. & Aksanova, M.V. (2016) [The image of Germany in the travel letters of N.I. Gretsch]. *Yazyk, kul'tura, mental'nost': Germaniya i Frantsiya v evropeyskom yazykovom prostranstve* [Language, Culture, Mentality: Germany and France in the European language space]. Proceedings of the International Conference. Nizhny Novgorod. 13–14 October 2016. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University. pp. 112–116. (In Russian).
7. Gretsch, N.I. (1838) *Sochineniya Nikolaya Grecha* [Works by Nikolay Gretsch]. Vol. 4. Saint Petersburg: Tipografiya N. Grecha. pp. 3–226.
8. Zhdanov, S.S. (2019) *Prostranstvo Germanii v russkoy slovesnosti kontsa XVIII – nachala XX veka* [The space of Germany in Russian literature of the late 18th – early 20th centuries]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
9. Reytblat, A.I. (2018) Nablyudatel'nyy Nablyudatel': N.I. Grech i III otdelenie [Observant Observer: N.I. Gretsch and The Third Section]. *Literaturnyy fakt.* 10. pp. 108–164.
10. Yanushkevich, A.S. (2015) Mountain Art, or the “Mountain Philosophy” of Russian Romanticism of 1810s–1830s. *Imagologiya i komparativistika.* 2 (4). pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/4/1

Информация об авторе:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия); профессор кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation); professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022;
одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 07.06.2023.

*The article was submitted 31.01.2022;
approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/83/11

Рецепция творчества А.П. Чехова в Казахстане

Кадиша Рустембековна Нургали¹,
Виктория Владимировна Сиряченко²

^{1, 2} Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан
¹ nurgalik1@mail.ru
² vikalife020894@gmail.com

Аннотация. Впервые предпринимается попытка систематизации источников, содержащих информацию о литературно-критической и художественной рецепции творчества А.П. Чехова в Казахстане. В результате исследования определены основные направления научного и художественного осмысливания творческого наследия русского писателя в разные периоды развития литературы, критики, драматургии и литературоведческой науки в Казахстане. Рассмотрены исследования казахстанских деятелей литературы, театра, просветителей, ученых, что позволяет сделать выводы о специфике взаимодействия казахской культуры с творчеством А.П. Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, литературно-критическая рецепция, художественная рецепция, художественный перевод, казахское литературоведение, казахский театр

Для цитирования: Нургали К.Р., Сиряченко В.В. Рецепция творчества А.П. Чехова в Казахстане // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 204–233. doi: 10.17223/19986645/83/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/11

Reception of Anton Chekhov's oeuvre in Kazakhstan

Kadisha R. Nurgali¹, Viktoriya V. Siryachenko²

^{1, 2} L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
¹ nurgalik1@mail.ru
² vikalife020894@gmail.com

Abstract. This article presents an overview of Kazakh literary criticism dedicated to the works of Anton Chekhov. The first attempt is made to systematize the Kazakh literary-critical and artistic reception of Chekhov's oeuvre in order to identify the main directions of the scientific and artistic comprehension of the creative heritage of

the writer and playwright in Kazakh literary criticism. The authors reviewed Kazakh scholars' studies on Chekhov, due to which different research strategies were revealed in Kazakh Chekhov studies. The relevance of this research lies in the study of receptive aesthetics, intercultural communication and dialogue between Kazakh and Russian cultures. The novelty of the work is in the first attempt of a special research of history and specificity of literary-critical and artistic reception of Chekhov's works in Kazakhstan, as well as the first attempt of systematization of studies on Chekhov's works by Kazakhstani researchers. Currently there is no work containing a detailed comprehensive analysis of the reception of Chekhov's oeuvre in Kazakhstan. The aim of the work is to identify main directions of literary-critical and creative comprehension of Chekhov's artistic heritage in Kazakh literary studies. In the course of the research we discovered that Kazakh literary-critical and artistic reception of Chekhov's works is represented by a large number of studies. The interest of Kazakh researchers is aimed at studying the creative heritage of the author. Kazakh literary criticism is focused on an in-depth analysis of the literary text, on different levels of its organization, as well as on the peculiarities and difficulties of its translation into Kazakh. Due to the diversity of research topics, Kazakh Chekhov studies have revealed research strategies that differ from each other. The difference in the thematic approach of Kazakh literary critics to the study of Chekhov's works is clearly evident. Kazakhstani literary critics mostly leave the biographical aspect of the reception out of their attention. Until now there have been no studies dedicated specifically to Chekhov's biography in Kazakhstan. We can assume that this topic has been comprehensively studied in Russian literary criticism, and Kazakh researchers can freely refer to Russian researchers' works due to their knowledge of the Russian language. The majority of studies on Chekhov in Kazakhstan are in the form of scholarly articles, dissertations and monographs. Chekhov's works are studied in Kazakhstani schools; information about the author can be found in textbooks on Russian literature; however, no separate book dedicated to Chekhov has been published in Kazakhstan.

Keywords: Anton Chekhov, literary-critical reception, artistic reception, artistic translation, Kazakh literary criticism, Kazakh theatre

For citation: Nurgali, K.R. & Siryachenko, V.V. (2023) Reception of Anton Chekhov's oeuvre in Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 204–233. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/11

Богатое творческое наследие А.П. Чехова стало достоянием не только русской литературы, оно вполне вправно вошло в золотой фонд мировой классической литературы и драматургии. Ученых-литературоведов по всему миру интересуют не только произведения Антона Павловича, но и его многогранная личность. На протяжении многих десятилетий создается большое количество научных работ, посвященных данной теме. Исследовательский интерес к творческому дарованию А.П. Чехова не угасает и по сей день. Ценность данных работ заключается в том, что в литературоведении каждой отдельной страны, исходя из культурных, социальных, исторических, политических особенностей национального развития, раскрываются новые грани творчества писателя и драматурга.

Рецепция творчества А.П. Чехова начинается в России еще при жизни писателя. Особого интереса заслуживают работы российских ученых А.П. Чудакова [1], В.Б. Катаева [2], Г.П. Бердникова [3], М.П. Громова [4]

и др. Творчество А.П. Чехова распространяется и становится популярным в странах, присоединившихся к России и вошедших позже в состав СССР. Систематизация материалов, посвященных творчеству А.П. Чехова в Казахстане, требует сопоставления и объединения разных культурных и научных традиций, определяет необходимость изучения литературно-критической и художественной рецепции А.П. Чехова в казахской культуре, литературе, драматургии, публицистике, литературной критике и литературоведческой науке.

Актуальность данного исследования заключается в изучении проблематики рецептивной эстетики, вопросов межкультурной коммуникации и диалога казахской и русской культур, специфики взаимодействия казахской культуры и творчества А.П. Чехова. Научная новизна работы обусловлена тем, что авторы впервые предпринимают попытку систематизации материалов, посвященных творчеству А.П. Чехова в Казахстане. Цель работы – систематизировать имеющиеся казахстанские источники и материалы, посвященные творчеству писателя.

Не представляется возможным обозначить точную дату, когда население Казахстана впервые познакомилось с произведениями Антона Павловича, однако с уверенностью можно утверждать, что данное знакомство происходило на русском языке. Русским языком в то время владела образованная часть населения страны, представители интеллигенции, просветители. Благодаря их деятельности и появляются первые казахские переводы произведений Чехова: «Произведения русской классики публиковались в конце XIX – XX в. на страницах казахских газет и журналов (“Казах”, “Айкап”, “Дала уаялаты”). Впервые на казахском языке зазвучали произведения... “Грач” Чехова в переводе А. Баржаксина, “Хамелеон” в переводе А. Букейханова» [5. С. 182]. Перевод рассказа «Хамелеон», выполненный А. Букейхановым, был опубликован в 1915 г. и привлек внимание казахского читателя. С этого момента произведения Чехова становятся доступны широкой читательской аудитории. Перевод становится основным инструментом рецепции творчества А.П. Чехова в Казахстане.

Популярность рассказов Чехова растет, казахский читатель заинтересован творчеством талантливого русского писателя. Отдельные деятели казахской литературы продолжают работу над переводами чеховских произведений на казахский язык. В 1932 г. публикуется один из первых сборников рассказов А.П. Чехова на казахском языке – «Чеховтың әңгімелері» (табл. 1), под редакцией известных казахстанских писателей Ильяса Джансугурова и Мажита Давлетбаева. В этот сборник были включены переводы рассказов «Смерть чиновника» («Чиновниктің ажалы»), «Грач» («Күзғын»), «Брожение умов» («Ақылдың алжасқаны»), «Налим» («Жайын»), «Из дневника помощника бухгалтера» («Бір бухгалтер көмекшісінің күнділігі дәптерінен»), «Ушла» («Кетті»), «Орден» («Медел») и «Человек в футляре» («Аяншақ адам»). Проводя сравнительно-сопоставительный анализ переводов и принимая во внимание определенные различия в культурном фоне и средствах выразительности русского и казахского языков,

можно сделать вывод, что переводчикам во многом удалось выполнить адекватный перевод рассказов, вошедших в сборник. Творческий подход и упорный труд позволили переводчикам сделать так, чтобы казахский вариант был понятен читателям и в то же время был максимально приближен к смыслу оригинального текста.

Таблица 1¹

Сборники рассказов А.П. Чехова на казахском языке

№	Название	Редакторы	Год публикации	Электронная ссылка
1	Чеховтың әңгімелері	И. Джансугуров, М. Давлетбаев	1932	http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1526009&simple=true&lang=ru
2	Чехов Антон Павлович. Әңгімелер	М. Акимжанов	2009	http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1108525&simple=true&lang=ru

В разные годы публикуются отдельные переводы чеховских рассказов, однако большая работа по их оформлению в сборник была проведена уже в начале нашего столетия. В 2009 г. в рамках государственной программы «Мәдени мұра» («Культурное наследие») был издан сборник «Чехов Антон Павлович. Әңгімелер» (см. табл. 1). Сборник структурирован в хронологическом порядке, в его первый том вошли рассказы «Чиновниктің ажала» («Смерть чиновника»), «Залым бала» («Злой мальчик»), «Анықтама» («Справка»), «Хирургия», «Жуан мен жіңішке» («Толстый и тонкий»), «Москвадағы Труба аланында» («В Москве на Трубной площади»), «Орден», «Хамелеон», «Маска», «Капитан мундирі» («Капитанский мундир»), «Моншада» («В бане»), «Жылқы аттас фамилия» («Лошадиная фамилия»), «Қасқунем» («Злоумышленник»), «Өлік» («Темнота»), «Касірет» («Горе»), «Балакайлар» («Мальчики»), «Зар» («Тоска»), «Әбігер» («Переполох»), «Анютә», «Хористка», «Мұғалім» («Учитель»), «Тынышсыз қонақ» («Бес-покойный гость»), «Дұшпандар» («Враги»), «Қараңғылық» («Темнота»), «Қорғансызжан» («Беззащитное существо»), «Унтер Пришибеев», «Үйде» («Дома»), «Каштанка», «Үйқыныңмен-зені» («Солнная одурь»), «Кояншық» («Припадок»), «Ішкүса өмір» («Скучная история») – всего 31 рассказ. Второй том сборника включает 17 переводов рассказов: «Ұшқалак» («Попрыгунья»), «Сүргінде» («В ссылке»), «Беймәлім біреудің әңгімесі» («Рассказ неизвестного человека»), «Жұртта» («В усадьбе»), «Аққасқа» («Белолобый»), «Көлікте» («На подводе»), «Күндақтаулы адам» («Человек в футляре»), «Өмірдің бір оқиғасы» («Случай из практики»), «Қызмет бабында» («По делам службы»), «Ионыч», «Святкиде» («На святках»), «Сай ішінде» («В овраге»), «Ванька», «Қалыңдық» («Невеста»), «Княгиня», «Қашқын» («Беглец»), «Пошта» («Почта»). Переводы были выполнены казахстанскими деятелями культуры и театра, исследователями, писателями, перевод-

¹ Не является исчерпывающей, возможно дополнение.

чиками, среди которых можно особо выделить А. Кекильбаева, Г. Ахмедова, Б. Кенжебаева, Г. Койшыбаева, Ф. Динисламова, А. Елшибекова, А. Ахметова и Ж. Ысмагулова. Сборники переводов позволяют более подробно исследовать не только проблемы эквивалентности перевода, но и на основании переводческого и литературоведческого анализа сделать выводы о восприятии иноязычными читателями творчества писателя, который в своих рассказах знакомит их с русской ментальностью, показывая при этом национальное своеобразие, выходя на общечеловеческий уровень. Таким образом, казахский читатель смог отметить близкие для себя бытовые и социальные темы и проблемы, которые затрагивает писатель, что обусловило популярность рассказов Чехова в Казахстане.

Чтение и перевод произведений А.П. Чехова положительно воздействуют на формирование писательского таланта многих казахских литераторов. Влияние чеховского творчества можно проследить на протяжении всего периода становления казахской классической литературы, особенно ярко оно отразилось на развитии таких литературных жанров, как короткий рассказ, повесть и драма.

Одним из ценителей творчества Чехова становится талантливый казахский писатель и драматург М.О. Ауэзов: «На протяжении большой части жизни Мухтар Ауэзов всерьез, профессионально занимался переводами, и внутренне эта работа всегда оставалась для него процессом обоюдным: перевоплощаясь в Гоголя, Тургенева, Чехова, он одновременно воплощает в них дух национальной культуры» [6. С. 55]. М.О. Ауэзов высоко ценит особый «чеховский гуманизм», он называет русского писателя, к творческому наследию которого, по его мнению, тянутся люди разных народов, «светлой вершиной» [7. С. 12]. Он сам черпает вдохновение у Чехова, создавая свои произведения: «Имея перед собой труды Чокана Валиханова, воспитываясь на абаевских переводах Пушкина и Лермонтова, на его оригинальных произведениях, появившихся благодаря глубокому восприятию высокой культуры русской поэзии, мы, наследники и продолжатели Абая, не можем не учитывать великий опыт русской литературы, вдохновлявшей и поднимавшей их творческий труд. Как прозаики, мы не могли не думать о том, как надо учиться на эстетических, художественных традициях Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, Шолохова. Как драматурги, не могли не размышлять об образцах русской драматургии Островского, Чехова, Горького...» [6. С. 54–55].

Влияние особого чеховского стиля можно заметить в повести М. Ауэзова «Кексерек». Повесть отличает глубокое проникновение в психологию волка, писатель старается объяснить мотивы его поведения и поступков, параллельно с изображением его истиной животной сущности изобразить взаимоотношения между животным и человеком: «Адам мен хайуанаттар қарым-қатынасы жөнінде әлемдік әдебиетте Э.С. Томпсон, Дж. Даррель, Дж. Лондон; орыс әдебиетінде Л. Толстой, А. Чехов, Н. Лесков, А. Куприндердің повесть, әңгімелері көпкө мәшінүр» («О взаимоотношениях между человеком и животным немало рассказывается в произведениях мировой

литературы – Э.С. Томпсона, Дж. Даррелла, Дж. Лондона; в русской литературе – в повестях и рассказах Л. Толстого, А. Чехова, А. Куприна¹) [8. Б. 119]. Сам писатель отмечает: «Повесть-рассказ “Серый лютый” написана в том же ряду, что и рассказы Джека Лондона, Чехова, Толстого в том смысле, что я тоже пытался показать «психологию» повадок животного» [9. С. 1]. Таким образом, «за гибельной историей героя – неприрученного волка – встает путь самого художника и путь художников целой эпохи» [10].

Велико влияние Чехова на таких именитых казахстанских мастеров жанра короткого рассказа, как Б. Майлин, И. Джансугуров и Г. Мусрепов. Так, Ш.К. Сатпаева называет Б. Майлина продолжателем традиций Чехова. Повествование своих рассказов казахский прозаик, подобно Чехову, пронизывает тонкой иронией, мягким юмором и грустной улыбкой [11. С. 403–404]. Казахстанский писатель Тахави Ахтанов, произведения которого обращены к традициям реализма и отмечены глубоким психологизмом, при рассмотрении эволюции и становления литературного гения Б. Майлина, отмечает: «Майлин де Чехов сияқты әдебиеттің канондарын бұзды. Дәстүрлі тақырыптар мен дәстүрлі геройларға, сюжет, композиция зандарын жаңаша қарады. Әдебиеттегі үлкен мен кіші туралы ұғымға өзгеріс енгізді» («Майлин, как и Чехов, нарушил каноны литературы. Оба относились по-новому к традиционным темам и героям, к законам сюжета и композиции. Внес изменения в понятие о большом и малом в литературе») [12. Б. 7]. Таким образом, в профессиональных кругах Б. Майлин был наречен «қазақтың Чехов» («казахский Чехов»): «Майлин мастерски владеет лаконичной манерой изложения, создает яркие скульптурные образы» [13. С. 134]. Этого же мнения придерживаются и современные казахстанские переводчики: «Муқагали, скорее, Рубцов – и по поэтике, и по образу жизни. А Майлин по стилю – Чехов. И когда я это нашел, мне стало легко переводить» [14].

По мнению доктора филологических наук, профессора С.Ш. Тахана, традиции типизации в новеллистике Б. Майлина восходят к художественному наследию А.П. Чехова. Учеба у Чехова проявляется в многомерности художественных критериев видения жизни, речевом полифонизме, обеспечивающем широкий социальный фон, острых диалогах, проясняющих суть побуждений к деятельности проявлению или изменению характеров, раскрывающих истинные причины столкновений героев [15]. Общие с А. Чеховым принципы реализма позволяют Б. Майлину описывать проблемы общества посредством изображения жизни простых людей.

Доктор филологических наук, профессор А.А. Усен в своей статье «Б. Майлин мен А. Чехов әңгімелеріндегі “Кішкентай адамдар”» («“Маленькие люди” в рассказах Б. Майлина и А. Чехова») отмечает: «Қоғам проблемаларын қарапайым елеусіз адамдардың өмірі мен олардың кара-байыр тіршілігі арқылы, ойлар, арман, мақсаттары арқылы өмірдің

¹ Здесь и далее переводы авторов статьи.

суренсіз қалпын сипаттау, боямасыз болмыстың көркем бейнесін жасауда екі жазушының реалистік принциптері ортақ. Шындықты поэзияға тән пафостық тұрғыдан емес, натуралистік шындық тұрғысынан сипаттау арқылы әдебиетті өмірге, болмысқа жақыннату бұл жазушылардың көркемендердегі мақсаты» («В создании художественного образа неприглядного бытия у двух писателей общие реалистические принципы. Они описывают проблемы общества через жизнь простых людей, их мысли, мечты, цели и их примитивное существование. Тем самым они приближают литературу к жизни, к быту, описывая реальность не с присущим поэзии пафосом, а с точки зрения ее натуралистичности. Это и есть истинная цель писателей в искусстве») [16. Б. 189].

Творчество А.П. Чехова характеризуется разнообразием персонажей, что отличает его от современников, которые зачастую тяготели к описанию представителей определенных сословий. Б. Майлин создает целую «художественную галерею» «маленьких людей». Он изображает чиновников, баев, мулл, учителей, крестьян. Для них характерны раболепство, страх перед начальством. Наличие у последних «важных государственных бумаг» ставит их обладателей выше в социуме, позволяет злоупотреблять своим положением. Так, рассказ Б. Майлина «Небесный конь муллы Алиша» начинается с описания ситуации: «*Ты – “чрезвычайный уполномоченный”; у тебя в новом портфеле лежит мандат, выданный волисполкомом; тебе нужна подвода. Что делать? Ссылаясь на этот мандат, ты идешь к юркому аульному исполнителю, и он ведет тебя к дому Шегира*» [17. С. 487]. Цепочка государственных должностей приводит читателя к простому крестьянину Шегиру, которому не особо нравится то, что его постоянно используют как извозчика, но он не может возразить. Примечательно использование автором в описании внешнего вида героев противопоставления: у чрезвычайного уполномоченного – «в новом портфеле»; у Шегира – «изношенная шапка». В приведенном примере ярко показано, что в один и тот же период один из героев владеет новым портфелем, другой вынужден носить изношенную шапку. В целом антитеза широко используется у многих писателей, однако у А. Чехова, среди прочего, этот прием служит средством изображения дисгармонии социального уклада.

«Маленькие люди» из «художественной галереи» Майлина имеют свои низменные потребности и желания, которым они потакают, забывая при этом о моральных устоях и социальных нормах. Когда герои казахского писателя вынуждены понести за это наказание, он не испытывает к ним ни сочувствия, ни сострадания. Как и у Чехова, «маленькие люди» Майлина превращаются в людей мелких, которые утрачивают свои гуманные качества; тема деградации личности становится одной из основных и у казахского писателя. Так, мулла Алиш, «богобоязненный “святой” человек», оказывается лишь сластолюбивым стариком, который прикрывает свои любовные похождения служением Аллаху. Другой человеческий порок, который ведет к деградации личности, – жадность. В рассказе «Айранбай» жена бедствующего сапожника хотела побаловать свою дочь мясом и дала

ей мясную косточку, чем привела жену богатого брата Айранбая и других женщин в бешенство: «*Видно, она никогда у них не ела мяса, если так жадничает. Не околела бы без этого кусочка... чавкая, чмокая и облизывая пальцы, угодливо говорили они*» [17. С. 483].

Многие герои Б. Майлина эволюционируют по ходу повествования. Так, боготворивший муллу Алиша отагасы Аупильдек, который в начале рассказа «*преисполнен величия*», ругает и поколачивает жену за ее «неверность» и отсутствие веры в Алиша, в конце произведения, после того как обман муллы был раскрыт и его привлекли к судебной ответственности, «*как-то сразу обмяк, облинял, стал тише воды, ниже травы*» [17. С. 498]. В рассказе «*Айранбай*» сапожник суров с собственной женой и дочерью, защищает богатого родственника – «*не тратя слов, он запустил в жену тяжелой колодкой, и бедняжке пришлось идти, пока муж не избил ее*» [17. С. 483]. Айранбай размышляет: «*Разве можно из-за этих дрянейших женщин портить дружбу с родственниками и соседями?*» [17. С. 484]. Однако после того, как он узнает, что брат в очередной раз отказал ему в помощи, его настроение резко меняется: «*Впервые за сорок лет его мрачное лицо просияло, на нем отразился свет каких-то новых внутренних сил. Он почувствовал себя настоящим человеком*» [17. С. 486].

Внутреннее состояние персонажей Б. Майлин раскрывает в их внешнем проявлении. При описании того же Шегира, которому не хотелось выполнять поручение аульного исполнителя, писатель отмечает: «*Он жмется, кривится, точно объелся кислятины*» [17. С. 487]. Другой пример можно привести из рассказа «*Айранбай*»: «*В эту минуту в юрту, как степной вихрь, врывается высокая женщина. Это Раушан, жена Айранбая*» [17. С. 482]. В тот момент она была рассержена на богатых родственников мужа. У Чехова действия и поступки героев служили отражением определенного типа сознания. Русский прозаик в структуре произведения придавал огромное значение поведению персонажа. Он считал, что душевное состояние героев должно быть понятно из их действий.

К основным приемам изображения персонажей на протяжении всего творческого пути А.П. Чехова можно причислить гротеск. Данный художественный прием выражается у писателя в карикатурности портретно-психологических характеристик персонажей, например: «*Возле него стояла высокая, тонкая англичанка с выпуклыми рачьими глазами и большим птичьим носом, похожим скорее на крючок, чем на нос*» [18. С. 195]. Б. Майлин талантливо использует данный художественный прием в своих рассказах: «*Тяжелый выпуклый ишиковатый лоб упрямо клонится книзу, сверкают глаза из-под кустистых бровей, и когда Айранбай ударяет молотком по гвоздику, лицо его приобретает хищное выражение, точно Айранбай собирается броситься и растерзать свою жертву клювом-носом*» [17. С. 481].

Тема внутреннего освобождения и тема нужды становятся одними из доминантных в творчестве А.П. Чехова. «Тема нужды, бедности в “Мужиках”, пронизывая все произведение, проходит через многие субъектные

“призмы”, видоизменяясь, углубляясь, наполняясь различным фактическим и эмоциональным содержанием: “*печь покосилась, бревна в стенах лежали криво... Бедность, бедность!*”; “*их изба была третья с краю и казалась самою бедною, самою старою на вид; вторая – не лучшая...*”» [1. С. 93]. Б. Майлин, в свою очередь, затрагивает острые социальные темы казахского аула в период становления социализма в степи, здесь тема бедности и нужды становится одной из ведущих: «*Ветхие, полуразрушенные, покосившиеся землянки и сараи. Около очагов, устроенных под открытым небом, суетятся женщины. Лежат горы сформованного высушенного кизяка. Острый запах дыма...*» [17. С. 488].

Фабула рассказов Б. Майлина по стилю схожа с чеховскими рассказами. Особенно ярко это демонстрируют начало и финал некоторых рассказов. «*Эңгімені тосыннан, тұтқылдан бастау Майлиннің бірқатар әңгімелерінде бар тәсіл және ол амал авторға Чехов мектебінің әсері сықылды*» («Неожиданное начало рассказа – прием, который используется в ряде рассказов Майлина, в котором чувствуется влияние на автора чеховской школы») [19. Б. 31]. Особенno привлекают читателя печальные события, зачастую связанные со смертью, как в рассказе «*Канды кек*» («Кровавая месть»), где в самом начале произведения перед читателем разворачивается картина разоренного аула: «*Күн бесіндікке келген кезде, Қоркемтайдың ауылы астан-кестен болды, кемесенде шал жылады, қанын тартып сурланып, сен соққан балықтай мен-зәң болып жастар тұрады*» («Когда в пять часов взошло солнце, аул Коркемтай лежал в руинах: плакала старуха, молодые люди стояли, пестрые от крови, как только что выловленная рыба») [20. Б. 110]. Такое нетипичное начало придает рассказу иной посыл, накал чувствуется с первого предложения, что мгновенно привлекает внимание читателя.

«Открытые финалы чеховских рассказов – одно из средств создания “эффекта случайности”» [1. С. 117]. В рассказе Б. Майлина «Черное ведро» главная героиня решает, вступать ли ей в колхоз, и засыпает с такими мыслями: «...*Темной ночью на постели рядом с мужем Айша вдруг на мгновение увидела корову-пеструнку с грузным, набухшим выменем. И еще ей померещелось черное сплющенное ведро*» [21. С. 231]. Рассказ этим заканчивается, читатель не получает окончательного ответа, вступит ли Айша в колхоз. Автор предлагает читателю самому представить, что произойдет дальше, предлагая вступить с ним в сопротворчество. У Майлина, как и у Чехова, сюжет рассказа представляет отрезок из жизни героя, который сохраняет связь со всем прошедшим и от которого зависит его будущее. «*Майлиннің новелла, қысқа әңгіме жазу шеберлігінде, стилінде Чеховтың ықпалы, өнегесі анық сезіліп тұрады*» («Влияние Чехова отчетливо ощущается в мастерстве и стиле написания новелл и рассказов Майлина») [19. Б. 62]. Эти и многие другие особенности, которые могут стать объектом отдельного исследования, позволяют с уверенностью утверждать, что творческое наследие А.П. Чехова оказало существенное влияние на формирование Б. Майлина как писателя.

Широко известно, что выдающейся особенностью произведений А.П. Чехова является их музыкальность. Ритм драм, повестей и рассказов, мелодия речей героев и композиционная завершенность произведений невероятным образом сближают их с музыкальными произведениями. Произведения Г. Мусрепова – талантливого казахского писателя, драматурга, либреттиста – также наполнены музыкой. В творчестве Г. Мусрепова музыкальность проявляется довольно широко и развита на всех уровнях. И если в произведениях крупных форм автор «как бы продолжает своеобразные традиции национального типа творца-акына» [22. С. 34], то для рассказов характерно использование других приемов. Здесь музыке присущ более абстрактный характер, без фольклорной национальной конкретизации. Она использована в функции яркого символа и метафоры. Музыкальность в этих рассказах проявляется не только в фабуле, но и в композиции, стилистике [22. С. 36]. Насыщенность звуковыми образами, их разнообразие по характеру звучания и эмоциональной окраске невероятно сближают произведения А. Чехова и Г. Мусрепова.

Справедливо отметить, что тяготение к метафоричности в реалистическом изображении действительности характерно для обоих авторов, у Г. Мусрепова подобная тенденция наблюдается в рассказах позднего периода творчества («Зов жизни», «Аклима» и т.д.). Характерное для подобной стилистики углубление психологической наполненности образности более убедительно и сильно выражают музыкальные ассоциации с их насыщенным эмоциональным началом [22. С. 41]. Так, Н.М. Фортунатов высказывает мнение о том, что рассказ Чехова «Черный монах» написан в форме сонаты, а И.Е. Репин назвал повесть «Степь» сюитой. В свою очередь, профессор Ж.С. Ордалиева считает, что рассказы Г. Мусрепова «Сказание об орлах», «Мать», «Материнский гнев», «Зов жизни» и «Легенда об Ер-Каптагае» можно ассоциировать с домбровым кюем.

Помимо музыкальности, произведения малого жанра казахского писателя характеризуются отклонением от общепринятых канонов за счет усложнения характеров персонажей и сюжета, а также углубления нравственной и философской проблематики. Чехов становится одним из учителей Габита Мусрепова: лаконизм и функциональные особенности подтекста произведений русского прозаика оказали существенное влияние на структурно-содержательные особенности его произведений [23. С. 194]. Г. Мусрепов развивает традиции Чехова в казахской литературе: «Композиционно стройные рассказы, сжатые и лаконичные по стилю, в которых образы раскрываются в действиях и диалогах, искусство создания сценических миниатюр – все это как-то напоминает нам чеховскую манеру письма, его умение немногословно говорить о больших общественных явлениях» [11. С. 404]. Реалистическое описание общественной жизни и глубокое проникновение в психологию героев делает Г. Мусрепова продолжателем А.П. Чехова.

Известный ильясовед М. Имангазинов отмечает, что страстным пропагандистом русской классики был И. Джансугуров. Изучая произведения

русских писателей и поэтов, Джансугуров перевел на казахский язык немало из них. Он переводит Пушкина, Толстого, полные собрания А.П. Чехова. Для творчества И. Джансугурова переводы произведений А.П. Чехова не проходят бесследно – казахский писатель в своих рассказах особое внимание уделяет тому, чтобы их фабула была понятной, краткой и точной. Здесь чувствуется влияние А. Чехова [24. С. 81]. Рассуждая о различных авторских методах и приемах, М. Имангазинов отмечает: «А.П. Чехов, преодолевая различные неудобства, старался увидеть все своими глазами, осознать, пережить, только потом принимался за написание произведения. <...> Ильяс тоже использовал такой метод» [24. С. 74].

Творчество И. Джансугурова, как и большинства казахских литераторов, его современников, было разноплановым. Он был талантливым поэтом, драматургом, из-под пера которого вышло множество стихов, поэм, пьес. В прозе талант писателя наиболее ярко проявился в сатирическом и юмористическом жанрах, «особенно широкую популярность приобретают его фельетоны, опубликованные на страницах газет» [13. С. 137]. Фельетоны «Чай с хвостом», «Виды бюрократизма», «Доложи, отложи!», «Куклы», «Услуга за услугу, за пиво медок», «Молодец, дружок Шулгабай» «до сих пор читаются с неослабевающим интересом; они кратки и метки, безжалостно разоблачают отрицательные характеры в нашей действительности – бюрократов, носителей феодальных пережитков, различного рода “дельцов”. Джансугуров был одним из первых казахских писателей, положивших начало фельетонному жанру в нашей литературе» [25. С. 19].

Фельетоны писателя отличаются исключительной яркостью ситуации, живостью изложения и удивительным богатством метких, сочных, оригинальных, своеобразных, национально-окрашенных образов и сравнений [26. С. 24]. Особый талант И. Джансугурова заключается в способности подмечать все уродливое и безобразное в жизни и характерах людей. Воплощая людские пороки в ярких сатирических образах, автор едко и остро высмеивает их. «Ілиястың фельетондары қыска, өте ықшамды. Аз сөзбен көп мағынаны, ойды жеткізу (), әңгімелерін, фельетондарын А.П. Чехов айтқандай: “Торғайдың тұмсығындағы қысқа” етіп құру I. Жансүгровке, сондай-ақ, Б. Майлинге біткен өзіндік ерекшелік» («Фельетоны Ильяса короткие, очень лаконичные. Передают больше смысла посредством меньшего количества слов (словам тесно, мыслям – простор), строятся по принципу А.П. Чехова: “Нужно уметь коротко говорить о длинных вещах” – это своеобразие, которое характеризует творчество И. Джансугурова, а также Б. Майлина») [27. Б. 67].

Наиболее популярные сатирические рассказы И. Джансугурова вышли отдельной книгой под названием «Кук». В связи с обнаружением общих принципов поэтики в творчестве казахского и русского авторов сравнение особенностей языка и композиции фельетонов И. Джансугурова и А. Чехов может стать объектом отдельного исследования. Так, например, проведенный сравнительно-сопоставительный анализ концептуальной сферы повести А.П. Чехова «Степь» и поэмы И. Джансугурова «Дала» («Степь»)

позволил ученым сделать вывод, что концепт «степь», к которому обращаются оба автора, имеет множество точек пересечения в плане образного воплощения, художественных приемов, уровня поэтизации, а также возможности рассмотрения национального характера (казахского и русского) [28. С. 195].

Чеховские мотивы красоты родины звучат в романе И. Шухова «Горькая линия»: «В “Горькой линии” и в автобиографической трилогии много описаний степи, которая раскинулась вокруг станицы. Внешне степь ничем не примечательна, но притягательна своей неброской красотой. Вокруг нее земляные городища, ветряные мельницы, ковыль, пыль, зелень, обрамляющая станицы» [29]. Народный писатель Казахстана А. Абишев высоко оценивал талант Шухова: «Он был прекрасным знатоком Шекспира, Чехова и не раз повторял, что писать нужно красиво и доступно, как Чехов» [30]. Благородным влиянием чеховского тонкого психологизма отмечены и рассказы писателя И. Иманжанова [11. С. 405].

У.К. Абыханов отмечает пересечение образов в произведениях А.П. Чехова и Р.Ш. Сейсенбаева: «Герои писателей в атмосфере поколебания всех полезных навыков и понятий, всех видов человеческого умения не разуверились в целесообразности жизни и сохранили в себе ее здоровые элементы. Чехов и Сейсенбаев запечатлели агонию общего распада основных форм сознания» [31. С. 57]. Социальный смысл произведений Р. Сейсенбаева во многом перекликается с идеями А. Чехова.

Подводя итог первой части данного исследования, следует еще раз отметить, что А.П. Чехов для казахстанских писателей ХХ в. становится одним из великих учителей: «Изучением и переводами его произведений занимались многие казахские писатели и критики... Так в культурный обиход возрожденного народа вошел и Чехов, умный, скромный и требовательный художник; казахская молодежь любит его мягкую иронию, его чистую и нежную душу, его большое благородное сердце, которое жаждало “здоровой сильной бури”, несшей с собой счастье людям. Творчество Чехова привлекло внимание заслуженных казахской советской литературы – Б. Майлина, С. Сейфуллина, М. Ауэзова, Г. Мусрепова и других» [11. С. 404].

Новаторство чеховской драматургии также привлекает казахстанских драматургов, которые делают в этом жанре свои первые шаги. Одним из первых в Казахстане свои пьесы создал М. Ауэзов, способствуя тем самым развитию жанра и появлению первых театров в стране. Его привлекали пьесы Чехова. В одном из исследований он оценивает чеховские пьесы «Дядя Ваня», «Вишневый сад» и «Три сестры» «как наиболее выпукло и ярко отразившие как художественный пафос Чехова, так и среду писателя со всей окружающей атмосферой: дум, настроений и чаяний» [32. Б. 22].

А.П. Чехов становится учителем для многих других классиков казахской литературы и драматургии: «Творчество А.П. Чехова высоко ценили такие писатели, как Б. Майлин, М. Ауэзов, Г. Мусрепов, стоявшие у истоков казахской литературы. Они, как и Чехов, были авторами рассказов, повестей и пьес. Если Б. Майлин продолжал традиции великого писателя в рассказах, то

Г. Мусрепов в своих пьесах был последователем Чехова в драматургии» [33. С. 44]. Интерес к творчеству Чехова не ослабевает и во второй половине XX в., продолжает расти и расширяться уже в новом столетии, после обретения Казахстаном независимости. В 2018 г. известный казахский драматург Д. Исабеков публикует статью в двух частях «Чехов және пьесаларының тағдыры» («Чехов и судьба его пьес»), в которой высказывает свое экспертное мнение о пьесах «Чайка» и «Вишневый сад».

На казахстанских театральных сценах пьесы А.П. Чехова были поставлены одними из первых, вместе с другими драматическими произведениями мировой классики. В 1951 г. в стенах Русского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова прошла премьера спектакля «Дядя Ваня» (режиссер и постановщик – Б. Коврижных). Позже пьесы А.П. Чехова появляются в репертуаре других казахстанских театров. В 1952 г. на сцене Павлодарского областного театра драмы им. А.П. Чехова был поставлен «Вишневый сад». 8 октября 1957 г. в Русском театре драмы (ныне Государственный академический русский театр драмы имени М.Ю. Лермонтова) прошла премьера постановки «Платонов», драмы в 5 действиях, в сценической обработке режиссера М.В. Сулимова.

В 1976 г. режиссер В.И. Захаров поставил на сцене Русского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова спектакль «Чайка». Здесь же в 1992 г. была поставлена пьеса «Три сестры» в режиссуре Рубена Андриасяна. В последующие годы пьесы А.П. Чехова в свой репертуар включают Кокшетауский русский драматический театр, Государственный Академический русский театр драмы им. М. Горького, Русский драматический театр им. Ф.М. Достоевского в городе Семей, Карагандинский русский драматический театр им. К.С. Станиславского и др. Все указанные спектакли были поставлены на языке оригинала.

Традицию перевода произведений русского драматурга вслед за М. Ауэзовым, А. Хангелдиным, А. Токпановым продолжает видный казахский прозаик и переводчик А.К. Кекильбаев. В 1982 г. на сцене Казахского государственного академического театра драмы им. М. Ауэзова в городе Алматы прошла премьера спектакля «Ваня ағай» («Дядя Ваня») на казахском языке в переводе А.К. Кекильбаева, режиссер – А.М. Мамбетов. Другой именитый казахстанский режиссер, Р. Андриасян, пишет об этой постановке: «Мамбетов поставил очень хороший спектакль, который на Малой сцене шел лет двенадцать. И так совпало, что в день, когда в Алматы хоронили Мамбетова, мы играли его “Дядю Ваню” на гастролях в Сеуле» [34]. Долгое время эта постановка являлась единственной на казахском языке, пока казахстанский режиссер Е. Тапенов не представил театральной публике спектакль «Шагала» («Чайка») на сцене Павлодарского областного театра драмы им. А.П. Чехова. За данную постановку и ряд других заслуг Ерсанн Тапенов в 2011 г. был награжден «Медалью имени А.П. Чехова». Во время награждения было отмечено, что Е. Тапенов в своих постановках замечательно интерпретировал пьесы Чехова, а сам режиссер признался, что полученная награда для него значит больше, чем «Оскар» [35].

Спектакль «Апалы-сіңлілі үшеу» («Три сестры», в переводе А. Бопежанова) поставил в 2013 г. Казахский государственный академический театр драмы им. М. Ауэзова в Алматы под руководством Рубена Андриасяна, который в 2010 г. уже ставил чеховский «Вишневый сад» в стенах Русского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова в Алматы. В одном из интервью режиссер с гордостью говорит о том, что поставил практически всего Чехова, кроме «Дяди Вани», и подчеркивает, что каждый актер мечтает сыграть Гамлета, а любой талантливый режиссер хочет поставить Чехова [34].

Успешной стала постановка спектакля «Шие» в Казахском государственном академическом музыкально-драматическом театре имени К. Куанышбаева в г. Нур-Султан, представленная зрителю в 2016 г. российским режиссером С. Потаповым. Она была награждена в номинации «Лучший спектакль» на XXIV Республиканском фестивале театров Казахстана в этом же году, завоевала Гран-при VI Международного театрального фестиваля «Казахстан – сердце Евразии» в г. Талдыкорган. Также труппа театра участвовала с данной постановкой в международном фестивале-лаборатории спектаклей малых форм и моноспектаклей «CHELoBEK театра» в 2017 г., где получила восторженные отзывы критиков и ценителей театрального искусства. Писатель А. Кемельбаева отмечает: «Сергей Потапов сахнада бейнелеуге қурделі, Чеховқа тән стильдік ерекшелікті – “су астындағығыс” тәсілін, мәтінастарын, болмашы детальдар арқылы тұңғызық мағынаны ашуға бейім драматургтік тегеурінді, негізгі сарынды гротеск арқылы көрсетеалды. <...> Сахнадан бұл ерекшелі кайқын білінгені дау тудырмайды» («Сергей Потапов сумел изобразить на сцене сложную, характерную для Чехова стилевую особенность – так называемую манеру “подводного течения”, особого подтекста – драматического, раскрывающего смысл сквозь мельчайшие детали, через гротеск. <...> Не вызывает сомнения, что со сцены эта особенность была ярко выражена») [36].

Одной из последних, с аншлагом, в 2019 г. прошла премьера постановки «Сүйікті менің ағатайым» («Дядя Ваня») на сцене Казахского государственного академического театра драмы им. М. Ауэзова, также в переводе А.К. Кекильбаева. На этот раз руководил постановкой талантливый казахский режиссер Асхат Маевиров. «“Дядя Ваня” театра им. Ауэзова может стоять наравне со спектаклями театров им. Моссовета, Вахтангова, Ленсовета, Малого театра, студии Табакова, Александрики... Это, кроме классической драматургии, идеального перевода, сыгранного состава и умений режиссера, в какой-то мере удалось благодаря привлеченным иностранным коллегам», – отмечено в одной из интернет-публикаций [37]. По мотивам чеховских водевилей «Предложение» и «Юбилей» на сцене Мангистауского областного музыкально-драматического театра имени Нурмухана Жантурина 20 февраля 2020 г. состоялась премьера спектакля Миры Токсанбайевой под названием «Чудесные люди» (табл. 2).

Таблица 2¹

**Список театральных постановок произведений А.П. Чехова
и их интерпретаций на сценах казахстанских театров**

№	Название	Язык	Название театра	Режиссер	Год	Фестивали / награды
1	«Дядя Ваня»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Б. Коврижных	1951	
2	«Вишневый сад»	Рус- ский	Павлодарский област- ной театр драмы им. А.П. Чехова, г. Павлодар		1952	
3	«Платонов»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	М. Сулимов	1957	
4	«Вишневый сад»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Е. Диордиев	1966	
5	«Чайка»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	В. Захаров	1976	
6	«Ваня ағай» (пер. А. Ке- кильбаев)	Казах- зах- ский	Казахский государ- ственный академиче- ский театр драмы им. М. Ауэзова, г. Алматы	А. Мамбетов	1982	
7	«Чайка»	Рус- ский	Кокшетауский русский драматический театр, г. Кокшетау	Я. Куклинский	1983	
8	«Три сестры»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Р. Андриасян	1992	
9	«Дядя Ваня»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Б. Коврижных	1996	
10	«Иванов»	Рус- ский	Русский драматиче- ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Р. Андриасян	2003	
11	«Вишневый сад»	Рус- ский	Кокшетауский русский драматический театр, г. Кокшетау	И. Дмитриев	2003	

¹ Не является исчерпывающей, возможно дополнение.

Продолжение табл. 2

№	Название	Язык	Название театра	Режиссер	Год	Фестивали / награды
12	«Предложение»	Русский	Театр «ARTиШОК», г. Алматы		2006	
13	«Чайка»	Русский	Кокшетауский русский драматический театр, г. Кокшетау	И. Дмитриев	2007	
14	«Иванов»	Русский	Государственный Академический русский театр драмы им. М. Горького, г. Астана	А. Каневский	2008	Премия Акима города Астана в номинациях «Лучший спектакль», «Лучшая женская роль» и «Лучшая мужская роль второго плана» (март 2008 г.); Лауреат XII Международного фестиваля русских драматических театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России» в г. Санкт-Петербурге (2010)
15	«22 поцелуя, четыре обморока и одна мигрень»	Русский	Государственный академический русский театр драмы им. М. Горького, г. Астана	В. Тыкке	2008	
16	«Милые мои сестры»	Русский	Карагандинский русский драматический театр им. К.С. Станиславского, г. Караганда	Д. Горник	2010	
17	«Вишневый сад»	Русский	Русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Р. Андриасян	2010	
18	«А не жениться мне нельзя»	Русский	Кокшетауский русский драматический театр, г. Кокшетау	И. Дмитриев	2011	
19	«Шагала»	Казахский	Павлодарский областной театр драмы им. А.П. Чехова, г. Павлодар	Е. Тапенов	2011	Медаль имени А.П. Чехова, (2011; режиссеру)
20	«Апалы-сіңіл үшеу» (пер. А. Бопежанова)	Казахский	Казахский государственный академический театр драмы им. М. Аузова, г. Алматы	Р. Андриасян	2013	

Продолжение табл. 2

№	Название	Язык	Название театра	Режиссер	Год	Фестивали / награды
21	«Чайка»	Рус-ский	Русский драматиче-ский театр им. М.Ю. Лермонтова, г. Алматы	Р. Андриасян	2014	
22	«Сцены из деревен-ской жиз-ни»	Рус-ский	Павлодарский област-ной театр драмы им. А.П. Чехова, г. Павлодар	И. Меркулов	2014	
23	«Шие»	Казах-ский	Казахский государ-ственный академиче-ский музыкально-драматический театр им К. Куанышбаева, г. Астана	С. Потапов	2016	Номинация «Лучший спек-такль» XXIV Республиканско-го фестиваля театров Казах-стана (2016); Гран-при VI Меж-дународного театрального фестиваля «Ка-захстан – сердце Евразии», г. Тал-дыкорган (2016); Участие в меж-дународном фе-стивале- лаборатории спектаклей ма-лых форм и мо-носпектаклей «CHELoBEK театра» (2017)
24	«Настойчи-вая вариа-ция напрас-но пропа-дающей красоты»	Рус-ский	Республиканский немецкий драматический театр, г. Алматы	Н. Дубс	2018	«За лучшую женскую роль» Александра Биг-лер (Международный фести-валь театров им. Заслуженно-го деятеля Казах-стана, лауреата премии «Тар-лан», режиссера Жаната Хаджиев-а, Жезказган-ский казахский музыкально-драматический театр им. С. Ко-жамкулова)

Окончание табл. 2

№	Название	Язык	Название театра	Режиссер	Год	Фестивали / награды
25	«Вишневый сад»	Русский	Карагандинский областной русский драматический театр им. К.С. Станиславского, г. Караганда	С. Васильев	2018	
26	«Сүйікті менің ағатайым» (пер. А. Кекильбаев)	Казах-зах-ский	Казахский государственный академический театр драмы им. М. Ауэзова, г. Алматы	А. Маемиров	2019	
27	«Чуд(ес)ные люди»	Русский	Мангистауский областной музыкально-драматический театр им. Нурмухана Жантурина, г. Актау	М. Токсанбаева	2020	
28	«Шагала» (пер. А. Токпанов)	Казах-ский	Казахский государственный академический театр для детей и юношества им. Г. Мусрепова, г. Алматы	Н. Елик	2020	
29	«Чайка»	Русский	Русский драматический театр им. Достоевского, г. Семей	О. Плаксин		
30	«Апалы-сіңлілі үшеу»	Казах-ский	Ақмолинский областной казахский музыкально-драматический театр имени Ш. Кусанинова, г. Кокшетау	Б. Абдрахманов		
31	«Скандалные истории»	Русский	Мангистауский областной музыкально-драматический театр им. Нурмухана Жантурина, г. Актау	Н. Сарбасов		

В целом хочется отметить, что постановки пьес А.П. Чехова в казахстанских театрах стали не просто интерпретацией в условиях национального быта и колорита страны. Для казахстанского театрального искусства это одна из первых попыток вступить в настоящее сокровчество с мировым театральным искусством и мировой драматургией. Это сокровчество отмечено не только классическими, но и яркими креативными экспериментальными постановками, что позволяет включать национальное театральное искусство республики во всемирное театральное пространство. Пьесы Чехова в ряду пьес других драматургов стали для казахстанского театра проводником в мировую драматургию, позволили освоить новые системы выразительных средств, а также освоить основные принципы в области театрального художественного искусства. Знаменитый чеховский психологизм

оказался родственным и понятным казахстанскому театральному зрителю, потому пьесы Чехова так полюбились казахстанцам.

Как видим, авторы данной статьи обнаружили множество точек соприкосновения между творчеством известных казахских деятелей литературы и творчеством А.П. Чехова. Хочется еще раз отметить, что первостепенную роль в процессе приобщения казахской аудитории к творчеству писателя и драматурга сыграл художественный перевод.

Процесс переводческой рецепции Чехова в Казахстане условно можно разделить на два периода – перевод произведений малого жанра – рассказов, с которых и начинается знакомство с русским писателем в республике, и перевод драматических произведений. Безусловно, влияние драматургии Чехова на становление данного жанра в Казахстане, как и на развитие театрального искусства в целом, велико. Особый стиль Чехова, его гуманистические нравственные идеи, близкие казахстанскому обществу, находят в его культуре глубокий отклик: «А.П. Чехов өзінің тамаша творчествосымен дүниежүзі мәдениетінің асыл қазынасын малықтырып, орыс ойының даңқын тереңдете түсті. Оның әділетсіз дүниені сынаған, адамгершілік, ізгілікті мадактаған тамаша шығармалары ескірмей, әлсіремей, ғасырлар бойы жасай бермек» («Своим выдающимся творчеством А.П. Чехов впитал сокровища мировой культуры и углубил славу русской мысли. Его блестательные произведения, критикующие несправедливый мир, восхваляющие нравственность, добродетель, не стареют, а продолжают жить в вечности») [38. Б. 36]. В настоящее время произведения Чехова по-прежнему переводятся на казахский язык, интерпретируются по-новому, а классические театральные постановки А.П. Чехова как на русском, так и на казахском языке пользуются большой популярностью у казахстанцев.

Расширяя границы изучения творчества А.П. Чехова в XXI в., видный казахстанский исследователь В.В. Савельева рассматривает онейрические тексты в произведениях А.П. Чехова и других русских классиков: «Сны персонажей А. Чехова ориентированы на сновидный опыт самого Чехова, который он изложил в письме Д.В. Григоровичу» [39. С. 4]. В рамках указанной монографии автор рассматривает художественный концепт «облака» в прозе А.П. Чехова. Изучение данной проблематики приводит В.В. Савельеву к написанию в 2014 г. монографии «Облако, сны, слезы в художественной антропологии А.П. Чехова» (табл. 3), где предметом рассмотрения становятся три наименее изученные особенности (облако, сны, слезы) художественной антропологии А.П. Чехова.

Исследованиями в области перевода художественных произведений на казахский язык занимается Ш.С. Асылбекова, которая в одной из статей рассматривает особенности несобственно-прямой речи при ее переводе на казахский язык на примере перевода рассказа А.П. Чехова «Злой мальчик». Г.Л. Королькова посвящает свою статью разбору постановки пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» на сцене Русского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова, о которой говорилось выше. Способы передачи художественной антропологии в переводе рассказа А.П. Чехова «Хамеле-

он» на казахский язык рассматривает Л. Дауренбаева, научная деятельность которой связана с исследованиями в области компаративистики. В статье «Драматургия А.П. Чехова как отражение предреволюционных настроений русской интеллигенции» С.Х. Габбасова рассматривает пьесы А.П. Чехова, в которых, по мнению автора, отражено влияние общественно-политической обстановки в России 80–90-х гг. XIX в. на русскую интеллигенцию (см. табл. 3). Автор статьи считает, что к таким пьесам относятся «Иванов», «Три сестры» и «Вишневый сад».

Таблица 3¹

Список научных трудов, статей, публикаций казахстанских деятелей искусств, исследователей, посвященных творчеству А.П. Чехова

№	Название	Автор(ы)	Год публикации	Электронная ссылка
<i>Работы, посвященные творчеству А.П. Чехова</i>				
1	Орыстың ұлы жазушысы // Шығармалары: Айқын Нұркатор. Т. 4. Б. 26–36	А. Нуркатор	1954	https://kazneb.kz/ru/bookView?brId=1150712&simple=true#
2	Светлая вершина русской литературы	М.О. Ауэзов	1960	https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28794675_41464517.pdf
3	Столетья пролетят, а «Чайка» останется	А. Мамбетов	2001	https://kazneb.kz/ru/catalogue/view/1519633
4	Языковая игра в письмах А.П. Чехова	О.Ф. Кучеренко	2007	https://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1109260&lang=ru
5	Чеховские традиции в прозе Габита Мусрепова	С.А. Ашимханова	2011	https://rudocs.exdat.com/docs/index-385097.html
6	Его имя дорого навеки	Ш.К. Сатпаева	2012	http://bibliotekar.kz/shamshijabani-kanyshnevna-satpaeva-vezjani/ego-imjadorogo-naveki.html
7	Несобственно-прямая речь в тексте рассказа А.П. Чехова «Злой мальчик» и его переводе на казахский язык	Ш.С. Асылбекова	2014	https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21601186_90867288.pdf
8	Облако, сны, слезы в художественной антропологии А.П. Чехова	В.В. Савельева	2014	
9	Груба жизнь	К. Евдокименко	2015	https://time.kz/articles/grim/2015/01/15/gruba-zhizn
10	Методика преподавания А.П. Чехова в казахской школе	С.Х. Габбасова	2015	https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-prepodavaniya-a-p-chehova-v-kazahskoy-shkole/viewer

¹ Не является исчерпывающей, возможно дополнение.

Продолжение табл. 3

№	Название	Автор(ы)	Год публикации	Электронная ссылка
11	Чеховтың «Хамелеон» әңгімесінің аудармасындағы көркем антропологияның берілу тәсілдері	Л.А. Дауренбаева	2015	http://nur.nu.edu.kz/handle/123456789/1344
12	Пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад» на казахстанской сцене	Г.Л. Королькова	2015	https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25421377_79732644.pdf
13	Рассказы А.П. Чехова по-русски и по-казахски	А.С. Совет	2016	
14	Особенности изучения творчества А.П. Чехова в школе	А. Батырхан, Н. Гайдук, Н.А. Мошенская, Т.В. Левина	2016	https://articlekz.com/article/31306
15	Таныс-бейтаныс – «Шие бағы»	А. Кемельбаева	2016	https://qazaqadebieti.kz/5389/tanys-bejtanys-shie-ba-y
16	Перевод рассказов А.П. Чехова на казахский язык	Е.В. Полищук	2016	
17	Драматургия А.П. Чехова как отражение предреволюционных настроений русской интеллигенции	С.Х. Габбасова	2017	
18	Художественное пространство в пьесе А.П. Чехова «Чайка»	В.И. Жаркова, А.М. Ахатова	2017	https://repo.kspi.kz/handle/item/2553
19	Антология ««Футлярной» жизни в «Маленькой трилогии» А.П. Чехова	А.А. Джундубаева, Д.Т. Карамшук	2018	https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36570282_10105416.pdf
20	Чехов және пьесаларының тағдыры	Д. Исабеков	2018	https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brId=1586336&simple=true
21	Чехов және пьесаларының тағдыры (2-бөлім)	Д. Исабеков	2018	https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brId=1596327&simple=true#
22	Литературные параллели: Д. Досжан и А. Чехов	В.В. Савельева	2018	http://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2018/2018-08/8-2018-12.pdf
23	Б. Майлин мен А. Чехов әңгімелеріндегі «Кішкентай адамдар»	А.Ә. Усен	2018	https://egi.kz/wp-content/uploads/2019/02/KAO-4-22.01.19.pdf
24	Менің сүйікті ағатайым: «Дядя Ваня» в главном театре страны	А. Оралкызы	2019	https://massaget.kz/blogs/25314/
25	Чехов и Сейсенбаев: перекличка социального смысла и идей произведений	У.К. Абдыханов	2019	

Продолжение табл. 3

№	Название	Автор(ы)	Год публикации	Электронная ссылка
26	Вагонный эпизод в рассказах А.П. Чехова как нарративный дискурс	К.Б. Уразаева, Ж.К. Азкенова	2019	https://cyberleninka.ru/article/n/vagonnyi-epizod-v-rasskazah-a-p-chehova-kak-narrativnyi-diskurs/viewer
27	Способы формирования концептуальной стратегии героя А.П. Чехова (на материале рассказов)	К.Б. Уразаева, О.В. Ломакина, И.В. Моклецова	2019	https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-formirovaniya-konseptualnoy-strategii-geroya-a-p-chehova-na-materiale-rasskazov/viewer
28	Особенности комического в ранних рассказах А.П. Чехова	М. Карибаев, В.В. Авдонин	2019	https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41335093_50451333.pdf
29	Особенности диалогической речи в драматургии А.П. Чехова	К.Р. Нургали, А.Т. Жумсакбаев	2020	
30	Психологизм чеховской драмы	К.Р. Нургали, А.Т. Жумсакбаев	2020	https://elibrary.ru/download/elibrary_43002263_78677956.pdf
31	Приобщение школьников к нравственному содержанию пьесы А.П. Чехова «Чайка»	Н.А. Выдрина	2020	
32	Литературная репутация Чехова в Казахстане	К.Р. Нургали, В.В. Сиряченко	2021	https://bsa.edu.lv/wp-content/docs/science/book/Rusistika_2021.pdf
33	Неизвестный Казахстан: казах, о котором писал Чехов – обзор казСМИ	Д. Науханов	2021	https://365info.kz/2021/03/neizvestnyj-kazakhstan-kazah-o-kotorom-pisal-chehov-obzor-kazsmi
34	Практика художественного перевода в Казахстане: рассказы А.П. Чехова на казахском языке	К.Р. Нургали, В.В. Сиряченко	2021	https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-hudozhestvennogo-perevoda-v-kazahstane-rasskazy-a-p-chehova-na-kazahskom-yazyke/viewer
35	Representation of female images in the creative works of A. Chekhov and B. Maylin	К.Р. Нургали, В.В. Сиряченко	2022	https://keruenjournal.kz/index.php/main/article/download/225/135/820
36	Национальная концептосфера: художественный концепт «Степь» у А.П. Чехова и И.Б. Джансугурова	К.Р. Нургали, В.В. Сиряченко, А.Х. Хамидова	2022	https://vestnik-philological.tou.edu.kz/storage/journals/115.pdf
37	Chekhov's principles of artistic organization in the creative work of G. Musrepov	К.Р. Нургали, В.В. Сиряченко	2022	https://ojs.egi.kz/index.php/BULLETIN/article/view/39
38	Чеховтің «Бәсі»	Б. Нурайлым	2022	https://adebiportal.kz/kz/news/view/cexovtin-basi_23973

Продолжение табл. 3

№	Название	Автор(ы)	Год публикации	Электронная ссылка
<i>Работы, в которых авторы обращаются к творчеству А.П. Чехова в рамках своей темы</i>				
39	Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4.	М.О. Ауэзов	1975	
40	Қазақ прозасындағы Б. Майлин дәстүрі	Б. Наурызбаев	1979	https://kazneb.kz/kk/bookView?brId=1019356&simple=true#
41	Қазақ әдебиетіндегі әңгіме жанры [Мәтін] : ғылыми басылым : зерттеу, эссе, проза	С.Г. Шарабасов	2000	https://kazneb.kz/ru/bookView?brId=143514&simple=true#
42	Драмы Чехова // Шығармаларының елу томдық жинағы. Т. 17. Б. 22–32	М.О. Ауэзов	2004	https://kazneb.kz/ru/bookView?brId=116210&simple=true#
43	Махаббат мұнды [Мәтін] : таңдамалы шығармалар	Т. Ахтанов	2005	https://kazneb.kz/ru/bookView?brId=115876&simple=true#
44	Оппозиция «романтизм–реализм» в повествовательной структуре рассказов Б. Майлина 20–30-х годов	С.Ш. Тахан	2006	http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/8_tahan.doc.htm
45	Он знал о жизни народа не понаслышке	З. Табаева	2007	https://nomad.su/?a=15-200710280823
46	Шахимарден Кусаинов: Творить, что быть со своей бедой		2008	https://informburo.kz/obshhestvo/shahimarden-kusainov-tvorit-chto-byt-so-svoey-bedoy-1870.html
47	Не надо «Оскара»!	Р. Исабеков	2011	https://www.caravan.kz/gazeta/ne-nado-oskara-56875/
48	Абайдың саяси жер аударылған орыс достары // Классикалық зерттеулер: Көп томдық. М.О. Әуезов творчествосында Қазақстан тарихының проблемалары. Б. 210–239	Л.М. Әуезова, К. Сыздыков	2012	https://adebiportal.kz/web/viewer.php?file=/upload/iblock/299/299df872a296a9e78a0feafa410dee4.pdf&ln=kz
49	Облака и сновидения в пространстве чеховского мира // Художественная гипногогия и онейропоэтика русских писателей. С. 306–345	В.В. Савельева	2013	http://cdn.scipeople.ru/materials/61889/Савельева_Художественная%20гипногогия%20и%20онейропоэтика%20русских%20писателей_Монография.pdf
50	Алаш ұранды әдебиет // Қазақ әдебиетінің алтын гасыры: әдеби зерттеулер, эссе және сұхбаттар. Т. 5. Б. 11–159	Р.Н. Нургали	2013	https://adebiportal.kz/web/viewer.php?file=/storage/upload/iblock/90c/90cc415b4213bc8bc993950b92814bec.pdf&ln=kz

Окончание табл. 3

№	Название	Автор(ы)	Год публикации	Электронная ссылка
51	Тезисы к докладу о Чехове // Полное собрание сочинений : в 50 т. Т. 47. С. 43–46	М.О. Ауэзов	2014	
52	Проблема русско-казахских литературных связей: опыт систематизации	Н.У. Исина	2014	https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35780/1/evf-2014-16.pdf
53	Көркем аудармадагы жаңа атаулар: жасалуы мен қолданысы	Ш. Курманбай-улы	2017	https://termincom.kz/assets/pdf/a0cecceacba8c47f9d75568599fd025e.pdf
54	Ильясоведение : сборник многотомного произведения : учебное пособие для студентов вузов	М. Имангазинов	2019	https://kazneb.kz/ru/bookView?brId=1600520&sample=true
55	Проза Г. Мусрепова в переводах : учебное пособие	С.А. Ашимханова	2020	https://ozlib.com/1021872/literatura/proza_gabita_musre_pova_v_perevodah
56	Особенности речевого диалога на языке молодежи	Г.Н. Смагулова, Т.Б. Рамазанов	2021	https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/3352/2765
57	Literary Translation as One of the Main Tools of Artistic Reception: On the Example of Kazakh-Russian Literary Interaction	К.Р. Нургали, В.В. Сиряченко, Л.Г. Мукашанова, М.Е. Жапанова, Р.Р. Нургали	2022	https://tpls.academypublication.com/index.php/tpls/article/view/5111

В статье В.И. Жарковой и А.М. Ахатовой рассматривается художественное пространство в пьесе Чехова «Чайка», его основные виды, раскрывается само понятие художественного пространства. В статье А.А. Джундубаевой и Д.Т. Карамшук представлено развитие темы «футлярной» жизни в «Маленькой трилогии» А.П. Чехова. Авторы анализируют поэтику писателя в трилогии рассказа «О любви», а также исследуют особенности его системы образов, номинаций героев, хронотопа и нарратива, выявляют интертекстуальные связи. Изучению нарративного дискурса посвящена статья К.Б. Уразаевой и Ж.К. Азкеновой, которые рассматривают роль вагонного эпизода в творчестве А.П. Чехова. Профессор К.Б. Уразаева в соавторстве с российскими коллегами рассматривает способы формирования концептуальной стратегии героя А.П. Чехова на материале его рассказов. Рассмотрению категории комического посвящена работа М. Карибаева и В.В. Авдонина. Об изучении особенностей чеховской драматургии написана работа «Психологизм чеховской драмы» доктора филологических наук К.Р. Нургали и А.Т. Жумсакбаева. Кандидата педагогических наук Н.А. Выдрину интересует вопрос приобщения школьников к нравственному содержанию пьесы «Чайка».

Эти и другие работы (см. табл. 3), написанные за последние десять лет, демонстрируют разнообразие казахстанских исследовательских интересов

к творчеству русского писателя и драматурга, а также свидетельствуют о том, что творчество А.П. Чехова остается актуальным в казахстанской филологии.

Рубеж XIX–XX вв., как известно, для Казахстана был весьма непростым. Местная интеллигенция начинает работу по пробуждению национального самосознания граждан, побуждает их к овладению знаниями, науками, искусством. В художественных произведениях казахстанских писателей начала XX в. обнажаются проблемы жизни и быта казахского народа. Бедственное положение народа при колониальной системе правления становится центральной проблематикой казахской литературы указанного периода. В это время свои произведения создают талантливые писатели, поэты, драматурги Казахстана, такие как М. Ауэзов, Б. Майлин, И. Джансугуров, Г. Мусрепов и многие другие. Их произведения продолжают традиции второй половины XIX в., утвердившие реалистическое изображение окружающей действительности в искусстве. И именно Чехова, горячо убежденного защитника политической и нравственной свободы, сторонника просвещения, науки и культуры, многие из казахских писателей того периода называют своим учителем. В произведениях А.П. Чехова отражен процесс изменения жизни в конце XIX в., который продолжился в XX столетии. Созданные писателем новые формы художественного отражения жизни оказались актуальными и для казахстанской действительности, казахстанских писателей XX в.

Прогрессивный чеховский гуманизм, психологизм и реализм в искусстве изображения человеческого бытия обладают таким эстетическим потенциалом, что интерес к его творчеству не угасает и сегодня. Учеба казахстанских писателей у Чехова заключается не только в продолжении и расширении его нравственных и просветительских идей, но и в применении на практике его трех основополагающих принципов поэтики: объективности, краткости и простоты.

Чехов близок казахам и своим отношением к природе, которая у русского прозаика становится одной из высших ценностей бытия, отражает психологическое состояние героев произведений. Кому как не кочевнику, постоянно передвигающемуся по бескрайней степи, легче всего понять важность единения с природой, жизни с ней в гармонии и согласии. Образ жизни казахов издревле был связан с природой, от понимания знаков природы зависело выживание в степи. У Чехова природа изображается как живое существо, его лучшие герои понимают язык птиц, животных, деревьев, прислушиваются к ним. Чехов любит дорогу, ведущую вдаль, любит он и степь, посвяшая ей одно из своих самых известных прозаических произведений – повесть «Степь». Для него природа выступает олицетворением духовности, красоты и традиции, что делает его творчество понятным казахскому народу, пробуждает в нем глубокое уважение к русскому писателю.

Говоря о влиянии творчества Чехова, нельзя не отметить его драматургическое наследие. Пьесы Чехова оказали огромное влияние на развитие драматургии в Казахстане. Их популярность у казахстанского зрителя обу-

словлена возможностью наблюдения за реальной жизнью, воссозданной на театральной сцене. Чехов не настаивает на принятии его точки зрения в вопросах общественной морали, он рисует реальность, предлагая читателю самому сделать выбор. Особенно ценит это прогрессивная казахстанская молодежь. Ответственность за нравственный и духовный выбор героя чеховских пьес возлагается на них самих, что соответствует современной действительности, где каждый человек сам является творцом своей судьбы. Нравственные уроки, которые можно вынести из произведений Чехова, являются настолько ценными, что их включение в программу казахстанских школ полностью себя оправдывает.

Результаты исследований, посвященных творчеству А.П. Чехова, представлены в формате научных и публицистических статей, диссертационных исследований и монографий. Основываясь на обзоре материалов, представленных в настоящей статье, можно сделать вывод, что основной интерес казахстанских ученых, писателей, драматургов, общественных деятелей и деятелей культуры направлен на рассмотрение и изучение творческого наследия русского автора, углубленный анализ его художественных текстов на разных уровнях их организации, а также особенностей и трудностей перевода чеховских произведений на казахский язык. Благодаря разнообразной тематике исследований в казахском чеховедении обнаружились различные исследовательские стратегии, в рамках которых ярко проявляется разница в подходах к изучению творчества А.П. Чехова в Казахстане.

Список источников

1. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 291 с.
2. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 123 с.
3. Бердников Г.П. Идейные и творческие искания. М. : Худож. лит., 1984. 511 с.
4. Громов М.П. Книга о Чехове. М. : Современник, 1989. 384 с.
5. Исина Н.У. Проблема русско-казахских литературных связей: опыт систематизации // Диалоги классиков – диалоги с классикой : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2014. С. 181–193. (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4).
6. Анастасьев Н.А. Мухтар Ауэзов. М. : Молодая гвардия, 2006. 449 с.
7. Ауэзов М.О. Светлая вершина русской литературы // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1960. № 68. С. 11–12.
8. Шарабасов С.Ф. Зерттеу. Эссе. Проза. Алматы : Өлкө, 2001. 184 б.
9. Ауэзов М.О. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1975. Т. 4. 565 с.
10. Ананьева С.В. Мухтар Омарханович Ауэзов. URL: <https://mytashkent.uz/2007/12/17/muhtar-omarhanovich-aezov/>
11. Сатпаева Ш.К. Его имя дорого навеки // Веяние времени : статьи. Астана : Елорда, 2012. Т. IV. С. 403–405.
12. Ахтанов Т. Махаббат мұңы : тандамалы шығармалары. Алматы : Раритет, 2005. 288 б.
13. Очерк истории казахской советской литературы / под ред. З. Кедриной, Е. Лизуновой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 693 с.
14. Шахимарден Кусаинов: Творить, что быть со своей бедой. URL: <https://informburo.kz/obshchestvo/shahimarden-kusainov-tvorit-chto-byt-so-svoey-bedoy-1870.html>

15. *Тахан С.Ш.* Оппозиция «романтизм–реализм» в повествовательной структуре рассказов Б. Майлина 20–30-х годов // Сборник III Междунар. научно-практ. конф. «Научный потенциал мира – 2006». Днепропетровск : Наука и образование, 2006. Т. 13. С. 64–68.
16. *Усен А.Ә.* Б. Майлин мен А. Чехов әңгімелеріндегі «Кішкентай адамдар» // Қазак білім академиясының баяндамалары. 2018. № 4. Б. 186–192.
17. *Майлин Б.* Повести и рассказы / пер. с каз. М. Юфит. Алма-Ата : Казгослитиздат, 1958. 517 с.
18. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1975. Т. 2: 1883–1884. 582 с.
19. *Наурызбаев Б.* Қазақ прозасындағы Б. Майлин дәстүрі. Алматы : Ғылым, 1979. 180 б.
20. *Майлин Б.* Бес томдық шығармалар жинағы. Алматы : Жазушы, 1988. Т. 4. 432 б.
21. *Майлин Б.* Многотомное собрание сочинений : повести, рассказы / пер. с каз. Г. Бельгер, Ю. Домбровский, М. Юфит, А. Шапавалова. Алматы : Қазығұрт, 2013. Т. 14. 384 с.
22. *Ордалиева Ж.* «Созвучие»: Габит Мусрепов и музыка. Алматы : ҚАЗАКПАРАТ, 2006. 125 с.
23. *Ашимханова С.А.* Чеховские традиции в прозе Габита Мусрепова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2011. С. 194–198.
24. *Имангазинов М.* Ильясоведение : сборник многотомного произведения : учеб. пособие для студентов вузов. Алматы : Кітап, 2019. 180 с.
25. *Жириенчин А.М.* Ильяс Джансугуров : (био-библиографический очерк). Алма-Ата : Казах. гос. изд-во худож. лит., 1958. 23 с.
26. *Ильяс Джансугуров: стихи и поэмы* / под ред. М. Львова. Алма-Ата : Казах. гос. изд-во худож. лит., 1958. 302 с.
27. *Қазақ қөркем творчествосындағы сөз және образ* / жауп. ред. С. Қирабаев. Алматы : Қазақ ССР оқу министрлігі, 1979. 96 б.
28. *Нургали К.Р., Сиряченко В.В., Хамирова А.Х.* Национальная концептосфера: художественный концепт «Степь» у А.П. Чехова и И.Б. Джансугурова // Вестник Торайгыров университета. Филологическая серия. 2022. № 2. С. 187–199.
29. «Малая родина» в художественном мире И. Шухова и Г. Мусрепова. URL: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Philologia/8_166013.doc.htm
30. *Он знал о жизни народа не пональшке.* URL: <https://nomad.su/?a=15-200710280823>
31. *Абдыханов У.К.* Чехов и Сейсенбаев: перекличка социального смысла и идей произведений // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2019. Т. 26, № 4 (28). С. 50–57.
32. *Әуезов М.* Шығармаларының елу томдық жинағы. Алматы : Жібек жолы, 2004. Т. 17. 376 б.
33. *Габбасова С.Х.* Методика преподавания А.П. Чехова в казахской школе // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 1 (6). С. 41–44.
34. *Груба жизнь.* URL: <https://time.kz/articles/grim/2015/01/15/gruba-zhizn>
35. *Не надо «Оскара»!* URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/ne-nado-oskara-56875/>
36. *Таныс-бейтаныс – «Шие бағы».* URL: <https://qazaqadebieti.kz/5389/tanys-bejtanysshie-ba-y>
37. *Менің сүйікті агатайым: «Дядя Ваня» в главном театре страны.* URL: <https://massaget.kz/blogs/25314/>
38. *Нұрқатов А.* Шығармалары: Айқын Нұрқатов. Алматы : Ана тілі, 2013. Т. 4. 384 б.
39. *Савельева В.В.* Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы : Жазуши. 2013. 520 с.

References

1. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow: Nauka.
2. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of interpretation]. Moscow: Moscow State University.
3. Berdnikov, G.P. (1984) *Ideyny i tvorcheskie iskaniya* [Ideological and Creative Searches]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Gromov, M.P. (1989) *Kniga o Chekhove* [A Book about Chekhov]. Moscow: Sovremennik.
5. Isina, N.U. (2014) Problema russko-kazakhskikh literaturnykh svyazey: opyt sistematizatsii [The problem of Russian-Kazakh literary relations: the experience of systematization]. In: Zyryanov, O.V. (ed.) *Dialogi klassikov – dialogi s klassikoy* [Dialogues of the Classics – Dialogues with the Classics]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 181–193.
6. Anastas'ev, N.A. (2006) *Mukhtar Auezov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
7. Auezov, M.O. (1960) *Svetlaya vershina russkoy literatury* [The bright pinnacle of Russian literature]. *Literaturnoe nasledstvo*. 68. pp. 11–12.
8. Sharabasov, S.G. (2001) *Zertteu. Esse. Proza* [Zertteu. Essays. Prose]. Almaty: Өлкө.
9. Auezov, M.O. (1975) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Anan'eva, S.V. (2007) *Mukhtar Omarkanovich Auezov*. [Online] Available from: <https://mytashkent.uz/2007/12/17/muhtar-omarkanovich-aezov/> (In Russian).
11. Satpaeva, Sh.K. (2012) *Ego imya dorogo naveki* [His name is dear forever]. In: Satpaeva, Sh.K. *Veyanie vremeni. Stat'i* [Spirit of the times. Articles]. Vol. 4. Astana: Elorda. pp. 403–405.
12. Akhtanov, T. (2005) *Makhabbat тұңы: Таңdamaly shyearmalary* [The Sadness of Love: Selected Works]. Almaty: Raritet.
13. Kedrina, Z. & Lizunova, E. (eds) (1960) *Ocherk istorii kazakhskoy sovetskoy literatury* [Essay on the History of Kazakh Soviet Literature]. Moscow: USSR AS.
14. Kusainov, Sh. (2008) *Tvorit', chto byt' so svoey bedoy* [Create, like to be with your misfortune]. [Online] Available from: <https://informburo.kz/obshchestvo/shahimarden-kusainov-tvorit-ctho-byt-so-svoey-bedoy-1870.html>
15. Takhan, S.Sh. (2006) [The Opposition “Romanticism-Realism” in the Narrative Structure of B. Mailin’s Stories of the 1920s – 1930s]. *Nauchnyy potentsial mira – 2006* [Scientific Potential of the World – 2006]. Proceedings of the 3rd International Conference. Vol. 13. Dnepropetrovsk. 18–29 September 2006. Dnepropetrovsk: Nauka i obrazovanie. pp. 64–68. (In Russian).
16. Ysen, A.A. (2018) B. Maylin men A. Chekhov әңгімелерінде “Kishkentay adamdar” [B. Maylin and “little men” from A. Chekhov’s stories]. *Kazak bilim akademiyasyның bayandamalary*. 4. pp. 186–192.
17. Maylin, B. (1958) *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Translated from Kazakh by M. Yufit. Alma-Ata: Kazgositlitzdat.
18. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
19. Nauryzbaev, B. (1979) *Kazak prozasyndaғы B. Maylin dəstyrı* [B. Maylin tradition in Kazakh prose]. Almaty: Fylym.
20. Maylin, B. (1988) *Bes tomdық shyearmalar zhinazy* [Collected Works]. Vol. 4. Almaty: Zhazushy.
21. Maylin, B. (2013) *Mnogotomnoe sobranie sochineniy: Povesti, rasskazy* [Multi-Volume Collected Works: Novels, stories]. Translated from Kazakh by G. Bel’ger et al. Vol. 14. Almaty: Қазығырт.

22. Ordalieva, Zh. (2006) “*Sozvuchie*”: *Gabit Musrepov i muzyka* [“Consonance”: Gabit Musrepov and music]. Almaty: KAZakparat.
23. Ashimkhanova, S.A. (2011) [Chekhov’s traditions in Gabit Musrepov’s prose]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul’turologii* [In the World of Science and Art: Questions of philology, art criticism and cultural studies]. Proceedings of the 5th International Conference. Novosibirsk. 09 November 2011. Novosibirsk: SibAK. pp. 194–198. (In Russian).
24. Imangazinov, M. (2019) *Il’yasovedenie* [Ilyas Studies]. Almaty: Kitap.
25. Zhirenchin, A.M. (1958) *Il’yas Dzhansugurov* (Bio-bibliographic ocherk) [Ilyas Dzhansugurov (Bio-bibliographic essay)]. Alma-Ata: Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury.
26. L’vov, M. (ed.) (1958) *Il’yas Dzhansugurov: stikhi i poemy* [Ilyas Dzhansugurov: Poems and poems]. Alma-Ata: Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury.
27. Kirabaev, S. (ed.) (1979) *Қазақ көркем творчествосындағы сөз және образ* [Word and Image in Kazakh Art]. Almaty: Қазақ SSR оқу министрилігі.
28. Nurgali, K.R., Siryachenko, V.V. & Khamidova, A.Kh. (2022) Natsional’naya kontseptosfera: khudozhestvennyy kontsept “Step” u A.P. Chekhova i I.B. Dzhansugurova [National concept sphere: artistic concept “Steppe” by A.P. Chekhov and I.B. Dzhansugurov]. *Vestnik Toraygyrov universiteta. Filologicheskaya seriya*. 2. pp. 187–199.
29. Dzholdasbekova, B.U. & Baybosynov, D. (2014) “*Malaya rodina*” v khudozhestvennom mire I. Shukhova i G. Musrepova [“Small motherland” in the artistic world of I. Shukhov and G. Musrepov]. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Philologia/8_166013.doc.htm
30. Nomad. (2007) On znal o zhizni naroda ne ponaslyshke [He knew firsthand about the life of the people]. *Nomad*. [Online] Available from: <https://nomad.su/?a=15-200710280823>
31. Abdykhanov, U.K. (2019) Chekhov i Seisenbaev: pereklichka sotsial’nogo smysla i idey proizvedeniy [Chekhov and Seisenbaev: a roll call of the social meaning and ideas of works]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. pp. 50–57.
32. Auezov, M. (2004) *Шығармаларынұң елу томдық zhinaғы* [Collected Works]. Vol. 17. Almaty: Zhibek zholy.
33. Gabbasova, S.Kh. (2015) Metodika prepodavaniya A.P. Chekhova v kazakhskoy shkole [Methods of teaching A.P. Chekhov in the Kazakh school]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1 (6). pp. 41–44.
34. Evdokimenko, K. (2015) Gruba zhizn’ [Life is rough]. *Vremya*. 15 January. [Online] Available from: <https://time.kz/articles/grim/2015/01/15/gruba-zhizn>
35. Isabekov, R. (2011) Ne nado “Oskara”! [No need for an Oscar!]. *Karavan*. 08 April. [Online] Available from: <https://www.caravan.kz/gazeta/ne-nado-oskara-56875/>
36. Kemelbayeva, A. (2016) Tanys-beytanys – “Shie bary” [Familiar “Cherry Orchard”]. *Қазақ әдебиеті*. 20 May. [Online] Available from: <https://qazaqadebieti.kz/5389/tanys-bejtanys-shie-ba-y>
37. Oralkyzy, A. (2019) Meniң syyikti aratayym: “Dyadya Vanya” v glavnom teatre strany [My beloved uncle: “Uncle Vanya” in the main theater of the country]. *Massaget*. 28 January. [Online] Available from: <https://massaget.kz/blogs/25314/>
38. Nurkatov, A. (2013) *Шығармалары* [Works]. Vol. 4. Almaty: Ana tili.
39. Savel’eva, V.V. (2013) *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiropoetika russkikh pisateley* [Artistic Hypnology and Oneiropoetics of Russian Writers]. Almaty: Zhazushi.

Информация об авторах:

Нургали К.Р. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: nurgalik1@mail.ru

Сиряченко В.В. – магистр гуманитарных наук, докторант кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: vikalife020894@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.R. Nurgali, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Russian Philology Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: nurgalik1@mail.ru

V.V. Siryachenko, MA, doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: vikalife020894@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.12.2022; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 29.06.2022;
approved after reviewing 29.12.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 654.197.001.33
doi: 10.17223/19986645/83/12

Контент-стратегии российских универсальных телеканалов в условиях перехода на цифровое телевидение

Юлия Игоревна Долгова¹, Виктория Станиславовна Федорова²

^{1, 2} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ yidolgova@gmail.com

² fvictoriyaf@mail.ru

Аннотация. Анализируется специфика контент-стратегий двух самых рейтинговых российских универсальных телеканалов, «Первого канала» и «России 1», в период перехода на цифровое вещание. Выделяются конкурентные стратегии программирования четырех телевизионных сезонов. Подтверждается актуальность отказа от специализированных телепрограмм. Определяются приоритетные форматы для российских универсальных телеканалов в условиях интенсификации конкурентной борьбы, объясняются причины их востребованности.

Ключевые слова: телевидение, тележурналистика, контент-стратегия, универсальные телеканалы, цифровое вещание, формат телепрограммы, конкурентная стратегия, российское телевидение

Для цитирования: Долгова Ю.И., Федорова В.С. Контент-стратегии российских универсальных телеканалов в условиях перехода на цифровое телевидение // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 234–256. doi: 10.17223/19986645/83/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/12

Content strategies of Russian general-interest channels in the transition to digital television

Yulia I. Dolgova¹, Viktoria S. Fedorova²

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ yidolgova@gmail.com

² fvictoriyaf@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the importance of learning successful content strategies of general-interest TV channels. In the transition to digital

television this type of media continues to lose their audience. That is why today a lot depends on the skills of producers and the correct content policies of TV companies. This article examines the competitive strategies of the leaders of the Russian television market – TV channels Channel One (Pervyy kanal) and Russia-1 – during the transition to digital television from 2015 to 2018. It was during this period that Russia-1 managed to come ahead of Channel One by the average daily share and still maintains leadership. The authors undertook the TV programs' monitoring during four seasons: 5–11 October 2015; 3–9 October 2016; 2–8 October 2017; 1–7 October 2018. The choice of these periods is explained by the transition to digital television in Russia and the increasing competition between the two main TV channels. At the beginning of the time under investigation, in 2015, Channel One is still the leader in terms of the average daily share, but since 2016 Russia-1 has managed to win by this indicator. The study showed that, in this key period, the content strategy of Russia-1 has the following features: the time slot for specialized broadcasting disappeared (children's, sports, religious); the number of entertainment projects decreased, but the broadcast share of soap operas and political journalism increased. The trend towards the growth of political and social journalism on the air remained during all the studied period for Russia-1. Soap operas kept to play an important role, although in 2018 quantities returned to the figures of 2015 (20% of air time). The share of political and social oriented journalism programs and cognitive shows has been increasing during the entire period on Channel One. Planning their programs' schedule this channel slightly turned to soap operas. A small number of educational and children's projects persevered. Three hypotheses were partly confirmed during the study. The TV channel Russia-1, which has been more successful in the average daily share since 2016, refused specialized broadcasting in this transition period (children's, educational, religious, sports), but Channel One has not done it. Planning their programs' schedule, both channels turned to a high proportion of politics-oriented journalism programs, which has always been traditional for Russian television broadcasting. The more successful channel Russia-1 prioritized the broadcasting of politics-oriented journalism programs and soap operas.

Keywords: television, television journalism, content strategy, general-interest broadcasters, digital broadcasting, TV program format, competitive strategy, Russian television

For citation: Dolgova, Yu.I. & Fedorova, V.S. (2023) Content strategies of Russian general-interest channels in the transition to digital television. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 234–256. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/12

Интенсификация конкурентной борьбы в условиях цифровизации: актуальность исследования

Цифровая революция не привела к смерти телевидения, но к его трансформации [1. Р. 3], которая находит отражение в усилении конкуренции внутри телевизионного пространства между различными каналами и платформами, а как следствие, к изменению контент-стратегий вещателей. Действительно, при увеличении количества телевизионных каналов, а также способов их просмотра, но при отсутствии возможности роста общей численности потенциальных зрителей, количество просмотров каждого отдельного телеканала сокращается [2]. «Золотое время» телевидения, тра-

диционно связываемое с расцветом небольшого количества универсальных телеканалов, «время дефицита», осталось в прошлом. Тем не менее сегодня, в «эпоху доступности», наземное бесплатное вещание по-прежнему способно решать задачи социальной интеграции [3].

В цифровую эпоху универсальные телеканалы встречают больше всего сочувствия, так как по сравнению с «золотыми временами» они потеряли значительное количество зрителей. В России показатели телевизионного смотрения у главных телевизионных каналов остаются достаточно высокими. Например, согласно данным аналитического центра ВЦИОМ, в России, несмотря на снижение аудитории, телевидение по-прежнему остается основным источником новостей [4]. В 2021 г. в среднем в сутки жители крупных городов тратили на просмотр телевизора 3 часа 32 минуты [5]. Тем не менее в условиях усиления конкурентной борьбы все более важным становится увеличение или хотя бы сохранение аудитории. Возрастает значение мастерства продюсеров и работников отделов планирования эфира, так как существенно повышается роль программной политики, понимаемой как «комплекс мер, направленных на эффективное позиционирование телевизионного канала на рынке, привлечение максимальной аудитории» [6. С. 29]. Одним из ключевых этапов телевизионного программирования и в российской, и западной теории считается выбор телевизионных передач для эфира [7]. Именно со значимостью подбора телевизионного продукта при выстраивании программной стратегии связана актуальность данного исследования. Опыт России по формированию программной политики в условиях острой конкуренции и цифровизации интересен как характерный пример медиасистемы, изначально формировавшейся в условиях государственного регулирования, рассматриваемой и выстраиваемой в парадигме «СМИ – социальный институт».

Актуальность исследования обусловлена также выбранным периодом: с 2015 по 2018 г. в России завершается реализация федеральной программы по переходу на цифровое телевидение. Данный инфраструктурный проект рассматривается в статье как технологический фактор, который телеканалам необходимо учитывать при выстраивании программной политики. Реализация федеральной программы не только обеспечила телевизионных зрителей возможностью просмотра двадцати и более бесплатных и общедоступных телеканалов, но и изменила конкурентную среду, что не могло не повлиять на практику телесмотрения россиян [8]. Трансформация телепотребления – важный фактор, который должен учитываться при планировании телевизионного сезона, впрочем, последнее происходит не всегда. Для анализа выбраны телеканалы, традиционно считающиеся лидерами российской телевизионной системы. В изучаемый период телеканал «Россия 1» начал опережать «Первый канал» по среднесуточной доле. До 2016 г. «Первый канал» только единожды уступал лидерство телеканалу «НТВ» в 2012 г. [9]. Победа по среднесуточной доле «России 1» над «Первым каналом» сохраняется уже шестой год. Первое место в списке каналов, очевидно, является отличным инструментом для позиционирования.

ния на рынке, кроме того, определяет более высокие рекламные расценки, поэтому данное достижение нельзя игнорировать. Рассматривая контент-стратегии в этот ключевой период, одну стратегию программирования мы можем назвать более успешной, а другую – менее.

Конкуренция телеканалов «Первый канал» и «Россия 1» в исторической ретроспективе

Возможность вещать по четырем каналам появилась в СССР к 1967 г. [10]. Все телевидение в советский период истории страны принадлежало государству. В своей деятельности телевизионные каналы руководствовались различными постановлениями ЦК КПСС [11], в борьбе за зрителя не конкурировали. Е.Л. Вартанова, Я.Н. Засурский пишут, что для советских медиа чрезвычайно важными оказывались функции, традиционно связанные с концепцией общественного телевидения в Западной Европе, географически универсальный охват и финансовая доступность услуг, а также вклад в национальную самобытность, язык и культуру [12. Р. 95].

Серьезные изменения затронули российское телевидение только в 1991 г., когда распад СССР катализировал реформы в социально-политической и экономической жизни страны. В этот период началось становление коммерческой модели телевещания: произошла приватизация крупных государственных телеканалов, при выстраивании программной политики продюсеры стали ориентироваться на популярность программ, в стране начала формироваться индустрия измерения рейтинговых показателей, создавался рынок рекламы и производства телевизионной продукции [13]. Современная российская телевизионная система сохранила значительное прямое и опосредованное влияние государства на информационные и универсальные телеканалы. Тем не менее даже полностью государственный вещатель, телеканал «Россия 1», функционирует одновременно и как коммерческий. Реклама, в свою очередь, может оказывать существенное влияние на программные стратегии [14].

Вопрос о конкурентном программировании для универсальных телеканалов остро встал в 2009 г., после принятия федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в РФ на 2009–2018 годы». Переход на цифровое телевидение был обусловлен информационным неравенством на территории страны. На момент утверждения федеральной программы не более четырех телевизионных каналов могли принимать 56,1% потенциальных зрителей, не более трех – 73,2%, двумя программами были охвачены почти все россияне, 96,7%. Таким образом, оставалось незначительное количество аудитории, порядка 3 млн человек, которые принимали только одну программу, и порядка 1,6 млн вообще без доступа к телевидению [15]. В результате реализации программы россияне получили возможность смотреть бесплатно 21–22 телеканала. Среди общедоступных телеканалов, входящих в первые два мультиплекса, универсальные телеканалы по-прежнему оказались лидерами по среднесуточной доле, во многом благо-

даря своей возможности собирать перед экранами телевизоров самую широкую аудиторию. Телеканалы общего интереса обращаются к схожей телевизионной аудитории, провоцируя рост значения конкурентных стратегий программирования; самая острая борьба развернулась между главными телеканалами страны: «Первым каналом» и «Россией 1», которые и стали предметом исследования данной статьи.

Обзор литературы

Различные аспекты коммерческого программирования были хорошо изучены в западной литературе в 80–90-х гг. XX в. Достаточно активно исследовались стратегии программирования для запуска новых программ [16–17]. Большое внимание уделялось эффектам от перетекания зрителей при постановке в эфир друг за другом однотипных передач [18], а также при использовании программной стратегии «бутерброд» [19]. Исследования показывали, что планирование – важный инструмент привлечения телевизионных зрителей, который создает условия для сохранения аудитории, приверженной каналу, его бренду [3]. Анализировалось использование приемов программирования общественными вещателями, позволяющее им быть не только полезными обществу, но и популярными [20–24].

Значительное внимание ученых привлекал вопрос качества телевизионного продукта [25]. Были предприняты попытки рассматривать для изменения качества программирования такой параметр, как «разнообразие контента» [26–29]. Увеличение количества каналов приводило к необходимости изучения разнообразия, как вертикального, так и горизонтального (между каналами) [30]. Однако проведенные работы показали, что с увеличением количества каналов возможность выбора (т.е. наличие разнообразных программ в сетке вещания) у зрителя не обязательно увеличивалась [31–32]. Значимым фактором для трансформации телевизионного вещания в XXI в. стало развитие интернет-медиа; цифровая революция не только отобрала часть зрителей у классического телевидения, но и предоставила ему новые возможности благодаря организации интерактива в передачах, созданию полноценных специализированных телевизионных каналов, в том числе посвященных спорту и направленных на детскую аудиторию [33–35].

Среди отечественных исследователей вопрос о создании теории программирования встал перед началом вещания по четырем программам (1966–1967). Наличие четырех программ в тот периодказалось достаточным [36]. Современные российские исследователи телевизионного программирования при описании приемов планирования сетки и методов про-моушна опираются преимущественно на западную литературу [37–39]. Тем не менее для исследования разнообразия контента и его классификации используется, как правило, советско-российская научно-теоретическая база, основанная на жанрово-функциональной теории [40–41]. В последнее время было предпринято несколько попыток исследовать жанрово-форматную палитру центральных российских телеканалов [42–43], а также

конкурентное программирование [44]. Концептуализирована трансформация телевидения в условиях цифровизации [45–46], изучалось программирование телеканалов в цифровой среде [47–48], однако продолжительного исследования конкурентных контент-стратегий главных российских телеканалов в условиях перехода на цифровое вещание не предпринималось.

Методология исследования

Для изучения конкурентных контент-стратегий в условиях перехода на цифровое телевидение выбрано два главных российских телеканала – «Первый канал» и «Россия 1».

«Первый канал» является частно-государственным, «Россия 1» – государственным телевизионным каналом. С точки зрения теории СМИ частный телеканал при выстраивании программной политики в большей степени ориентируется на получение высоких рейтинговых показателей, государственный – «инструмент идеологического обеспечения проводимой властью политики» [36. С. 124]. По такому параметру, как программная политика, телеканалы значительно схожи [42]. «Первый канал» и «Россия 1» ориентируются на широкую аудиторию, очень близкую по своим социально-демографическим характеристикам [49].

Долгое время в России в восприятии телевизионной аудитории главными каналами считались именно «Первый канал» и «Россия 1», так как они выходили в эфир на тех частотах, которые традиционно были закреплены за первой и второй кнопкой на советских телевизорах. Восприятие телеканалов аудиторией несколько отличалось. В момент перехода на цифровое телевидение, в 2009 г., «Первый канал» люди считали «главным», «основным». У большинства телезрителей он ассоциировался с первой кнопкой, само название определяло первенство канала по сравнению с другими [50. С. 216–217].

Телеканал «Россия 1» в тот же период оставался в глазах телезрителей «второстепенным», «дублирующим». Как важная его характеристика зрителями отмечалась «сериальность» (из-за значительного количества сериалейной продукции в сетке вещания телеканала), а характерной чертой аудитории считала его «двойственность», что выражалось, в частности, в двух образах типичного зрителя: с одной стороны, это «пожилая женщина в халате и домашних тапочках», с другой – «мужчина лет пятидесяти, чиновник средней руки» [50. С. 218–219]. В то же время, исходя из названия, это канал о России и для России [51]. Для исследования контент-стратегий взято четыре временных промежутка с 2015 по 2018 г.: 5–11 октября 2015 г.; 3–9 октября 2016 г.; 2–8 октября 2017 г.; 1–7 октября 2018 г. Выбор пал на первую полную неделю октября, когда основные новые проекты на телеканалах были уже запущены, а также в России отсутствовали праздничные даты, которые могли бы повлиять на программу передач. В 2015 г. «Первый канал» еще являлся лидером по среднесуточной доле, однако с 2016 г. телеканалу «Россия 1» удалось обогнать «Первый канал» по этому показателю. В последующие периоды мы видим закрепление тенденции (таблица).

Динамика среднесуточной доли изучаемых телеканалов с 2015 по 2018 г. [49]

Телеканалы	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
«Первый канал»	13,7	12,7	12,1	11,78
«Россия 1»	12,7	12,9	13,2	12,87

Для исследования контент-стратегий вещателей был разработан тематико-функциональный классификатор, основанный на концепции Г.В. Кузнецова [52. С. 193–203], данный классификатор апробирован исследователями для анализа контент-стратегий универсальных телеканалов [42–43]. Были выделены следующие виды вещания:

– *Информационное* – сообщения о текущих событиях. Сюда мы также относили специализированные информационные программы, т.е. новости одного тематического профиля.

– *Информационно-аналитическое* – чаще всего еженедельные передачи, в которых анализируются главные события прошедшей недели.

– *Публицистическое* – передачи, которые формируют общественное мнение. В них анализируются актуальные проблемы, а также показываются пути их решения. Мы отдельно выделили социальную и политическую публицистику.

– *Познавательно-развлекательное* – программы, где в легкой форме телезрители получают полезную информацию.

– *Развлекательное* – передачи не несут в себе никакого глубоко смысла, но доставляют удовольствие и позволяют расслабиться и отвлечься от проблем.

– *Кинофильмы*.

– *Документальные фильмы*.

– *Сериалы* – любые многосерийные фильмы, которые выходят на телеканале с определенной периодичностью и имеют более 4 серий.

– *Культурно-просветительское* – программы о духовных ценностях, созданных человеком;

– *Религиозное* – передачи, которые затрагивают темы, важные для людей, исповедующих разные религии.

– *Детское* – программы, рассчитанные на аудиторию от 0 до 18 лет, в том числе мультфильмы;

– *Спортивное* – передачи о спорте, в том числе трансляции спортивных событий.

Мы предполагали, что в условиях возросшей конкуренции на телеканалах будет расти их стремление к широкой аудитории.

Г.1. Будет сокращаться количество узконаправленных проектов, в том числе спортивных, детских, религиозных и др.

Мы также предположили, что

Г.2. На обоих телеканалах будет сохраняться значительное количество передач политической публицистики и новостей.

Выдвигая данную гипотезу, мы основывались на том, что для советского телевидения всегда было свойственно большое количество политиче-

ской публицистики в эфире и данный вид контента является привычным для взрослого телезрителя.

Мы также предположили, что победить в конкурентной борьбе «России 1» помогает использование привычного для телеканала развлекательного контента, а именно телевизионных сериалов.

Г.3. В исторической ретроспективе в контент-стратегии телеканала «Россия 1» можно увидеть увеличение количества развлекательного контента, в первую очередь телевизионных сериалов.

«Сериальность» как характерная черта эфира «Первого канала» и телеканала «Россия 1» в 2015 г.

В осеннем сезоне 2015 г. большую часть эфирного времени «Первого канала» занимали познавательно-развлекательные программы (27%) и кинопоказ (27,5%), при этом сериалов (14%) и художественных кинофильмов (13,5%) в сетке вещания оказалось практически поровну. На втором месте по количеству выделенного на них эфирного времени находились публицистические передачи (18%). На информационное и информационно-аналитическое вещание отводилось всего 10%. Новости показывали ежедневно каждые три часа. Их хронометраж варьировал от 5 до 50 минут. В программе передач можно было заметить много популярных на тот период времени проектов («Голос», «Пусть говорят с Андреем Малаховым» и др.). Развлекательному контенту в осеннем телесезоне 2015 г. отводилось лишь 11% эфирного времени. 4% программной верстки занимали документальные фильмы; доля культурно-просветительских, детских, религиозных и спортивных передач составляла не более 2,5%.

Лидерами среди видов контента на телеканале «Россия 1» оказались сериалы (20%), чуть меньшее количество эфирного времени заняли познавательно-развлекательные проекты (19%) и развлекательные программы (18%). По сравнению с «Первым каналом» кинопоказ получил меньше времени, чем сериальная продукция (лишь 11% против 20%). Публицистических программ на телеканале «Россия 1» в исследуемый период было почти в два раза меньше, чем на «Первом канале» (9%).

Телеканал «Россия 1» уделял значительное внимание информационному вещанию. Информационные (в том числе специализированные) и информационно-аналитические программы занимали 17,5% эфирного времени. Новости выходили каждый день также с интервалом в 3 часа, однако хронометраж в среднем составлял 40 минут. В выходные дни показывалось всего несколько информационных передач. Доля в вещании документальных фильмов, как и на «Первом канале», была небольшая – 3,5%. В программной сетке телеканала «Россия 1» отсутствовали культурно-просветительские и религиозные программы, а детских и спортивных оказалось всего 2%.

Несмотря на схожесть контент-политики телеканалов в начале исследуемого периода, между ними присутствовали существенные различия. Ру-

кводство «Первого канала» фокусировало внимание на показе кинофильмов и сериалов, а также на познавательно-развлекательных проектах. Остальные виды вещания в программной сетке были представлены в меньшей степени. У телеканала «Россия 1» в лидерах были три вида вещания: телевизионные сериалы (20%), развлекательные передачи (18%) и познавательно-развлекательные (19%) (рис. 1).

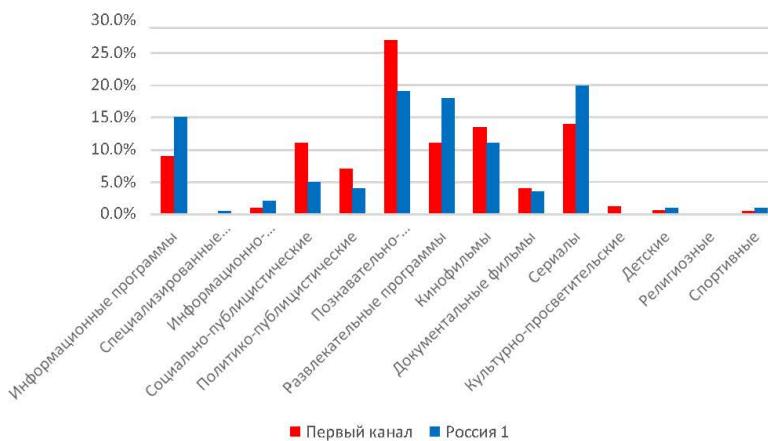

Рис. 1. Структура контента «Первого канала» и телеканала «Россия 1» в осеннем телесезоне 2015 г.

В общей сложности 20 выпусков передач «Первого канала» и 17 телеканала «Россия 1» вошли в общий ТОП-50 выпусков программ по популярности [53].

Увеличение доли политico-публицистических программ как часть программной политики телеканала «Россия 1» в 2016 г.

В 2016 г. началось сокращение доли кинопоказа и увеличение доли публицистических передач в эфире «Первого канала». Распределение по видам вещания стало более равномерным. Самым частотным видом вещания остались познавательно-развлекательные проекты (26%), однако второе место заняли публицистические программы (24%), доля которых выросла на 6% по сравнению с предыдущим годом. На 2% увеличилась доля социальной публицистики и на 4% – политической. Данная тенденция была связана как с появлением новых проектов, так и с увеличением хронометража тех, которые были в эфире в 2015 г. Незначительно выросла доля развлекательных проектов с 11% до 13%. Увеличение доли развлекательных и публицистических программ отразилось на сокращении удельной доли кинопоказа (21%), в значительной степени уменьшилось именно количество фильмов (9%), в меньшей степени – сериалов (12%). До минимальных значений упало количество документальных фильмов (2%), дет-

ские, культурно-просветительские и религиозные передачи сохранились в эфире в том же небольшом количестве (рис. 2).

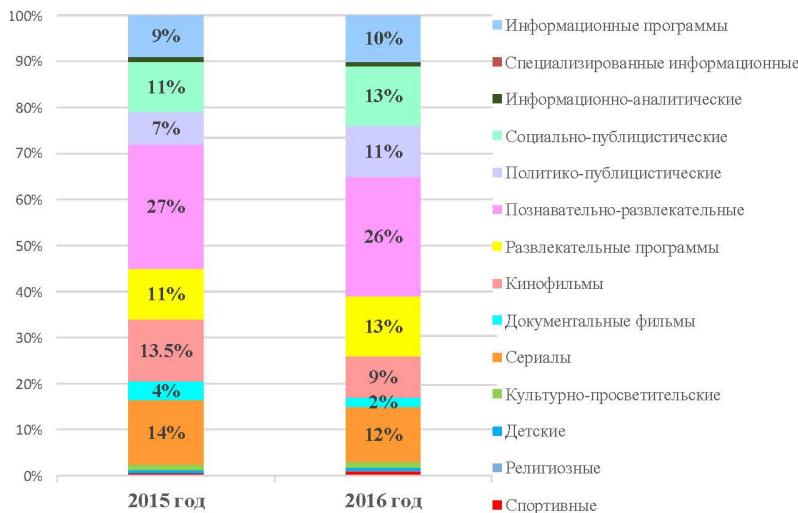

Рис. 2. Структура контента «Первого канала» в 2015, 2016 гг.

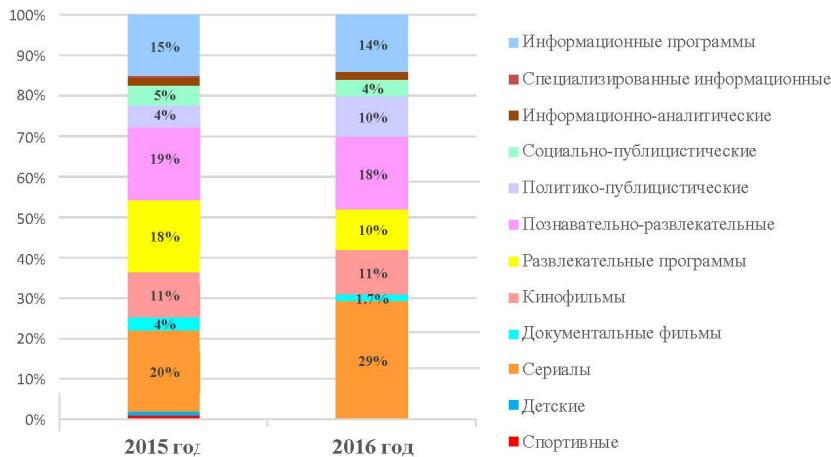

Рис. 3. Структура контента телеканала «Россия 1» в 2015, 2016 гг.

В осеннем телесезоне 2016 г. изменились приоритеты программной политики телеканала «Россия 1», лидером по удельному объему эфирного времени в программной сетке стали сериалы (29%). По-прежнему продюсеры часто обращались к информационным (14%) и познавательно-развлекательным передачам (18%). Выросло количество публицистических проектов (14%), в основном за счет политической публицистики.

Как и на «Первом канале», сократилось до 2% количество документальных фильмов, в программной сетке исчез выделенный специально для них тайм-слот. В этот период полностью отсутствовали в эфире спортивные и детские телевизионные передачи. На специализированный детский телеканал «Карусель» перешла старейшая детская передача «Спокойной ночи, малыши» (рис. 3).

В общей сложности 25 выпусков передач «Первого канала» и 19 телеканала «Россия 1» вошли в общий ТОП-50 выпусков телевизионных программ [54].

Сокращение доли телесериалов как специфика эфира «Первого канала» в 2017 г.

В 2017 г. программная дирекция «Первого канала» продолжила делать акцент на познавательно-развлекательных проектах, они сохранили лидерство среди видов вещания (27%). Второе место поделили политическая публистика и кинопоказ (по 16%), доля данных видов вещания в этот период выросла, а количество сериалей сократилось и достигло 5%.

Развлекательные и информационные передачи по-прежнему не занимали важного места в сетке вещания (11 и 8% соответственно). Незначительно увеличилась доля документальных фильмов (до 3%), тогда как спортивные передачи полностью исчезли из эфира (рис. 4).

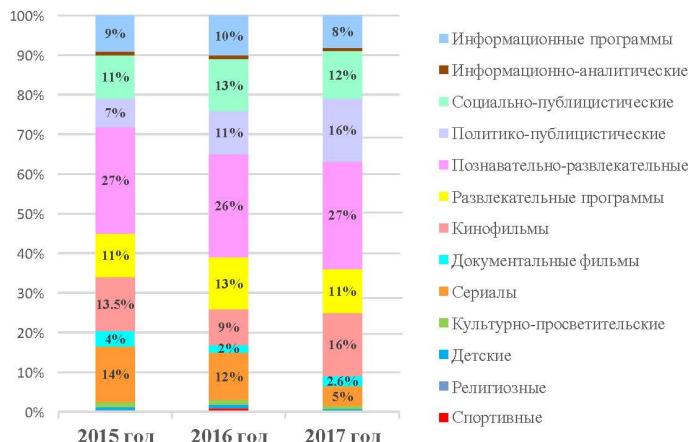

Рис. 4. Структура контента «Первого канала» в 2015, 2016, 2017 гг.

В 2017 г. на телеканале «Россия 1» сериалная продукция сохранила лидерство среди видов вещания (28%), на втором месте по-прежнему оказались познавательно-развлекательные проекты (18%), хотя их можно было наблюдать в меньшем количестве, чем на «Первом канале». Продолжила расти доля в эфире политко-публицистических проектов (13%), отчасти за счет сокращения кинопоказа (упал до 8%) и отказа от документаль-

ных проектов. Важное место в сетке вещания по-прежнему занимали информационные программы (14%) (рис. 5).

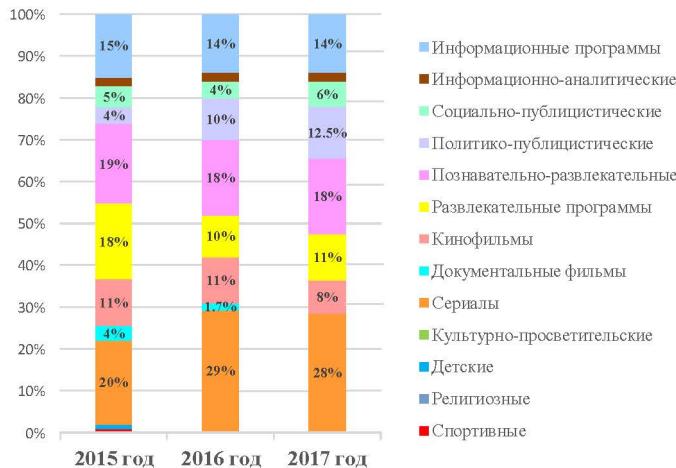

Рис. 5. Структура контента телеканала «Россия 1» в 2015, 2016, 2017 гг.

В исследуемый период не было показано ни одного документального фильма, однако нельзя утверждать, что данный вид контента полностью исчез из программы передач. Документальные фильмы стали показывать по воскресеньям в ночном эфире, но при этом без какой-то периодичности, а также в праздничные даты.

В 2017 г. «Россия 1» незначительно обогнала «Первый канал» и по количеству передач, попадающих в список наиболее популярных. В общей сложности 22 выпуска передач «Первого канала» и 25 телеканала «Россия 1» вошли в общий ТОП-50 выпусков программ [55].

Обилие познавательно-развлекательных и публицистических программ как особенность эфира «Первого канала» и телеканала «Россия 1» в 2018 г.

Телеканал «Россия 1» в 2018 г. расширил свою целевую аудиторию, определив ее как зрителей в возрасте от 18 лет, а не от 25 лет, как обозначалось ранее. Телеканал продолжил лидировать в своей целевой аудитории. Среднесуточная доля обоих телеканалов в этот период сократилась примерно на 0,3%

В 2018 г. «Первый канал» сохранил главный акцент в программной политике на познавательно-развлекательных телевизионных программах, их количество еще увеличилось и достигло 30%. Второе место в программной сетке теперь заняли передачи социальной публицистики (18%), количество которых значительно увеличилось, и политической публицистики (16%) (удельная доля передач политической публицистики не изменилась). Про-

должилось падение удельной доли сериальной продукции (до 4%) и кинофильмов (8%). Сохранилось и падение доли информационного вещания, которая составила 6%. В сетке вещания сохранились в незначительном количестве детские, религиозные, культурно-просветительские программы, документальные фильмы (рис. 6).

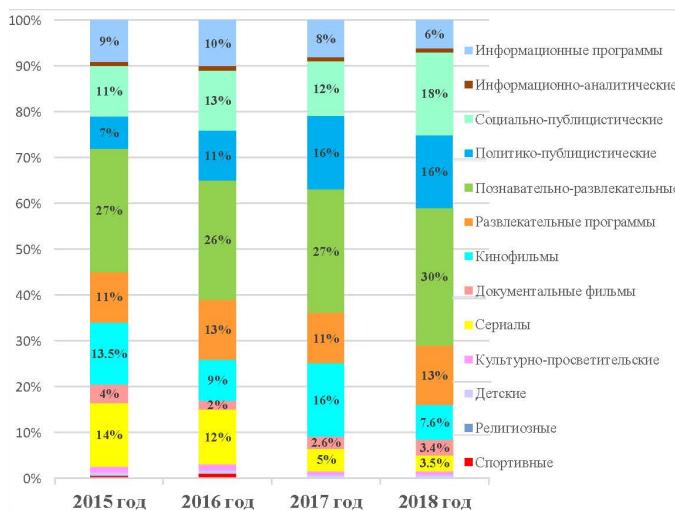

Рис. 6. Структура контента «Первого канала» в 2015, 2016, 2017, 2018 гг.

В 2018 г. сетка вещания телеканала «Россия 1» вновь выглядела более сбалансированной (по сравнению с «Первым каналом»), эфир программировался при помощи обращения к различным видам вещания, лидерство сохранялось за сериалами и познавательно-развлекательными передачами. За весь период незначительно сократилась доля информационных программ (до 11,5%) и почти в три раза увеличилось количество передач политической публицистики (14%). При этом доля новостей в программной сетке телеканала «Россия 1» в 2018 г. была практически в два раза выше, чем на «Первом канале». Это было связано с тем, что хронометраж новостей телеканала «Россия 1» в данный период колебался от 20 минут до целого часа. Доля информационно-аналитического вещания также оказалась выше. Примерно одинаковое время в эфире телеканала «Россия 1» отводилось развлекательным программам (11%) и кинофильмам (10%). В эфире отсутствовали культурно-просветительские, детские, религиозные программы и документальные фильмы, которые за 4 года стали выходить без определенной периодичности (рис. 7).

Несмотря на наличие схожих по формату программ («Пусть говорят» и «Андрей Малахов. Прямой эфир», «О самом главном» и «Жить здорово»), в целом контент двух каналов в 2018 г. существенно различался между собой с точки зрения контент-стратегии. Телеканал «Россия 1» обращался к различным видам вещания: информационным передачам, публицистике,

развлекательным и познавательно-развлекательным передачам, кинофильмам и сериалам, практически полностью отказавшись от специализированного контента (детского, спортивного, религиозного и др.).

Рис. 7. Структура контента телеканала «Россия 1» в 2015, 2016, 2017, 2018 гг.

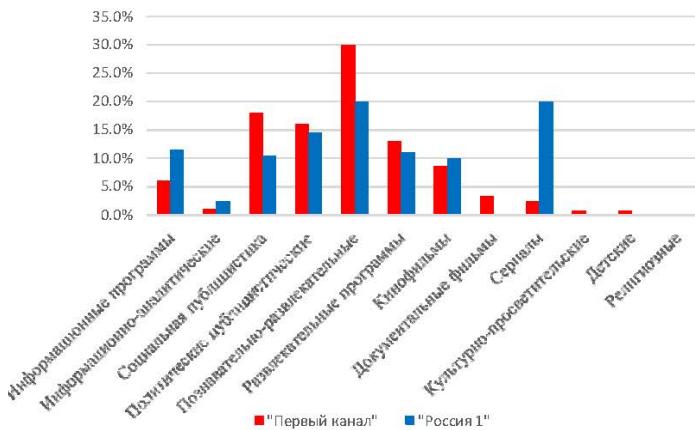

Рис. 8. Структура контента «Первого канала» и телеканала «Россия 1» в осеннем телесезоне 2018 г.

Контент-стратегия «Первого канала» оставалась в течение всего периода менее сбалансированной. Самое большое внимание уделялось в эфирной сетке познавательно-развлекательным передачам, практически в два раза меньше эфирного времени занимали передачи социальной и политической публицистики и развлекательные программы, еще в два раза меньше эфирного времени – информационные программы. Телеканал также до конца изучаемого периода сохранил в эфире в незначительном количестве

специализированный контент: детский, спортивный и религиозный (рис. 8). На обоих телевизионных каналах в изучаемый период в значительной степени выросло количество передач социальной и политической публицистики.

В 2018 г. телеканал «Первый канал» вернул себе лидерство по количеству передач, которые вошли в общий «ТОП-50» самых популярных телевизионных проектов. В общей сложности 23 выпуска передач «Первого канала» и 13 телеканала «Россия 1» попали в общий «ТОП-50» [56].

Дискуссия и выводы

Расширение списка доступных для зрителей телевизионных каналов стало вызовом для лидеров телерынка, и можно утверждать, что «Первый канал» не справился с ним. Главной тенденцией в сфере контент-стратегий для экс главного телеканала страны стал рост политической и социальной публицистики за счет сокращения форматов, которые, казалось бы, должны были быть востребованными при программировании, – кинофильмов и телевизионных сериалов. На телеканале «Россия 1» также можно наблюдать рост политической публицистики, однако это происходит за счет специализированных телевизионных программ, документальных фильмов и развлекательного вещания. В 2016 г. удельная доля сериалов даже возрастает, до 2018 г. количество кино и сериальной продукции не сокращается.

Анализ динамики изменений в контент-стратегиях на обоих телевизионных каналах показал, что в ответ на усиление конкуренции в эфире не появилось новых форматов. Тем не мене можно наблюдать упрощение контент-стратегии телеканала «Россия 1»: количество видов вещания сократилось, остались только те, которые необходимы, чтобы эффективно решать стоящие перед телевизионным каналом задачи (коммерческие или пропагандистские). В течение изучаемого периода «Россия 1» пытался найти оптимальное соотношение различных видов контента и в 2018 г., скорее всего, не очень удачно сократил количество сериальной продукции. Возможно, именно с уменьшением доли сериального показа связано незначительное падение среднесуточной доли телеканала в этот период.

В начале статьи был выдвинут такой параметр, как форма собственности, в качестве одного из факторов, определяющих конкурентную борьбу вещателей; по итогам исследования мы видим, что количество политической публицистики увеличилось на обоих российских телевизионных каналах. Наличие частных инвесторов не позволяет «Первому каналу» чувствовать себя более свободным в конкурентной борьбе с государственным вещателем. Можно даже предположить, что самоцензура, присутствующая у руководства «Первого канала», накладывает гораздо большие ограничения на программную политику экс главного телеканала страны и способствует разработке менее эффективной контент-стратегии. Однако данный тезис требует дальнейшего изучения.

В данной работе объектом исследования стали универсальные телевизионные каналы. Понимая под термином «универсальный телеканал» те

медиа, которые «предлагают широкой аудитории самый разнообразный по тематике и жанрово-форматным характеристикам телевизионный продукт» [10. С. 13], можно было бы ожидать, что телеканалы будут обращаться при выстраивании своих контент-стратегий к разнообразным видам телевизионных программ. Однако цифровизация, обеспечившая возможность расширения количества телевизионных каналов, большинство из которых оказываются специализированными, стимулирует отказ универсальных вещателей от нишевого контента (детского, спортивного, религиозного). Каналы, целиком посвященные данному тематическому виду телевизионного продукта, в период реализации федеральной программы вошли в первые два мультиплекса («Карусель», «Матч», «Спас» и др.). Отказ от специализированного вещания в большей степени характерен для более успешного в изучаемый период телеканала «Россия 1».

Можно было бы предположить, что сокращение детского, культурно-просветительского и спортивного вещания связано с политической обстановкой в стране в изучаемый период и повышением востребованности пропагандистского контента в сетке вещания. Однако мы склонны объяснять данную тенденцию закономерными последствиями цифровой революции в индустрии и ориентацией вещателей на высокие экономические показатели. В условиях эволюции традиционной рекламной бизнес-модели, мультиканальности и мультиплатформенности современной медиасреды, увеличения актуальности концепции индивидуальных запросов для монетизации контента [45] сокращение специализированного телевизионного продукта на телеканалах общего интереса кажется закономерным. При программировании общедоступных платформ продюсеры стремятся ориентироваться на универсального зрителя. Мы полагаем, что в условиях, когда специализированные телеканалы становятся доступны на всей территории России, учитывать изменение медиасреды необходимо всем универсальным вещателям, которые хотели бы сохранить конкурентоспособность. Телеканалы, входящие в большие конвергентные холдинги (имеющие возможность перераспределить контент между своими медиа), обладают определенным преимуществом, задавая правила поведения в изменяющемся медиапространстве.

В изучаемый период на обоих телеканалах возрастает значение политической публицистики. Анализируя причины указанного феномена, важно говорить о влиянии внутриполитического и внешнеполитического контекста. События 2014 г. – смена власти в Украине, присоединение Крыма к России, санкции и антисанкции между Россией и странами так называемого «коллективного Запада» – обусловили заинтересованность власти в усилении пропагандистской нагрузки в СМИ. Одновременно увеличение политической публицистики свидетельствует о сохранении за универсальными вещателями обязанности по реализации социальных задач (например, по политическому информированию или формированию общественного мнения) в «эпоху доступности». Исследование конкурентной борьбы двух главных российских телеканалов в период перехода на цифровое ве-

щание, осложняющегося острой внешнеполитической ситуацией, показал, что по крайней мере в России государственный вещатель может выполнять стоящие перед ним социальные задачи и быть успешным (сохранять высокие медиаметрические показатели). Данный тезис подтверждает и внимание «России 1» к информационному вещанию, которое хотя и сокращается на телеканале в изучаемый период, но по-прежнему в два раза превышает удельную долю новостей «Первого канала».

В исследуемый период на обоих телевизионных каналах увеличивается количество передач социальной публицистики. К данному виду вещания часто относят такие социально-развлекательные передачи, как «Пусть говорят» и «Андрей Малахов. Прямой эфир» [43. С. 328], а также более серьезные проекты, например «Судьба человека». Данную тенденцию мы склонны связывать со стремлением телевизионных каналов к экономии, так как социальная публицистика – журналистский контент, требующий для производства меньших капиталовложений по сравнению с кино и сериалным производством.

Телеканал «Россия 1» сохранил обозначенную выше тенденцию на программирование эфира при помощи телевизионных сериалов. Другим видом вещания, удельный вес которого значительно вырос с 2015 по 2018 г., оказались передачи социальной и политической публицистики.

Помимо прогнозируемых изменений в контент-стратегиях (рост политической публицистики, отказ от специализированного вещания) следует отметить знаковость для обоих телевизионных каналов такого вида вещания, как познавательно-развлекательные проекты (самый популярный вид вещания на телеканале «Первый канал»). Анализ показал, что традиционная ориентация советского телевидения на культурно-просветительские передачи [36] в эпоху коммерческого телевизионного вещания трансформировалась в приоритет программ познавательно-развлекательных, т.е. таких, в которых зрители в легкой форме могут получить полезную информацию.

В изучаемый период телеканалы «Первый канал» и «Россия 1» лишаются статуса бесспорных лидеров рынка, попадая в высококонкурентную среду с другими бесплатными и общедоступными телеканалами. В новых условиях оказывается недостаточным просто вести себя как «первый» и главный телеканал. Важным становится, учитывая внешнеполитический и экономический факторы, ориентироваться на привычки целевой аудитории, проявлять гибкость контент-политики по отношению к меняющемуся медиаландшафту. С этими тактическими задачами лучше справляется телеканал «Россия 1». Очевидно, что только выбор контента не обеспечивает высокие показатели среднесуточной доли, важными оказываются вопросы расстановки программ и их промоушна, что требует дополнительных исследований.

Список источников

1. Butler J.G. Television. Critical Methods and Applications. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. 511 p.

2. *Хант Л.* Основы телевизионного брендинга и эфирного промоушна. М. : Престиж, 2004. 118 с.
3. *Ellis J.* Seeing things: Television in the age of uncertainty. London ; New York : I.B. Tauris, 2000. 193 р.
4. ВЦИОМ выяснил главные источники новостей для россиян // РБК. 2021. 23 сен. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614b810f9a794706e3dd3ad8>
5. Телесмотрение в России вернулось к допандемийному уровню // РБК. 2021. 15 авг. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/08/2021/61162a129a7947407870f306
6. *Дегтерева Е.И.* Стратегии программирования общественных, государственных и коммерческих телеканалов Швеции и России в современных условиях: 1994–2004 гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 224 с.
7. *Eastman S.T., Ferguson D.A.* Media Programming: Strategies and Practices. 9th ed. Australia : Thomson / Wadsworth, 2013. 484 р.
8. *Батыришин Р.И., Шариков А.В.* Изменения в структуре телесмотрения россиян после перехода на цифровое вещание // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5, № 1. С. 18–50.
9. *Как россияне смотрели телевизор в 2021 году.* Инфографика // РБК. 2021. 23 дек. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/12/2021/61c4633d9a79476fde8b7dce
10. *Долгова Ю.И., Перипечина Г.В.* Телевизионная журналистика. М. : Аспект Пресс, 2021. 208 с.
11. *Месяцев Н.Н.* Горизонты и лабиринты моей жизни. М. : Вагриус, 2005. 623 с.
12. *Vartanova E.L., Zassoursky Y.N.* Television in Russia: Is the concept of PSB relevant? // Broadcasting & Convergence: New Articulations of the Public Service Remit. Goteborg : Nordicom, University of Goteborg, 2003. Р. 93–108.
13. *Коломиц В.П.* Российское телевидение: индустрия и бизнес. М. : НИПКЦ Восток-А, 2010. 303 с.
14. *Варданова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. М. : Аспект Пресс, 2003. 334 с.
15. Концепция федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации в 2009–2015 гг.» // «Цифра» в документах. 2014. 15 янв. URL: «Цифра» в документах | Цифровое эфирное телевидение (rtrs.ru)
16. *Adams W.J.* TV program scheduling strategies and their relationship to new program renewal rates and rating changes // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 1993. Vol. 37, № 4. P. 465–474.
17. *Adams W.J.* Scheduling practices based on audience flow: What are the effects on new program success? // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1997. Vol. 74, № 4. P. 839–858.
18. *Webster J.G.* Program audience duplication: A study of television inheritance effects // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 1985. Vol. 29, № 2. P. 121–133.
19. *Tiedge J.T., Ksobiech K.J.* The sandwich programming strategy: A case of audience flow // Journalism Quarterly. 1988. Vol. 65, № 2. P. 376–383.
20. *Hujanen T.* The power of schedule: programme management in the transformation of finish public service television. Tampere : University of Tampere Press, 2002. 174 p.
21. *Hujanen T.* Public service strategy in digital television: From schedule to content // Journal of Media Practice. 2003. Vol. 4, № 3. P. 133–154.
22. *León-Anguiano B.* Commercialisation and Programming Strategies of European Public Television // A Comparative Study of Purpose, Genres and Diversity. Observatorio (OBS*) Journal. 2007. № 2. P. 81–102.
23. *Meier H.E.* Beyond convergence: Understanding programming strategies of public broadcasters in competitive environments // European Journal of Communication. 2003. Vol. 18, № 3. P. 337–365.

24. *Murray A.M.* Rationalising public service: Scheduling as a tool of management in RTE television : doctoral Thesis. Dublin, 2011. 299 p. doi: 10.21427/D70307
25. *Ishikawa S.* Quality assessment of television. Luton : University of Luton Press, 1996. 300 p.
26. *Dominick J.R., Pearce M.C.* Trends in Network Prime-Time Programming, 1953–74 // *Journal of Communication*. 1976. Vol. 26, № 1. P. 70–80.
27. *Lin C.A.* Diversity of network prime-time program formats during the 1980s // *Journal of Media Economics*. 1995. Vol. 8, № 4. P. 17–28.
28. *Litman B.R.* The television networks, competition and program diversity // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1979. Vol. 23, № 4. P. 393–409.
29. *Litman B.R.* Economic aspects of program quality: The case for diversity // *Studies of Broadcasting*. 1992. Vol. 28. P. 121–156.
30. *Hellman H.* Diversity—an end in itself? Developing a multi-measure methodology of television programme variety studies // *European Journal of Communication*. 2001. Vol. 16, № 2. P. 181–208.
31. *Collins R.* White and Green and Not Much Read: The White Paper on Broadcasting Policy // *Screen*. 1989. Vol. 30, № 1-2. P. 6–23.
32. *Van der Wurff R.* Supplying and viewing diversity: The role of competition and viewer choice in Dutch broadcasting // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19, № 2. P. 215–237.
33. *Lotz A.D. (ed.)* Beyond prime time. London : Routledge, 2009. 224 p.
34. *Lotz A.D.* The television will be revolutionized. New York : New York University Press, 2014. 352 p.
35. *Ytreberg E.* Continuity in environments: The evolution of basic practices and dilemmas in Nordic television scheduling // *European Journal of Communication*. 2002. Vol. 17, № 3. P. 283–304.
36. *Борецкий Р.А.* В бермудском треугольнике ТВ. М. : Икар, 1998. 204 с.
37. *Дашевская И.* МассМедиа: программирование на ТВ // *Broadcasting.ru*. 2009. URL: <http://www.broadcasting.ru/articles2/content/mass-media-programmirovaniye-na-tv>
38. *Зубок А.С.* Телевизионный бизнес. М. : Школа издательского и медиа-бизнеса, 2012. 560 с.
39. *Толоконникова А.В.* Особенности программирования «Первого канала» // *Медиаскоп*. 2008. № 2. С. 18.
40. *Багиров Э.Г.* Очерки теории телевидения. М. : Искусство, 1978. 151 с.
41. *Борецкий Р.А.* Телевизионная программа : очерк теории пропаганды. М. : Ком. по РВ и ТВ при СМ СССР ; МГУ, 1967. 213 с.
42. *Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В.* Контент-стратегии телеканалов «большой тройки»: тематика, жанры, форматы // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 61. С. 237–255. doi: 10.17223/19986645/61/14
43. *Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В.* Программирование тайм-слотов телеканалов «большой тройки»: эфир будних дней // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 69. С. 321–339. doi: 10.17223/19986645/69/16
44. *Долгова Ю.И., Федорова В.С.* Программирование универсальных телеканалов в условиях острой конкуренции (на примере «Первого канала» и «Россия 1») // *Медиальманах*. 2019. № 3. С. 64–74.
45. *Вартанова Е.Л.* Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*. 2011. № 4. С. 6–26.
46. *Полуэхтова И.А.* Телевидение и его аудитория в эпоху интернета М. : Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2018. 182 с.
47. *Шацкая А.Д.* Контент российских телеканалов в Интернете: технологии размещения и монетизации // *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*. 2019. № 6. С. 129–154.

48. Шацкая А.Д. Онлайн-стратегии телеканалов «большой тройки» («Первый канал», «Россия 1», НТВ) // Меди@льманах. 2017. № 5. С. 76–86.
49. *Mediascope*. URL: <https://mediascope.net/>
50. Полуэхтова И.А. (ред.) Телевидение глазами телезрителей. М. : Восход-А, 2012. 361 с.
51. Портнягина М. «Нам доверяют». Программный директор «России 1» Александр Нечаев рассказал Марии Портнягиной об эфирной политике канала // Огонек. 2017. № 2. С. 33.
52. Кузнецов Г.В. Так работают журналисты ТВ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 400 с.
53. Анализ программирования и телесмотрения, 41-я неделя (5–11 октября 2015 г.) : записка аналитического центра «Видео интернешнл» по данным TV Index компании TNS Russia (Mediascope).
54. Анализ программирования и телесмотрения, 41-я неделя (3–9 октября 2016 г.) : записка аналитического центра «Видео интернешнл» по данным TV Index компании TNS Russia (Mediascope).
55. Анализ программирования и телесмотрения, 40-я неделя (2–8 октября 2017 г.) : записка аналитического центра НСК по данным TV Index и TV Index Plus компании Mediascope.
56. Анализ программирования и телесмотрения, 40-я неделя (1–7 октября 2018 г.) : записка аналитического центра НСК по данным TV Index и TV Index Plus компании Mediascope.

References

1. Butler, J.G. (2007) *Television. Critical Methods and Applications*. Mahwah, NJ: L. Erlbaum Associates.
2. Hunt, L. (2004) *Osnovy televizionnogo brendinga i efirnogo promoushna* [Fundamentals of Television Branding and On-Air Promotion]. Translated from English. Moscow: Prestizh.
3. Ellis, J. (2000) *Seeing things: Television in the age of uncertainty*. London: IB Tauris.
4. RBK. (2021) *VTsJOM vyyasnil glavnye istochniki novostey dlya rossiyana* [VTsJOM found out the main sources of news for Russians]. 23 September. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614b810f9a794706e3dd3ad8>
5. RBK. (2021) *Telesmotrenie v Rossii vernulos' k dopandemiyonomu urovnyu* [TV viewing in Russia has returned to pre-pandemic levels]. RBK. 15 August. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/08/2021/61162a129a7947407870f306
6. Degtereva, E.I. (2007) *Strategii programmirovaniya obshchestvennykh, gosudarstvennykh i kommercheskikh telekanalov Shvetsii i Rossii v sovremennykh usloviyakh: 1994–2004 gg.* [Programming strategies for public, state and commercial television channels in Sweden and Russia in modern conditions: 1994–2004]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Eastman, S.T. & Ferguson, D.A. (2013) *Media Programming: Strategies and Practices*. 9th Edition. Australia: Thomson/Wadsworth.
8. Batyrshin, R.I. & Sharikov, A.V. (2020) *Izmeneniya v strukture telesmotreniya rossiyana posle perekhoda na tsifrovoe veshchanie* [Changes in the structure of Russian television viewing after the transition to digital broadcasting]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*. 1 (5). pp. 18–50.
9. RBK. (2021) *Kak rossiyane smotreli televizor v 2021 godu* [How Russians watched TV in 2021]. RBK. 23 December. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/12/2021/61c4633d9a79476fde8b7dce
10. Dolgova, Yu.I. & Peripechina, G.V. (2021) *Televizionnaya zhurnalistika* [TV Journalism]. Moscow: Aspekt Press.

11. Mesyatsev, N.N. (2005) *Gorizonty i labirinty moey zhizni* [Horizons and Labyrinths of My Life]. Moscow: Vagrius.
12. Vartanova, E.L. & Zassoursky, Y.N. (2003) Television in Russia: is the concept of PSB relevant? In: Lowe, G.F. & Hujanen, T. (eds) *Broadcasting & Convergence: New Articulations of the Public Service Remit*. Goteborg: Nordicom, University of Goteborg. pp. 93–108.
13. Kolomiets, V.P. (2010) *Rossiyskoe televideenie: industriya i biznes* [Russian Television: Industry and business]. Moscow: NIPKTS Voskhod-A.
14. Vartanova, E.L. (2003) *Mediaekonomika zarubezhnykh stran* [Media Economy of Foreign Countries]. Moscow: Aspekt Press.
15. RTRS. *Radioset' Rossii* [RTRS. Russian radio network]. (2014) Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy "Razvitiye teleradioveshchaniya v Rossiyskoy federatsii v 2009–2015 gg." [The concept of the federal target program "Development of TV and radio broadcasting in the Russian Federation in 2009–2015"]. "Tsifra" v dokumentakh ["Digit" in Documents]. 15 January. [Online] Available from: <https://rtrs.ru>
16. Adams, W.J. (1993) TV program scheduling strategies and their relationship to new program renewal rates and rating changes. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 4 (37). pp. 465–474.
17. Adams, W.J. (1997) Scheduling practices based on audience flow: What are the effects on new program success? *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 4 (74). pp. 839–858.
18. Webster, J.G. (1985) Program audience duplication: A study of television inheritance effects. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2 (29). pp. 121–133.
19. Tiedge, J.T. & Ksobiech, K.J. (1988) The sandwich programming strategy: A case of audience flow. *Journalism Quarterly*. 2 (65). pp. 376–383.
20. Hujanen, T. (2002) *The Power of Schedule: Programme management in the transformation of finnish public service television*. Tampere: University of Tampere Press.
21. Hujanen, T. (2003) Public service strategy in digital television: From schedule to content. *Journal of Media Practice*. 3 (4). pp. 133–154.
22. León-Anguiano, B. (2007) Commercialisation and programming strategies of European Public Television. *A Comparative Study of Purpose, Genres and Diversity. Observatorio (OBS*) Journal*. 2. pp. 81–102.
23. Meier, H.E. (2003) Beyond convergence: Understanding programming strategies of public broadcasters in competitive environments. *European Journal of Communication*. 3 (18). pp. 337–365.
24. Murray, A.M. (2011) *Rationalising public service: Scheduling as a tool of management in RTE television*. Doctoral Thesis. Dublin. doi: 10.21427/D70307
25. Ishikawa, S. (1996) *Quality Assessment of Television*. Luton: University of Luton Press.
26. Dominick, J.R. & Pearce, M.C. (1976) *Trends in Network Prime-Time Programming, 1953–74. Journal of Communication*. 1 (26). pp. 70–80.
27. Lin, C.A. (1995) Diversity of network prime-time program formats during the 1980s. *Journal of Media Economics*. 4 (8). pp. 17–28.
28. Litman, B.R. (1979) The television networks, competition and program diversity. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 4 (23). pp. 393–409.
29. Litman, B.R. (1992) Economic aspects of program quality: The case for diversity. *Studies of broadcasting*. 28. pp. 121–156.
30. Hellman, H. (2001) Diversity—an end in itself? Developing a multi-measure methodology of television programme variety studies. *European Journal of Communication*. 2 (16). pp. 181–208.
31. Collins, R. (1989) White and Green and Not Much Read: The White Paper on Broadcasting Policy. *Screen*. 1–2 (30). pp. 6–23.

32. Van der Wurff, R. (2004) Supplying and viewing diversity: The role of competition and viewer choice in Dutch broadcasting. *European Journal of Communication*. 2 (19). pp. 215–237.
33. Lotz, A.D. (ed.) (2009) *Beyond Prime Time*. London: Routledge.
34. Lotz, A.D. (2014) *The Television Will Be Revolutionized*. New York University Press.
35. Ytreberg, E. (2002) Continuity in Environments: The evolution of basic practices and dilemmas in Nordic television scheduling. *European Journal of Communication*. 3 (17). pp. 283–304.
36. Boretskiy, R.A. (1998) *V bermudskom treugol'niku TV* [In the Bermuda Triangle of TV]. Moscow: Ikar.
37. Dashevskaya, I. (2009) Mass Media: Programmirovanie na TV [Mass Media: Programming on TV]. *Broadcasting.ru*. [Online] Available from: <http://www.broadcasting.ru/articles2/content/mass-media-programmirovanie-na-tv>
38. Zubok, A.S. (2012) *Televizionnyy biznes* [TV Business]. Moscow: Shkola izdatel'skogo i media-biznesa.
39. Tolokonnikova, A.V. (2008) Osobennosti programmirovaniya "Pervogo kanala" [Features of Programming of "Channel One"]. *Mediaskop*. 2. P. 18.
40. Bagirov, E.G. (1978) *Ocherki teorii televideeniya* [Essays on the Theory of Television]. Moscow: Iskusstvo.
41. Boretskiy, R.A. (1967) *Televizionnaya programma: Ocherk teorii propagandy* [TV Program: Essay on the theory of propaganda]. Moscow: Kom. po RV i TV pri SM SSSR: Moscow State University.
42. Dolgova, Yu.I., Peripechina, G.V. & Tikhonova, O.V. (2019) Content Strategies of the "Big Three" TV Channels: Topics, Genres, Formats. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 237–255. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/61/14
43. Dolgova, Yu.I., Peripechina, G.V. & Tikhonova, O.V. (2021) Programming Time Slots of the "Big Three" TV Channels: Weekday Broadcast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 321–339. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/69/16
44. Dolgova, Yu.I. & Fedorova, V.S. (2019) Programmirovanie universal'nykh telekanalov v usloviyakh ostroy konkurentsii (na primere "Pervogo kanala" i "Rossiya 1") [Programming of universal TV channels in conditions of intense competition (on the example of Channel One and Russia 1)]. *Mediaal'manakh*. 3. pp. 64–74.
45. Vartanova, E.L. (2011) Tsifrovoe televideenie i transformatsiya mediasistem. O neobkhodimosti mezhdisciplinarnykh podkhodov k izucheniyu sovremenennogo TV [Digital television and transformation of media systems. On the need for interdisciplinary approaches to the study of modern TV]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 4. pp. 6–26.
46. Poluekhtova, I.A. (2018) *Televideenie i ego auditoriya v epokhu internet* [Television and Its Audience in the Era of the Internet]. Moscow: Moscow State University.
47. Shatskaya, A.D. (2019) Kontent rossiyskikh telekanalov v Internete: tekhnologii razmeshcheniya i monetizatsii [Content of Russian TV channels on the Internet: placement and monetization technologies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 129–154.
48. Shatskaya, A.D. (2017) Onlayn-strategii telekanalov "bol'shoy troyki" ("Pervyy kanal", "Rossiya 1", NTV) [Online strategies of the Big Three TV channels (Channel One, Rossiya 1, NTV)]. *Medi@l'manakh*. 5. pp. 76–86.
49. Mediascope. (n.d.) [Online] Available from: <https://mediascope.net/>
50. Poluekhtova, I.A. (ed.) (2012) *Televideenie glazami telezriteley* [Television through the Eyes of Viewers]. Moscow: Voskhod-A.

51. Portnyagina, M. (2017) “Nam doveryayut”. Programmnyy direktor “Rossii 1” Aleksandr Nechaev rasskazal Marii Portnyaginoy ob efirnoy politike kanala [“We are trusted.” The program director of “Russia 1” Alexander Nechaev told Maria Portnyagina about the broadcast policy of the channel]. *Ogonek*. 2. P. 33.

52. Kuznetsov, G.V. (2001) *Tak rabotayut zhurnalisty TV* [This is How TV Journalists Work]. Moscow: Moscow State University.

53. Mediascope. (2015) Analiz programmirovaniya i telesmotreniya, 41 nedelya (5–11 oktyabrya 2015 g.) [Analysis of programming and TV viewing, week 41 (5–11 October 2015)]. *Mediascope*. [Online] Available from: <https://mediascope.net/data/>

54. Mediascope. (2016) Analiz programmirovaniya i telesmotreniya, 41 nedelya (3–9 oktyabrya 2016 g.) [Analysis of programming and TV viewing, week 41 (3–9 October 2016)]. *Mediascope*. [Online] Available from: <https://mediascope.net/data/>

55. Mediascope. (2017) Analiz programmirovaniya i telesmotreniya, 40 nedelya (2–8 oktyabrya 2017 g.) [Analysis of programming and TV viewing, week 40 (2–8 October 2017)]. *Mediascope*. [Online] Available from: <https://mediascope.net/data/>

56. Mediascope. (2018) Analiz programmirovaniya i telesmotreniya, 40 nedelya (1–7 oktyabrya 2018 g.) [Analysis of programming and TV viewing, week 40 (1–7 October 2018)]. *Mediascope*. [Online] Available from: <https://mediascope.net/data/>

Информация об авторах:

Долгова Ю.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: yidolgova@gmail.com

Федорова В.С. – аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: fvictoriyaf@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.I. Dolgova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: yidolgova@gmail.com

V.S. Fedorova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: fvictoriyaf@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022;
одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 07.06.2023.

The article was submitted 07.07.2022;
approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 07.06.2023.

Научная статья
УДК 10:01:10
doi: 10.17223/19986645/83/13

Игровой контент в медиапотреблении «учащейся молодежи»: результаты опроса

Елена Александровна Салихова¹

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
salikhova.msu@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты глубинных интервью и опроса, проведенных среди учащихся вузов Москвы. Вопросы выявляли медиапрактики потребления «цифровой учащейся молодежью» игрового журналистского контента. Описаны причины, побуждающие студентов потреблять / не потреблять игровой контент. Особое внимание уделяется влиянию игрового формата на внимание и вовлеченность аудитории, а также формированию лояльности к медиаорганизациям, создающим игровой контент. Определяется место в развитии игровых форматов брендов крупных компаний.

Ключевые слова: медиапотребление, учащаяся молодежь, инфотейнмент, геймификация, игровые форматы в журналистике, игровой контент брендов

Для цитирования: Салихова Е.А. Игровой контент в медиапотреблении «учащейся молодежи»: результаты опроса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 257–278. doi: 10.17223/19986645/83/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/13

Game content in the media consumption by studying youth: Survey results

Elena A. Salikhova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, *salikhova.msu@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a survey conducted among students of higher education institutions of Moscow. The total number of respondents is 380. The respondents are 17 to 21 years old. The sex distribution of the participants is 155 males and 223 females. Two people did not indicate their sex. The questions concerned both the definition of the volume and the characteristics of youth consumption of gaming content in online media, as well as the reasons that encourage students to consume gaming content or, conversely, not to use it. The study showed that the basis of interest and a positive attitude towards game texts in the media is the experience of consuming computer games. The study revealed that the game format used in journal-

ism helps to keep the attention of the youth audience on the content due to interactivity, emotional involvement and personalization. At the same time, game texts do not arouse interest among a part of the youth audience. Moreover, there are respondents who evaluate the game format extremely negatively. The reasons for the rejection of the game format are identified: devaluation and distortion of information presented in the game format, poor performance, rejection of the use of interactive techniques in journalism. As a result of the study, it was possible to determine the motivational structure of game content consumption. The key need addressed through game content formats is entertainment. Media companies are experimenting with the game format in the hope of becoming more visible to the audience in today's oversaturated information space. The study showed that the youth audience for the most part does not remember, does not single out for themselves the media that create a game type of content. The study revealed that the drivers of media companies' experiences in introducing new game mechanics are brands that finance content experiments. Based on the results of the study, the article concludes that the value of content for today's youth is determined not by the traditional standards of journalism: efficiency, independent points of view, accuracy in the transfer of facts, and depth of analysis. For digital youth, whether this content evokes emotions is more important. The phenomenon of infotainment penetrates deeper into journalism, following the patterns of audience behavior. The decisive factor in media consumption is "boring or not boring". "Digital youth" evaluates game formats as "not boring". This is a good enough reason for media companies to consider game formats as a significant element of their content strategies.

Keywords: media consumption, studying youth, infotainment, gamification, game formats in journalism, game content brands

For citation: Salikhova, E.A. (2023) Game content in the media consumption by studying youth: Survey results. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 257–278. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/13

Введение

Для медиакомпаний в перенасыщенном цифровом пространстве ключевой задачей стал поиск новых способов привлечения и удержания внимания аудитории. Онлайн-медиа постоянно экспериментируют с созданием форматов, которые воздействуют на эмоциональную сферу, поскольку эмоции являются двигателем любых продаж, и контент – не исключение [1]. Внимание к контенту легче всего получить, если использовать эмоции.

Многочисленные психологические исследования подтверждают, что работа внимания меняется под влиянием эмоциональных состояний [2. С. 154]. Исследователи установили, что положительные эмоции фокусируют внимание [3]. Была предложена теория положительных эмоций, согласно которой положительные эмоции расширяют поле внимания, познания и действий [4].

Так как игровая деятельность по причине своей интерактивной природы всегда связана с эмоциональным вовлечением, в поле экспериментов медиакомпаний оказался игровой, или геймифицированный, контент. Геймификация (в российском научном дискурсе в качестве синонима также

используется термин «игрофикация») – это использование игровых механик, игровых элементов (очки, достижения, уровни, таблицы лидеров, награды) в неигровых средах, например в маркетинге и во внутренних коммуникациях компаний, в образовании, в журналистике. Применительно к журналистике речь идет об использовании таких игровых форматов, как редакционные (новостные) и партнерские (созданные по заказу рекламодателя) игры, тесты / викторины, кроссворды, настольные игры.

Помимо интерактивности, эмоциональная связь между пользователем и игровым текстом возникает также по причине того, что в игровой механике заложена мощная мотивация к достижению цели, удерживающая пользователя в игровом тексте до тех пор, пока он не получит результат: не пройдет до конца игру или тест, не разгадает кроссворд. В результате игровой контент подстегивает интерес аудитории и способствует росту трафика, а также положительно влияет на такие значимые для редакций показатели, как время, проведенное пользователем на веб-ресурсе, глубина просмотра, вовлеченность аудитории.

Для брендов-рекламодателей игровые форматы также оказались привлекательным способом взаимодействия с аудиторией. Бренды готовы финансировать разработку медиаорганизациями нестандартных игр, тестов с уникальной механикой и дизайном, чтобы выделиться в жесткой конкурентной борьбе за внимание читателя, пресыщенного информацией. Усилия брендов, предлагающих необычный контент, особенно ценят молодежная аудитория [5].

Да и редакции экспериментируют с игровым контентом в первую очередь в расчете на привлечение именно современной молодежи, которую еще называют поколением геймеров. Это поколение тех, кто родился в начале двухтысячных, в период бурного развития индустрии видеоигр, и имеет стойкую привычку значительную часть своего досуга проводить за видеоиграми [6]. Игры сопровождают всю их жизнь, именно через игру многие учатся взаимодействовать с технологиями и миром еще до того, как начинают говорить [5].

Создатели нового типа игр – новостных игр – рассчитывали на то, что игры перестанут быть просто развлечением, а окажутся посредником в переменах (a medium for change), который охватит молодежь, влияя на их информационный и образовательный потенциал [7]. Логика создателей новостных игр проста: для того чтобы привлечь внимание современной молодежи к работе журналистов, надо идти на территорию молодежи – территорию игр. Игровой формат подачи информации – тот мостик, который может соединить тех, кто очень любит играть, но не любит или еще не привык читать новости, поскольку игровой контент релевантен привычкам, образу жизни цифрового поколения.

Игровые форматы применяют многие зарубежные СМИ: Al Jazeera, BBC, BuzzFeed, Huffington Post, Le Monde, The Guardian, The New York Times, Reuters, Süddeutsche Zeitung, The Washington Post, Wired и др. В России с игровым контентом работают такие медиаресурсы, как «Кино-

поиска», «Код», «Кот Шрёдингера», «Лайфхакер.ру», «Лента.ру», «Мел», «НОЖ», «Постнаука», РБК, «РИА Новости», «Российская газета», «Сноб», «Тинькофф – Журнал», Arzamas.academy, Blueprint, PEOPLE TALK, Sports.ru и др.

Теоретические подходы к изучению игрового контента

Феномен игры является объектом междисциплинарного изучения: философов, культурологов, социологов, педагогов, психологов и даже математиков, изучающих математическую теорию игр. Древние философы Аристотель, Гераклит, Платон положили начало концептуализации феномена игры. Большой вклад в развитие концепции игры внесли Э. Берн, Х.-Г. Гадамер, Ж. Дилез, Г. Зиммель, Р. Кайуа, И. Кант, Дж. ф. Нейман, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Шиллер, О. Финк, З. Фрейд, М. Хайдеггер, Й. Хейзинга, Ф.Г. Юнгер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс. Психологические стороны игровой концепции отражены в исследованиях Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, М.И. Лисина, Ж. Пиаже, Д.Б. Эльконина и др.

Важнейшее место в исследовании феномена игры занимает культуролог Йохан Хейзинга, который определяет игру как культурно-историческую универсалию, а игровое начало – как основание всей культуры. Хейзинга отмечает, что проявления общественной человеческой деятельности с самого начала были «пронизаны игрой» [8. С. 15], так как игра есть в языке, речевых образах. Миф и культ, которые зачинают движущие силы культурной жизни (искусство, поэзию, науку, ремесло, порядок и право, общение и предпринимательство), корнями своими уходят в игровую почву. Таким образом игра выступает «как основа и фактор культуры» [8. С. 16].

С начала 2000-х гг. наиболее распространенной формой игры оказываются видеоигры, они «...становятся все более значимым объектом изучения наряду с другими культурными формами, такими как современное искусство, кинематограф, музыка, фотография, театр, литература и др.» [9. С. 9]. Представителями направления академических исследований видеоигр (game studies) являются Й. Богост, К. Вербах, Д. Хантер, Д. Макгоникал. Среди отечественных исследователей game studies – А. Ветушкинский, А. Савченко, А. Салин.

В журналистику игровые механики проникли в начале 2000-х гг. Применение игровых приемов в медиа стало одним из проявлений инфотейнмента. Данный термин возник от слияния английских слов *information* (информация) и *entertainment* (развлечение) и означает стирание границы между новостями и развлечениями, в результате чего новости все чаще подаются как развлечение [10]. То есть информация (вплоть до традиционно серьезной политической или экономической тематики) преподносится в более привлекательном и доступном для аудитории ключе [5]. В поисках способов удержания внимания аудитории в эпоху тотальной инфотейнментизации журналисты обратились к приему геймификации (игрофикации) контента. Игровая природа, по мнению некоторых исследователей,

выступает основой коммуникаций современного информационного пространства [11]. Феномен геймификации в медиа изучается в разных направлениях: это исследование принципа организации информации в игровом тексте [12], анализ возможности применения игровых форматов в журналистике для преодоления традиционной для цифрового поколения проблемы рассеянного внимания [13].

Включение игрового контента в журналистскую практику рассматривается в работах М.В. Басовой, В.Е. Беленко, И.И. Волковой, А.Ф. Иванько, Ю.А. Зацепилиной, И.И. Карпенко, МА. Крашенинниковой, Л.В. Козловой, Е.Ю. Лобановской, Е.А. Осиповской, А.В. Порудчиковой, В.А. Савицкого, Н.В. Трубниковой, Н.А. Федотовой. Среди зарубежных исследователей выделяются труды Й. Богоста, К. Вольфа, А. Годулла, С. Феррари, Б. Швайцера.

В рамках нашего исследования были выявлены медиапрактики потребления игрового журналистского контента, описаны мотивы потребления контента в игровом формате, охарактеризована возможность формирования вовлеченности и эмоциональной связи с медиа за счет игрового контента.

Метод исследования

В выборку попали представители старшей возрастной группы цифрового поколения: лица в возрасте 17–21 года. Выбор данной возрастной группы связан с тем, что это первая возрастная группа, которая еще в дошкольные годы играла в компьютерные игры, поэтому одна из гипотез нашего исследования состояла в том, что наличие игрового опыта, полученного в детском возрасте, станет залогом особого интереса, внимания старшей возрастной группы цифрового поколения к игровым форматам в журналистике.

Исследование проводилось в Москве. Столичная молодежь более обеспечена технически (высокий уровень охвата Интернетом, самые современные модели гаджетов), но при этом нельзя сказать, что ее стиль медиапотребления существенно отличается от молодежи других крупных городов России [14].

На первом этапе исследования были проведены глубинные интервью с представителями «цифровой молодежи». Целью данного этапа было определение нюансов восприятия игрового контента, которые можно выявить только методом наблюдения за реакцией аудитории в момент потребления контента. В глубинных интервью приняли участие 14 студентов 18–21 года, 8 человек женского пола, 6 – мужского. Выборка интервьюируемых производилась методом «снежного кома»; в исследовании не ставилась задача делить состав респондентов по гендерному признаку и на основании этого выделять различия в медиапотреблении игрового контента; использованы обезличенные данные для обозначения интервьюируемых, чтобы гарантировать их анонимность и конфиденциальность. Каче-

ственными интервью проводились в онлайн-формате на платформе Zoom, велась запись интервью. Продолжительность каждого интервью составляла 40–60 минут.

Был использован формат полуструктурированных интервью, допускающий дополнительные уточняющие вопросы, если они оказываются полезными для исследования. Анкета интервью была разбита на два блока. Первый блок состоял из вопросов и ответов о степени знакомства с игровыми проектами, создаваемыми журналистами и брендами. Второй блок представлял собой наблюдение за поведенческими реакциями интервьюируемым. Такой способ изучения медиапотребления, как наблюдение, представляется крайне важным для данного исследования. Респондентам предлагалось не только вспомнить об игровом контенте, с которым они сталкивались в своей медиапрактике, но и в присутствии исследователя познакомиться с девятью игровыми проектами разных тематических категорий: политические новости, общественно-социальные проблемы, научно-образовательный контент, развлекательный контент.

Преимущество способа наблюдения заключается в возможности исследователя фиксировать поведение и эмоции респондента, а также узнать о его первых впечатлениях при взаимодействии с исследуемым типом контента.

Исходя из данных, полученных на этапе глубинных интервью, были сформулированы вопросы анкеты количественного исследования. Анкетирование проводилось в очном формате посредством раздачи анкет.

На этапе очного анкетирования объем выборочной совокупности составил 380 человек. Определяющим критерием отбора респондентов опять же был возраст (17–21 год). Гендерные показатели распределились следующим образом: 155 человек – мужчины (40,8%), 223 человека – женщины (58,7%), 2 человека не указали свой пол. Все респонденты являлись студентами 1–2-го курсов шести московских вузов. Выборка учебных заведений была произведена случайным гнездовым способом, были отобраны вузы разной направленности. По количеству респондентов вузы распределились следующим образом: МАИ (11,1% респондентов), МИРЭА (15,8%), МГПУ (16,8%), МГППУ (17,9%), МИИТ (18,4%), РХТУ (20%).

Помимо информации о поле, возрасте и учебном заведении, в котором учится респондент, опросник содержал 40 вопросов, затрагивающих различные аспекты практик потребления игрового контента. Предваряло опросные листы краткое разъяснение терминологии, использованной в анкете: контент, медиа, бренды, геймификация контента / игровой контент / игровой формат. Необходимость дополнить анкету терминологией стала очевидной на этапе глубинных интервью. Респонденты не всегда осознают, что имеют довольно большой опыт взаимодействия с игровым контентом. Демонстрация примеров геймифицированного контента помогала им идентифицировать его. Именно поэтому сразу после терминологического вступления в анкету были также добавлены скриншоты наиболее популярных в России игровых форматов журналистики: тестов и новостных игр.

Опрос предполагал разные типы вопросов: закрытые (с единичным и множественным выбором), полуоткрытые, содержащие варианты ответа на выбор и дающие респонденту возможность дать свой вариант, если ни один из предложенных не соответствует его точке зрения, и открытые, где респонденты могли поделиться своим вариантом ответа («Другое», «Затрудняюсь ответить», «Ответ респондента»). Возможность дать собственный ответ помогла выявить разнообразие мнений относительно нестандартного формата подачи информации.

Обработка данных анкетирования осуществлялась при помощи программ IBM SPSS Statistics 22 и Microsoft Excel 2010. Выбор статистической программы IBM SPSS Statistics 22 обусловлен ее широким функционалом, который дает возможность строить таблицы сопряженности, осуществлять частотный и корреляционный анализ. Также программа позволяет выявить значимость исследуемых признаков, необходимых для проверки гипотез. С помощью программы Microsoft Excel 2010 удобно производить графическое отображение данных.

Хотя данное исследование не может претендовать на статус индустриального и носит разведывательный характер, оно формирует общее понимание того, насколько «цифровая учащаяся молодежь» знакома с форматами игрового контента, каким образом воспринимает игровые медиапроекты, в чем видит их сильные и слабые стороны, какова взаимосвязь между игровым контентом и формированием вовлеченности аудитории, ее эмоциональной связи с медиа, приводит ли включение игрового контента к развитию лояльности в отношении медиакомпаний. Так как значимыми участниками медиапространства в последние годы стали и бренды, в данном исследовании также раскрывается отношение аудитории к игровым медиапроектам брендов.

Основные результаты исследования

Одной из гипотез данного исследования было наличие связи между опытом потребления видеоигр и возникновением интереса к игровым форматам в медиа. Проведенный опрос показывает, что большая часть респондентов – 64,5% – когда-либо играла или продолжает играть в компьютерные игры (термины «videoигры» и «компьютерные игры» используются в данной работе как синонимы). При этом больше трети респондентов (35,5%) сообщили, что никогда не проводили досуг за компьютерными играми.

На вопрос «С какого возраста вы играете в компьютерные игры?» больше половины (52,7%) из тех, кто имеет опыт игры, ответили, что начали играть до 10 лет, у 39,6% респондентов игровой опыт более поздний, после 10 лет. 7,8% не дали ответа на этот вопрос.

Чтобы понимать, насколько велика вовлеченность в игровую среду, респондентов спрашивали о продолжительности времени, проводимого ежедневно за играми. Выяснилось, что 37,6% респондентов сейчас не играют

в игры. В ходе качественных интервью переставшие играть объясняли это тем, что времени на игры стало меньше из-за учебы, которая в вузе интенсивнее, чем в школьные годы. При этом до и больше часа в день играет половина, а 11,8% респондентов уделяют играм более трех часов ежедневно.

Для выявления причин интереса к компьютерным играм респондентам был задан вопрос: «Почему Вам нравятся компьютерные игры?» Было предложено выбрать все подходящие варианты из списка; также в бланке были варианты «Затрудняюсь ответить» и «Ваш вариант ответа». Самое большое число респондентов – 48,6% – отметили высокий уровень вовлеченности, которым обладает игра. Вовлеченность – неважно, идет речь о видеоиграх, контенте блогеров или контенте СМИ, – становится главной «валютой» потребления контента. Почти столько же респондентов – 46,1% – выбирают видеоигры для досуга потому, что «просто интересно». Важно отметить, что в отличие от родителей, которые в массе своей придерживаются расхожего мнения о том, что игры – это бессмысленное времяпрепровождение, молодежь рассматривает игры как важный инструмент саморазвития. Игры, по их мнению, развивают логическое мышление (35,1%), внимание и быстроту реакции (27,8%), да и вообще навыки, которые могут пригодиться в учебе (15,5%). Разнообразный игровой контент позволяет изучать иностранные языки, разные культурные эпохи, мировую историю и историю видеоигр, а также реализовывать творческие порывы. Обращает на себя внимание отношение к игре как к иному миру, где свои правила (31,8%), где все лучше и привлекательнее, чем в реальном мире (10,2%). Для части аудитории игра отвечает коммуникационным потребностям (15,8%), остро выраженным у данного поколения, или просто является средством от скуки (15,5%).

Дать свои варианты ответа на вопрос о причинах привлекательности видеоигр предпочли 13,1% респондентов. Эти ответы расширяют знание о факторах, влияющих на интерес к игровой индустрии. Все уникальные варианты ответа были кодированы в соответствии с потребностями, которые респонденты реализуют посредством компьютерных игр. Респонденты воспринимают игры как способ отдохнуть, расслабиться, переключиться после сложного учебного дня: «Отдых, переключение от проблем в учебе»; «Отдохнуть от учебы, тяжелого дня». Были и ответы об играх как способе эмоциональной подпитки: «Отдыхаю, эмоциональная разгрузка»; «Иногда способствует эмоциональной разрядке». Данному поколению свойствен эмоциональный вакуум [15. С. 291], который возникает, с одной стороны, в результате сокращения очного общения по мере роста общения виртуального, с другой стороны, из-за неудовлетворенности качеством виртуального общения [16. С. 125]. Потребность в положительных эмоциях является для данного поколения движущей силой потребления контента: развлекательного [15. С. 291] и даже политического [17].

Респонденты отметили, что высоко ценят качество видеоигр. «Игры круче голливудских блокбастеров», – указал один из респондентов. Ди-

зайн, геймплей, атмосфера, истории, рассказанные в играх, не оставляют равнодушными, интересны и вызывают острые ощущения.

Кроме того, ценность видеоигр заключается в удовлетворении не только рекреационной, но и коммуникационной потребности, отмечали выбравшие графу «Ваш вариант ответа». Игра стала, как выразился один из респондентов, «формой общения с друзьями». Респонденты сообщали, что вместе с друзьями в игре они не только веселятся и приятно проводят время, но и «заводят новые знакомства», «новых друзей».

Суммируя опыт потребления видеоигр, отметим, что большая часть респондентов имеет игровой опыт, но при этом треть опрошенных никогда не проводила свой досуг за компьютерными играми. Мы выявили и объяснили мотивы, которые делают компьютерные игры привлекательными для молодежной аудитории. С помощью игр удовлетворяются рекреационные и коммуникационные потребности, реже – потребность в саморазвитии. То обстоятельство, что компьютерные игры входят в круг интересов большинства представителей данной возрастной категории и имеют для него несомненную ценность, позволяет предположить, что журналистский контент, созданный с применением игровых механик, будет привлекателен для молодежной аудитории.

Следующий блок из 16 вопросов был посвящен взаимодействию молодежной аудитории с игровым контентом, который создают средства массовой информации. Вопросы касались частоты взаимодействия с игровыми форматами, отношения молодежи к такому способу подачи информации, а также возможности формирования лояльности по отношению к создающим игровые проекты СМИ и брендам, которые не только являются рекламодателями, но и в последние годы активно создают собственные медиа. Все эти вопросы были призваны дать ответ на исследовательский вопрос: «Интересны ли игровые форматы, используемые в журналистике, молодежной аудитории, и если так, как именно они влияют на внимание и эмоции?»

Оказалось, что подавляющее большинство опрошенных – 73,9% – знакомы с игровыми форматами медиакомпаний. Это высокий показатель, который свидетельствует о хорошей осведомленности о достаточно новом для СМИ формате. 16,3% респондентов затруднились ответить.

Было выявлено, как исследуемая аудитория относится к игровым форматам в журналистике (табл. 1). Среди «цифровой молодежи» превалирует положительная оценка игровых форматов: вариант ответа «Нравится» выбрали 26,3%, «Скорее нравится» – 34,5%. Тех, кому не импонирует такой способ рассказывать истории, всего 18,9%. Основываясь на этих показателях, а также на результатах глубинных интервью, можно утверждать, что высокая положительная оценка, которую дали респонденты, может рассматриваться СМИ как прочная основа для продолжения экспериментов с игровыми механиками.

Таблица 1

Отношение к игровым форматам в журналистике (N = 380)

Как вы оцениваете способ рассказывать истории с помощью игровых форматов?	Количество, чел.	Процентное соотношение
Нравится	100	26,3
Скорее нравится	131	34,5
Скорее не нравится	70	18,4
Не нравится	19	5
<i>Ваш вариант ответа</i>	1	0,3
<i>Затрудняюсь ответить</i>	57	15
Нет ответа	2	0,5
Всего	380	100

Однако журналистам стоит учитывать, что если «цифровой молодежи» предложить выбор между традиционным текстом и подачей информации в игровой форме, то большая часть данной аудитории – 41,3% – сделает выбор в пользу текста. При этом треть, 30%, за игровой формат. И это довольно высокий процент, который тоже можно рассматривать как достаточно весомый для того, чтобы медиаорганизации стали рассматривать игровые форматы как значимый элемент контентной стратегии.

Респондентам был задан вопрос о тематике игрового контента, который они видели в медиа. Определено, что треть респондентов сталкивалась с «упакованными» в игровой формат темами развлечений, искусства и культуры (36,3%), социальных проблем (33,2%), науки (31,8%). Каждый пятый – с темами спорта и политики (по 24,2%), экологии или рассказом о каком-то бренде (по 22,1%). Реже всего респонденты видели в медиа игровые тексты на темы армии и религии.

Далее респондентам было предложено ответить на вопрос: «На ваш взгляд, для каких тем лучше использовать игровые форматы?» Представлялось интересным сравнить, совпадает ли мнение молодежи с тем, что им предлагаю медиаорганизации. Оказалось, что медиаорганизации соответствуют ожиданиям молодежной аудитории в отношении тем, которые представлены в игровом формате, за исключением использования игровых форматов для политической тематики. Игры и тесты о политике попадались в Интернете 24,2% опрошенных, а считают уместным рассказывать о политических процессах в игровой форме только 10,5% представителей цифровой молодежи.

Молодежная аудитория полагает, что органично воспринимается в игровом формате образовательный контент (41,8%), контент об искусстве и культуре (38,4%), о спорте (26,8%), о науке (24,7%), о брендах (24,2%). Абсолютное большинство считает, что наиболее релевантно подавать в «игровой упаковке» развлекательный контент: за него высказались 65,8% респондентов. Идентичные результаты были получены в ходе глубинных интервью. Интервьюируемым было предложено познакомиться с девятью игровыми проектами разных тематических категорий: политические ново-

сти, общественно-социальные проблемы, научно-образовательный и развлекательный контент. Научно-образовательный и развлекательный контент в игровом формате участники интервью оценили как «интересный, яркий, необычный». О подаче в игровой форме политической и социальной информации интервьюируемые высказались резко отрицательно.

Напомним, ранее мы выяснили, что чаще всего участники нашего исследования сталкивались именно с развлекательным контентом, поданным в игровом формате (36,3%). То есть тематика большинства просматриваемых молодежью игровых медиапроектов удовлетворяет рекреационную потребность, которая является чрезвычайно значимой в медиапотреблении молодежной аудитории.

Определено, как аудитория оценивает влияние игрового формата на глубину раскрытия темы (табл. 2). Установлено, что существует положительная связь между применением игрового формата и темой, на которую он был сделан. Большинство респондентов (37,1%) полагают, что игровой формат влияет на глубинное понимание сложных процессов и взаимосвязей вокруг события / явления, которому посвящен игровой контент. На то, что игровой формат подвигает к поиску дополнительной информации по теме, указали 31,1% участников опроса. Игровая подача также лучше проясняет смысл самого события (21,6% респондентов). Только 15,3% опрошенных не видят влияния игрового формата на степень раскрытия темы.

Таблица 2

Влияние игрового формата на степень раскрытие темы* (N = 380)

Как влияет игровой формат на ваше понимание темы?	Количество, чел.	Процентное соотношение
Помогает в понимании сложных взаимосвязей, процессов	141	37,1
Вызывает желание больше узнать, почитать по данной теме	118	31,1
Лучше объясняет смысл события, которое произошло	82	21,6
Никак не влияет	58	15,3
Затрудняюсь ответить	35	9,2
Нет ответа	14	3,7
<i>Ваш вариант ответа</i>	9	2,4
Всего	380	100

* Можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для большей части принявших участие в исследовании игровой формат подачи материала оказывается благоприятным для понимания сути явлений, описанных в тексте.

Затем был задан вопрос о причинах интереса к материалам, поданным в игровом формате (табл. 3). На первое место респонденты (51,3%) вынесли интерес к самой теме, содержанию. То есть безусловным приоритетом является смысл, а не форма подачи. На второе место респонденты ставят игровой процесс (50,5%), что неудивительно: «цифровое поколение» привыкло и любит играть. Состояние игры, как было установлено при ответах

на предыдущий блок вопросов о видеоиграх, позволяет отдохнуть, расслабиться, перезагрузиться после учебы.

Таблица 3

Причины интереса к материалам в игровом формате* (N = 380)

Что вас больше всего увлекает / захватывает, когда вы проходите игру / тест?	Количество, чел.	Процентное соотношение
Содержание (тема) игры / теста	195	51,3
Игровой процесс	192	50,5
Интересный дизайн	168	44,2
Механика игры	139	36,6
Результат, которым весело поделиться в соцсетях	51	13,4
Не понравилось, зря потратил время	31	8,2
Нет ответа	22	5,8
Не прохожу, не играю	19	5
Ваш вариант ответа	1	0,3
Всего	380	100

* Можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Далее в числе причин интереса к игровым материалам респонденты выбрали дизайн (44,2%). «Цифровая молодежь» – это поколение визуалов, внимание к оформлению является обязательным в стратегии завоевания внимания.

Игровую механику в числе причин интереса к игровому контенту указали 36,6% опрошенных. Согласимся с исследователем В.А. Савицким, что игровая механика привлекает вариативностью развития сюжета истории, возможностью читателя самостоятельно управлять игровым контентом, что в результате увеличивает эмоциональную включенность в данный тип контента [12].

Для медиаорганизаций, которые создают тесты, в том числе и в расчете на их виральный потенциал, плохой сигнал, что мало кто (13,4% опрошенных) готов делиться результатами прохождения игр или тестов в соцсетях. В ходе глубинных интервью респонденты также говорили, что с низкой долей вероятности будут оценивать, комментировать или пересыпать результаты игрового контента, так как очень дорого ценят свои реакции в социальных сетях, крайне скучны и избирательны на реагирование.

Для того чтобы получить более полную картину отношения молодежной аудитории к игровым форматам, была использована методика «незаконченные предложения». Респондентам было предложено продолжить фразу «Когда я прохожу игру / тест, то...», выбрав наиболее подходящие высказывания из 12 вариантов (табл. 4). Кроме того, в списке были опции «Ваш вариант ответа» и «Затрудняюсь ответить». Данный пункт анкеты предполагал возможность выбора сразу нескольких вариантов ответа. Если представить полученные наиболее популярные ответы в виде облака слов, то оно будет таким: персонализация, эмоции, интерактивность, фан, управление информацией, ее упрощение, соревновательность, нестандартность.

Таблица 4

Отношение к игровым форматам в журналистике* (N = 380)

С какими высказываниями вы согласны, продолжая фразу «Когда я прохожу игру / тест, то ...»?	Количество, чел.	Процентное соотношение
У теста / игры всегда уникальный результат. Мне нравится индивидуальный подход	138	36,3
Тест / игра вызывает больше эмоций, чем обычный текст	127	33,4
Игровой формат дает эмоциональную разрядку	120	31,6
Я люблю все, что не скучно. Игровые форматы – это не скучно	116	30,5
Мне нравится, что игровой формат – это всегда варианты выбора. У меня ощущение, что я лично управляю информацией	108	28,4
Мне нравится, когда информация в интерактивной форме	107	28,2
Я люблю все нестандартное, новое, инновационное	84	22,1
Мне нравится, что игровые форматы «легче» текста. Читать текст – это серьезная работа	63	16,6
<i>Ваш вариант ответа</i>	54	14,2
Мне нравится, что в игре есть баллы, и я могу сравнить их с баллами других	52	13,7
Игровые форматы – это всегда мало текста и много картинок	35	9,2
Я всегда трачу больше времени на тест или игру. Традиционные тексты по диагонали проглядывают	32	8,4
Я люблю играть в компьютерные игры, поэтому такой формат мне ближе	26	6,8
<i>Затрудняюсь ответить</i>	24	6,4

* Можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Выявлено, что наиболее ценными для респондентов в игровом формате являются индивидуальный подход, персонализация контента (36,3%). На второе-третье место респонденты поставили эмоциональную составляющую взаимодействия с игровым контентом. Опираясь на эти результаты, можно утверждать, что игровые форматы влияют на эмоции молодежной аудитории. Игровой формат формирует более мощную эмоциональную связь в сравнении с обычным текстом (33,4%), а также дает эмоциональную разрядку, которую так ценит это поколение (31,6%). Таким образом, ценность контента для современной молодежи определяется не столько традиционными стандартами журналистики: оперативностью, независимыми точками зрения, точностью передачи фактов, глубиной анализа. Для цифровой молодежи важнее другое: вызывает ли данный контент эмоции. Феномен инфотейнмента все глубже проникает в журналистику, следуя за паттернами поведения аудитории, для которой решающим фактором медиапотребления становится «скучно / не скучно». Именно как «нескучные» игровые форматы в журналистике определяют 30,5% опрошенных. Игровой формат, по мнению респондентов, отличает интерактивность: возможность управлять информацией (28,4%), взаимодействовать с ней (28,2%). Игровой формат подачи информации отличается инновационностью, считают 22,1% респондентов.

Характерно, что опрошенные видят в игровых медиапроектах тренд на упрощение информации, также характерный для эпохи инфотейнмента: игровые форматы «легче» текста (16,6%), в них всегда мало текста и много картинок (9,2%). Наименьшее количество баллов набрали варианты «Я всегда трачу больше времени на тест или игру. Традиционные тексты по диагонали проглядываю» и «Я люблю играть в компьютерные игры, поэтому такой формат мне ближе».

Хорошим дополнением к пониманию разнообразия оценок игрового контента стали мнения 14,2% респондентов (54 человека), выбравших опцию «Ваш варианта ответа». Высказывания респондентов были кодированы по эмоциональной окраске. 32 ответа демонстрируют позитивную реакцию на игровые форматы (интерес, отношение к игровому контенту как нестандартному, возможность управлять результатом, эмоциональная разрядка, вовлечение / удовлетворение). Данные ответы подтверждают ранее обозначенные ключевые требования молодежной аудитории к контенту: эмоциональное воздействие (интерес, удивление, благодарность за необычный формат, разрядка, вовлечение) и персонализация (возможности управлять контентом и получать индивидуальный результат).

Ответы с негативной оценкой игровых экспериментов с подачей информации (22 человека) были перекодированы по следующим группам: раздражение / отвращение, неприятие, недоверие к такому формату подачи информации, а также безразличие.

Чтобы расширить понимание причин негативного отношения к игровой форме подачи информации у части аудитории, респондентам был задан вопрос «Какие недостатки игрового формата подачи информации вы можете отметить?» Главным недостатком 56,6% респондентов посчитали упрощение, примитивизацию, которой подвергается информация при трансформации в тест или игру. Если смотреть на ответ в гендерном разрезе, то наибольшую опасность в упщении смысла в угоду погоне за нестандартной формой видят женщины (61,9%), мужчины более оптимистично смотрят на эксперименты с игровыми форматами в медиа (49%). 18,7% респондентов убеждены, что игровой формат и вовсе не может быть использован в журналистике. 16,1% респондентов сообщили, что устали от тестов в период учебы и, вероятно, им бы не хотелось видеть надоевшие тесты и после учебы. Всего 4,5% респондентов посчитали нужным высказать свой взгляд на отрицательные свойства геймификации контента.

Был проведен анализ личных высказываний, имевших отрицательную коннотацию (при ответах на вопросы: «С какими высказываниями вы согласны, продолжая фразу “Когда я прохожу игру / тест, то ...”?», «Какие недостатки игрового формата подачи информации вы можете отметить?»), а также высказываний интервьюируемых в ходе глубинных интервью, затем произведена кодировка по группам рисков применения игрового формата в журналистике (табл. 5).

Риск № 1: обесценивание информации в игровом формате. Респонденты неприязненно отнеслись к использованию развлекательных приемов

для информирования. Переупаковка в тест или игру воспринимается как упрощение, обесценивание «серьезной информации». Когда СМИ «препарируют» информацию в формат игры / теста, это выглядит «вульгарным». Таким образом можно сделать вывод, что часть молодежной аудитории не приемлет «инфотейнментизацию» журналистики.

Таблица 5

**Результаты анализа негативных высказываний в разрезе рисков
использования СМИ игрового формата**

<i>Обесценивание информации в игровом формате:</i>	<i>Искажение информации, поданной через игровой формат:</i>
«Игровой формат для очень серьезной информации выглядит вульгарно»	«Зачастую информация не детализирована»
«Игровой формат больше ассоциируется с инфоресурсами в соцсетях, чем с журналистикой»	«Может не раскрыть все нюансы / исключения, не для всего подойдет»
«Появляется несерьезное отношение к тематике, так как тест / игра рассматривается как развлечение»	«После я всегда анализирую вопрос самостоятельно, так как не доверяю результату игр и тестов»
«Мне нравится читать текст, а не вот это препарирование информации»	«Данный контент не дает... [полную информацию], не является ни вспомогательным, ни развлекательным для меня»
«Несерьезное отношение к информации» / «Иногда информация воспринимается недостаточно серьезно» / «Слишком упрощает информацию»	«Отношусь скептически, есть ощущение недостоверности результата. Больше доверяю традиционным текстам»
«Обесценивает»	«Я не люблю игровой формат, так как считаю, что результаты теста могут навязать информацию, а я предпочитаю делать свои выводы»
<i>Низкое качество исполнения:</i>	<i>Неприятие интерактивного формата:</i>
«Часто стыд, раздражение из-за качества. Но иногда мне интересно их проходить»	«Чувствую отвращение, поскольку КПД [от интерактива] минимальный, а досуг при этом не удовлетворяется»
«Отвращение и презрение, очень кустарно сделано»	«Перебор интерактива везде. Тесты скучные и длинные, одно желание – поскорее завершить любой тест»
«В 99% случаев ужасная реализация»	«Интерактив занимает больше времени, это раздражает»

Риск № 2: искажение информации, поданной в игровом формате. Информация, «завернутая» в игру / тест, не раскрывает все детали, нюансы, необходимые для понимания сути события. Кроме того, у читателя возникает ощущение манипуляции с информацией, которая приводит к искаженным результатам игры / теста. Отсюда складывается недоверие к игровым форматам в журналистике. На фоне того, что в последние годы уровень доверия к журналистам стабильно низкий, можно сделать предположение, что заигрывание с молодежной аудиторией игровыми форматами может усугубить ситуацию.

Риск № 3: низкое качество исполнения. Именно качество реализации игровых продуктов вызывает наиболее негативные эмоции. Представители поколения цифровой молодежи привыкли к тому, что игра – это много-миллионные бюджеты, безупречный дизайн, захватывающий геймплей. Для них игра в журналистском исполнении выглядит «кустарной» и «ужасной», а тесты – «длинными и скучными».

Риск № 4: неприятие использования интерактивных приемов в журналистике. Для части аудитории интерактивный формат неприемлем, так как СМИ и в большей степени блогеры этот формат дискредитировали постоянным и некачественным использованием. Интерактивные проекты в результате не выполняют ни развлекательную функцию, ни функцию информирования, а поэтому «КПД [от интерактива] минимальный». Кроме того, серфинговое чтение (таким термином обозначают присущий этому поколению способ читать текст поверхностно, скользить по тексту, не вчитываясь) отнимает меньше времени, тогда как «интерактив занимает больше времени, это раздражает».

Приведенные примеры высказываний респондентов свидетельствуют, что интерактивный формат в журналистском исполнении вызывает яростное неприятие у части молодежной аудитории. Выявление негативных факторов восприятия игровых форматов представляется чрезвычайно важным в данный период, когда СМИ только учатся использовать игровую подачу контента.

Одной из причин, по которым медиаорганизации стали экспериментировать с игровым форматом, является надежда стать заметнее для аудитории в перенасыщенном современном информационном пространстве. Респондентам был задан вопрос: «Помните ли вы названия тех медиа, с игровыми форматами которых вы сталкивались, например, в последние три месяца?» Оказалось, что молодежная аудитория в большинстве своем не запоминает, не выделяет для себя медиа, которые создают игровой тип контента (58,4%). Только 17,4% опрошенных запомнили название издания.

Следующий, не менее значимый для медиаорганизаций вопрос: происходит ли повышение лояльности к медиаорганизациям в связи с использованием ими игрового контента? На вопрос «Меняет ли нестандартный, игровой способ рассказывать истории что-то в вашем отношении к медиа?» однозначный ответ «Да, меняет» выбрали 13,2% респондентов, «Нет, не меняет» ответили 9,5%. Число тех, кто считает, что «Скорее меняет», также оказалось больше выбравших ответ «Скорее не меняет» (30,8 и 24,5% соответственно). Исследователи Лейпцигского университета, изучавшие отношение аудитории к цифровым играм в журналистике, именно играм, пришли к иному выводу. Они полагают, что лояльности к медиаорганизациям-новаторам не возникает [18. Р. 15].

Нам представляется, что данные о невысоком уровне запоминаемости медиа, с игровыми форматами которых соприкасались респонденты (17,4%), и при этом довольно большой процент тех, для кого эксперименты с интерактивным контентом меняют взгляд на медиаорганизацию (напомним,

«Да, меняет» – 13,2%, «Скорее меняет» – 30,8%), можно интерпретировать следующим образом. В лавинообразном потоке информации, которую мы ежедневно потребляем, очень сложно запомнить контент случайно попавшихся в поле зрения читателя медиа. Зато если медиа уже удалось выделиться для читателя, стать для него приоритетным, то игровой контент будет работать на формирование прочной эмоциональной связи, лояльности.

В рамках данного исследования нам показалось целесообразным выявить отношение молодежной аудитории к игровому брендированному контенту, поскольку зачастую именно бренды, вынужденные искать способы выделиться в нарастающем информационном шуме, подталкивают медиаорганизации на освоение нестандартных форматов контента. Они обращаются к медиа с запросом на создание инновационных игровых механик и оплачивают кастомную разработку (уникальное ИТ-решение, которое предлагается под задачи заказчика). Если аудитория положительно воспринимает проект, медиаорганизация впоследствии встраивает разработку в административную панель управления веб-сайтом, и новая механика становится стандартной для редакции.

Применение брендами игровых механик (табл. 6) высоко оценила большая часть опрошенных: 21,8% относятся к нему положительно, 37,1% – скорее положительно.

Таблица 6

Отношение к игровым форматам брендированного контента (N = 380)

Как вы относитесь к игровому контенту брендов?	Количество, чел.	Процентное соотношение
Скорее положительно	141	37,1
Положительно	83	21,8
Затрудняюсь ответить	82	21,6
Скорее отрицательно	32	8,4
Нет ответа	26	6,8
Отрицательно	16	4,2
Всего	380	100

Далее был задан вопрос «Какие достоинства брендов, создающих игровой контент, вы могли бы отметить?». Участники исследования оценили усилия брендов по созданию игровых форматов следующим образом: наибольшее количество респондентов выбрало варианты «Бренд делает для меня что-то нестандартное» и «Это помогает лучше понять бренд, его продукцию» (по 36,8%). Поколение, в котором каждый чувствует себя уникальным и исключительным [19], любит, когда бренды делают нечто особенное, выходящее за рамки обычных статей, предлагают получить уникальный опыт. Выбор формата игровой коммуникации помогает не только лучше познакомиться с брендом, но «повышает лояльность» и «заряжает положительными эмоциями» (эти варианты ответа выбрали по 10,3% респондентов). Как раз именно формирование эмоциональной связи

с потребителем оказывается первостепенной задачей, поскольку молодое поколение куда меньше, чем их родители, подвержено магии брендов и с легкостью переходит от одного бренда к другому.

Бренды с развитием цифровых технологий получили возможность выстраивать прямую коммуникацию со своей аудиторией, в которой, конечно, отводится значительное место интерактивным и в том числе игровым проектам. Но бренды также продолжают нуждаться в аудитории крупных СМИ. Приходя на площадки медиаорганизаций, бренды требуют особенного контента, который удивит аудиторию, вызовет у нее положительные эмоции, заставит взаимодействовать с контентом, а значит, и с брендом, более продолжительное время, чем со стандартной статьей. Важно помнить, что разработка уникальных игровых проектов стоит дорого, не менее миллиона рублей. Финансовые возможности крупных рекламодателей несопоставимы с возможностями медиа: последние не могут себе позволить таких вложений в контентные эксперименты. Таким образом, можно сделать вывод, что бренды оказываются настоящими драйверами опытов медиаорганизаций по созданию пока еще довольно необычного для российской медиаиндустрии игрового контента.

Заключение

В рамках данного исследования предпринята попытка оценить уровень интереса «цифровой молодежи» к игровой коммуникации, определить, какое место занимают игровые форматы контента в медийных практиках нового поколения потребителей медиапродукции, и стоит ли медиакомпаниям наращивать экспертизу в этом способе рассказывать истории.

Как показало исследование, компьютерные игры являются важной частью жизни большинства представителей изучаемой возрастной категории. «Цифровая молодежь» привыкла к игровым механикам, опыт потребления видеоигр переносится и на потребление журналистского контента, созданного с применением игровых механик. Подавляющее большинство респондентов (73,9%) знакомы с игровыми форматами. Большая часть опрошенной «цифровой молодежи» положительно оценивает создание журналистами игровых материалов, высказывает свою заинтересованность в этом типе контента.

Ключевой потребностью, удовлетворяемой посредством игровых форматов контента, является развлекательная. Фактически цифровое медиапространство стало доминирующим культурным пространством для молодежи, местом досугового времяпрепровождения, гораздо более популярным, чем кинотеатры, концерты или клубы. Одним из основных мотивов пользования Интернетом и социальными сетями является удовлетворение рекреационной потребности. Респонденты свидетельствовали, что интересуются игровыми форматами контента для удовлетворения потребностей в удовольствии, отдыхе, получении положительных эмоций, для того чтобы занять свой досуг, для эстетического удовольствия.

Выявлено, что игровой формат, применяемый в журналистике, помогает удержать внимание молодежной аудитории на контенте, оказывается благоприятным для понимания сути явлений, раскрываемых в игровой форме. Выделяется этот тип контента в сознании молодежной аудитории за счет интерактивности, эмоционального вовлечения и персонализации. Игровой контент всегда предполагает эмоциональную связь, а эмоции – определяющий фактор для этой аудитории. Кроме того, молодежь не мыслит Интернета без индивидуального подхода, без четкого понимания интересов и желаний молодого пользователя, т.е. без персонализации контента. Таким образом, медиаорганизациям удается и сфокусировать внимание на игровых форматах и создать эмоциональную связь с данным типом контента.

Важно отметить, что часть аудитории крайне негативно оценивает эксперименты медиа с игровыми форматами, так как полагает, что контент, обличенный в игровую форму, становится более примитивным и упрощенным, смысл теряется в угоду модной форме, уровень усвоения информации невысок. Негативное отношение также связано с низким качеством игровых материалов, отмечают респонденты. Медиаорганизациям необходимо помнить о рисках (в работе выделено четыре риска для производителей контента) и тщательно подходить к созданию игровых форматов.

В исследовании был констатирован очень низкий уровень запоминаемости медиаорганизаций, создающих игровой контент. Но при этом, если респондент хорошо знаком с медиакомпанией, уровень лояльности к ней за счет производства игровых форматов повышается. Респонденты ценят усилия медиа по созданию нестандартного, вовлекающего контента.

Также респонденты положительно относятся к стремлению брендов создавать игровые проекты: такой способ рассказать о бренде воспринимается как нескучный и выделяющий бренд из потока однотипной рекламы. Чтобы действительно выделяться, бренды требуют от медиаорганизаций уникальных решений и, по сути, выступают в роли локомотива по разработке новых игровых механик, применяемых в журналистике.

По итогам исследования сделан вывод, что ценность контента для современной молодежи определяется не традиционными стандартами журналистики (оперативностью, точностью передачи фактов и т.д.). Для «цифровой молодежи» важнее другое: вызывает ли данный контент эмоции. То есть решающим фактором медиапотребления становится «скучно–нескучно». Игровые форматы «цифровая молодежь» оценивает как нескучные. Это достаточно весомый повод для того, чтобы медиакомпании стали рассматривать игровые форматы как значимый элемент своих контентных стратегий.

Список источников

1. Паранько С., Сидорова О. Интернет-журналистика: адаптация к меняющейся реальности: интервью с Алексеем Пономарем // Медиапроекты. 2016. URL: <http://project88493.tilda.ws/page891720.html>

2. Люсин Д.В. Влияние эмоций на внимание: анализ современных исследований // Когнитивная психология: феномены и проблемы. М. : ЛЕНАД, 2014. С. 146–160.
3. Derryberry D., Tucker D.M. Motivating the focus of attention // The heart's eye: Emotional influences in perception and attention. San Diego, CA : Academic Press, 1994. P. 167–196.
4. Fredrickson B.L. What good are positive emotions? // Review of General Psychology. 1998. № 2 (3). P. 300–319.
5. Салихова Е.А. Специфика потребления российской молодежью геймифицированного контента // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2615>. doi: 10.30547/mediascope.1.2020.9
6. Салихова Е.А. Игровой контент в медийной практике учащихся // Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д.В. Дунаса. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 182–196.
7. Thompson C. Saving the World, One Video Game at a Time // The New York Times. 2006. URL: <https://www.nytimes.com/2006/07/23/arts/23thom.html>
8. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М. : Азбука, 2019. 400 с.
9. Видеоигры: введение в исследования / отв. ред. Е.В. Галанина. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2018. 396 с.
10. Chalaby J.K. Journalism studies in an era of transition in public communications // Journalism. Theory, practice and criticism / ed. by M. Bromley, H. Tumbler, B. Zelizer. 2000. № 1. P. 33–39. URL: https://www.researchgate.net/publication/249689819_Journalism_studies_in_an_era_of_transition_in_public.communications
11. Крашенинникова М.А., Зацепилина Ю.А. Игровые форматы в современных зарубежных онлайн-СМИ // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2577>
12. Савицкий В.А. Игровая технология в современных средствах массовой коммуникации // Медиаскоп. 2010. Вып. 2. URL: <http://mediascope.ru/игровая-технология-в-современных-средствах-массовой-коммуникации>
13. Plewe C., Fürsich E. Are Newsgames Better Journalism? // Journalism Studies. 2017. № 19 (16). P. 2470–2487. doi: 10.1080/1461670X.2017.1351884
14. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д.В. Дунаса. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. 406 с.
15. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Филаткина Г.С. Мотивы медиапотребления учащейся молодежи: результаты опроса в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. doi: 10.17223/19986645/67/15
16. Твенге Д. Поколение I. М. : Рипол классик / Панглосс, 2019. 464 с.
17. Salikhova E.A., Vyugina D.A. Emotions as Key to Russian GenZs' Consumption of Political News // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. № 15 (2). P. 32–52. doi: 10.11621/pir.2022.0203
18. Wolf C., Godulla A. Newsgames in Journalism. Exploitation of Potential and Assessment by Recipients // Journalism Research. 2018. Vol. 1 (2). URL: <https://journalistik.online/en.edition-02-2018/newsgames-in-journalism/>
19. Сбербанк. 30 фактов о современной молодежи. URL: https://adindex.ru/files2/news/2017_03/158487_youth_presentation.pdf

References

1. Paran'ko, S. & Sidorova, O. (2016) *Internet-zhurnalista: adaptatsiya k menyayushcheysha real'nosti* [Internet journalism: adaptation to the changing reality]. [Online] Available from: <http://project88493.tilda.ws/page891720.html>.
2. Lyusin, D.V. (2014) Vliyanie emotsiy na vnimaniye: analiz sovremennykh issledovaniy [The influence of emotions on attention: an analysis of modern research]. In: Vladimirov,

- I.Yu. et al. (eds) *Kognitivnaya psikhologiya: fenomeny i problem* [Cognitive Psychology: Phenomena and Problems]. Moscow: LENAD. pp. 146–160.
3. Derryberry, D. & Tucker, D.M. (1994) Motivating the focus of attention. In: Niedenthal, P.M. & Kitayama, S. (eds) *The heart's eye: Emotional influences in perception and attention*. San Diego, CA: Academic Press. pp. 167–196.
4. Fredrickson, B.L. (1998) What good are positive emotions? *Review of General Psychology*. 2 (3). pp. 300–319.
5. Salikhova, E.A. (2020) Spetsifika potrebleniya rossiyskoy molodezh'yu geymifitsirovannogo kontenta [The specificity of the consumption of gamified content by Russian youth]. *Mediaskop*. 1. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2615>. doi: 10.30547/mediascope.1.2020.9
6. Salikhova, E.A. (2021) Igrovoy kontent v mediynoy praktike uchashchikhsya [Game content in the media practice of students]. In: Dunas, D.V. (ed.) *Mediapotreblenie "tsifrovoy molodezhi" v Rossii* [Media Consumption of “Digital Youth” in Russia]. Moscow: Moscow State University. pp. 182–196.
7. Thompson, C. (2006) Saving the world, one video game at a time. *The New York Times*. 23 July. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2006/07/23/arts/23thom.html>
8. Kheyzinga, Y. (2019) *Homo ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo Ludens. The person playing]. Moscow: Azbuka.
9. Galanina, E.V. (ed.) (2018) *Videoigry: vvedenie v issledovaniya* [Video Games: An introduction to research]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Chalaby, J.K. (2000) Journalism studies in an era of transition in public communications. In: Bromley, M., Tumbler, H. & Zelizer, B. (eds) *Journalism. Theory, practice and criticism*. 1. pp. 35. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/249689819_Journalism_studies_in_an_era_of_transition_in_public.communications
11. Krasheninnikova, M.A. & Zatsepilina, Yu.A. (2019) Igrovye formaty v sovremennykh zarubezhnykh onlays-SMI [Game formats in modern foreign online media]. *Mediaskop*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2577>
12. Savitskiy, V.A. (2010) Igrovaya tekhnologiya v sovremennykh sredstvakh massovoy kommunikatsii [Game technology in modern mass media]. *Mediaskop*. 2. [Online] Available from: <http://mediascope.ru/igrovaya-tehnologiya-v-sovremennykh-sredstvakh-massovoy-kommunikatsii>
13. Plewe, C. & Fürsich, E. (2017) Are newsgames better journalism? *Journalism Studies*. 19 (16). pp. 2470–2487. doi: 10.1080/1461670X.2017.1351884
14. Dunas, D.V. (ed.) (2021) *Mediapotreblenie "tsifrovoy molodezhi" v Rossii* [Media Consumption of “Digital Youth” in Russia]. Moscow: Moscow State University.
15. Dunas, D.V. et al. (2020) Media Consumption by Studying Youth: Results of a Survey in Moscow, Nizhny Novgorod and Rostov-On-Don. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 276–302. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/15
16. Twenge, J. (2019) *Pokolenie I* [iGen]. Translated from English. Moscow: Ripol klassik / Pangloss.
17. Salikhova, E.A. & Vyugina, D.A. (2022) Emotions as Key to Russian GenZs’ Consumption of Political News. *Psychology in Russia: State of the Art*. 15 (2). pp. 32–52. doi: 10.11621/pir.2022.0203
18. Wolf, C. & Godulla, A. (2018) Newsgames in Journalism. Exploitation of Potential and Assessment by Recipients. *Journalism Research*. 2 (1). [Online] Available from: <https://journalistik.online/en/edition-02-2018/newsgames-in-journalism/>
19. Sberbank. (2017) *30 faktov o sovremennoy molodezhi* [30 facts about today's youth]. [Online] Available from: https://adindex.ru/files2/news/2017_03/158487_youth_presentation.pdf

Информация об авторе:

Салихова Е.А. – преподаватель кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: salikhova.msu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Salikhova, lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: salikhova.msu@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2023; принятая к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 12.01.2023;
approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 07.06.2023.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 81'42 : 316.472.4
doi: 10.17223/19986645/83/14

Рецензия на книгу:
**Социальные сети: комплексный
лингвистический анализ: в 2 т.: монография /
под науч. ред. Н.Д. Голева, отв. ред. Л.Г. Ким.
Кемерово, 2021**

Наталья Александровна Мишанкина¹

¹ Томский политехнический университет, Томск, Россия;
Томский государственный университет, Томск, Россия,
tma@tpu.ru

Аннотация. В рецензируемой монографии представлены результаты междисциплинарного исследования нового коммуникативного пространства – социальных сетей – в лингвокогнитивном, дискурсивном, лингвоперсонологическом, лингвоконфликтологическом и лингводидактическом аспектах. Рассматриваются как общие, так и частные аспекты речевого поведения пользователей социальных сетей, аксиологическая и рефлексивная составляющие, жанровая специфика текстов, лингводидактический потенциал. Для филологов, философов, социологов, политологов, культурологов, специалистов в сфере медиа и интернет-коммуникации.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, социальные сети, речевое поведение, жанр, лингвокогнитивный, дискурсивный, лингвоперсонологический, лингвоконфликтологический, лингводидактический аспекты

Для цитирования: Мишанкина Н.А. Рецензия на книгу: Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: в 2 т.: монография / под науч. ред. Н.Д. Голева, отв. ред. Л.Г. Ким. Кемерово, 2021 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 279–289. doi: 10.17223/19986645/83/14

Review

doi: 10.17223/19986645/83/14

Book review: Golev, N.D. (ed.) (2021) *Sotsial'nye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz* [Social networks: Complex linguistic analysis]. Kemerovo: Kemerovo State University

Natalia A. Mishankina¹

¹ Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation;
Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
mna@tpu.ru

Abstract. The monograph presents the results of an interdisciplinary study of a new communicative space – social networks in linguo-cognitive, discursive, linguo-personal, linguo-conflictological and linguo-didactic aspects. The book considers both general and specific aspects of the speech behavior of social network users, the axiological and reflexive components, the genre specificity of texts, and linguo-didactic potential. The book is intended for philologists, philosophers, sociologists, political scientists, culturologists, specialists in the field of media and Internet communication.

Keywords: interdisciplinary research; social networks; speech behavior; genre; linguocognitive, discursive, linguopersonological, linguoconflictological, linguodidactic aspects

For citation: Mishankina, N.A. (2023) Book review: Golev, N.D. (ed.) (2021) *Sotsial'nye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz* [Social networks: Complex linguistic analysis]. Kemerovo: Kemerovo State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 279–289. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/14

Общение в социальных сетях – явление не новое: первые сетевые технологии, объединяющие пользователей в сообщества, реализованные затем в открытых сетевых ресурсах Classmates.com (1995) и Livejournal (1999), появились более 20 лет назад [1, 2]. Но, несмотря на активнейшее их развитие и вовлеченность значительной части населения всего мира, исследование этой новой формы коммуникативных взаимодействий началось сравнительно недавно. В работах исследователей-гуманитариев, размещенных на портале eLibrary.Ru, до 2007 г. термин «социальные сети» использовался исключительно в значении, представленном в работе Д. Барнса для обозначения системы коммуникативных взаимодействий в той или иной социальной структуре [2]. В этой связи с уверенностью можно утверждать, что изучение социальных сетей как нового коммуникативного феномена – насущная задача, стоящая перед всеми гуманитарными науками и, конечно, перед лингвистами.

Значительный вклад в ее решение сделали ученые Кемеровского государственного университета, опубликовав двухтомную монографию «Социальные сети: комплексный лингвистический анализ» под редакцией профессора Н.Д. Голева. Без тени сомнения можно говорить о том, что уни-

кальное издание, вышедшее из печати в 2021 г., – это фундаментальный труд, в котором отражены результаты работы лингвистов разных регионов России, изучивших самые разные аспекты этого сложного явления. Социальные сети как новое пространство общения кардинально преобразили картину коммуникативных процессов современного общества и продолжают оказывать значительное влияние на все социальные процессы. Именно поэтому они привлекают внимание ученых разных гуманитарных направлений и вызывают искренний исследовательский интерес лингвистов.

Монография отражает широкий спектр подходов к изучению новых форм коммуникации. В поле исследовательского внимания попадают когнитивные и дискурсивные механизмы коммуникации, новые жанры и тексты, функционирующие в этом пространстве. Лингвисты изучили социальные портреты пользователей, различные нюансы их поведения, возможности применения социальных сетей в преподавании языка.

Ученые Кемеровского государственного университета собрали замечательный авторский коллектив, включающий исследователей из университетов всей страны от Сибири до Санкт-Петербурга. Такое объединение создало предпосылки для действительно всестороннего осмыслиения этого социального феномена, позволило показать широкую палитру исследовательских мнений и соотнести результаты разных научных проектов. Монографию предваряет предисловие главного редактора, профессора Н.Д. Голева, – «Социальные сети как актуальный объект междисциплинарного научного изучения», где представлен широкий анализ существующих на данном этапе подходов к анализу социальных сетей. Н.Д. Голев отмечает: «Социальные сети, с одной стороны, отражают ментальное состояние общества, а с другой стороны, являются инструментом его формирования, как стихийного, так и целенаправленного» (с. 5).

Концепция авторов очевидно проявлена в структуре монографического издания: первый том монографии представляет исследование общетеоретических аспектов коммуникации в социальных сетях, ведущим из которых является когнитивно-дискурсивный – наиболее широкий на настоящий момент исследовательский подход.

Научная рефлексия сетевой коммуникации как явления, требующего междисциплинарного подхода, получила отражение в первой главе, посвященной общим вопросам лингвистического изучения коммуникации в социальных сетях.

В разделе «Сетевая коммуникация как предмет изучения нескольких феноменов» (А.Б. Бушуев) взаимодействие в социальных сетях рассматривается как сложное социопсихологическое образование, которое позволяет наблюдать процессы, происходящие в современном обществе на уровне межличностной и массовой коммуникации и показывает действительные ценностные приоритеты современного социума, весьма далекие от культурных, духовных идеалов и языковых образцов. При этом зачастую проявляются далеко не лучшие качества «сетевой личности»: «В сети пришел прежде всего агрессивный юзер, и для него это средство промотирования своего

контента, коммуникации для бизнеса, актуальной политической мобилизации, усвоения маргинальных дискурсов и буллинга», – отмечает автор (с. 27).

М.Б. Ворошилова, В.Б. Строганов, рассуждая о возможностях системы Web 3.0, позволяющей каждому пользователю формировать импонирующий ему тип коммуникации в силу ризоморфной организации сетевого пространства, говорят о целом ряде проблем, связанных как с возможностями манипулирования информацией, порождением фейковых структур, так и с действием общих социальных законов: формированием внутригрупповых иерархий, социальным давлением и, соответственно, противостоянием ему, формированием социальной оппозиции. Ситуацию в сетевых сообществах, по мнению авторов, усугубляет проблема сохранения личной информации. Таким образом, в главе обозначены как общие тенденции развития сетевой коммуникации, так и целый ряд сложных, конфликтогенных параметров, требующих исследовательского внимания.

Вторая глава этого тома обобщает результаты исследования лингвокогнитивных и дискурсивных аспектов коммуникации в социальных сетях. Открывает ее рецензия профессора М. Дебрен на книгу Мари-Анн Паво «Анализ цифрового дискурса» (2017). Книга М.А. Паво в энциклопедическом формате представляет наиболее значимые, по мнению автора, концепты нативного цифрового дискурса (с. 43).

М.А. Паво высказывает идею о принципиальной рефлексивности интернет-пространства: «Все, что в нем появляется, становится объектом междискурса» (с. 50), – получающую затем развитие в разделах «Метакоммуникация в социальных сетях» (Т.В. Шмелева) и «Культурноречевая рефлексия в сетевом пространстве» (В.Д. Черняк). Авторы сосредоточивают внимание на лингвистической рефлексии наивного носителя языка и, так как эта рефлексия связана в первую очередь с появлением новых языковых единиц, языковой нормой и лингвокреативностью, делают вполне закономерный вывод: именно сетевое пространство дает лингвистам возможность непосредственно наблюдать проявление языкового сознания, особенно в радикальных суждениях о норме «наивного» коммуниканта.

В целом рефлексивность интернет-дискурса тесно связана с понятием нормы и ценности. Аксиологическая рефлексия не менее значима в этом пространстве, поэтому презентация ценностных доминант в текстах участников сетевого взаимодействия вызывает искренний интерес исследователей самых разных научных областей. Она становится объектом описания в разделе «Языковая презентация ценностных доминант в социальных сетях», подготовленном С.В. Ильясовой и М.Н. Ляшевой. На основе анализа текстов, публикуемых в молодежных сообществах, авторы отмечают стремительную трансформацию аксиологической системы русской национальной культуры, проявляющуюся в том, что «традиционные ценности превращаются в антиценности» (с. 70).

Одним из активных способов выражения оценки в языке выступает концептуальная метафора. В разделе «Метафоризация предметной области «социальные сети» в русскоязычных и англоязычных массмедиа (лингво-

культурологический аспект)» (О.В. Валько, О.Н. Кондратьева) представлены результаты исследования когнитивных метафор, отражающих такую оценку в отношении социальных сетей. К каким заключениям приходят авторы? Во-первых, социальные сети идентифицируются с сетью Интернет в целом. Во-вторых, часто русскоязычная метафора представляет собой кальку соответствующих англоязычных терминов. Вместе с тем некоторые заимствованные модели оказываются невостребованными, и это показывает избирательность, связанную со степенью соответствия исходной заимствованной модели аксиологической системе русской лингвокультуры. Репертуар русских метафор более разнообразен, при этом они чаще транслируют негативную оценку.

Новые методы анализа дискурса социальных сетей – одно из актуальных направлений современных лингвистических исследований. В разделе «Способы вербализации эмоций в социальных сетях: корпусный анализ», подготовленном А.В. Колмогоровой, представлены результаты автоматизированного анализа специфики отражения эмоциональных переживаний в жанровом пространстве текстов интернет-откровений в группе «Подслушано» с применением корпусного инструментария. Корпусный подход позволил автору сделать целый ряд ценных наблюдений, связанных с вектором переживания эмоций (субъективные / социально ориентированные), телесными ощущениями как источником эмоциональных состояний, местом эмоции в концептуальной иерархии прототипической категории ЧЕЛОВЕК, культурными аллюзиями переживаемых эмоций. Автор делает несколько парадоксальное, но вполне аргументированное заключение: «...постулируемая создателями паблика “Подслушано” свобода выражения эмоциональных переживаний на практике оказалась мифом: способы номинации, описания, экспликации и контекстной актуализации эмоций в текстах интернет-откровений демонстрируют зависимость как от социальных предпочтений и табу, трендов сетевого поведения, типичных стратегий интернет-мышления, так и от тех системных отношений, которыми обладает язык» (с. 107). Полагаем, что этот вывод раскрывает природу социальных сетей, глубинным основанием которых выступает вполне традиционная социальность. Интернет-сети, реализованные в киберпространстве на основе новых технологий, лишь проявляют эти глубинные основания, эксплицируя их для исследователей.

Формам реализации отдельных дискурсов в социальных сетях посвящены разделы «Актуальные вопросы изучения электронного новостного дискурса с лингвистических позиций» (В.А. Каменева, Н.В. Потапова), «Обыденный юридический дискурс и процессы деюридизации правовых терминов в социальных сетях Рунета: коммуникативный и когнитивный аспекты» (Н.Д. Голев, А.В. Иркова). «Секстинг: правовой статус, экспертная практика и особенности нарратива» (О.В. Зайцева, П.А. Катышев).

Решая проблему детерминологизации юридической лексики в речи пользователей социальных сетей, Н.Д. Голев и А.В. Иркова приходят к выводу, что понятия юридического дискурса сложно и неоднозначно

преломляются в речи непрофессионала, одновременно утрачивая терминологическую сложность и расширяя свое семантическое поле за счет тесной связи с семантикой единиц общенационального языка. Коммуникация пользователей социальных сетей отражает запрос на понимание семантики юридических терминов.

О.В. Зайцева и П.А. Катышев анализируют явление, «выведенное» за рамки легитимных форм социального взаимодействия. Однако социально-биологическую природу человека нельзя отменить ни личным заявлением, ни декретом правительства, она, как вода, всегда найдет выход, что показывают редкие и поэтому особенно интересные попытки ее описания [3]. Интернет-коммуникации дают возможность «проявиться» этой «сумеречной» части культуры. Авторы убедительно показывают, что секстинг представляет собой сложный культурный и социальный феномен, который реализуется в особых формах коммуникации, связанных с языковой репрезентацией сексуальности. По мнению авторов, отказ от изучения форм подобного взаимодействия приводит к проблемам правовой квалификации и маргинализации этой коммуникативной практики (с. 182).

Таким образом, обращение к реальным формам коммуникации в социальных сетях с использованием различных методов и приемов лингвистического анализа позволяет обнаружить самые разнообразные и зачастую скрываемые культурой формы рефлексии, аксиологические смыслы, стереотипы мышления и поведения, формы (а-)социальности, тем самым решая главную задачу гуманитарных наук – изучение человека и человечества.

В третьей главе этого же тома представлены исследовательские проекты, посвященные жанровым формам, функционирующими в социальных сетях. Открывает главу раздел «Интернет-жанр и формат общения в социальной компьютерной сети» (Т.А. Алтухова), представляющий основные факторы (технический, технологический и собственно лингвистический), определяющие иерархию и функционирование уже существующих жанров в новом коммуникативном пространстве, а также специфику формирования новых.

Последующие разделы посвящены отдельным жанровым образованиям личностных и институциональных форм коммуникации. Основная форма речи в социальных сетях – письменная, поэтому эта область коммуникации открывает большие перспективы для исследователей естественной письменной речи. В фокус внимания попадают как жанры неофициального общения («Приемы создания юмористических креолизованных текстов интернет-сообщества “Принцессы лалки”» (В.В. Бульдяева, С.В. Оленев), «Интернет-дневник в аспекте вариантологической модели речевого жанра» (Т.Г. Рабенко)), так и формы взаимодействия рядовых носителей языка с властными структурами («Интернет-обращение в органы государственной власти как текст естественной письменной речи» (Е.Н. Губина, Я.А. Дударева)).

Лингвокреативная деятельность пользователей сообщества «Принцессы лалки» базируется на возможностях оперирования полисемиотическими средствами и осуществляется «за счет реализации механизмов комическо-

го, которые включают в себя последовательное использование приемов языковой игры на каждом уровне языка и создание уникального стиля, отраженного как в графической, так и в собственно вербальной знаковых системах» (с. 307).

В исследовании Т.Г. Рабенко рассматривается модификация жанра дневника в интернет-среде. Автор констатирует изменение коммуникативной цели и адресованности сетевого дневника, а также серьезную степень трансформации текста, приводящую к формированию новой структуры, имеющей гипержанровую природу. Вместе с тем вопрос о жанровой природе интернет-дневника остается открытым, что свидетельствует, вероятно, о неоконченных процессах становления этой жанровой формы.

Жанр интернет-обращения в органы государственной власти также претерпевает изменения: в его рамках происходит совмещение институциональных и личностных параметров коммуникации.

Выявленная тенденция гибридизации жанровых форм справедлива и для традиционных медийных жанров, что наглядно продемонстрировано в разделах «Подводки к новостному тексту СМИ в социальной сети: типы, прагматистическая специфика» (С.Г. Носовец) и «Трансформация жанрового канона кинорецензии в социальной сети YouTube» (Е.В. Чистова). С.Г. Носовец приходит к выводу, что представление новостного контента в социальных сетях подчиняется стратегии создания атмосферы неофициального общения. Более ориентированной на адресата, неофициальной и в то же время демонстрирующей большую свободу выражения автора становится и кинорецензия, представленная на канале YouTube. При этом некоторые жанры, такие как, например, политическая реклама, сохраняют устойчивую форму в разных языковых и культурных континуумах (Е.В. Евпак).

Во втором томе монографии представлены результаты исследований, более специализированных и прикладных. Первая глава этого тома посвящена исследованию лингвоперсонологического аспекта коммуникации в социальных сетях. В фокус исследовательского внимания попадают такие параметры, как возраст, принадлежность к определенной лингвокультуре и способы самопрезентации.

В разделах, подготовленных Л.О. Бутаковой, Е.Н. Гуц («“Возраст счастья” как тип коммуникации в социальной сети людей пожилого возраста и о них: комплексный лингвистический анализ») и Н.В. Орловой («Социально-речевой портрет подписчика коммерческого паблика: возрастная детерминанта»), исследуются различные аспекты коммуникации в социальных сетях людей пожилого возраста, способы адаптации адресата социального проекта «Возраст счастья» к возрастным изменениям, отношение авторов и адресатов постов к возрасту 50+, представлен речевой портрет такого пользователя. Авторы отмечают позитивные и негативные черты языковой личности этой возрастной группы. К позитивным отнесены включение в новые формы социальной активности, формирование нового стиля и отношения к собственному возрасту, мотивация к обучению, новая идентичность, к негативным – недостаточный уровень критического мыш-

ления. Исходя из них определяются возможности и риски, которые создают социальные сети для пользователя этой возрастной группы.

Поведение представителей другой возрастной группы – школьников и студентов – становится объектом изучения в работе Н.Д. Голева и А.В. Ирковой. Авторы выявляют особенности речевого поведения современного подростка на основе анкетирования и представляют лексический срез его речевого портрета.

Лингвоперсонологические аспекты самопрезентации коммуникантов в социальных сетях исследует Т.А. Алтухова в разделе «Автор и адресат в социальной компьютерной сети: лингвоперсонологические аспекты самопрезентации». На основе анализа аккаунтов пользователей социальной сети «ВКонтакте» выявлены типы адресантов «Репрезентант», «Релаксирующий», «Участник взаимодействия» и адресатов – «Сочувствующий друг», «Единомышленник» и «Оппонент», при этом как более «живой» и разнообразный моделируется образ адресанта. Выявленные типы вполне определенно свидетельствуют о том, что пространство социальных сетей – это пространство социальной презентации.

Лингвокультурологический аспект языковой личности рассматривается в разделе «Виртуальная языковая личность как отражение лингвокультуры народа (на примере казахстанских политических интернет-комментариев)» (С.Ж. Ергалиева, Н.В. Мельник). Исследователям удалось реконструировать национальную языковую личность носителя казахского языка через текст и установить, что «национальное начало языковой личности проявляется в том числе в интернет-комментариях. Это выделяет языковую личность казахстанских интернет-комментаторов среди других (с. 79).

Следующая глава второго тома посвящена различным аспектам конфликтного поведения в виртуальном пространстве. Автор первого раздела «Речевая агрессия в интернет-дискурсе: случай группы “Buceta rosa”» В.А. Ефремов рассматривает интернет-коммуникацию как фактор, провоцирующий агрессивное поведение и порождающий такое явление, как хейтерство. Это характерная «исключительно для (анонимной) среды Интернета форма межличностной и социальной ненависти, использующая любые средства: клевету, издевательства, провокации, лицемерие, унижение и другие» (с. 102). Так, анализируемое сообщество «Buceta rosa: Чемпионат мира 2018» ([URL: https://vk.com/buceta_rosa](https://vk.com/buceta_rosa)) – объединение виртуальное, но при этом составляющие его «холостые горожане молодого и среднего возраста» являются реальными людьми и демонстрируют свои культурные, социальные, психологические установки, реализуемые и в «реальной» реальности. Наблюдения о системе ценностей среднего современного россиянина, объединяющей «негативные этнические, гендерные, этические (моральные), религиозные стереотипы патриархального общества, которые отражают высокий уровень мизогинии, ксенофобии, исламофобии и других фобий и одновременно высокий уровень патриотизма и национализма» (с. 121), не внушают оптимизма. Результаты исследования убедительно показывают новые социально-культурные риски, связанные с усилением

агрессии за счет ее социальной поддержки, пусть и в виртуальном сообществе.

Более оптимистичная картина представлена в разделе «Факторы конфликтогенности коммуникации в социальной сети» (Г.С. Иваненко, Л.Г. Ким). Авторы отмечают, что хотя виртуальные параметры коммуникации и способствуют гиперболизации конфликтного поведения, это не повод отказываться от такой формы социального взаимодействия. Это лишь новый вызов для социума, задача которого – адаптироваться к новым коммуникативным условиям и выработать коммуникативные стратегии и тактики поведения, снижающего конфликтные риски.

Высказанная идея получает развитие в разделе «Речевые способы выхода из конфликта в спортивном паблике смешанных единоборств (к проблеме толерантности / интолерантности в социальных сетях)» (В.С. Нарчук, В.И. Тармаева). Авторы отмечают, что тактики оправдания, согласия, убеждения, переключения внимания, предложения, шутки и отсрочки разговора используются для завершения конфликтных ситуаций. Однако чаще всего применяется тактика завершения диалога, и ее эффективность напрямую связана с виртуальностью осуществления конфликта. Таким образом, параметры интернет-коммуникации, провоцирующие конфликтное поведение, одновременно могут выступить и инструментом его нейтрализации, так как конфликт не получает развития из-за отсутствия невербальных форм его реализации. Авторы делают аргументированный вывод о том, что участники исследуемого сообщества стремятся к позитивной коммуникации: «Коммуникативные тактики выхода из конфликтных ситуаций в социальных сетях носят в основном нормообразующий, а также мотивирующий характер» (с. 151). Представленные проекты показывают, что уровень конфликтности во многом зависит от самих коммуникантов, составляющих виртуальное сообщество.

Конфликтогенное речевое поведение рассматривается в разделах Н.Н. Шпильной, Е.В. Новгородовой и В.Н. Юхневич. Раздел «Стратегии речевой манипуляции в обыденном виртуальном дискурсе (на материале читательских интернет-комментариев)» посвящен анализу комментариев пользователей к публикациям на новостных порталах. Авторы определяют специфику исследуемой коммуникации, состоящую в непосредственной, открытой реакции на медийное событие. Вместе с тем, являясь экспрессивным речевым актом, интернет-комментарий способен породить конфликт, отвлекающий внимание от публикации, что приводит в итоге к необходимости жесткой модерации комментариев или полному отказу от обратной связи.

Фейковые новости в социальных сетях становятся объектом анализа в следующем разделе, и его автор делает справедливый вывод: «...фейки имеют разрушительный характер для общества, сеют панику, направляют общество на поиск ложных врагов, подстрекают к беспорядкам, обманывают потребителей, дестабилизируют аудиторию» (с. 164).

Еще один конфликтогенный фактор – вариативность репрезентации события в социальных сетях – исследуется В. Новгородовой и В.Н. Юхневич. Проведя анализ постов в популярных социальных сетях «ВКонтакте» и «Инстаграм»¹, авторы устанавливают, что множественность текстовых интерпретаций события становится плодородной почвой для конфликтов. «При этом конфликтная вариативная интерпретация составляет ядерную зону в процессе интернет-комментирования, что во многом обусловлено как большим конфликтным потенциалом политической тематики в целом, так и личностными особенностями коммуникантов» (с. 201).

Третья глава тома посвящена лингводидактическим аспектам коммуникации в социальных сетях и представлена проектами О.П. Сологуб «Общение в сетях в учебных целях (на примере онлайн-переписки)» и А.М. Тупиковой «Типологизация гиперссылок гипертекста социальной сети».

О.П. Сологуб изучает потенциал социальных сетей в аспекте формирования навыков диалогического общения при обучении русскому языку. Это коммуникативное пространство позволяет полноценно реализовать модель обучения, в которой процесс овладения языком обусловлен коммуникативными потребностями субъекта. Представленный проект, с одной стороны, позволил решить ряд дидактических задач, с другой – обозначил недостаточно отрефлексированные моменты в применении современных методик и технологий, а также необходимость создания банка заданий в соответствии с установками грамматики нового типа – дискурсивной грамматики (с. 221). А.М. Тупикова ставит своей целью типологизацию гиперссылок социальных сетей с точки зрения лингвистики гипертекста. Автор отмечает, что выявленные алгоритмы, эффективно работающие для ссылок педагогического, энциклопедического и других гипертекстов сети Интернет, лишь частично применимы для ссылок гипертекста социальной сети.

Завершая обзор представленной в монографии проблематики, отметим широкую междисциплинарность, отвечающую как вездесущности языка, так и многоаспектности объекта исследования, соотносимой с многообразием социальной жизни. Идея такого многофакторного анализа на основе лингвистических показателей, предложенная авторским коллективом, представляется очень плодотворной и перспективной. Нельзя не отметить высокий научный уровень исследовательских проектов, представленных в монографии, остроту поставленных перед лингвистическим сообществом проблем, дающих новый импульс для научного поиска.

В процессе написания текста рецензии мы узнали, что ученые КемГУ анонсировали третий том монографии. От всей души приветствуем следующий шаг и выражаем надежду, что он превратится в полноценное путешествие по миру социальных сетей. А пока искренне рекомендуем познакомиться с уже изученными фрагментами этого мира.

¹ Социальная сеть, в 2022 г. признанная экстремистской и запрещенная в России.

Список источников

1. Залужский В.В. Социальные сети как формат общения – альтернатива СМИ? // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 211–217.
2. Ефимов Е.Г. Социальные интернет-сети (методология и практика исследования). Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2015. 168 с.
3. Анти-мир русской культуры: язык, фольклор, литература : сб. ст. / сост. Н. Бого-молов. М. : Ладомир, 1996. 409 с. (Русская потаенная литература).

References

1. Zaluzhskiy, V.V. (2007) Sotsial'nye seti kak format obshcheniya – al'ternativa SMI? [Social networks as a format of communication – an alternative to the media?]. *Rossiya i sovremennoj mir*. 3 (56). pp. 211–217.
2. Efimov, E.G. (2015) *Sotsial'nye Internet-seti (metodologiya i praktika issledovaniya)* [Social Internet networks (research methodology and practice)]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
3. Bogomolov, N. (1996) *Anti-mir russkoj kul'tury: yazyk, fol'klor, literaturne* [Anti-world of Russian culture: language, folklore, literature]. Moscow: Ladamir.

Информация об авторе:

Мишанкина Н.А. – д-р филол. наук, профессор Отделения русского языка Томского политехнического университета, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета, профессор кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mna@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Mishankina, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 07.06.2023.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 07.06.2023.

Рецензия
УДК 82-3
doi: 10.17223/19986645/83/15

Новый подход к изучению послереволюционного творчества И.А. Бунина.

Рецензия на книгу: Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода: [монография] / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Литфакт, 2019. 340 с.: ил. (Академический Бунин; вып. 2)

Ильдиго Мария Рац¹

¹ Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия, ildiko@raczt.hu

Аннотация. Исследование посвящено монографии Евгения Пономарева, в которой представлен новый взгляд на творческий метод и поэтику первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина. Традиционное литературоведение причисляет Бунина к последним русским классикам, продолжателям традиций Тургенева, Толстого и Чехова. Автор монографии обращает внимание специалистов на необходимость серьезной переоценки эмигрантского периода в творчестве писателя, полного изменения взгляда на него. Книга адресована буниноведам, литературоведам, культурологам и всем, кого интересуют личность и послереволюционное творчество великого русского писателя.

Ключевые слова: И.А. Бунин, модернизм, интертекстуальность, текстология, эмиграция, подтекст, постмодернизм, житийная биография, Е.Р. Пономарев

Для цитирования: Рац И.М. Новый подход к изучению послереволюционного творчества И.А. Бунина. Рецензия на книгу: Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода: [монография] / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Литфакт, 2019. 340 с.: ил. (Академический Бунин; вып. 2) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 290–295. doi: 10.17223/19986645/83/15

Review

doi: 10.17223/19986645/83/15

A new approach to the study of the post-revolutionary art of Ivan Bunin

Ildikó Mária Rácz¹

¹ Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, ildiko@raczt.hu

Abstract. The study is dedicated to a monograph written by Evgeny Ponomarev, which puts the creative method and poetics of the first Russian Nobel Prize winner in literature, Ivan Alekseevich Bunin, in a new light. Traditional literary criticism ranks Bunin among the last Russian classics, successors of the traditions of Turgenev, Tolstoy and Chekhov. The author of the monograph draws the attention of specialists to the need for a serious reassessment of the emigrant period in the writer's art and a complete change in the view of it. A special merit of the monograph is the analysis of previously unpublished materials from the legacy of Bunin, stored in the Russian Archives in Leeds, as well as his filling in of the "blank spots" in the writer's biography of the emigrant era. In the literary works written by Bunin after 1920, Ponomarev sees the criticism of modernism (in particular, the avant-garde), and in intertextuality, mixing different types of texts, changing the angle of view and tonality, replacing history with rewriting and rethinking the text, the signs of postmodernism. The author examines Bunin's post-revolutionary art in the broader context of émigré Russian literature. The writer's artistic technique differs from his 19th-century predecessors in that the so-called "initial text" is an almost independent literary work, the quintessence of the "large text" that then appears. On the other hand, the published text cannot be considered as the final, complete form – it is only a potential, "intermediate text", with which repeated metamorphoses can occur during subsequent publications. In the course of textual analysis, the author demonstrates how postmodern principles are embodied in Bunin's prose written after 1920. As a sign of the postmodern text of *The Life of Arseniev*, Ponomarev points to the novel's artistic experiment character, intertextual features (*Chekhovian* and *Turgenevian* subtexts), as well as an almost hidden reference to the classical tradition. The author emphasizes that the strengthening of documentariness and the pursuit of fidelity to reality in the writer's art leads to the overcoming of modernism. One of the conclusions summarized in the last part is that Bunin's later works are not final, complete texts, they do not have sharply defined boundaries and a well-formed plot. The innovation of Bunin's creative method lies in the fact that he considers the "fragment" as an independent literary work. The "draft" is a genre typical of Bunin's prose, and in most cases there are no differences between published works and the so-called "intermediate texts". The book is addressed to Bunin scholars, literary critics, culturologists and anyone who is interested in the personality and post-revolutionary art of the great Russian writer.

Keywords: Ivan Bunin, modernism, intertextuality, textual criticism, emigration, subtext, postmodernism, hagiographic biography, Evgeny Ponomarev

For citation: Rácz, I.M. (2023) A new approach to the study of the post-revolutionary art of Ivan Bunin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 290–295. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/15

Монография Е.Р. Пономарева была опубликована в 2019 г. и стала увертюрой к череде юбилейных торжеств, посвященных 150-летию со дня рождения русского классика И.А. Бунина. Книга вышла в серии ИМЛИ РАН «Академический Бунин», став промежуточным итогом многолетней работы автора в области эдиционной практики и текстологии (И.А. Бунин. Новые материалы (2004–2014); Литературное наследство. Т. 110. 2019–2022). Особой заслугой монографии является анализ ранее не публиковавшихся материалов из наследия Бунина, хранящегося в Русском архиве в Лидсе, а также заполнение «белых пятен» в биографии писателя эмигрантского периода (Приложения). Принимая во внимание, что Бунин постоянно переписывал и совершенствовал свои произведения, тексты, приведенные в монографии, цитируются по последним прижизненным изданиям. «Такой подход, редкий для сегодняшних исследователей, целиком опирается на принцип последней авторской воли...» (с. 19). Произведения, увидевшие свет после смерти писателя, цитируются по рукописям или авторизованной машинописи Русского архива в Лидсе.

Имя Бунина мало знакомо венгерскому читателю несмотря на то, что его произведения начали выходить у нас еще в 1910-х гг. в венгерских переводах. Его творчество было высоко оценено такими выдающимися венгерскими художниками слова и участниками журнала «Ньюгат», как Дежё Костолани и Меныхерт Лендел. В литературных произведениях, написанных Бунином после 1920 г., Евгений Пономарев усматривает критику модернизма (в частности, авангарда), а в интертекстуальности, смешении различных типов текстов, смене угла зрения и тональности, замене истории на переписывание и переосмысление текста – и признаки постмодернизма.

Такой подход, несомненно, новаторский, и можно сказать, что он представляет собой смену парадигм в буниноведении, для которого проблематика реализма и модернизма (и здесь не говорим о постмодернизме) с самого начала является одним из самых дискуссионных вопросов. То, что Бунин отмежевывался от модернистских тенденций эпохи, – хорошо известный и часто упоминаемый факт в истории литературы. Уже в произведениях 1910-х гг. ощущается стремление Бунина осветить социальные или исторические проблемы эпохи с более высокой, универсальной позиции, а объектом его творчества становятся не «абстрактные идеи», но непосредственное чувствование бытия. Художественные направления эпохи представлялись писателю «поэтическими масками». В 1912 г. в одном из интервью он выразил убеждение в том, что его современники утратили непосредственный контакт с живой реальностью, а их искусство в результате этого погружается в разработку разнообразных эстетических теорий.

Название монографии – филологическая отсылка к исследованию В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916), посвященному литературоведом представителям нового течения в тогдашней литературе – акмеистам. Творческий запрос Бунина на «совершенство» (одна из характерных черт акмеизма) находит выражение в незавершенности, пластичности, податливости текстуры, ее готовности к совершенствованию. Несомненно, что для

позднего творчества писателя характерны мозаичность, богатство деталей и фрагментов; не считая свои произведения законченными, писатель оставил потомкам несколько «критических изданий». Ключевым моментом аргументации Пономарева является следующее: от предшественников XIX в. художественная техника писателя отличается тем, что так называемый «начальный текст» у него – почти самостоятельное литературное произведение, квинтэссенция возникающего затем «большого текста». С другой стороны, опубликованные тексты также не считаются окончательной, завершенной формой – это лишь потенциальный, «промежуточный текст», с которым при следующих публикациях могут произойти неоднократные метаморфозы. В такой технике написаны «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи», «Воспоминания» и незавершенный труд «О Чехове».

В первой из четырех тематических частей монографии (I. На пути к «Жизни Арсеньева») автор исследует послереволюционное творчество Бунина в широком литературном контексте русской эмигрантской прозы (Эмигрантские мифологемы, многоаспектность памяти и метафоризация мира). Сохранение культурного наследия прошлого в эмиграции становится центральным вопросом. «Литература же получает функции хранилища памяти о той России, которая в реальном мире потеряна навсегда» (с. 29). Бунин ищет новые нарративные формы для художественной передачи изменений экзистенциального и психологического состояния, характерными формами в позднем творчестве писателя становятся дневниковые записи и набросок.

В ходе текстологического анализа книги «Окаянные дни» автор монографии демонстрирует, как постмодернистские принципы воплощены в прозе Бунина, написанной после 1920 г. (Документальная проза и подлинное бытие). Общий замысел книги Бунина приобрела в процессе создания, в ходе первой публикации дневниковых записей (Возрождение, 1925). В этих текстах Бунин приводит ряд цитат, которые уже использовал в своих опубликованных в начале 1920-х гг. произведениях (по мнению Евгения Пономарева, это напоминает литературный прием С. Довлатова). Все это означает, что в «художественной лаборатории» Бунина один «мини-текст» может быть использован несколько раз с разнообразной коннотацией и указанием различных источников. Во второй, уже книжной редакции 1935 г. (издательство «Петрополис» издавало собрание сочинений Бунина в 11 томах) писатель значительно переработал текст: заменил документальную форму эпической, ввел хронологическую временную канву и сильно уплотнил повествование. Бунин продолжил работу над текстом и при подготовке к предполагавшемуся в 1953 г. переизданию, внеся стилистические поправки и расшифровав еще больше сокращений и кодов (РАЛ. MS. 1066/10176). В аналогичной технике была написана книга «Воспоминания», вышедшая в 1950 г., которая содержала записи, сделанные в период с 1920 по 1949 г., многие из которых были знакомы современникам по предыдущим публикациям («Воспоминания» о литераторах и случайных людях).

Интертекстуальный аспект романа «Жизнь Арсеньева», который по праву называют «энциклопедией» дореволюционной России, привлек вни-

мание литературных критиков лишь в последнее время (II. «Жизнь Арсеньева» как «история современника»). Изучив архивные материалы, автор монографии приходит к выводу, что многие начальные наброски к роману были написаны Бунином еще до революции, а некоторые его отрывки опубликованы в различных эмигрантских журналах до издания его целиком. Бунин не оставлял работы над материалом и после публикации романа, в дальнейшем планируя его переиздание. В качестве признака постмодернистского текста Евгений Пономарев указывает на художественно-экспериментальный характер романа, интертекстуальные черты (чеховские и тургеневские подтексты), а также почти скрытую ссылку к классической традиции. В дальнейшем из набросков ко второму, запланированному, но не написанному тому родился ряд рассказов сборника «Темные аллеи» (Интертекст «Темных аллей». Разрушение новеллы).

В эмигрантской литературе начала 1930-х гг. возникла устоявшаяся практика писать биографии выдающихся представителей русской культуры (П. Писатель-демиург и просто писатели). Инициатива принадлежала журналу «Современные записки». Мифопоетическую и жизнетворческую традицию русского модернизма продолжила житийная биография (термин впервые предложен Е.Р. Пономаревым в статье 2004 г. [1] и весьма популярен в литературоведении), художественным апогеем которой является книга Бунина «Освобождение Толстого»: биография становится священным текстом с элементами новых религиозных идей («Освобождение Толстого». Апогей житийной биографии). Автор подчеркивает, что усиление документальности и жизненности в творчестве Бунина ведет к преодолению модернизма.

В последней части монографии (IV. После «Жизни Арсеньева») делается вывод о том, что поздние произведения Бунина не являются окончательными, завершенными текстами, у них нет резко очерченных границ и оформленного сюжета. Новаторство творческого метода Бунина заключается в том, что «фрагмент» он рассматривает как самостоятельное литературное произведение (Краткие рассказы, наброски и второй том «Жизни Арсеньева»). «Набросок» является типичным для бунинской прозы жанром, и между опубликованными произведениями и так называемыми «промежуточными текстами» в большинстве случаев нет различий.

Несмотря на явное стремление отмежеваться, критики пытались увидеть в Бунине мастера современной прозы. Основания для этого в первую очередь давало часто цитируемое в критической литературе письмо, адресованное писателем И. Ржевскому: «...называть меня “реалистом” – значит или не знать меня, или ничего не понимать в моих крайне разнообразных писаниях в прозе и стихах. “Реалист Бунин” очень и очень приемлет многое, многое в подлинной символической мировой литературе» [2. С. 167]. Ю. Мальцев в своей монографии также рассматривает отношения между Бунином и русским модернизмом, прежде всего в связи тем, что на этот период приходится значительный этап творческого пути писателя. Своебразная философия и поэтика не позволяют причислить писателя к кругу

классических реалистов: «Даже традиционные на первый взгляд для реализма темы и жизненные ситуации решаются Буниным совершенно по-иному и очень своеобразно» [3. С. 100–101]. Лирические бессюжетные рассказы уже в самом начале творческого пути позволяют причислить Бунина к обновителям формального языка художественной прозы. Новый жанр Мальцев определяет как «фрагменты», сравнивая бунинские миниатюры со «стихотворениями в прозе» Тургенева, которые более фабульны.

Незавершенность и фрагментарность, определенные характерными чертами бунинской прозы, побудили автора монографии рассмотреть произведения писателя в более широком литературно-историческом контексте. Результаты текстологических исследований и инновативность методики, открывающие новые перспективы в филологических исследованиях эмигрантского периода в творчестве Нобелевского литературного лауреата, делают монографию Евгения Пономарева, без сомнения, новой вехой в истории мирового буниноведения.

Список источников

1. Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.
2. Проблемы реализма : сб. ст. / ред. В.В. Гура. Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. Вып. 7. 184 с.
3. Мальцев Ю. Иван Бунин (1870–1953). Франкфурт-на-Майне ; Москва : Посев, 1994. 432 с.

References

1. Ponomarev, E.R. (2004) Rossiya, rastvorennaya v vechnosti. Zhanr zhitiynoy biografii v literature russkoy emigratsii [Russia, dissolved in eternity. Genre of Hagiographic Biography in the Literature of the Russian Emigration]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 84–111.
2. Gur, V.V. (ed.) (1980) *Problemy realizma* [Problems of realism]. Vol. 7. Vologda: [s.n.].
3. Mal'tsev, Yu. (1994) *Ivan Bunin (1870–1953)*. Frankfurt am Main; Moscow: Posev. (In Russian).

Информация об авторе:

Рац Ильдико Мария – д-р филологии (PhD), Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия). E-mail: ildiko@raczt.hu

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dr. Rácz Ildikó Mária (PhD, MSc), Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary). E-mail: ildiko@raczt.hu

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022;
одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 07.06.2023.

*The article was submitted 08.08.2022;
approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 07.06.2023.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номерserialного издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2023. № 83

Редактор Т.В. Зелева

Редактор-переводчик В.В. Кашпур

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 20.06.2023 г. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$.

Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 24,1. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 5489.

Дата выхода в свет 06.07.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru